

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

Национальный
исследовательский

**Томский
государственный
университет**

УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ

Russian Journal of Criminal Law

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2022

№ 20

УГОЛОВНОЕ ПРАВО
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО
ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР
КРИМИНОЛОГИЯ
УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН
ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС-77 54545 от 21 июня 2013 г.
выдано Федеральной надзорной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Андреева О.И. – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Воронин О.В.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, ответственный секретарь (г. Томск); **Мариничева А.Ю.** – менеджер Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, технический секретарь (г. Томск); **Свиридов М.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член-корреспондент СО Академии наук высшей школы, действительный член Международной академии наук высшей школы, действительный член Академии социальных наук (г. Томск); **Уткин В.А.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, главный редактор (г. Томск); **Филимонов В.Д.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Шеслер А.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Азаров В.А. – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовного процесса и криминологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (г. Омск); **Андреева О.И.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Ахмедшин Р.Л.** – доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Барабаш А.С.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Сибирского федерального университета (г. Красноярск); **Ведерников Н.Т.** – доктор юридических наук, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (г. Москва); **Голык Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации (г. Москва); **Головкин Л.В.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва); **Гришко А.Я.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя (г. Москва); **Дерябин Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры организации раскрытия и расследования преступлений Омской академии МВД России (г. Омск); **Зинкин В.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии и уголовного процесса Кемеровского государственного университета (г. Кемерово); **Николюк В.В.** – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва); **Прозументов Л.М.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Самович Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России (г. Кемерово); **Свиридов М.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член-корреспондент СО Академии наук высшей школы, действительный член Международной академии наук высшей школы, действительный член Академии социальных наук (г. Томск); **Селиверстов В.И.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва); **Смолякова И.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса института государства и права Байкальского государственного университета (г. Иркутск); **Стойко Н.Г.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминологии Юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург); **Уткин В.А.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Филимонов В.Д.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Халиулин А.Г.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Москва); **Черненко Т.Г.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного права и криминологии Юридического института Кемеровского государственного университета (г. Кемерово); **Шеслер А.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

МИССИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Научно-практический журнал высшей школы России «Уголовная юстиция» призван служить объединению интеллектуального потенциала научных и практических работников в обсуждении и решении актуальных проблем уголовной политики, формирования и применения законодательства о борьбе с преступностью в современных социально-политических и экономических реалиях. Особое значение приобретают региональные особенности реализации уголовной политики. Специализированные журналы такого профиля существуют, но они издаются, как правило, ведомственными вузами и научными учреждениями. Своеобразие журнала – в его направленности на обсуждение актуальных проблем уголовной политики не только специалистами – ученых и практиков, но и компетентных представителей гражданского общества, правозащитников, представителей законодательных органов власти.

В международно-правовом аспекте термин «уголовная юстиция» охватывает все стадии противодействия преступности – от ее предупреждения до исполнения наказания, поэтому журнал охотно предоставляет возможность публикаций для представителей всех наук криминального цикла. Его издатели будут рады участию в нем специалистов иных отраслей юридического знания для комплексного обсуждения рассматриваемых проблем.

Журнал включен в Перечень научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции и издателя:

634050, РФ, г. Томск, проспект Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Юридический институт, редакция журнала «Уголовная юстиция». E-mail: crim.just@mail.ru

Сведения о журнале можно найти на сайте в сети Интернет: <http://journals.tsu.ru/crimjust/>

Электронную версию журнала «Уголовная юстиция» смотрите: <http://www.elibrary.ru>

Издательство: Издательство Томского государственного университета

Редактор Ю.П. Готфрид; редактор-переводчик В.В. Кашпур; оригинал-макет А.И. Лелююр; дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано в печать 12.12.2022 г. Формат 60х80^{1/8}. Печ. л. 18,2. Усл.-печ. л. 16,9. Тираж 500 экз. Заказ № 5090. Цена свободная.

Дата выхода в свет 26.12.2022 г.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании Издательства Томского государственного университета. 634050, пр. Ленина, 36, Томск, Россия.
Тел.: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–52-96-75. Сайт: <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Бурков А.И. Реализация юридических принципов, определяющих действие уголовного закона в пространстве	5
Витовская Е.С. Актуальные вопросы уголовно-правовой характеристики незаконной выдачи либо подделки рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ	10
Глазков М.Б. Замена неотбытой части наказания в виде лишения свободы наказанием в виде ограничения свободы в порядке ст. 80 Уголовного кодекса Российской Федерации: вопросы правоприменения	15
Крижус И.К. Экстраординарный порядок введения в действие положений уголовного закона	21
Лозинский И.В. К проблемам дальнейшего совершенствования Главы 22 Уголовного кодекса Российской Федерации	25
Трофимов Д.О. «Особые военные обстоятельства»: общая характеристика законодательных новелл	33

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Бешкок А.А. К вопросу о проблемах правового обеспечения безопасности статистов, принимавших участие в производстве следственных действий	38
Колесник В.В. Концепция договорных уголовно-процессуальных производств	42
Левченко О.В. Архетип национальной уголовно-процессуальной системы и прокурор как ее доминантный субъект	49
Марьина Е.В., Кувалдина Ю.В. Отсутствие возражений как условие отказа в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности	58
Семеновский А.И. Институт дачи клятвы (приведения к присяге) как мера стимулирования правдивых показаний	65

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Детков А.П. Проблемы назначения и исполнения уголовных наказаний в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства	70
Каретников К.В. Правонарушения осужденных в воспитательных колониях: теоретико-правовой анализ	75
Ольховик Н.В. Проблемы обеспечения прав и законных интересов осужденных к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера, не связанным с лишением свободы, в сфере труда	82
Паканич С.И. К вопросу об оперативно-режимных мерах обеспечения личной безопасности осужденных, содержащихся в исправительных колониях	91
Уваров О.Н. О проблемах развития уголовно-исполнительного права	97

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Воронин О.В. О сущности пенитенциарного надзора прокуратуры	100
--	-----

КРИМИНОЛОГИЯ

Ханинueva О.В. Проблемные вопросы взаимодействия следственных и оперативных подразделений ОВД РФ с Роскомнадзором	106
--	-----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Лубягин М.С. О некоторых особенностях регламентации и деятельности следственных групп, формируемых в правоохранительных органах европейских государств	111
Павленко А.А. Законодательные гарантии защиты осужденных к лишению свободы от пыток, другого жестокого или унижающего достоинство обращения в постсоветских государствах	119
Трефилов А.А. Принцип справедливости в уголовном процессе Австрии, Лихтенштейна и Швейцарии	130

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Кузьмин С.И., Чуканова Е.С. Некоторые проблемы государственного строительства в 30-е гг. XX в. и объективность оценки их решения	140
---	-----

CONTENTS

CRIMINAL LAW

Burkov A.I. Implementation of legal principles determining territorial applicability of criminal law	5
Vitovskaya E.S. Current problems of the criminal characteristics of illegal issue or forgery of prescriptions or other documents entitling persons to obtain narcotic or psychotropic substances	10
Glazkov M.B. The replacement of the unserved term of custodial sentence with a supervised release under Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation: Issues of law enforcement	15
Krizhus I.K. An extraordinary procedure for the enforcement of criminal law provisions	21
Lozinskiy I.V. On further improvement of Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation	25
Trofimov D.O. "Special military situation": General description of new laws	33

CRIMINAL PROCEDURE

Beshkok A.A. On legal support of the security of lineup fillers who participated in investigative actions	38
Kolesnik V.V. The concept of criminal procedure contract	42
Levchenko O.V. The archetype of the national system of criminal procedure and the prosecutor as its dominant subject	49
Maryina E.V., Kuvaldina Yu.V. No objections as a condition for refusing to initiate criminal proceedings due to the expiration of the statute of limitations	58
Semenovskiy A.I. The institution of oath (swearing-in) as a measure to encourage truthful testimony	65

PENAL LAW

Detkov A.P. Problems of imposition and enforcement of criminal penalties for foreign citizens and stateless persons	70
Karetnikov K.V. Offenses by convicts in youth detention centers: Theoretical and legal analysis	75
Olkhovik N.V. Problems of ensuring the rights and legitimate interests in the sphere of labor of persons sentenced to penalties and other measures of criminal legal nature not related to imprisonment	82
Pakanich S.I. On operational regime measures to ensure the personal security of convicts serving sentences in corrective colonies	91
Uvarov O.N. On problems of penal law development	97

PROSECUTOR SUPERVISION

Voronin O.V. On the essence of the penitentiary supervision by the prosecutor's office	100
---	-----

CRIMINOLOGY

Khanineva O.V. Problem issues of interaction between investigating and operational divisions of the RF Internal Affairs Agencies and Roskomnadzor	106
---	-----

CRIMINAL LAW OF FOREIGN COUNTRIES

Lubyagin M.S. On some features of regulation and activities of investigation teams formed in the law enforcement agencies of European states	111
Pavlenko A.A. Legislative guarantees for the protection of persons sentenced to imprisonment from torture and other cruel or degrading treatment in the post-Soviet states	119
Trefilov A.A. The principle of justice in the criminal procedure of Austria, Liechtenstein, and Switzerland	130

HISTORY OF DOMESTIC CRIMINAL LAW

Kuzmin S.I., Chukanova E.S. Some problems of state-building in the 1930s and objectiveness of the evaluation of their solutions	140
---	-----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Научная статья
УДК 343.213

doi: 10.17223/23088451/20/1

РЕАЛИЗАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ДЕЙСТВИЕ
УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ПРОСТРАНСТВЕ

Антон Игоревич Бурков^{1,2}

¹ ООО «Трансконтиненталь», Москва, Россия

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия
^{1,2} ton31396@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос реализации пяти принципов, определяющих действие уголовного закона в пространстве, исследуются понятие и формы реализации правовых норм. Приводятся примеры реальных уголовных дел для иллюстрации реализации каждого из принципов. Сделан вывод, что такая форма реализации юридических принципов, определяющих действие уголовного закона в пространстве, как применение, более универсальна и отвечает специфике нормативных предписаний ст. 11, 12 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: реализация принципов, действие уголовного закона в пространстве, формы реализации уголовно-правовых норм, уголовно-правовые нормы

Для цитирования: Бурков А.И. Реализация юридических принципов, определяющих действие уголовного закона в пространстве // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 5–9. doi: 10.17223/23088451/20/1

Original article

doi: 10.17223/23088451/20/1

IMPLEMENTATION OF LEGAL PRINCIPLES DETERMINING TERRITORIAL
APPLICABILITY OF CRIMINAL LAW

Anton I. Burkov^{1,2}

¹ ООО Transcontinental, Moscow, Russia

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
^{1,2} ton31396@yandex.ru

Abstract. The article studies the implementation of legal principles that determine territorial applicability of criminal law in Russia with the focus on the penal provisions that regulate the territorial applicability of the Criminal Code of the Russian Federation. Drawing on the information base, results obtained by Russian researchers, the representative base of investigative practice and using comparative legal, formal logical, and content analysis, the author analyses practices of implementation of the penal provisions specified in Art. 11–12 of the Criminal Code of the Russian Federation to show the relationship between penal provisions and the principles that determine their territorial applicability. He concludes that the territorial principles of criminal law and penal provisions specified in Art. 11–12 of the Criminal Code of the Russian Federation are correlated in the process of law enforcement by Russian state bodies.

Keywords: implementation of principles, territorial applicability of criminal law, forms of implementation of penal provisions, penal provisions

For citation: Burkov, A.I. (2022) Implementation of legal principles determining territorial applicability of criminal law. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 20. pp. 5–9. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/20/1

В специальной литературе предписания уголовного закона, регламентирующие правила действия Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) в пространстве, часть исследователей признает самостоятельными уголовно-правовыми нормами (В.П. Коняхин, М.Г. Решняк) [1, 2], другие – элементом запрещающих уголовно-правовых норм (Т.В. Кленова, А.И. Чучаев) [3, 4]. Определение юридической природы данных нормативных предписаний не входит в задачи настоящего исследования, однако представляется,

что одни и те же положения уголовного закона могут выполнять разные роли в процессе охраны соответствующих общественных отношений. Они могут как выполнять самостоятельную функцию регулятора, так и играть вспомогательную роль, создавая условия для полной реализации других статей УК РФ. Автор настоящей работы исходит из того, что положения ст. 11, 12 УК РФ, являясь по своей юридической сути безусловно нормативными, содержат в себе так называемые специальные юридические принципы, определяющие дей-

ствие уголовного закона в пространстве. Данный подход разделяется множеством ученых, а сами принципы подробно описаны в специальной литературе [5–7]. Традиционно выделяют пять таких принципов: территориальный, экстерриториальный, реальный, универсальный и принцип гражданства.

Таким образом, для понимания процессов реализации юридических принципов, определяющих действие уголовного закона в пространстве, необходимо исследовать понятие и формы реализации правовых норм, с которыми они непосредственно связаны.

В специальной литературе под реализацией норм права понимают процесс практического осуществления в деятельности субъектов права правовых предписаний, в результате чего юридическая возможность, сформулированная в норме права, превращается в юридическую действительность [8. С. 44]. То есть реализация норм права подразумевает фактическое осуществление юридических предписаний в поведении субъектов права, реализацию ими своих субъективных прав и юридических обязанностей.

Очевидно, что процессы реализации правовых норм зависят от их особенностей, юридической специфики. В теории государства и права нормы права классифицируются следующим образом: по предмету правового регулирования – на нормы конституционного, гражданского, административного, уголовного права и другие; от роли (функций) норм права – на регулятивные и охранительные; по способу правового воздействия – на нормы-запреты, нормы-обязывания и нормы-дозволения. Нормы-запреты, или запрещающие нормы, – это нормы, определяющие действия и обстоятельства, которые право стремится предупредить и пресечь. Посредством данных норм, как правило, предусматривающих наказание за их нарушение, осуществляется охрана правопорядка в обществе; нормы-обязывания, или обязывающие нормы, состоят в определении необходимого (должного, требуемого государством) поведения субъектов права; нормы-дозволения, или управомочивающие нормы, заключаются в предоставлении субъектам права каких-либо возможностей поведения (право на образование, право на социальное обеспечение, право на отдых и т.д.).

В большинстве своем уголовно-правовые нормы являются охранительными, выражаются законодателем в форме запретов, однако в системе российского уголовного права встречаются и нормы-обязывания, и нормы-дозволения, выполняющие, как правило, регулятивные функции. Таким образом, независимо от того, признаем ли мы нормативные предписания, содержащиеся в ст. 11, 12 УК РФ, элементом запрещающих уголовно-правовых норм либо самостоятельными уголовно-правовыми нормами, они, несомненно, реализуются. Следовательно, реализуются и содержащиеся в них принципы, определяющие действие уголовного закона в пространстве.

В специальной литературе выявлены и описаны четыре формы реализации норм права: соблюдение (как правило, реализация запрещающих норм права), использование (реализация дозволяющих норм права), исполнение (реализация обязывающих норм права), применение (реа-

лизация норм права любого вида, осуществляемая компетентными органами путем вынесения индивидуально-конкретных юридически значимых решений).

Соблюдение – это форма реализации норм права, заключающаяся в самостоятельном осуществлении правовых предписаний теми субъектами права, к кому они обращены, и не требующая участия органов власти в качестве посредников между нормой права и ее адресатами. О соблюдении нормативных предписаний, определяющих действие уголовного закона в пространстве, можно вести речь в контексте межгосударственного сотрудничества в борьбе с преступностью и следования нормам международного права, закрепляющих уважение суверенитета иностранных государств.

Использование – это такая форма реализации правовых норм, при которой субъект, обладая определенным набором прав и законных интересов, может в собственных интересах их осуществить. Как правило, предоставление возможности использования норм права считается проявлением диспозитивных начал в процессе правового регулирования, что нехарактерно для отрасли уголовного права. В специальной литературе указано, что нормы-дозволения (или управомочивающие уголовно-правовые нормы) имеют намного меньший удельный вес в системе российского уголовного права, нежели чем запретительные и обязывающие правовые нормы [9. С. 133], соответственно, и через использование уголовно-правовых норм реализуются нечасто. Это возможно при активной защите от общественно опасных деяний и при предупреждении общественно опасных последствий, когда реализуются уголовно-правовые нормы о необходимой обороне, о задержании лица, совершившего преступление, об обоснованном риске. Властные субъекты уголовно-правовых отношений наделяются правами, как правило, в сфере индивидуализации уголовной ответственности, где речь идет о применении абстрактного предписания к индивидуально-определенному случаю, к фактической жизненной ситуации по усмотрению соответствующих органов и должностных лиц. Очевидно, что абсолютное большинство правил действия УК РФ в пространстве изложены императивно (только иногда встречаются небольшие оговорки, что «если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации»). Поэтому об использовании соответствующих уголовно-правовых норм можно говорить лишь в контексте института выдачи лиц, совершивших преступление.

Отметим, что данная деятельность государства представляет собой управленческую активность государственно-властного характера, осуществляемую в определенных процедурных формах и подразумевающую принятие в итоге официального акта – решения Генерального прокурора Российской Федерации или одного из его заместителей о выдаче иностранного гражданина или лица без гражданства, находящихся на территории Российской Федерации, обвиняемых в совершении преступления или осужденных судом иностранного государства, т.е. является не чем иным, как применением соответствующей правовой нормы. Таким образом, об использовании предписаний ст. 11, 12 УК РФ можно

говорить лишь в контексте правоприменительной деятельности российского государства.

Исполнение – это форма реализации правовых норм, состоящая в обязательном совершении предусмотренных ими действий. В отличие от такой формы, как соблюдение, здесь речь идет о необходимости исполнения определенных правовых предписаний через активное поведение субъектов правового общения. Так, в ст. 11, 12 УК РФ предусмотрена юридическая обязанность для ряда лиц, совершивших преступление, подлежать уголовной ответственности по Уголовному кодексу Российской Федерации. Таким образом, соответствующие нормативные предписания исполняются через реализацию комплекса юридических обязанностей, предусмотренных отечественным уголовным законодательством для преступников. Очевидно, что подобная реализация невозможна без активной деятельности государства (в лице правоохранительных и судебных органов), которое должно установить лицо, совершившее преступление, изобличить его вину, осудить, назначить и исполнить уголовное наказание, а также осуществлять контроль за поведением и учитывать лиц, имеющих неснятую/непогашенную судимость. Однако осуществление государственными органами и их должностными лицами соответствующих активных действий является исполнением нормативных предписаний ст. 11, 12 УК РФ в процессе правоприменительной деятельности, т.е. их применением, так как представляет собой особую государственно-властную деятельность, осуществляемую компетентными субъектами в определенных процедурных формах и направленную на обеспечение реализации обязывающих предписаний ст. 11, 12 УК РФ со стороны физических лиц (граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства).

Обращаясь к анализу четвертой формы реализации норм права – применению, подчеркнем его самую главную особенность: в соответствующих случаях государство включается в процесс правового регулирования не в качестве правотворца – издателя нормативно-правовых актов, а как властный участник правового взаимодействия. Очевидно, что реализация запрещающих уголовно-правовых норм невозможна без властного содействия органов государства. То же самое можно сказать и о реализации нормативных предписаний, предусмотренных ст. 11, 12 УК РФ. Соответствующие процессы осуществляются только особыми субъектами – специально уполномоченными государственными органами и их должностными лицами. Так, Следственный комитет (СК) РФ возбудил уголовное дело в связи со сносом в Латвии памятника воинам-освободителям Риги. По мнению Председателя СК России А. Бастрыкина, уничтожение памятника советским воинам в Риге направлено против интересов России в деле сохранения исторической памяти [10]. В данном случае действия российского правоохранительного органа направлены на реализацию ч. 3 ст. 12 УК РФ, содержащей так называемый реальный принцип действия уголовного закона в пространстве, согласно которому иностранные граждане и апатриды, не проживающие

постоянно в России, совершившие преступление за ее пределами, подлежат уголовной ответственности по УК РФ, если совершенное ими деяние направлено против интересов Российской Федерации.

Соответствующая деятельность российских государственных органов и их должностных лиц имеет государственно-властный характер и по своей сути является управленческой, направлена на реализацию уголовной политики Российской Федерации, осуществляется в особых процедурных формах, регламентированных уголовно-процессуальным законодательством. В то же время применение права осуществляется путем вынесения индивидуально-конкретных решений – актов применения права. Это официальные документы, которые исходят от государственных органов и (или) их должностных лиц, обладают юридической силой (порождают правовые последствия, их исполнение обеспечивается государством и т.п.) и по своей сути представляют индивидуальное государственно-властное веление по применению права относительно конкретной ситуации. Так, в указанном выше случае следователями Главного следственного управления СК РФ было принято постановление о возбуждении уголовного дела по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 243.4 УК РФ «Уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России» [11].

Отметим, что применение права занимает особое место в процессах реализации правовых норм, поскольку осуществление актов применения права подразумевает использование, исполнение или соблюдение правовых норм. Таким образом, правоприменительная деятельность основывается на вышеуказанных формах реализации норм права, невозможна без них. Поэтому мы предлагаем анализировать процессы реализации юридических принципов, определяющих действие уголовного закона в пространстве, в контексте правоприменения, считая данную форму реализации права более универсальной и отвечающей специфике нормативных предписаний ст. 11, 12 УК РФ.

Как уже указывалось в настоящей работе, выделяют пять принципов действия уголовного закона в пространстве: территориальный, экстерриториальный, реальный, универсальный и принцип гражданства. Рассмотрим специфику реализации каждого из них.

Территориальный принцип действия уголовного закона в пространстве реализуется через привлечение лица к уголовной ответственности по УК РФ за совершение преступления на территории Российской Федерации (ч. 1, 2 ст. 11 УК РФ). Большинство уголовных дел возбуждаются путем реализации именно территориального принципа. Так, например, в Калужской области вскрыта и ликвидирована ячейка международной террористической организации. Уголовное дело возбуждено ФСБ по ч. 1 ст. 30, ст. 205 УК РФ («Приготовление к совершению террористического акта») [12].

Экстерриториальный – принцип действия уголовного закона в пространстве, который реализуется путем при-

влечения лица к уголовной ответственности по УК РФ за совершение преступления на российском воздушном или морском судне, находящемся в открытом водном или воздушном пространстве вне пределов Российской Федерации, а также на военном корабле или военном воздушном судне Российской Федерации независимо от места их нахождения (ч. 3 ст. 11 УК РФ). Например, пограничные сотрудники ФСБ задержали экипаж российского рыбодобывающего судна при попытке ввоза в Российскую Федерацию наркотических веществ. В связи с этим было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 229.1 УК РФ («Контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов...») [13].

Принцип гражданства применяется только к гражданам Российской Федерации и постоянно проживающим в Российской Федерации лицам без гражданства, совершившим преступление вне пределов Российской Федерации против интересов, охраняемых УК РФ. Указанные лица подлежат уголовной ответственности в соответствии с УК РФ (ч. 1 ст. 12 УК РФ). Показательными примерами реализации принципа гражданства являются уголовные дела о государственной измене (ст. 275 УК РФ) по причине частого совершения данного состава преступления российскими гражданами именно вне пределов России, т.е. на территории иностранного государства [14].

Реальный принцип действия уголовного закона в пространстве дает государству возможность привлекать к уголовной ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства за преступления, совершенные вне пределов Российской Федерации, направленные против интересов Российской Федерации, граждан Российской Федерации или постоянно проживающего в Российской Федерации лица без гражданства (ч. 3 ст. 12 УК РФ). Например, Председатель СК России поручил возбудить уголовные дела из-за сноса памятников советским войнам в Литве по признакам состава преступления, предусмотренного п. «а», «б» ч. 2 ст. 243.4 УК РФ [15].

Универсальный принцип действия уголовного закона в пространстве реализуется через международно-правовые обязательства государств, так как регулирует участие государств в борьбе с международными преступлениями и преступлениями международного характера. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 12 УК РФ, иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Российской Федерации, совершившие преступление вне пределов Российской Феде-

рации, подлежат уголовной ответственности по УК РФ в случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации или иным документом международного характера, содержащим обязательства, признаваемые Российской Федерацией, в сфере отношений, регулируемых УК РФ. Применение универсального принципа иллюстрируют уголовные дела о преступлениях с применением запрещенных средств и методов ведения войны на Донбассе, возбужденные СК РФ по ст. 356 УК РФ («Применение запрещенных средств и методов ведения войны») [16].

Рассмотрение вопроса о реализации уголовно-правовых принципов, определяющих действие уголовного закона в пространстве, позволяет сделать следующие выводы:

- реализация территориального принципа возможна в тех случаях, когда лицо совершило преступление на территории Российской Федерации;

- реализация экстерриториального принципа – когда лицо совершило преступление на судне, приписанном к порту Российской Федерации, в открытом водном или воздушном пространстве, или на военном корабле, или военном воздушном судне независимо от места их нахождения;

- реализация реального принципа – когда иностранец или лицо без гражданства, постоянно не проживающее в России, совершили преступление вне пределов России и против интересов России, ее граждан, лиц без гражданства, постоянно проживающих в России;

- реализация универсального принципа – когда лицо совершило преступление вне пределов России и подлежит уголовной ответственности в случаях, предусмотренных международным договором РФ или иным документом международного характера;

- реализация принципа гражданства – когда гражданин России или постоянно проживающее на территории России лицо без гражданства совершает преступление вне пределов России против интересов, охраняемых УК РФ.

Каждый принцип действия уголовного закона в пространстве реализуется в форме правоприменительной деятельности российских государственных органов и их должностных лиц, осуществляется в особых процедурных формах, регламентированных уголовно-процессуальным законодательством, и сопровождается вынесением индивидуально-конкретных решений – актов применения права (постановлений, определений, приговоров и т.п.).

Список источников

1. Коняхин В.П. Теоретические основы построения общей части российского уголовного права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 346 с.
2. Решняк М.Г. Действие уголовного закона во времени и пространстве: тенденции развития // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 1. С. 140–145.
3. Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. Самара: Самарский университет, 2001. 388 с.
4. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. А.И. Чучаева. М.: Проспект, 2020. 352 с.
5. Блум М.И. Действие советского уголовного закона в пространстве. Рига, 1974. 263 с.
6. Степашин В.М., Бирик О.Н. Действие уголовного закона в пространстве // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2009. № 1 (18). С. 72–79.
7. Лопашенко Н.А. Размышления об уголовном праве. Принципы уголовного законодательства. Уголовный закон. Преступление, проступок и состав преступления. Авторский курс. М.: Юрлитинформ, 2020. 440 с.
8. Орзих М.Ф. Реализация советской общественностью норм общенародного права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1965. 260 с.
9. Денисова А.В. Системность российского уголовного права: закон, теория, практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 633 с.

10. СК РФ возбудил уголовное дело в связи со сносом советского памятника в Риге // Российская газета. 2022. 23 августа. URL: <https://rg.ru/2022/08/23/sk-rf-vozbudil-ugolovnoe-delo-v-svizi-so-snosom-sovetskogo-pamiatnika-v-rige.html> (дата обращения 20.03.2022).
11. По поручению Председателя СК РФ возбуждено уголовное дело по факту сноса памятника воинам-освободителям в Риге. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1717272/> (дата обращения 20.10.2022).
12. Российская газета. 2022. 15 апреля. URL: <https://rg.ru/2022/04/15/reg-cfo/fsb-zaderzhala-v-kaluzhskoj-oblasti-gotovivshih-terakt-chetverykh-muzhchin.html> (дата обращения: 20.10.2022).
13. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20220614/moryaki-1794647962.html> (дата обращения: 20.10.2022).
14. РИА Новости. Случаи возбуждения уголовных дел о госизмене в 2018–2021 г. URL: <https://ria.ru/20210812/gosizmena-1745531774.html> (дата обращения: 20.10.2022).
15. ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/14536493> (дата обращения: 20.10.2022).
16. Официальный сайт СУ СК РФ. URL: <https://sledcom.ru/cases/item/1168/> (дата обращения: 20.10.2022).

References

1. Konyakhin, V.P. (2002) *Teoreticheskie osnovy postroeniya obshchey chasti rossiyskogo ugolovnogo prava* [Theoretical foundations for the construction of the General Part of the Russian Criminal Law]. St. Petersburg: Yurid. tsentr Press.
2. Reshnyak, M.G. (2015) Application of criminal law in time and space: Development trends. *Probely v rossiyskom zakono-datel'stve – Gaps in Russian Legislation*. 1. pp. 140–145. (In Russian).
3. Klenova, T.V. (2001) *Osnovy teorii kodifikatsii ugolovno-pravovykh norm* [Fundamentals of the theory of codification of penal provisions]. Samara: Samara State University.
4. Chuchayev, A.I. (ed.) (2020) *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Criminal Law. General Part]. Moscow: Prospekt.
5. Blum, M.I. (1974) *Deystvie sovetskogo ugolovnogo zakona v prostranstve* [Territorial applicability of the Soviet criminal law]. Riga: [s.n.].
6. Stepashin, V.M. & Bibik, O.N. (2009) *Deystvie ugolovnogo zakona v prostranstve* [Territorial applicability of criminal law]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo."* 1(18). pp. 72–79.
7. Lopashenko, N.A. (2020) *Razmyshleniya ob ugolovnom prave. Printsipy ugolovnogo zakonodatel'stva. Ugolovnyy zakon. Prestupleniye, prostupok i sostav prestupleniya* [Reflections on criminal law. Principles of criminal law. Criminal law. Crime, misdemeanor and elements of crime]. Moscow: Yurilitinform.
8. Orzhikh, M.F. (1965) *Realizatsiya sovetskoy obshchestvennost'yu norm obshchenarodnogo prava* [Implementation of the public law by the Soviet public]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
9. Denisova, A.V. (2018) *Sistemnost' rossiyskogo ugolovnogo prava: zakon, teoriya, praktika* [Consistency of Russian criminal law: law, theory, practice]. Law Dr. Diss. Moscow.
10. Rossiyskaya gazeta. (2022) SK RF vozbudil ugolovnoe delo v svyazi so snosom sovetskogo pamyatnika v Rige [The Investigative Committee of the Russian Federation opened a criminal case in connection with the demolition of a Soviet monument in Riga]. 23rd August. [Online] Available from: <https://rg.ru/2022/08/23/sk-rf-vozbudil-ugolovnoe-delo-v-svizi-so-snosom-sovetskogo-pamiatnika-v-rige.html> (Accessed: 20.03.2022).
11. The Investigative Committee of the Russian Federation. (2022) *Po porucheniyu Predsedatelya SK RF vozbuzhdeno ugolovnoe delo po faktu snosa pamyatnika voynam-osvoboditelyam v Rige* [On behalf of the Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, a criminal case was initiated into the demolition of the monument to soldiers-liberators in Riga]. [Online] Available from: <https://sledcom.ru/news/item/1717272/> (Accessed: 20.10.2022).
12. Rossiyskaya gazeta. (2022) FSB zaderzhala v Kaluzhskoy oblasti gotovivshikh terakt chetverykh muzhchin [FSB detains four men plotting terrorist attack in Kaluga region]. 15th April. [Online] Available from: <https://rg.ru/2022/04/15/reg-cfo/fsb-zaderzhala-v-kaluzhskoj-oblasti-gotovivshih-terakt-chetverykh-muzhchin.html> (Accessed: 20.10.2022).
13. RIA Novosti. (2022) "U nas net vybora": iz-za chego zavodyat ugolovnye dela na moryakov ["We have no choice": what starts criminal cases against sailors]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20220614/moryaki-1794647962.html> (Accessed: 20.10.2022).
14. RIA Novosti. (2021) *Sluchai vozbuzhdeniya ugolovnykh del o gosizmene v 2018–2021 g.* [Initiated criminal cases on treason in 2018–2021]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20210812/gosizmena-1745531774.html> (Accessed: 20.10.2022).
15. TASS. (2022) *SK vozbudil delo po faktu oskverneniya pamyatnika sovetskim soldatam v Litve* [The Investigative Committee opened a case on the desecration of a monument to Soviet soldiers in Lithuania]. [Online] Available from: <https://tass.ru/obschestvo/14536493> (Accessed: 20.10.2022).
16. Investigative Department of the RF Investigative Committee. Official website [Online] Available from: <https://sledcom.ru/cases/item/1168/> (Accessed: 20.10.2022).

Информация об авторе:

Бурков А.И. – сотрудник департамента по противодействию коррупции ООО «Трансконтиненталь» (Москва, Россия); соискатель Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия). E-mail: ton31396@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.I. Burkov, officer of the Anti-Corruption Department of OOO Transcontinental (Moscow, Russia); doctoral candidate of the Institute of Law and National Security of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow, Russia). E-mail: ton31396@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.10.2022;
одобрена после рецензирования 31.10.2022; принята к публикации 12.12.2022.

The article was submitted 21.10.2022;
approved after reviewing 31.10.2022; accepted for publication 12.12.2022.

Научная статья
УДК 343.57

doi: 10.17223/23088451/20/2

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕЗАКОННОЙ ВЫДАЧИ ЛИБО ПОДДЕЛКИ РЕЦЕПТОВ ИЛИ ИНЫХ ДОКУМЕНТОВ, ДАЮЩИХ ПРАВО НА ПОЛУЧЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ИЛИ ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Евгения Сергеевна Витовская

Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия, Jane-vit@mail.ru

Аннотация. Приводится уголовно-правовая характеристика незаконной выдачи либо подделки рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств и психотропных веществ. Проведен анализ нормативно-правовых актов, регламентирующих правила и порядок выдачи наркотических средств и психотропных веществ. Автор дополнительно обращается к материалам правоприменительной практики, а также к показателям судебной статистики. При совершении незаконной выдачи либо подделки рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств и психотропных веществ, может возникать конкуренция норм, затрагивающая не только общественные отношения в сфере охраны здоровья населения, но порядок управления и интересы государственной службы. Сделан вывод о включении в диспозицию ст. 233 Уголовного кодекса Российской Федерации такого деяния, как сбыт.

Ключевые слова: выдача, подделка, рецепт, наркотическое средство, психотропное вещество

Для цитирования: Витовская Е.С. Актуальные вопросы уголовно-правовой характеристики незаконной выдачи либо подделки рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 10–14. doi: 10.17223/23088451/20/2

Original article
doi: 10.17223/23088451/20/2

CURRENT PROBLEMS OF THE CRIMINAL CHARACTERISTICS OF ILLEGAL ISSUE OR FORGERY OF PRESCRIPTIONS OR OTHER DOCUMENTS ENTITLING PERSONS TO OBTAIN NARCOTIC OR PSYCHOTROPIC SUBSTANCES

Evgeniya S. Vitovskaya

Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russia, Jane-vit@mail.ru

Abstract. The article focuses on some criminal characteristics of the illegal issue or forgery of prescriptions or other documents entitling persons to obtain narcotic or psychotropic substances. Art. 233 of the RF Criminal Code is analysed to specify the indications of corpus delicti of the discussed crime. The author investigates various types of competitive penal provisions that arise in the process of qualifying the illegal issue or forgery of prescriptions or other documents entitling persons to obtain narcotic or psychotropic substances, paying particular attention to the fact that now the number of convicts under Art. 233 of the Criminal Code of the Russian Federation is insignificant in relation to all those convicted of crimes in the field of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances. The author argues that the detection and investigation of the illegal issue or forgery of prescriptions or other documents entitling persons to obtain narcotic or psychotropic substances requires special training and certain experience from authorized subjects. She refers to the higher court on the categories, which, when clarified, would reveal the indications of illegal issue or forgery of prescriptions or other documents entitling persons to obtain narcotic or psychotropic substances. It is noted that there had been a law providing for liability for the sale of forged documents in the criminal law, but it lost its legal force. The author emphasizes that it would be fair for the state to unify norms to ensure compliance with the norms on the protection of public health under pain of being held liable for the sale of fake prescriptions or other documents entitling persons to obtain narcotic or psychotropic substances. The author points out that, if trafficking were included in the disposition of Art. 233 of the Criminal Code of the Russian Federation, it would create conditions for determining measures aimed at eliminating crimes in the field of illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances.

Keywords: issue, forgery, prescription, narcotic drug, psychotropic substance

For citation: Vitovskaya, E.S. (2022) Current issues of the criminal characteristics of illegal issue or forgery of prescriptions or other documents entitling persons to obtain narcotic or psychotropic substances. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 20. pp. 10–14. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/20/2

Наркотизация населения является одной из реальных угроз безопасности жизнедеятельности современного общества. Если не остановить рост наркомании,

то уже через несколько десятков лет общество станет неуправляемым и неконтролируемым, что в итоге приведет к катастрофическим последствиям. Одним из

направлений деятельности государства должно стать ужесточение контроля за оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Нельзя допускать, чтобы наркотические средства и психотропные вещества преступным путем или по причине халатности выводились из законного оборота в незаконный. Многие работы ученых посвящены не только теоретическим аспектам в этой сфере, но и практическим вопросам уголовно-правовой борьбы с незаконной выдачей и подделкой рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств и психотропных веществ [1. С. 48].

К одному из способов, применяемых преступниками для изъятия наркотических средств и психотропных веществ из законного оборота, относится использование рецептов либо иных документов, дающих право на получение наркотических средств и психотропных веществ в организациях, которые в установленном законодательством порядке занимаются производством, хранением и отпуском этих веществ (аптеки, склады, медицинские учреждения). Количество осужденных за такую незаконную выдачу либо подделку, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2021 г. составило 2, в 2020 – 6, в 2019 – 5, в 2018 – 9, а в 2017 г. – 6 [2]. Незначительное количество указанного спецконтингента в общем массиве всех осужденных за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ не означает, что они совершаются редко. Иначе говоря, это следствие высокой латентности рассматриваемого преступления, поскольку его выявление и расследование требуют от следственно-оперативных работников специальной подготовки, определенного опыта и значительных трудозатрат. Особенно если подделка рецептов и иных документов осуществляется лицами, имеющими специальные познания в области медицины или фармацевтики.

В пункте 33 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» отражен вопрос о моменте окончания незаконной выдачи либо подделки рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ [3]. Так, для того чтобы преступление считалось оконченным, достаточно, чтобы была произведена выдача рецепта либо иного документа, дающего право на получение наркотических средств и психотропных веществ, лицу, не имеющему право на получение последних, либо была осуществлена подделка таких документов, независимо от того, были ли впоследствии получены по ним наркотические средства и психотропные вещества или только предпринималась попытка их получения. В случае получения этим же лицом по поддельному рецепту или иному поддельному документу наркотических средств и психотропных веществ необходима дополнительная квалификация за незаконное приобретение таких веществ. И это вполне логично, поскольку подделка рецептов или иных документов на получение

наркотических средств и психотропных веществ не является самоцелью, совершая такую подделку, преступник осознает, что конечной целью является получение указанных веществ, и тем самым посягает не только на законный наркооборот, но и на общественные отношения в сфере охраны здоровья населения.

Действующая редакция ст. 233 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) является специальной по отношению к ст. 327 УК РФ (подделка документов). По общему правилу ответственность за незаконную выдачу либо подделку рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств и психотропных веществ, наступает по специальной норме, отменяющей действие общей. При этом совокупность со ст. 327 УК РФ отсутствует.

Незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ, отличается тем, предметом подлога являются рецепты или иные документы, дающие право на получение наркотических средств и психотропных веществ. Не вдаваясь в острую полемику по вопросу ответственности за незаконную выдачу либо подделку документов, дающих право на получение сильнодействующих и ядовитых веществ, отметим, что такие действия в отношении названных веществ не могут квалифицироваться по ст. 233 УК РФ [4. С. 20]. Полагаем, что отсутствие упоминания о сильнодействующих и ядовитых веществах в составе ст. 233 УК РФ предполагает, что в случае незаконной выдачи либо подделке рецептов или иных документов, дающих право на получение указанных веществ, следует квалифицировать по ст. 327 УК РФ. Кроме того, может иметь место совокупность ст. 327 и 292 УК РФ, если деяние совершено должностным лицом.

Легальное определение рецепта содержится в ст. 4 Федерального закона от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» [5]. Под рецептом понимается медицинский документ установленной формы, содержащий назначение лекарственного препарата для медицинского применения, выданный медицинским работником в целях отпуска такого препарата или его изготовления и отпуска на бумажном носителе или в форме электронного документа, подписанного с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи медицинского работника. В рецепте отражаются наименование препарата, способ его применения, данные пациента, сведения о медицинском работнике, наименование лечебного учреждения и др. Правила оформления рецептов регламентируются приказом Министерства здравоохранения РФ от 24.11.2021 № 1094н «Об утверждении Порядка назначения лекарственных препаратов, форм рецептурных бланков на лекарственные препараты» [6]. Так, для оформления рецептов на лекарственные препараты, содержащие наркотические средства и психотропные вещества, на бумажном носителе предусмотрены следующие формы: № 107/у-НП, № 107-1/у, № 148-1/у-88 и № 148-1/у-04(л).

К иным документам относятся такие, которые являются основанием для выдачи (продажи) наркотиче-

ских средств и психотропных веществ и иных действий по их законному обороту. В соответствии с п. 33 указанного ранее постановления Пленума Верховного Суда РФ № 14 к ним отнесены лицензия на определенный вид деятельности, связанной с наркооборотом, заявка медицинского учреждения на получение наркотических средств и психотропных веществ для использования в лечебной практике, выписка из истории болезни пациента, товарно-транспортная накладная и т.п. Анализ судебно-следственной практики позволил отнести к иным документам медицинские документы пациента, амбулаторную карту, историю болезни, требование медицинской организации, решение врачебной комиссии, выписку из журнала врачебной комиссии, акт уничтожения наркотических средств и психотропных веществ и др.

Например, Пролетарский районный суд г. Ростова-на-Дону вынес обвинительный приговор Б., который от имени врача-терапевта внес в изготовленный им документ данные о показаниях врача на приобретение Р. психотропного вещества «Диазепам». Кроме того, Б. собственноручно внес в заранее напечатанный с помощью компьютерной техники рецептурный бланк формы № 148-1/у-88 необходимую информацию, а затем нанес оттиски печатей, незаконно приобретенных им ранее, медицинского учреждения и врача-терапевта [7].

Под незаконной выдачей рецепта, дающего право на получение наркотических средств и психотропных веществ, понимается оформление и выдача рецепта без соответствующих медицинских показаний. Если говорить о содержании деяния, то выдача рецепта предполагает его передачу, вручение и предоставление другому лицу. Можно полагать, что составление поддельного рецепта предполагает его фальсификацию. Такое деяние могло бы быть квалифицировано как покушение на преступление, предусмотренное ст. 233 УК РФ. Однако наличие альтернативного деяния как подделка в данном составе преступления есть свидетельство того, что совершение этого действия образует оконченное преступление.

В определенном смысле можно говорить, что незаконными будут любые действия по выдаче рецепта или иных документов, дающих право на получение наркотических средств и психотропных веществ, нарушающие установленный порядок. Назначение лекарственных препаратов, содержащих наркотические средства и психотропные вещества, происходит лечащим врачом, фельдшером, акушеркой, а также индивидуальными предпринимателями, осуществляющими медицинскую деятельность. Уполномоченное лицо оформляет рецепт на бланке установленной формы. Бланк может быть оформлен как на бумажном носителе за своей подписью, так и в форме электронного документа с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи этого лица и медицинской организации. Например, комбинированный лекарственный препарат, содержащий кодеин, оформляется на рецептурном бланке формы № 148-1/у-88.

Ведомственными нормативно-правовыми актами в сфере здравоохранения предусмотрены ограничения по

выдаче рецептов, содержащих наркотические средства и психотропные вещества. Например, индивидуальным предпринимателям, осуществляющим медицинскую деятельность, запрещается оформлять рецепты, дающие право на получение наркотических средств и психотропных веществ, внесенных в Списки II и III. Существуют ограничения в количестве наркотических средств и психотропных веществ, оформляемых в одном рецепте. При выписке пациента из медицинской организации, которому необходимо принимать лекарственные препараты, содержащие наркотические средства и психотропные вещества, рецепт выдается на срок приема этих препаратов до пяти дней [8].

Понятием подделки рецепта или иного документа, дающего право на получение наркотических средств и психотропных веществ, охватывается нарушение подлинности или истинности документа путем внесения в документ сведений, в действительности не имевших места, либо сведений в искаженном виде. В результате подделки могут быть искажены отдельные реквизиты документа, такие как дата, номер, подпись и др. Следовательно, под подделкой может пониматься полное изготовление подложного рецепта или иного документа, дающего право на получение наркотических средств и психотропных веществ от имени реально существующего или вымышленного медицинского работника.

Преступление, предусмотренное ст. 233 УК РФ, может быть определено как альтернативно-должностное. Это значит, что состав преступления предусматривает совершение деяния как лицами, имеющими полномочия по выдаче рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств и психотропных веществ, так и лицами, которые не имеют право на выдачу таких документов. Подделка рецепта или иные документы, дающие право на получение наркотических средств и психотропных веществ, может совершить любое лицо.

Наличие множественности субъектов позволяет прийти к мысли о том, что в случае совершения анализируемого преступления должностным лицом возникает конкуренция норм, предусмотренных ст. 285 и 292 УК РФ. Именно тот факт, что законодатель предусмотрел специальный состав преступления, предусматривающий ответственность за незаконную выдачу либо подделку рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств и психотропных веществ, позволяет сделать вывод, что законодатель признал субъектом преступного деяния должностное лицо. Напомним, что при конкуренции общей и специальной нормы действует специальная. Следовательно, подлежит применению норма, предусматривающая ответственность по ст. 233 УК РФ.

Иначе решается вопрос о конкуренции норм ст. 233 и 285 УК РФ. Незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств и психотропных веществ, не содержит квалифицирующих признаков, включающих оговорку об использовании виновным своего служебного положения. Вполне

логично, что может присутствовать совокупность ст. 233 и 285 УК РФ.

К одной из задач уголовного законодательства, которую необходимо решить на законодательном уровне, следует отнести вопрос об ответственности за сбыт поддельных рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств и психотропных веществ [9. С. 118]. В государстве должны действовать единые правила, обеспечивающие соблюдение норм об охране здоровья населения под страхом привлечения к ответственности за сбыт указанных рецептов или иных документов. Подтверждает правильность такого подхода норма, содержащаяся в ст. 196 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г., где под сбытом подложных документов понимался выпуск их в обращение, т.е. передача предмета посягательства другому лицу за вознаграждение при наличии у сбывающего сознания подложности передаваемого предмета [10]. В комментариях к приведенной статье отмечалось, что для ответственности за сбыт подложных документов не требуется, чтобы лицо, сбывающее их, одновременно его подделало либо изготовило [11. С. 420].

С точки зрения оптимизации уголовного законодательства, целесообразно диспозицию ст. 233 УК РФ изложить следующим образом: «Незаконная выдача,

подделка либо сбыт рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ».

В заключение хотелось бы отметить, что общественная опасность незаконной выдачи либо подделки рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств и психотропных веществ, определена созданием условий для вывода последних из законного наркооборота в незаконный. Государство призвано оградить свое население от незаконного «медицинского канала» приобретения наркотических средств и психотропных веществ. Анализ уголовно-правовой характеристики незаконной выдачи либо подделки рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств и психотропных веществ, позволяет создать условия для определения мер, направленных на устранение негативных проявлений такого преступного поведения, расширяет теоретическую основу применения норм об ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в целом. В случае, если лицо совершает сбыт поддельного рецепта или иного документа, дающего право на получение наркотических средств и психотропных веществ, то государство в императивном порядке должно привлекать его к ответственности.

Список источников

1. Гусамова Д.А. Характеристика и совершенствование норм уголовной ответственности за незаконную выдачу либо подделку рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 2. С. 47–49.
2. Количество осужденных за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 10.05.2022).
3. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 9. 48 с.
4. Федоров А.В. Ответственность за незаконную выдачу либо подделку рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ, по ст. 233 УК РФ // Наркоконтроль. 2014. № 3. С. 16–27.
5. Собрание законодательства РФ. 2010. № 16. Ст. 1815.
6. Документ № 0001202111300115 // Официальный сайт «Интернет-портал правовой информации». URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.05.2022).
7. Приговор №1-185/17/Б в отношении Белобородова Г.В. // Официальный сайт Пролетарского районного суда г. Ростова-на-Дону. URL: <http://proletarsky.ros.sudrf.ru> (дата обращения: 10.05.2022).
8. Собрание законодательства РФ. 1998. № 2. Ст. 219.
9. Алуштанов М.Р. Некоторые аспекты уголовно-правовой характеристики незаконной выдачи либо подделки рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ // Актуальные проблемы современной науки : IV Междунар. науч.-практ. конф., Алушта, 27–30 апреля 2015 года. Алушта : Северо-Кавказский гуманитарно-технический институт, 2015. С. 115–118.
10. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
11. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. М. : Юрид. лит., 1964. 574 с.

References

1. Gusamova, D.A. (2019) Kharakteristika i sovershenstvovanie norm ugovolnoy otvetstvennosti za nezakonnyuyu vydachu libo poddelku retseptov ili inykh dokumentov, dayushchikh pravo na poluchenie narkoticheskikh sredstv ili psikhotroponykh veshchestv [Characteristics and improvement of the norms of criminal liability for the illegal issue or forgery of prescriptions or other documents entitling persons to obtain narcotic or psychotropic substances]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*. 2. pp. 47–49.
2. The Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Kolichestvo osuzhdennykh za prestupleniya v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv* [The number of those convicted for crimes in the field of drug trafficking]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru> (Accessed: 10.05.2022).
3. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. (2009) 9.
4. Fedorov, A.V. (2014) Otvetstvennost' za nezakonnyuyu vydachu libo poddelku retseptov ili inykh dokumentov, dayushchikh pravo na poluchenie narkoticheskikh sredstv ili psikhotroponykh veshchestv, po st. 233 UK RF [Liability for the illegal issue or forgery of prescriptions or other documents entitling persons to obtain narcotic or psychotropic substances, according to Art. 233 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Narkokontrol'*. 3. pp. 16–27.
5. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. (2010) 16. Art. 1815.

6. Russian Federation. (n.d.) *Dokument № 0001202111300115* [Document No. 0001202111300115]. [Online] Available from: www.pravo.gov.ru (Accessed: 10.05.2022).
7. The Proletarsky District Court of Rostov-on-Don. (n.d.) *Prigovor №1-185/17/ В в отношении Beloborodova G.V.* [Sentence No. 1-185/17/B against Beloborodov G.V.]. [Online] Available from: <http://proletarsky.ros.sudrf.ru> (Accessed: 10.05.2022).
8. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. (1998) 2. Art. 219.
9. Alsultanov, M.R. (2015) *Nekotorye aspekty ugolovno-pravovoy kharakteristiki nezakonnoy vydachi libo poddelki retseptov ili inyykh dokumentov, dayushchikh pravo na polucheniye narkoticheskikh sredstv ili psikhotropnykh veshchestv* [Some aspects of the criminal law characteristics of the illegal issue or forgery of prescriptions or other documents entitling persons to obtain narcotic or psychotropic substances]. *Aktual'nye problemy sovremennoy nauki* [Topical problems of modern science]. Proc. of the Fourth International Conference. Alushta, April 27–30, 2015. Alushta: North-Caucasian Institute for the Humanities and Engineering. pp. 115–118.
10. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR*. (1960) 40. Art. 591.
11. Lebedeva, B. (1964) *Nauchno-prakticheskiy kommentariy k Ugolovnomu kodeksu RSFSR* [Scientific and practical commentary on the Criminal Code of the RSFSR]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.

Информация об авторе:

Витовская Е.С. – преподаватель кафедры уголовного права Кузбасского института ФСИН России (Новокузнецк, Россия).
E-mail: Jane-vit@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.S. Vitovskaya, lecturer at the Department of Criminal Law of the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russia). E-mail: Jane-vit@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 5.10.2022;
одобрена после рецензирования 29.10.2022; принята к публикации 12.12.2022.*

*The article was submitted 5.10.2022;
approved after reviewing 29.10.2022; accepted for publication 12.12.2022.*

Научная статья
УДК 343.8

doi: 10.17223/23088451/20/3

ЗАМЕНА НЕОТБЫТОЙ ЧАСТИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ НАКАЗАНИЕМ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ В ПОРЯДКЕ ст. 80 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Михаил Борисович Глазков

Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России, Томск, Россия, mikhail_nvz@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемные вопросы, возникающие в связи с заменой неотбытой части наказания в виде лишения свободы более мягким видом наказания в виде ограничения свободы. Анализируется действующее законодательство, регламентирующее исполнение наказания в виде ограничения свободы, и формулируются предложения по его совершенствованию. Особо выделены проблемные аспекты, с которыми сталкиваются сотрудники уголовно-исполнительной системы при исполнении своих служебных обязанностей.

Ключевые слова: ограничение свободы, замена наказания более мягким видом, исполнение наказаний

Для цитирования: Глазков М.Б. Замена неотбытой части наказания в виде лишения свободы наказанием в виде ограничения свободы в порядке ст. 80 Уголовного кодекса Российской Федерации: вопросы правоприменения // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 15–20. doi: 10.17223/23088451/20/3

Original article
doi: 10.17223/23088451/20/3

THE REPLACEMENT OF THE UNSERVED TERM OF CUSTODIAL SENTENCE WITH A SUPERVISED RELEASE UNDER ARTICLE 80 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: ISSUES OF LAW ENFORCEMENT

Mikhail B. Glazkov

Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tomsk, Russia, mikhail_nvz@mail.ru

Abstract. The article proposes to consider amending Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation and supplementing it with Part 3.1 with the following content, “The unserved term of custodial sentence or forced labor cannot be replaced with the supervised release if the court sentences to the supervised release as an additional punishment. In this case, the court must consider releasing the convicted person from an additional supervised release, or replacing the unserved term of the custodial sentence or forced labor with correctional labor.” The issues that arise in connection with the replacement of the unserved term of the custodial sentence with a milder form of punishment – supervised release – significantly complicate the execution of this punishment and need to be adjusted. The proposed amendments in the current legislation will help eliminate the existing problems in law enforcement practice, since when making decisions, not only the criminal law, but also the social characteristics of the convict will be taken into account. This decision can increase the effectiveness of custodial sentence and result in its more active application.

Keywords: supervised release, replacement of punishment with a milder one, execution of punishment

For citation: Glazkov, M.B. (2022) The replacement of the unserved term of custodial sentence with a supervised release under Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation: Issues of law enforcement. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 20. pp. 15–20. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/20/3

Замена наказания более мягким его видом является частью прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний, в которой правовой статус осужденного и степень правоограничений зависят от его поведения в период отбывания наказания.

Исполнение наказания в виде ограничения свободы в России началось с принятием в 2010 г. Федерального закона от 27.12.2009 № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Феде-

рации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы». Перед введением наказания в виде ограничения свободы в правоприменительную практику сотрудниками НИИ ФСИН России было проведено исследование по прогнозу количества приговоров, связанных с ограничением свободы. Так, согласно расчетам, в 2010 г. должно было

быть вынесено 76 тыс. приговоров, а к 2011 г. данный показатель должен был удвоиться и составить порядка 150–160 тыс. осужденных [1]. Однако в действительности количество осужденных к ограничению свободы оказалось значительно меньше, в 2010 г. количество лиц, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций (УИИ), составило 6 444, в 2011 г. – 11 539. Тенденция роста количества осужденных к ограничению свободы сохранялась до 2019 г. – 38 801 человек. По состоянию на 31.12.2021, согласно статистическим данным ФСИН России, на учетах УИИ состояло 36 971 осужденное лицо [2]. Несмотря на то, что наблюдается рост данного показателя, тем не менее, он является в 4 раза ниже прогнозируемого.

Если по состоянию на 31.12.2010 количество осужденных к ограничению свободы составляло 1,31% от общего количества осужденных, состоящих на учете в УИИ, в дальнейшем численность лиц, которым назначено данное наказание, неуклонно росла, по состоянию на 31.12.2021 составила 8,25% от общего количества осужденных, состоящих на учете на конец отчетного периода. Среди осужденных к ограничению свободы доля лиц, освободившихся из мест лишения свободы, в 2021 г. составила 28 127 человек (33,27% от общего количества осужденных к ограничению свободы, прошедших по учетам – 84 539) [2].

Общероссийский тренд нашел свое отражение и в статистике ФКУ УИИ УФСИН России по Томской области. В 2010 г. по учетам ФКУ УИИ УФСИН России по Томской области прошло 52 осужденных к ограничению свободы (0,55% от общего количества осужденных, прошедших по учету), из них не было ни одного лица, освободившегося из мест лишения свободы в связи с заменой наказания в виде лишения свободы более мягким видом наказания в виде ограничения свободы. В 2021 г. по учетам ФКУ УИИ УФСИН России по Томской области прошло 1 158 осужденных к ограничению свободы (21,14% от общего количества осужденных, прошедших по учету), из них освободившихся из мест лишения свободы – 602 (51,99% от общего количества осужденных к ограничению свободы, прошедших по учетам) [2].

Приведенные статистические данные указывают на то, что с течением времени замена наказания в виде лишения свободы более мягким видом наказания в виде ограничения свободы занимает все больший процент из числа наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с лишением свободы. Это означает, что суды позитивно оценивают профилактический потенциал, заложенный законодателем в рассматриваемый вид наказания, для достижения целей, изложенных в ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Однако существует потребность в совершенствовании некоторых правовых норм для решения проблемных вопросов, возникающих при исполнении наказания в виде ограничения свободы, разрешение которых в дальнейшем еще больше повысит роль этого наказания в числе альтернативных мер.

Порядок замены неотбытой части наказания в виде лишения свободы более мягким видом наказания в ви-

де ограничения свободы регламентирован в ст. 80 УК РФ. Кроме того, некоторые вопросы применения данной меры разъяснены в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» [3].

Первый рассматриваемый проблемный вопрос состоит в том, что согласно п. 6 Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы, утвержденной Приказом Минюста России от 13 января 2006 г. № 2 (далее – Инструкция), администрацией исправительного учреждения в орган внутренних дел по избранному осужденным месту жительства направляются запросы о возможности проживания по указанному адресу [4]. Однако фактически ответ на указанный запрос в исправительные учреждения (ИУ) из органов внутренних дел в половине случаев не поступает.

В связи с этим на практике работа администрации ИУ при подготовке осужденного к освобождению в силу объективных обстоятельств не всегда проводится в полном объеме, в большинстве случаев вопрос о рассмотрении представления о замене наказания в виде лишения свободы более мягким видом наказания в виде ограничения свободы рассматривается до поступления ответа на запрос из органов внутренних дел, вследствие чего осужденный освобождается из мест лишения свободы и направляется для отбывания наказания по адресу, указанному в приговоре суда на момент его вынесения, без выяснения материально-бытовых условий и волеизъявления родственников.

Возникают ситуации, когда осужденный прибывает в место, установленное постановлением суда, для отбывания наказания в виде ограничения свободы, а родственники, проживающие по указанному адресу, не пускают осужденного для проживания. Также нередки случаи, когда жилое помещение, в которое направляется осужденный для отбывания наказания, находится в аварийном состоянии, непригодном для проживания, либо отчуждено другому лицу родственниками осужденного.

Как справедливо отмечают П.В. Тепляшин и З.Р. Рахматулин, до вынесения решения о назначении наказания в виде ограничения свободы необходимо провести комплекс мероприятий по установлению места и условий проживания осужденного, состоянии трудовой деятельности и иных характеристик [5. С. 134].

В связи с изложенным, для устранения указанных случаев целесообразно рассмотреть вопрос о внесении изменений в п. 6 Инструкции, и изложить его в следующей редакции: «администрацией исправительного учреждения в филиал уголовно-исполнительной инспекции по избранному осужденным месту жительства направляются запросы о возможности проживания по указанному адресу». Кроме того, в этих же целях следует дополнить ч. 1 ст. 54 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) положением

об обязанности УИИ осуществлять сбор информации о лицах, освобождающихся из ИУ, и их родственниках в целях объективного рассмотрения вопроса о замене наказания более мягким видом или условно-досрочного освобождения.

Такое изменение позитивно отразится на исполнении наказания в виде ограничения свободы, которое осуществляется уголовно-исполнительной инспекцией. Филиал инспекции будет владеть фактической информацией об освобождающемся осужденном, его материально-бытовых условиях, социальном положении, климате, взаимоотношениях с родственниками, проживающими совместно с ним, собранные сведения сотрудником УИИ будут наиболее полными, достоверными и качественными, так как именно он в дальнейшем будет исполнять наказание. Сократятся сроки направления запроса и получения ответа, так как для указанных целей можно использовать ведомственную связь.

Предлагаемые поправки логично встраиваются в систему probation, введение которой планируется в ближайшее время. Подобный опыт уже имеется в зарубежной практике службы probation. Так, в Великобритании на стадии судебного разбирательства при решении вопроса о замене наказания более строгим видом присутствует сотрудник службы probation, который высказывает свое мнение по разрешаемому вопросу, которое, в свою очередь, складывается на основании собранной им информации [6. С. 63–64].

Также необходимо отметить, что согласно ч. 2 ст. 49 УИК РФ, при замене неотбытой части наказания в виде лишения свободы ограничением свободы срок ограничения свободы исчисляется со дня освобождения осужденного из ИУ. При этом время следования осужденного из ИУ к месту жительства или пребывания засчитывается в срок отбывания наказания в виде ограничения свободы из расчета один день за один день. С момента освобождения действуют ограничения и обязанности, возложенные постановлением суда. В практической деятельности с момента направления из исправительного учреждения до получения документов об освобождении от наказания контролирующим органом может пройти несколько дней или недель, в зависимости от удаленности ИУ от места, в которое освобождается осужденный. В указанный период времени осужденный может допустить нарушения, совокупность которых может составить злостное уклонение от отбывания наказания в виде ограничения свободы.

Предлагаемые изменения в УИК РФ и Инструкцию решают вопрос бесконтрольности при исполнении ограничений и обязанностей, возложенных на осужденного с момента его освобождения до момента, когда копия постановления будет доставлена почтовым отправлением в филиал УИИ. Профилактическая и воспитательная работа с осужденным и его родственниками будет начинаться до момента освобождения осужденного от наказания, что существенно облегчит работу, проводимую с осужденным на первоначальном этапе.

Еще один проблемный вопрос заключается в том, что, освободившись из мест лишения свободы, осужденные, которым заменено наказание в виде лишения

свободы более мягким наказанием в виде ограничения свободы, по объективным обстоятельствам не могут прибыть в место исполнения наказания в виде ограничения свободы, указанное в постановлении суда. Так, например, на территории Томской области нередки ситуации, когда осужденные после освобождения из ИУ не могут заехать в закрытое административно-территориальное образование Северск (далее – ЗАТО) в связи с истечением срока разрешения на въезд или его отсутствием.

Вопросами получения, восстановления разрешения на въезд занимаются родственники осужденного. Вопрос о разрешении на въезд рассматривается до 90 суток и может быть решен не в пользу осужденного. Как правило, решение о замене наказания в виде лишения свободы на ограничение свободы рассматривается в более короткие сроки. Как следствие, осужденный, освободившись из мест лишения свободы, не может исполнять обязанности и ограничения, возложенные на него постановлением суда по не зависящим от него обстоятельствам, так как не может заехать в ЗАТО.

К схожей проблематике можно отнести ситуации, когда осужденный при решении вопроса в суде о замене наказания более мягким видом просил освободить его и избрать местом исполнения наказания в виде ограничения свободы место жительства родственников либо сожительницы, с которой находился в фактических брачных отношениях в период отбывания наказания в виде лишения свободы, не зарегистрированных в органах ЗАГС, и после освобождения из ИУ проживать с которыми не может или не хочет по различным семейным обстоятельствам. Возможна и обратная ситуация, когда переехать для проживания к родственникам или сожительнице ему не позволит контролирующий орган, так как исчерпывающие основания смены места жительства при отбывании наказания в виде ограничения свободы закреплены в ст. 50 УИК РФ.

Для решения указанных вопросов целесообразно рассмотреть вопрос о внесении изменений в ст. 50 УИК РФ, дополнив ее ч. 5.1 следующего содержания: «Согласие на изменение места постоянного проживания (пребывания) дается уголовно-исполнительной инспекцией осужденному в течение одного месяца после освобождения из исправительного учреждения, если изменение места жительства связано с невозможностью исполнения наказания, определенного решением суда, в связи с материально-бытовыми условиями, семейными или уважительными личными обстоятельствами».

В таком случае в месячный срок осужденный мог бы решить все свои бытовые и семейные вопросы, а также вопросы, связанные с трудоустройством, социально адаптироваться на свободе, после чего добросовестно приступить к отбыванию назначенного наказания по определенному для себя месту жительства.

К проблемным вопросам также относится ситуация, когда после освобождения из мест лишения свободы осужденный прибывает в муниципальное образование, в котором нет возможности трудоустройства для осужденного по имеющейся у него специальности, либо в

семье осужденного могут случаться обстоятельства, при которых он будет единственным кормильцем.

В части 1 ст. 37 Конституции РФ закреплено, что труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, но при исполнении ограничения на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования действие указанного права осужденного ограничивается ввиду специального статуса его личности, так, например, осужденный не может выезжать на работу вахтовым методом. В случае нарушения данного ограничения осужденный стал бы злостным нарушителем порядка и условий отбывания наказания. Подобные случаи известны в правоприменительной практике. Так, Октябрьским районным судом г. Томска в отношении М. был установлен запрет на выезд из г. Колпашево. Осужденный имел возможность трудоустроиться в организацию, где его трудовая деятельность была связана с регулярными выездами из муниципального образования, но не трудоустроился в связи с возложенными ограничениями. С момента постановки на учет до момента снятия с учета УИИ М. являлся безработным [7].

В пункте «е» ч. 4 ст. 50 УИК РФ отсутствует основание для того, чтобы отпустить осужденного за пределы муниципального образования на длительный срок для осуществления трудовой деятельности. Также у осужденного отсутствуют основания для смены места жительства, исчерпывающий перечень которых содержится в ч. 6 ст. 50 УИК РФ, в связи с чем передать дело для исполнения по территориальности не представляется возможным.

Выходом из указанной ситуации могло бы быть направление в суд представления о дополнении ограничений осужденному, а именно путем добавления муниципального образования, в котором осужденный осуществляет свою трудовую деятельность, но судебная практика складывается иным образом. В частности, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» указано, что исходя из положений ч. 4 ст. 50 УИК РФ, вопрос о возможности выезда осужденного, который проживает и (или) работает, и (или) учится в разных муниципальных образованиях, за пределы территории соответствующего муниципального образования в целях осуществления трудовой деятельности или получения образования разрешается уголовно-исполнительной инспекцией [8]. Однако в федеральных законах и подзаконных актах Минюста России таких полномочий за уголовно-исполнительными инспекциями не закреплено, в связи с чем они обращаются в суд с соответствующим представлением о добавлении муниципального образования, в котором осужденный осуществляет свою трудовую деятельность, но на практике суд оставляет его без рассмотрения, ссылаясь на указанное постановление Пленума Верховного Суда РФ, как, например, в постановлении Томского районного суда Томской области от 29.06.2022 по делу № 4/17-118/2022 [9].

В научной литературе встречаются разные позиции по данной проблематике: так, по мнению Е.В. Колбасовой, применение ограничения свободы к указанной категории людей нецелесообразно. Автор считает необходимым внести изменение в ч. 6 ст. 53 УК РФ, дополнив перечень лиц, в отношении которых ограничение свободы не назначается, включив лиц, имеющих разъездной характер работы [10. С. 123]. Однако указанное предложение в полной мере бы не разрешило рассматриваемую ситуацию, в связи с тем, что оно не учитывает личностных изменений, которые могут произойти в период отбывания наказания. К примеру, осужденный может трудоустроиться на указанную работу и после вынесения приговора или постановления суда.

Сложно не согласиться с мнением по данному вопросу Е.А. Пермиловской, которая считает, что в случае включения вышеуказанных лиц в перечень, которым назначение наказания в виде ограничения свободы не назначается, представляется спорной, поскольку такая позиция нарушает права данной категории осужденных. Особенно это прослеживается, когда ограничение свободы в санкции статьи является единственной альтернативой принудительным работам или лишению свободы. Она предлагает отнести вопрос о выезде за пределы муниципального образования, связанный с постоянными или периодическими выездами к ведению УИИ, что решило бы имеющуюся проблему [11. С. 173].

Проанализировав различные точки зрения, необходимо прийти к выводу, что выходом из сложившейся ситуации могло бы быть дополнение ч. 4 ст. 50 УИК РФ п. «з» следующего содержания. «Необходимость выезда в служебную командировку или для осуществления работы с постоянными или периодическими выездами за пределы муниципального образования, в котором он проживает, при осуществлении трудовой деятельности по основному месту работы». Порядок контроля ограничений и обязанностей при нахождении осужденного за пределами муниципального образования с учетом предложенных изменений следует изложить в Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы, утвержденной приказом Минюста России от 11.10.2010 № 258 [12].

Следующая проблема возникает вследствие осуществления двойного контроля за осужденным. Ограничение свободы может быть назначено как основным, так и дополнительным видом. В случае если осужденный к лишению свободы имеет дополнительным видом наказания ограничение свободы, при замене наказания в виде лишения свободы более мягким видом оно может быть заменено на ограничение свободы в качестве основного вида наказания, и на исполнение в филиал инспекции поступит на одно лицо одновременно ограничение свободы в качестве основного и дополнительного вида наказания. Указанная практика судов сохраняется до настоящего времени, например в постановлении Октябрьского районного суда г. Томска от 05.05.2022 г. по делу № 4/16-130/2022 [13]. В рассматриваемом случае на одного осужденного заводится два

личных дела, параллельное исполнение которых не несет в себе никакого смысла. Обязанности и ограничения будут дублироваться, что нарушит принцип справедливости, согласно которому невозможно привлечение лица к ответственности дважды в случае совершения одного и того же деяния.

Для исключения данных обстоятельств предлагаем рассмотреть вопрос о внесении изменений в ст. 80 УК РФ, дополнив ее ч. 3.1, следующего содержания: «Неотбытая часть наказания в виде лишения свободы или принудительных работ не может быть заменена наказанием в виде ограничения свободы в случае, если приговором суда в качестве дополнительного наказания назначено наказание в виде ограничения свободы. В указанном случае суду необходимо рассмотреть вопрос об освобождении осужденного от дополнительного вида наказания в виде огра-

ничения свободы либо заменить неотбытую часть наказания в виде лишения свободы или принудительных работ наказанием в виде исправительных работ».

Возникающие вопросы в связи с заменой неотбытой части наказания в виде лишения свободы более мягким видом наказания в виде ограничения свободы существенно затрудняют исполнение данного вида наказания и требуют существенной корректировки. Предложенные изменения действующего законодательства будут способствовать устранению существующих проблем в правоприменительной практике, при вынесении решений будет учитываться не только уголовно-правовая, но и социальная характеристики личности осужденного, что сможет повысить эффективность наказания в виде ограничения свободы и привести к более активному его применению.

Список источников

1. *Все о домашнем аресте* // Интерфакс. 2010. URL: <https://www.interfax.ru/interview/118269> (дата обращения: 25.06.2022).
2. *Итоги деятельности учреждений, органов и предприятий уголовно-исполнительной системы: статистический отчет ФСИН-1 за IV квартал 2021 г., раздел 15 / Сведения о деятельности уголовно-исполнительных инспекций* // АИС Статистика УИС ФСИН России (дата обращения: 25.06.2022).
3. *О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания* : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апр. 2009 г. № 8 // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф. М., 2010. Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та (дата обращения: 25.06.2022).
4. *Инструкция об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы* : приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 13 янв. 2006 г. № 2 // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф. М., 2010. Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та (дата обращения: 25.06.2022).
5. *Тепляшин П.В., Рахматулин З.Р.* Учет личностных характеристик лиц при назначении уголовного наказания в виде ограничения свободы // Современное право. 2015. № 12. С. 133–137.
6. *Борсученко С.А.* Пробация: международные рекомендации, зарубежный опыт / под ред. С.А. Борсученко. М. : ВГУЮ (РПА Минюста России), 2015. 171 с.
7. *Личное дело № 3/19* // Архив Колпашевского МФ ФКУ УИИ УФСИН России по Томской области за 2019 г.
8. *О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания* : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 22 дек. 2015 г. № 58 // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф. М., 2010. Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та (дата обращения: 25.06.2022).
9. *Постановление* Томского районного суда Томской области от 29 июня 2022 г. по делу № 4/17-118/2022 // Архив Томского районного суда Томской области.
10. *Колбасова Е.В.* Особенности отбывания, осужденными наказания в виде ограничения свободы с учетом возложенных ограничений // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 8. С. 120–123.
11. *Пермиловская Е.А.* Назначение наказания в виде ограничения свободы // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7. С. 169–175.
12. *Инструкция по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы системы* : приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 11 нояб. 2010 г. № 258 // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф. М., 2010. Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та (дата обращения: 25.06.2022).
13. *Постановление* Октябрьского районного суда г. Томска от 5 мая 2022 г. по делу № 4/16-130/2022 // Архив Октябрьского районного суда г. Томска.

References

1. Interfaks. (2010) *Vse o domashnem areste* [All about house arrest]. [Online] Available from: <https://www.interfax.ru/interview/118269> (Accessed: 25.06.2022).
2. Federal Penitentiary Service of Russia. (n.d.) *Itogi deyatel'nosti uchrezhdeniy, organov i predpriyatiy ugolovno-ispolnitel'noy sistemy: statisticheskiy otchet FSIN-1 za IV kvartal 2021 g., razdel 15 / Svedeniya o deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'nykh inspektsey* [Results of the activities of institutions, bodies, and enterprises of the penitentiary system: Statistical report of the Federal Penitentiary Service-1 for the fourth quarter of 2021, Section 15 / Information on the activities of penitentiary inspectorates]. [Online] Available from: AIS Statistika UIS FSIN Rossii (Accessed: 25.06.2022).
3. The Supreme Court of the Russian Federation. (2010) *O sudebnoy praktike uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya, zameny neotbytoy chasti nakazaniya bolee myagkim vidom nakazaniya: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Ros. Federatsii ot 21 apr. 2009 g. № 8* [On the judicial practice of parole from serving a sentence, replacing the unserved term of the punishment with a milder one: Resolution No. 8 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 21 April 2009]. [Online] Available from: Konsul'tant-Plyus. (Accessed: 25.06.2022).

4. Ministry of Justice of the Russian Federation. (2010) *Instruktsiya ob okazanii sodeystviya v trudovom i bytovom ustroystve, a takzhe okazanii pomoshchi osuzhdennym, osvobozhdaemym ot otbyvaniya nakazaniya v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh ugolovno-ispolnitel'noy sistemy: prikaz Ministerstva yustitsii Ros. Federatsii ot 13 yanv. 2006 g. № 2* [Instructions on assistance in employment and household arrangements, as well as assistance to convicts released from serving sentences in correctional institutions of the penitentiary system: Order No. 2 of the Ministry of Justice of the Russian Federation of 13 January, 2006]. [Online] Available from: Konsul'tant-Plyus. (Accessed: 25.06.2022).
5. Teplyashin, P.V. & Rakhmatulin, Z.R. (2015) Uchet lichnostnykh kharakteristik lits pri naznachenii ugolovnogo nakazaniya v vide ogranicheniya svobody [Accounting for the personal characteristics of persons when imposing a criminal supervised release]. *Sovremennoe pravo*. 12. pp. 133–137.
6. Borsuchenko, S.A. (2015) *Probatsiya: mezhdunarodnye rekomendatsii, zarubezhnyy opyt* [Probation: international recommendations, foreign experience]. Moscow: VGUYu (RPA of the Ministry of Justice of Russia).
7. The Archive of the Kolpashevsky MF FKU UII UFSIN of Russia. (2019) *Lichnoe delo № 3/19* [Personal File No. 3/19].
8. The Supreme Court of the Russian Federation. (2015) *O praktike naznacheniya sudami Rossiyskoy Federatsii ugolovnogo nakazaniya: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Ros. Federatsii ot 22 dek. 2015 g. № 58* [On imposing criminal penalties by the courts of the Russian Federation: Resolution No. 58 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 22 December 2015]. [Online] Available from: Konsul'tant-Plyus. (Accessed: 25.06.2022).
9. The Archive of the Tomsk District Court of Tomsk Region. (2022) *Postanovlenie Tomskogo rayonnogo suda Tomskoy oblasti ot 29 iyunya 2022 g. po delu № 4/17-118/2022* [Resolution of the Tomsk District Court of the Tomsk Region dated June 29, 2022, in Case No. 4/17-118/2022].
10. Kolbasova, E.V. (2015) Osobennosti otbyvaniya, osuzhdennymi nakazaniya v vide ogranicheniya svobody s uchetom vozlozhennykh ogranicheniy [Serving supervised release by convicts, taking into account the imposed restrictions]. *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh*. 8. pp. 120–123.
11. Permilovskaya, E.A. (2018) Naznachenie nakazaniya v vide ogranicheniya svobody [Appointment of punishment of supervised release]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 7. pp. 169–175.
12. Ministry of Justice of the Russian Federation. (2010) *Instruktsiya po organizatsii ispolneniya nakazaniya v vide ogranicheniya svobody: prikaz Ministerstva yustitsii Ros. Federatsii ot 11 noyab. 2010 g. № 258* [Instructions for organizing the execution of supervised release: Order No. 258 of the Ministry of Justice of the Russian Federation of 11 November 2010]. [Online] Available from: Konsul'tantPlyus. (Accessed: 25.06.2022).
13. The Archive of the Oktyabrsky District Court of Tomsk. (2022) *Postanovlenie Oktyabr'skogo rayonnogo suda g. Tomsk ot 5 maya 2022 g. po delu № 4/16-130/2022* [Resolution of the Oktyabrsky District Court of Tomsk dated May 5, 2022, in case No. 4/16-130/2022].

Информация об авторе:

Глазков М.Б. – преподаватель кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы и правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России (Томск, Россия). E-mail: mikhail_nvkg@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.B. Glazkov, lecturer at the Department of Execution of Sentences Not Related to Imprisonment and Legal Support for the Activities of the Penitentiary System of the Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia (Tomsk, Russia). E-mail: mikhail_nvkg@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.10.2022;
одобрена после рецензирования 15.11.2022; принята к публикации 12.12.2022.

The article was submitted 26.10.2022;
approved after reviewing 15.11.2022; accepted for publication 12.12.2022.

Научная статья
УДК 343.2

doi: 10.17223/23088451/20/4

ЭКСТРАОРДИНАРНЫЙ ПОРЯДОК ВВЕДЕНИЯ В ДЕЙСТВИЕ ПОЛОЖЕНИЙ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Игорь Константинович Крижус

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, kryzius@yandex.ru

Аннотация. Освещается важная часть уголовно-правовой политики государства – введение в действие положений уголовного закона. Предметом исследования является порядок введения в действие федеральных законов, изменяющих положения Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Отмечается зависимость эффективности уголовно-правового регулирования от подготовительной деятельности, направленной на приведение положений УК РФ к фактической реализации. Дается классификация порядка введения федеральных законов, изменяющих положения УК РФ. Выделяются два его вида: обычный и экстраординарный.

Ключевые слова: уголовный закон, порядок введения в действие, законодательный процесс, официальное опубликование, криминализация, декриминализация

Для цитирования: Крижус И.К. Экстраординарный порядок введения в действие положений уголовного закона // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 21–24. doi: 10.17223/23088451/20/4

Original article
doi: 10.17223/23088451/20/4

AN EXTRAORDINARY PROCEDURE FOR THE ENFORCEMENT OF CRIMINAL LAW PROVISIONS

Igor K. Krizhus

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, kryzius@yandex.ru

Abstract. The article highlights an important part of the criminal law policy of the state – the introduction of criminal law provisions. The subject of the study is the procedure for enacting federal laws that change the provisions of the criminal code. The author points out the dependence of the effectiveness of criminal law regulation on preparatory activities aimed at bringing the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation to actual implementation. The article provides a classification of ordinary and extraordinary procedures for introducing federal laws that change the provisions of the criminal code.

Keywords: criminal law, enforcement procedure, legislative process, official publication, criminalization, decriminalization

For citation: Krizhus, I.K. (2022) An extraordinary procedure for the enforcement of criminal law provisions. *Ugolov-naya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 20. pp. 21–24. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/20/4

Эффективность уголовно-правового регулирования во многом будет зависеть от того, каким образом уголовный закон введен в действие, в том числе насколько он в целом или отдельные его положения приведены заранее к готовности к действию.

На момент написания настоящей статьи в справочной правовой системе «Консультант Плюс» указывается на 210 редакций Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) с момента его принятия. Большое количество законов, вносящих изменения в действующий уголовный закон, может свидетельствовать о постоянной деятельности законодателя, направленной не только на его постоянную адаптацию к меняющейся действительности, но и на его совершенствование. Безусловно, большая часть положений в уголовный закон вводились в действие в обычном порядке, некоторые – в особенном.

Законодательная деятельность государства, по справедливому утверждению А.В. Шеслера [1. С. 24], реализуется через криминализацию, декриминализацию, пенализацию и депенализацию деяний. Последнее же реализуется через изменение уголовного закона посредством введения в действие или отмены целых нормативных актов или отдельных их положений.

Обычный, или иначе общий, порядок введения в действие законов, вносящих изменения в УК РФ, определен действующей Конституцией РФ, федеральными конституционными законами, федеральными законами и нормативными актами палат Федерального Собрания и самим уголовным законом, ст. 1 которого установила положение, по которому новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в УК РФ.

Введение в действие уголовного закона и (или) законов, предусматривающих уголовную ответствен-

ность – это совокупность действий специальных правомочных субъектов, начиная от подготовки законопроекта и до вступления его в юридическую силу, направленная на криминализацию и декриминализацию, пенализацию и депенализацию деяний с целью уголовно-правового регулирования общественных отношений исходя из уголовно-правовой политики государства.

Исходя из данного определения, введение в действие уголовного закона являет собой не только момент вступления его в силу, а представляется более широким понятием, включающим в себя момент обретения юридической силы как один из составляющих элементов. Однако в юридической научной литературе и практике распространена точка зрения, отождествляющая понятия «введение в действие» и «вступление в силу» закона.

Подобное видение не дает возможность рассмотреть процесс обретения действенной юридической и практической силы уголовного закона подробно, что может не позволить обнаружить значение и важность отдельных мероприятий, направленных на приведение уголовного закона к фактической действенности, осуществляемых при введении его в действие. Фактическая же действенность уголовного закона или отдельных его положений – это способность их порождать, изменять и прекращать соответствующие правоотношения.

Исходя из этой логики, процесс введения уголовного закона в действие как бы разворачивается от идеи законодателя, основанной на объективной необходимости юридического вмешательства в конкретные общественные отношения, до вступления вводимых положений соответствующего нормативного акта в законную силу и представляет собой определенный порядок, совокупность последовательных стадий.

Исследуя введение в действие многих законов, предусматривающих уголовную ответственность и включенных в УК РФ, порядок введения их в действие можно классифицировать на два вида: обычный и экстраординарный.

Экстраординарный порядок выходит из ряда обычных последовательных стадий, направленных на введение закона в действие, носит чрезвычайный характер и может исключать или включать дополнительные необходимые, исходя из условий введения в действие, мероприятия, а также может заключаться в ускоренном или замедленном их проведении.

Рассмотрим в качестве примера для сравнения порядок введения в действие положений уголовного закона, направленных на усиление уголовной ответственности за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Данный Федеральный закон № 3-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» был принят Государственной Думой 18 января 2022 г. и одобрен Советом Федерации 26 января 2022 г., 28 января 2022 г. подписан Президентом РФ. Рассматриваемый закон направлен на усиление уголовной ответственности за совершение преступлений против половой

неприкосновенности несовершеннолетних. Так, за совершение указанных во вводимом законе преступлений было установлено наиболее строгое наказание в виде пожизненного лишения свободы. В части 1 ст. 57 УК РФ было внесено соответствующее корреспондирующее изменение, в соответствии с которым пожизненное лишение свободы устанавливается в том числе за совершение особо тяжких преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних независимо от их возраста.

Введение данного закона в действие происходило в обычном порядке. Так 10 сентября 2021 г. законопроект был внесен в Государственную Думу [2]. Таким образом, с момента внесения законопроекта и до момента подписания закона президентом и вступления в силу потребовалось порядка четырех с половиной месяцев. Все необходимые мероприятия были планомерно осуществлены. Законопроект широко анонсировался, общественность в силу его важности пристально следила за прохождением законопроектом всех стадий. Несмотря на то, что для применения данного закона, возможно, потребовалось бы усиление пенитенциарного аппарата, его дополнительное финансирование, по мнению его авторов, на что указывалось в пояснительной записке, принятие данного Федерального закона «О внесении изменений в статьи 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» не потребует дополнительных бюджетных ассигнований из федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов.

Также стоит указать на то, что большинство мероприятий, составляющих обычный порядок введения закона в действие, имеют характер внутрипарламентского прохождения законопроекта с привлечением к согласованию его текста различных правительственных структур и государственных органов исполнительной и судебной власти. Как таковой законопроект имеет устоявшуюся форму с согласованным содержанием к моменту его одобрения Советом Федерации.

С момента принятия Государственной Думой и опубликованием, а нередко вступлением в силу проходит от силы несколько дней. Этот факт, на наш взгляд, имеет негативный характер. В большинстве случаев принятый Государственной Думой закон – это уже устоявшийся документ, содержание которого не будет пересмотрено, а значит с момента его принятия можно и нужно готовить правовое поле, среду, общественность к неизбежному вступлению его в силу. Более стратегически и практически значимо использовать время с момента опубликования закона и до момента вступления его в силу. Фактически это время, которое с неизбежностью явит к сроку юридически действенный источник права.

Так как Федеральный закон от 28.01.2022 № 3-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» не предусмотрел особого порядка вступления в силу, то данный момент определяется исходя из общего правила, т.е. по истечении 10 дней после дня его официального опубликования. Часто эти необходимые дни протекают «впустую», ни организационно-

управленческие, ни специально-юридические, ни социально-психологические, ни идеологические, ни материально-технические мероприятия, необходимые для подготовки к вступлению положений вводимого закона в силу, не осуществляются, потому рассматриваемый закон был введен в действие в совершенно обычном порядке.

Рассмотрим другой пример. 04 марта 2022 г. Президент РФ подписал Федеральный закон № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», которым была установлена уголовная ответственность за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооруженных Сил России. Этот закон был принят Государственной Думой и одобрен Советом Федерации 4 марта 2022 г.

Было предусмотрено, что данный закон вступает в силу со дня его официального опубликования. Можно, на первый взгляд, сделать вывод, что такой порядок введения в действие носит исключительный, экстраординарный характер, так как был принят, одобрен, подписан и опубликован фактически за одни сутки – с 3 по 4 марта 2022 г.

Однако на сайте Системы обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы [3] содержится информация о прохождении законопроектом, который формально лег в основу этого закона, всех необходимых мероприятий еще начиная с 14 мая 2018 г. Но тот изначальный законопроект, который был внесен в мае 2018 г. и даже рассмотрен во втором чтении 16 мая 2018 г., существенно отличается содержанием от того закона, который был в итоге опубликован и вступил в силу. Фактически данный закон с новым отличающимся его содержанием был введен в действие всего за 4 дня (с 16 по 18 мая 2018 г. и с 3 по 4 марта 2022 г.). Это все-таки указывает на его экстраординарный порядок введения в действие, вызванный особыми геополитическими реалиями, что отразилось на уголовно-правовой политике государства, как видно на этом конкретном примере.

В данном случае мы не наблюдаем фактического реального содержательного осуществления мероприятий, направленных на введение этого закона в действие в обычном порядке. Это обусловлено скоростью принятия закона, его неотлагательным характером. Но подобная спешка и неподготовленность приводят к ожидаемо негативным последствиям. Так, уже 25.03.2022 Федеральным законом № 63-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и ст. 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» были внесены существенные изменения. Законодатель решил, что наказуемо должно быть не только публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, но и подобной информации об исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий. Так, содержание ч. 1 ст. 207.3 было расширено путем включения в диспозицию и распространение информации, содержащей данные об

исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в указанных целях.

Введенная в действие и вступившая в силу ст. 280.3 УК РФ «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях» также была изменена Федеральным законом от 25.03.2022 № 63-ФЗ, первоначально была введена Федеральным законом от 04.03.2022 № 32-ФЗ, что свидетельствует о спешке при введении в действие. На это указывает последующая срочная корректировка его положений.

Очевидно, что подобная скорость при введении положений уголовного закона в действие обязательно пагубно сказывается и на содержании вводимых норм. Так, понятие дискредитации, привнесенное рассматриваемым законом в уголовный кодекс, не раскрывается в УК РФ, хотя данный термин используется в других сферах, но является новым для языка уголовного закона. Как будет правоприменитель толковать его содержание – непонятно, наверное, каждый, исходя из уровня развития своего правового профессионального сознания. Если бы рассматриваемые положения, включаемые в уголовный закон, вводились в действие в обычном порядке, то широкая общественность, будущие его правоприменители обратили бы внимание, дали обратную связь законодателю, последний бы озадачился и мог дать легальное определение этому понятию, чтобы избежать перетолков. А сейчас получается, что норма вступила в силу, а как ее толковать, а соответственно, и применять – непонятно. В итоге норма есть, но фактически может не работать на практике.

Как видно из приведенных примеров, недостаточно просто формально ввести в действие определенные положения уголовного закона. Вступившие в силу нормы уголовного закона юридически являются действующими, но на практике пока не применяются повсеместно не потому, что подобных деяний не совершается, а потому, что никто не знает четкого механизма применения, нет понимания официального толкования, практика не выработана, прецедентов нет, разъяснений нет. Безусловно, благодаря самому существованию данных норм в какой-то степени может достигаться их цель по предупреждению запрещенных ими деяний, что свидетельствует о достижении определенного результата, на который рассчитывал законодатель.

Так и недостаточно четкие и понятные формулировки положений, изменяющих уголовное законодательство, как и цели их принятия, вызывают некоторые опасения относительно правоприменительной практики по ним. Например, опыт правоприменения аналогичных норм в отношении распространения недостоверной информации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции, которые также были введены в действие в ускоренном, экстраординарном порядке, может показать, как именно будет развиваться практика. Можно

предположить, что будет возбуждено много уголовных и административных дел, которые, безусловно, сыграют роль превентивного буфера. После чего количество дел будет стремиться к уменьшению их числа.

Объективно напрашивается вывод, что если положения уголовного закона вводятся в действие хотя и в экстраординарном порядке, но работа СМИ по освещению события вступления в силу таких положений проводится колоссальная, то превентивный эффект от этих положений наблюдается явно. Однако это не умаляет важности иных подготовительных мероприятий и их дефицита при экстраординарном порядке введения положений уголовного закона в действие.

Однако рассматриваемые в данной статье примеры красноречиво показывают и негативные последствия пренебрежения обычным порядком введения положений уголовного закона в действие, могут свидетельствовать о сырости нормативного материала, его неподготовленности, что в конечном счете сказывается на его фактической полноценности.

Отступление от обычного порядка введения в действие может случиться и по иным причинам, не только в

связи со срочной необходимостью принятия законов, изменяющих положения действующего уголовного закона. Потому возможна и дальнейшая классификация порядков введения в действие уголовного закона при более детальном рассмотрении причин, их вызывающих. Например, декриминализация деяний возможна и в упрощенном порядке, хотя и процедура таковой основана на принятии соответствующего закона, но экстраординарный порядок более оправдан, чем при введении в уголовный закон криминализирующих деяния положений.

Общий порядок введения в действие положений уголовного закона, по нашему мнению, часто формален, «автоматичен» и не содержит многих мероприятий, которые могли бы лучше подготовить уголовно-правовое поле в теоретической и практической связи. Потому экстраординарный порядок может не только упрощать или ускорять введение в действие положений уголовного закона, но и в некоторых случаях тщательнее готовить закон к моменту вступления в силу этих положений, без поспешности и осуществляя дополнительные обеспечительные их фактическую действенность и применимость мероприятия.

Список источников

1. Шеслер А.В. Уголовно-правовая политика : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Новокузнецк : Кузбасский институт ФСИН России, 2018. 78 с.
2. Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1248305-7> (дата обращения: 20.04.2022).
3. Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/464757-7> (дата обращения: 20.04.2022).

References

1. Shesler, A.V. (2018) *Ugolovno-pravovaya politika* [Criminal Law Policy]. 2nd ed. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
2. The State Duma of the Russian Federation. (n.d.) *O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1248305-7> (Accessed: 20.04.2022).
3. The State Duma of the Russian Federation. (n.d.) *O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i stat'i 31 i 151 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31 and 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/464757-7> (Accessed: 20.04.2022).

Информация об авторе:

Крижус И.К. — кандидат юридических наук, соискатель кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kryzius@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.K. Krizhus, Cand. Sci. (Law), doctoral candidate of the Department of Criminal Law of the Law Institute of the National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: kryzius@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.11.2022;
одобрена после рецензирования 28.11.2022; принята к публикации 11.12.2022.

The article was submitted 17.11.2022;
approved after reviewing 28.11.2022; accepted for publication 12.12.2022.

Научная статья
УДК 343.533

doi: 10.17223/23088451/20/5

К ПРОБЛЕМАМ ДАЛЬНЕЙШЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГЛАВЫ 22 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Игорь Владиславович Лозинский

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, Kafedra.ups@mail.ru

Аннотация. Анализируются внесенные в Главу 22 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) в июне – июле 2021 г. изменения, отраженные в Федеральных законах РФ от 11 июня 2021 г. № 215-ФЗ, от 11 июня 2021 г. № 216-ФЗ, от 01 июля 2021 г. № 241-ФЗ, от 01 июля 2021 г. № 248-ФЗ, от 01 июля 2021 г. № 262-ФЗ, от 01 июля 2021 г. № 293-ФЗ. Рассматривается, насколько их достаточно для решения проблем дальнейшего совершенствования указанной Главы. Обсуждается необходимость этих изменений для решения данных проблем. Даются предложения о путях решения проблем дальнейшего совершенствования этой Главы УК РФ.

Ключевые слова: совершенствование, Глава 22 Уголовного кодекса, Уголовный кодекс Российской Федерации

Для цитирования: Лозинский И.В. К проблемам дальнейшего совершенствования Главы 22 Уголовного кодекса Российской Федерации // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 25–32. doi: 10.17223/23088451/20/5

Original article
doi: 10.17223/23088451/20/5

ON FURTHER IMPROVEMENT OF CHAPTER 22 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Igor V. Lozinskiy

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, Kafedra.ups@mail.ru

Abstract. The article analyzes the changes to Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation on the basis of the Federal Laws of the Russian Federation No. 215-FZ of June 11, 2021, No. 216-FZ of June 11, 2021, No. 241-FZ of July 1, 2021, No. 248-FZ of July 01, 2021, No. 262-FZ of July 1, 2021, and No. 293-FZ of July 01, 2021. It has been established that the changes introduced by these Laws are not enough to improve the Chapter in full. After the introduction of the indicated changes, Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation was supplemented with a new law – Article 171.5, which provides for liability for “illegal provision of consumer loans”, which indicates the “expansion” of criminal law interference in the sphere of economic activity. The “expansion” was to eliminate the legislative gap in this Chapter. The changes also “expanded” the scope of Article 183 of the Criminal Code of the Russian Federation, since its new edition provides for liability for a greater number of criminally punishable methods of obtaining tax, banking and commercial secrets, like blackmail, deceit, and coercion. Moreover, the indicated changes “expanded” the scope of Articles 195 and 196 of the Criminal Code of the Russian Federation. Their new editions determine the qualifying signs of committing criminal bankruptcies. Besides, the scopes of application of other norms that make up Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation have also been “expanded” – for example, the new version of Article 194 of the Criminal Code of the Russian Federation, along with evasion from paying customs duties, establishes liability for evading payment of special, anti-dumping and / or countervailing duties. In the new wording of Article 172.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, liability for forging financial accounting and reporting documents has been extended to foreign insurance companies operating in the Russian Federation. The new version of Article 171.1 of the Criminal Code of the Russian Federation also provides for liability for the use of knowingly counterfeit means of identification for marking goods. However, the author has analysed the shortcomings of the legislative structure of Article 191 of the Criminal Code of the Russian Federation and concluded that, despite all those changes, there are still problems of further improvement of Chapter 22. Having analysed the rest of Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation using the comparative and analytical method, the author argues that out of 60 provisions that make up Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation, only 12 of them are applied. The remaining 48 provisions are practically inapplicable. Moreover, there is a significant legislative gap in this Chapter, since there are no provisions providing for criminal liability for committing crimes of a raider nature. Some of the provisions are varieties of acts that do not constitute an encroachment on social relations in the field of economic activity. Thus, further improvement of Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation requires, on the one hand, the formation of a range of acts that, by their legal nature, are attacks on business and competition relations. This range of acts can be formed through both the criminalization of new acts, which are criminal attacks on these relations, and the decriminalization of acts, the fight against which is possible with less repressive, non-criminal measures, as well as acts that are not attacks on these relations. On

the other hand, the problems can be solved by the “transfer” of individual acts prohibited by Chapter 22, which are crimes of minor gravity, into the category of criminal offenses. In the future, Chapter 22 may also include new laws, which would provide for criminal liability for committing crimes of minor gravity.

Keywords: improvement, Chapter 22 of the Criminal Code, Criminal Code of the Russian Federation

For citation: Lozinskiy, I.V. (2022). On further improvement of Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 20. pp. 25–32. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/20/5

В течение июня – июля 2021 г. в Главу 22 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), охраняющую общественные отношения в сфере экономической деятельности, законодатель снова внес серьезные поправки. На основании Федерального закона РФ от 11 июня 2021 г. № 215-ФЗ указанная Глава дополнена законодательной новеллой – ст. 171.5 УК РФ – «Незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов)». Субъект деяния, запрещаемого данной новеллой, как и субъект деяния, запрещаемого ст. 171 УК РФ, – лицо, осуществляющее незаконную предпринимательскую деятельность, поскольку, согласно диспозиции ст. 171.5, это лицо, аналогично диспозиции ст. 171, не имеет лицензии на осуществление деятельности по выдаче потребительских кредитов, займов.

Таким образом, по своей правовой природе деяние, запрещаемое ст. 171.5 УК РФ, является одной из разновидностей незаконной предпринимательской деятельности. В обозначенной ситуации имеет место «дробление» ст. 171 УК РФ на уголовно-правовые нормы с «узкой» зоной их действия. Примеры аналогичного «дробления» – нормы, устанавливающие уголовную ответственность за совершение отдельных разновидностей мошенничества (ст. 159–159.7), а также нормы, направленные на охрану рынка ценных бумаг (ст. 185–185.6). Результат рассматриваемого «дробления», с одной стороны, – «расширение» уголовного законодательства РФ, с другой – исключается применение уголовного закона по аналогии, что противоречит принципу законности уголовного права, закрепленному в ст. 3 УК РФ. Таким образом, дополнение законодателем УК РФ ст. 171.5 является правомерным, поскольку, согласно ее диспозиции, лиц, совершающих запрещаемое ею деяние, невозможно привлечь к ответственности по ст. 172 УК РФ. Привлечение указанных лиц к уголовной ответственности по ст. 171 также представляло собой применение уголовного закона по аналогии. Таким образом, данное «дробление» ст. 171 УК РФ, приведшее к «расширению» Главы 22 УК РФ, позволяет устранить существенный пробел в отечественном уголовном законодательстве, охраняющем общественные отношения в сфере экономической деятельности.

Одновременно с криминализацией рассмотренной разновидности незаконной предпринимательской деятельности, существенным законодательным поправкам подверглись и иные нормы, составляющие указанную Главу. Так, на основании Федерального закона РФ от 11 июня 2021 г. № 216-ФЗ поправки внесены и в ст. 183 УК РФ. В новой ее редакции законодателем

установлена уголовная ответственность за доступ к коммерческой тайне путем «шантажа, обмана либо принуждения». Таким образом, перечень уголовно наказуемых способов получения налоговой, банковской и коммерческой тайны в новой редакции ст. 183 оказался «шире». Представляется, что в результате данного «расширения» сферы действия указанной уголовно-правовой нормы окажется устраненным значительный законодательный пробел.

Кроме ст. 183 УК РФ, внесению значительных законодательных поправок подверглись и нормы, устанавливающие уголовную ответственность за совершение криминальных банкротств – ст. 195, 196 УК РФ. На основании Федерального закона РФ от 01 июля 2021 г. № 241-ФЗ ст. 195 УК РФ дополнена ч. 1.1, предусматривающей ответственность за «неправомерные действия при банкротстве», перечисленные в ее ч. 1, «с использованием лицом своего служебного положения, а равно контролирующим должника лицом либо руководителем этого контролирующего лица». Также указанная норма дополнена ч. 2.1, предусматривающей уголовную ответственность за «деяние, предусмотренное ее ч. 2, совершенное арбитражным управляющим или председателем ликвидационной комиссии (ликвидатором), а также контролирующим должника лицом либо руководителем этого контролирующего лица». Кроме того, ст. 195 УК РФ дополнена ч. 4, 5, предусматривающими уголовную ответственность за «совершение неправомерных действий при банкротстве с использованием лицом своего служебного положения, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой». Изменена редакция и ст. 196 УК РФ – в результате в ч. 1 ее дается новая, «расширенная» по сравнению с предыдущей, дефиниция «преднамеренного банкротства». Одновременно указанная норма дополнена и ч. 2, предусматривающей уголовную ответственность за совершение запрещаемого ею деяния как «лицом с использованием своего служебного положения или контролирующим должника лицом либо руководителем этого контролирующего лица», так и «группой лиц по предварительному сговору или организованной группой».

Таким образом, диспозиции обозначенных уголовно-правовых норм дополнены квалифицирующими признаками совершения запрещаемых ими деяний. В результате имеет место «расширение» зоны действия этих уголовно-правовых норм. Указанное «расширение», по нашему мнению, является правомерным, поскольку в результате его оказался устраненным значительный законодательный пробел. Следует отметить,

что большая часть криминальных банкротств в РФ совершается именно в соучастии, организованными группами [1. С. 11]. Представляется, что в результате данного «расширения» уголовно-правового вмешательства в сферу экономической деятельности привлечение к уголовной ответственности за совершение криминальных банкротств для правоприменителя станет менее сложным.

Одновременно значительные законодательные поправки были внесены и в иные нормы, составляющие Главу 22 УК РФ. На основании Федерального закона РФ от 01 июля 2021 г. № 248-ФЗ эти поправки внесены и в ст. 194 УК РФ. В новой ее редакции законодатель установил уголовную ответственность за уклонение от уплаты не только таможенных платежей, но и за «уклонение от уплаты специальных, антидемпинговых и (или) компенсационных пошлин». Как и в предыдущих, в рассматриваемой ситуации в результате внесения законодательных поправок также имеет место «расширение» зоны действия данной уголовно-правовой нормы. Представляется, что это «расширение» также обосновано, поскольку для правоприменителя станет более эффективной борьба с уклонением от уплаты и иных пошлин, имеющих место при осуществлении внешнеэкономической деятельности. Таким образом, устранен значительный законодательный пробел.

На основании Федерального закона РФ от 01 июля 2021 г. № 262-ФЗ изменения внесены в ст. 172.1 УК РФ. В новой ее редакции уголовная ответственность за фальсификацию финансовых документов учета и отчетности распространяется и на иностранные страховые компании, осуществляющие свою деятельность в Российской Федерации. Таким образом, в результате этих законодательных поправок не возникнет сложностей в определении субъекта деяния, запрещаемого ст. 172.1 УК РФ.

И на основании Федерального закона РФ от 01 июля 2021 г. № 293-ФЗ законодатель внес изменения в ст. 171.1 УК РФ. В новой редакции ее ч. 1, 3 предусмотрена уголовная ответственность и за «использование заведомо поддельных средств идентификации для маркировки товаров». Таким образом, имеет место «расширение» зоны действия рассматриваемой уголовно-правовой нормы. Представляется, что в результате указанного «расширения», аналогично предыдущим ситуациям, также окажется устраненным значительный пробел в УК РФ в части охраны общественных отношений в сфере экономической деятельности.

По нашему мнению, этих изменений недостаточно для решения проблем дальнейшего совершенствования Главы 22 УК РФ. Проанализировав ее содержание, следует отметить, что обозначенная Глава является наибольшей по объему в УК РФ, она «объединяет» 60 уголовно-правовых норм. Данная ситуация – результат деятельности законодателя по совершенствованию этой Главы, представляющей собой исключительно криминализацию новых деяний, что имеет место и после внесения в нее рассмотренных ранее изменений. Указанная ситуация, на наш взгляд, объясняется желанием законодателя внести точность в УК РФ пре-

имущественно посредством криминализации новых деяний. Этим же объясняется и «частичная» криминализация уже существующих уголовно-правовых норм. В юридической литературе отмечено, что преступления, ответственность за совершение которых установлена нормами Главы 22 УК РФ, являются серьезной угрозой экономической безопасности России [2. С. 18]. Однако, несмотря на это, на практике наиболее часто применяются ст. 171–172.3 УК РФ, предусматривающие ответственность за совершение незаконного предпринимательства и незаконной банковской деятельности; ст. 175 УК РФ, предусматривающей ответственность за приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем; ст. 186, 187 УК РФ, предусматривающие ответственность за изготовление или сбыт поддельных денег и кредитных карт [2. С. 19]. Таким образом, для борьбы с указанной угрозой фактически применяется только 12 норм из 60, или 20%. Остальные же 48, или 80%, практически неприменимые, «мёртвые» нормы. Это еще в 1998 г. отмечал Л.Д. Гаухман [3. С. 22]. Таким образом, за 25 лет действия УК РФ ситуация в сфере борьбы с преступлениями, наказуемыми нормами его Главы 22, несмотря на постоянно вносимые законодателем в данную Главу поправки, фактически не изменилась.

На наш взгляд, обозначенная ситуация объясняется как сложной законодательной конструкцией диспозиций большей части норм, составляющих Главу 22 УК РФ, так и тем, что большая часть этих норм имеет бланкетные диспозиции. Примером является ст. 191, устанавливающая ответственность за нарушение порядка оборота драгоценных, полудрагоценных камней, металлов, жемчуга. Ее диспозиция является бланкетной, что каждый раз при ее практическом применении предполагает необходимость обращаться к нормам иных отраслей права, в частности, к положениям Федерального закона РФ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» [4. С. 21]. В связи с этим в юридической литературе отмечается о необходимости совершенствования действующей редакции ст. 191 УК РФ. Указанное совершенствование предполагает «в Примечании 1 к ней для целей настоящей статьи дефиницию таких элементов ее диспозиции, как ювелирные и другие изделия, лом этих изделий, перечень полудрагоценных и драгоценных камней» [5. С. 69]. Таким образом в диспозицию ст. 191 вносится точность толкования некоторых элементов ее диспозиции. Представляется, что в результате принятия законодателем во внимание этих предложений ученых окажется устраненной сложность законодательной конструкции данной уголовно-правовой нормы. Следует согласиться с мнением отдельных ученых, что ст. 191 УК РФ фактически охраняет «бюджетные правоотношения, направленные на бюджетное обеспечение осуществления гражданами их прав и свобод, реализацию их законных интересов, а также обеспечение всех сфер общественной жизни и деятельности» [4. С. 21]. Таким образом, дальнейшее совершенствование рассматриваемой уголовно-правовой нормы является необходимым.

Кроме этого, необходимо совершенствовать и другие нормы указанной Главы. Нами ранее отмечалось о

направлениях совершенствования некоторых из них [6. С. 157]. Несмотря на это, законодателем обозначенные направления так и не были приняты во внимание. Таким образом, Глава 22 УК РФ по-прежнему далека от совершенствования. В частности, в указанной Главе отсутствуют нормы, предусматривающие уголовную ответственность за совершение преступлений рейдерского характера. В юридической литературе справедливо отмечается, что данные преступления представляют собой «заметный дестабилизирующий фактор социально-экономической жизни страны» [7. С. 49].

Таким образом, общественная опасность рассматриваемого противоправного поведения в сфере экономической деятельности достаточно высока. Следует отметить, что в действующем отечественном законодательстве фактически отсутствует какое-либо понятие рейдерства. В юридической литературе под рейдерством понимается «враждебное и незаконное поглощение бизнеса с помощью специально инициированного бизнес-конфликта» [7. С. 49]. Следуя приведенной точке зрения, по своей правовой природе рейдерство возможно рассматривать как посягательство на общественные отношения в сфере предпринимательской деятельности, состоящее в противоправном захвате, поглощении одним предпринимателем бизнеса другого предпринимателя. В результате этого возможно банкротство не только предпринимателей – физических лиц, но и стратегических, социально значимых предприятий. Таким образом, возникает необходимость усиления уголовной ответственности с рейдерскими захватами (рейдерством). В Уголовном кодексе РФ имеется достаточно большое количество норм, по которым возможно привлечение к ответственности лиц за совершение рейдерских действий: ст. 159 УК РФ – «Мошенничество» – если имело место составление фиктивного протокола внеочередного собрания акционеров; ст. 160 УК РФ – «Присвоение или растрата» – если имело место противоправное безвозмездное обращение имущества, вверенного лицу, в свою пользу либо пользу иных лиц, в результате которого собственнику имущества причинен ущерб; ст. 161 УК РФ – «Грабеж» – если имело место открытое завладение объектом собственности; ст. 169 УК РФ – «Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности» – если имели место неправомерный отказ в регистрации юридического лица, а также уклонение от его регистрации; ст. 170 УК РФ – «Регистрация незаконных сделок с землей»; ст. 170.1 УК РФ – «Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета»; ст. 171 УК РФ – «Незаконное предпринимательство» – если имело место предоставление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, документов, содержащих заведомо ложные сведения; ст. 185.2 УК РФ – «Нарушение порядка учета прав на ценные бумаги»; ст. 185.5 УК РФ – «Фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества»; ст. 201

УК РФ – «Злоупотребление полномочиями» – если имело место использование лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой организации, своих полномочий вопреки интересам этой организации с целью извлечения выгод; ст. 202 УК РФ – «Злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами» – если нотариус в личных интересах свидетельствовал подлинность копии документов либо подписи определенного лица, при этом если он не убедился в подлинности их с целью извлечения собственной выгоды; ст. 204 УК РФ – «Коммерческий подкуп» – если в результате подкупа руководителя коммерческой организации последней может быть причинен значительный экономический ущерб; ст. 285 УК РФ – «Злоупотребление должностными полномочиями»; ст. 285.3 УК РФ – «Внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений»; ст. 286 УК РФ – «Превышение должностных полномочий»; ст. 290 УК РФ – «Получение взятки»; ст. 291 УК РФ – «Дача взятки»; ст. 303 УК РФ – «Фальсификация доказательств по гражданскому делу»; ст. 305 УК РФ – «Вынесение заведомо неправосудного решения или иного судебного акта»; ст. 327 УК РФ – «Подделка, изготовление поддельных документов» – если имело место предоставление в налоговые органы заведомо подложных документов для государственной регистрации, а также заведомо подложного протокола общего собрания акционеров об избрании нового руководителя предприятия; ст. 330 УК РФ – «Самоуправство» [7. С. 54].

Таким образом, в данной ситуации доказать факт именно рейдерских действий для привлечения за их совершение лица к уголовной ответственности достаточно сложно, поскольку объективная сторона этих действий частично «совпадает» с объективной стороной обозначенных ранее деяний. В юридической литературе предлагается в качестве объективной стороны рейдерства рассматривать «совершение обманных действий в целях незаконного получения чужого имущества или права на имущество для извлечения материальной выгоды, влекущей за собой воспрепятствование законной предпринимательской деятельности» [7. С. 52]. Таким образом, следуя данной точке зрения, рейдерство возможно рассматривать исключительно как «обманные действия, направленные на завладение чужим имуществом для воспрепятствования законной предпринимательской деятельности». По нашему мнению, приведенная точка зрения является правильной, поскольку «поглощение» чужого бизнеса предполагается путем совершения различных обманных действий, направленных на присвоение имущества, принадлежащего «поглощаемому» физическому либо юридическому лицу. Представляется, что, исходя из этого, возможно законодательное толкование рейдерства именно как «специальных обманных действий». В рассматриваемой ситуации, на наш взгляд, необходима законодательная дефиниция указанных «обманных действий», что позволит наиболее точно сформулировать объективную сторону рейдерства как уголовно наказуемого деяния. По нашему мнению, возможно как описание данных действий в самой диспозиции уголовно-

правовой нормы, предусматривающей ответственность за совершение рейдерства, так и в виде отдельного Примечания к этой норме. Одновременно следует выделить и субъективные признаки рейдерства. Таким образом, субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется прямым умыслом, направленным на «поглощение» чужого бизнеса. Субъект его – вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста [7. С. 53]. Представляется, что принятие законодателем указанных предложений по формулированию специальной уголовно-правовой нормы, направленной на борьбу с преступлениями рейдерского характера, позволит ему создать эту норму наиболее понятной для ее адресатов. Результат – устранение серьезного законодательного пробела в Главе 22 УК РФ.

Одновременно с криминализацией новых деяний возможна и декриминализация отдельных деяний, наказуемых нормами указанной Главы. Нами ранее отмечалось, что Глава 22 УК РФ содержит достаточно большое количество норм, устанавливающих уголовную ответственность и за совершение деяний, не являющихся посягательствами на рассматриваемые общественные отношения [6. С. 44]. К последним, по нашему мнению, следует отнести, например, «Незаконное получение кредита», наказуемое по ст. 176 УК РФ; «Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности», наказуемое по ст. 177 УК РФ; «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)», наказуемое по ст. 180 УК РФ. Проанализировав правовую природу обозначенных деяний, следует отметить, что деяние, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 176 УК РФ, представляет собой одну из разновидностей мошенничества – мошенничество в сфере получения различных кредитов. Для борьбы с этим видом мошенничества законодателем установлена специальная уголовно-правовая норма – ст. 159.1 УК РФ – «Мошенничество в сфере кредитования». Таким образом, возникает вопрос, насколько необходима ст. 176 в УК РФ. Следуя логике законодателя, ст. 176 УК РФ подлежит применению лишь в том случае, если кредит незаконно получает либо индивидуальный предприниматель, либо руководитель организации, в том числе и некоммерческой. Таким образом, субъект преступления, запрещаемого ст. 176, – специальный. В отличие от указанной нормы, субъект преступления, запрещаемого ст. 159.1 УК РФ, специальным не является. Представляется, что в обозначенной ситуации более эффективной окажется именно ст. 159.1, поскольку для применения ее необязательно, чтобы виновное лицо являлось либо индивидуальным предпринимателем, либо руководителем коммерческой или некоммерческой организации. Таким образом, как направление совершенствования Главы 22 УК РФ следует рассматривать декриминализацию незаконного получения кредита. Представляется, что в результате указанной декриминализации окажется возможным избежать и «перегрузку» данной Главы практически неприменимой нормой.

Одновременно, по нашему мнению, обоснованно возникает вопрос и о необходимости существования в

УК РФ ст. 177. По своей правовой природе запрещаемое ею деяние представляет собой преступление против правосудия, поскольку привлечение к уголовной ответственности по этой норме возможно именно «после вступления в законную силу судебного акта». Ранее нами отмечалось об ошибочном включении законодателем данной уголовно-правовой нормы именно в Главу 22 УК РФ [6. С. 48]. По нашему мнению, исправление указанной ошибки возможно путем декриминализации деяния, запрещаемого ст. 177 УК РФ, поскольку в Главе 31 УК РФ – «Преступления против правосудия» – имеется ст. 315, устанавливающая ответственность за «Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта», по своей правовой природе аналогичная ст. 177. При этом сфера действия ст. 315 УК РФ «шире», чем ст. 177 УК РФ, поскольку последняя, согласно ее законодательной конструкции, применяется только в случае наличия такого оценочного признака, как «крупный размер». В данной ситуации, на наш взгляд, необходимо в диспозицию ст. 315 УК РФ ввести элемент и «злостное уклонение от исполнения судебных актов». Представляется, что в результате станет возможным избежание «перегрузки» Главы 22 УК РФ нормой, предусматривающей ответственность за деяние, не являющееся по своей правовой природе посягательством на общественные отношения в исследуемой сфере.

Также, по нашему мнению, вполне обоснованно возникает вопрос и о том, насколько необходима в Уголовном кодексе РФ ст. 180. Нами уже отмечалось, что деяние, запрещаемое указанной уголовно-правовой нормой, как и деяния, запрещаемые ст. 176–177 УК РФ, по своей правовой природе не является посягательством на общественные отношения, возникающие при осуществлении экономической деятельности, а представляет собой преступление против порядка управления [6. С. 46]. Проведя анализ ст. 180 УК РФ, следует отметить, что данная уголовно-правовая норма является специальной по отношению к ст. 146 УК РФ, устанавливающей ответственность за «Нарушение авторских и смежных прав», поскольку товарный знак представляет собой интеллектуальную собственность, аналогичную произведениям литературы либо искусства. В настоящей редакции УК РФ эти нормы законодателем введены в совершенно различные его Главы и Разделы. Статья 146 – в Главу 19 – «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» Раздела VII – «Преступления против личности». Статья 180 – в Главу 22 – «Преступления в сфере экономической деятельности» Раздела VIII – «Преступления в сфере экономики». Таким образом, декриминализация деяния, запрещаемого ст. 180 УК РФ, вполне обоснована. Одновременно для правильного решения обозначенной проблемы законодателю необходимо либо дополнение диспозиции ст. 146 УК РФ отдельными частями, которые устанавливают ответственность именно за незаконное использование средств индивидуализации товаров, работ и услуг, либо дополнение Главы 19 УК РФ отдельной нормой, устанавливающей ответственность за совершение указанного деяния. По нашему мнению, в результате декриминализации деяния, запрещаемого

ст. 180 УК РФ, как и в результате декриминализации деяний, запрещаемых ст. 176, 177 УК РФ, также окажется возможным избежание «перегрузки» Главы 22 УК РФ нормой, устанавливающей ответственность за совершение преступления, которое не относится к экономическим.

Кроме декриминализации некоторых деяний, ответственность за совершение которых предусмотрена нормами, составляющими Главу 22 УК РФ, как направление ее совершенствования возможен и «перевод» отдельных деяний, запрещаемых указанными нормами, в категорию уголовных проступков. В юридической литературе высказываются вполне обоснованные точки зрения о необходимости выделения в данную категорию отдельных деяний, имеющих минимальную степень общественной опасности [8. С. 55]. Не являются исключением и деяния, наказуемые нормами Главы 22 УК РФ. В качестве последних рассматривается большинство деяний, запрещаемых этими нормами. По мнению отдельных ученых, к уголовным проступкам из них не могут быть отнесены только деяния, запрещаемые ч. 1 ст. 174 УК РФ, ч. 1 ст. 174.1 УК РФ, ч. 1 ст. 199.3 УК РФ [8. С. 60]. На наш взгляд, невозможность рассматривать обозначенные деяния в качестве уголовных проступков выглядит неправомерной, поскольку, следуя Уголовному кодексу РФ, они относятся к преступлениям небольшой тяжести, за совершение которых законодателем даже не предусмотрено наказание в виде лишения свободы. При этом как уголовные проступки могут рассматриваться запрещаемые Главой 22 УК РФ деяния, которые являются и преступлениями средней тяжести. Например, деяние, запрещаемое ч. 2 ст. 171 УК РФ, за совершение которого предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет. Таким образом, имеет место «произвольный» подход законодателя к решению этой проблемы. По нашему мнению, для ее правильного решения необходим научный подход со стороны законодателя. Обозначенный подход также должен основываться и на мнении практических работников. Согласно проведенному нами опросу, большинством из них было высказано мнение о необходимости гуманизации отечественного уголовного законодательства для борьбы с преступлениями данной группы [6. С. 116]. Представляется, что предполагаемый перевод ряда деяний, ответственность за совершение которых установлена нормами Главы 22 УК РФ, в категорию уголовных проступков следует рассматривать как гуманизацию Уголовного кодекса РФ.

Таким образом, возможны следующие пути решения проблем дальнейшего совершенствования Главы 22 УК РФ. В качестве одного из них следует рассматривать криминализацию новых деяний. Несмотря на криминализацию законодателем в июне 2021 г. незаконного осуществления деятельности по предоставлению потребительских кредитов, займов, в указанной Главе так и имеют место серьезные законодательные пробелы, в частности, в ней отсутствуют нормы, предусматривающие уголовную ответственность за совершение преступлений рейдерского характера. По нашему мнению, обозначенный пробел в Главе 22 УК

РФ не является единственным. Таким образом, далее не исключена криминализация и новых деяний, посягающих на общественные отношения в сфере экономической деятельности.

Одновременно как путь решения обозначенной проблемы возможно рассматривать декриминализацию некоторых деяний, ответственность за совершение которых установлена нормами Главы 22 УК РФ. На наш взгляд, в связи с необходимостью гуманизации отечественного уголовного законодательства, а следовательно, и «сокращения» уголовно-правового вмешательства в сферу экономической деятельности, путь декриминализации деяний в этой ситуации в деятельности законодателя должен быть более предпочтительным по сравнению с их криминализацией. Представляется, что, наряду с высказанными ранее предложениями по декриминализации отдельных деяний, в перспективе возможна декриминализация и иных деяний, ответственность за совершение которых установлена нормами указанной Главы.

В качестве пути решения проблемы совершенствования Главы 22 УК РФ рассматривается как частичная криминализация, так и частичная декриминализация некоторых деяний, запрещаемых составляющими ее нормами. Частичная криминализация при этом позволит исключить законодательные пробелы, имеющие место в ряде обозначенных норм, что даст возможность «оживить» их, исключив как необоснованное освобождение от уголовной ответственности совершивших их лиц, так и применение этих норм по аналогии, противоречащее принципу законности уголовного права. При частичной декриминализации возможно «сокращение» зоны действия соответствующих уголовно-правовых норм, и, как результат – «сокращение» уголовно-правового вмешательства в исследуемую сферу, что в настоящее время актуально [6. С. 116].

Как путь решения указанной проблемы, возможно рассматривать и «перевод» отдельных деяний, наказуемых составляющими Главу 22 УК РФ нормами, в категорию уголовных проступков. Представляется, что с целью недопущения законодательных ошибок, в обозначенной ситуации необходимо проведение мониторинга норм, устанавливающих уголовную ответственность за совершение деяний, которые возможно «перевести» в категорию уголовных проступков. Одновременно проведение указанного мониторинга необходимо и для правильного решения вопроса о криминализации либо декриминализации определенных деяний, посягающих на общественные отношения, охраняемые нормами Главы 22 УК РФ.

Таким образом, проблемы дальнейшего совершенствования данной Главы невозможно решать путем только криминализации деяний либо путем только декриминализации деяний. Несмотря на это, законодатель по-прежнему следует по пути именно криминализации деяний. С одной стороны, благодаря криминализации деяний, оказываются устраненными законодательные пробелы, с другой – может иметь место и «перегрузка» Главы 22 УК РФ как «мертворожденными» нормами, так и нормами, устанавливающими уголов-

ную ответственность за деяния, по своей правовой природе не являющиеся посягательствами на рассматриваемые общественные отношения. Проанализировав составляющие Главу 22 УК РФ нормы, следует отметить, что большая часть из них и предусматривает уголовную ответственность именно за совершение указанных деяний. Нами ранее уже отмечалось об этой ошибке законодателя [6. С. 44]. Представляется, что во избежание ее необходимо наличие определенного критерия, согласно которому возможно отнесение определенных деяний к преступлениям обозначенной группы. По нашему мнению, таким критерием должен быть видовой объект соответствующего деяния – только предпринимательские отношения. Следуя рассматриваемой логике, станет возможным правильно сформировать круг деяний, представляющих по своей правовой природе преступные посягательства именно на эти отношения. Представляется, что в результате окажется возможным избежать «перегрузки» Главы 22 УК РФ нормами, запрещающими деяния, которые фактически не представляют посягательств на указанные общественные отношения.

На наш взгляд, правильно сформировать круг обозначенных деяний возможно и посредством декриминализации некоторых деяний, запрещаемых нормами данной Главы. В рассматриваемой ситуации представляется необходимым проведение мониторинга этих уголовно-правовых норм с целью принятия законодателем правильного решения о декриминализации конкретных деяний, посягающих на общественные отношения в сфере экономической деятельности.

Таким образом, в рассматриваемой ситуации необходимо соблюдение определенного «баланса» между криминализацией и декриминализацией деяний, запрещаемых нормами, составляющими Главу 22 УК РФ. Представляется, что принятие законодателем во внимание указанного условия позволит наиболее оптимально сформировать круг деяний, посягающих на общественные отношения, охраняемые нормами этой Главы. Одновременно для решения обозначенной проблемы не исключается и «перевод» части деяний, запрещаемых нормами Главы 22 УК РФ, в категорию

уголовных проступков. В настоящее время проблема выделения данной категории является достаточно актуальной. Об этом свидетельствуют высказываемые в юридической литературе точки зрения [8. С. 55].

По мнению их авторов, выделение такой категории объясняется «потребностью в расширении гуманизации и либерализации уголовного законодательства, сокращении доли лиц, осужденных за совершение преступлений небольшой тяжести» [8. С. 55]. По нашему мнению, не являются исключением и деяния рассматриваемой группы, поскольку некоторые из них являются именно преступлениями небольшой тяжести. В частности, деяния, запрещаемые ч. 1 ст. 171 УК РФ, ч. 1 ст. 171.2 УК РФ, ч. 1 ст. 171.3 УК РФ, ст. 171.4 УК РФ, ст. 171.5 УК РФ. Представляется, что «перевод» как этих деяний, так и иных деяний небольшой тяжести, запрещаемых нормами, составляющими Главу 22 УК РФ, в категорию уголовных проступков станет шагом законодателя к гуманизации действующего уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности.

Таким образом, для решения проблем дальнейшего совершенствования Главы 22 Уголовного кодекса РФ необходимо правильно сформировать круг деяний, по своей правовой природе являющихся посягательствами именно на предпринимательские отношения и отношения конкуренции, поскольку последние являются «нервом» рыночной экономики. Формирование указанного круга деяний возможно путем как криминализации новых деяний, которые представляют собой преступные посягательства на обозначенные отношения, так и декриминализации как деяний, борьба с которыми возможна менее репрессивными, не уголовно-правовыми мерами, так и деяний, не являющихся посягательствами на эти отношения. Одновременно возможен и «перевод» отдельных деяний, запрещаемых нормами Главы 22 УК РФ, в категорию уголовных проступков. Также к данной категории в перспективе возможно и отнесение вводимых законодателем в указанную Главу новелл, предусматривающих уголовную ответственность за совершение преступлений небольшой тяжести.

Список источников

1. Санташов А.Л., Попович М.М. Дифференциация ответственности арбитражного управляющего при проведении процедуры банкротства предприятия // Российская юстиция. 2020. № 10. С. 10–12.
2. Куракин А.В., Сухаренко А.Н. Современные уголовно-правовые средства нейтрализации угроз экономической безопасности России // Российская юстиция. 2020. № 11. С. 18–20.
3. Гаухман Л.Д. Нужен новый УК РФ // Законность. 1998. № 7. С. 22–25.
4. Аюбжанова М.О. Уголовно-правовое противодействие незаконному обороту драгоценных, полудрагоценных камней, металлов, жемчуга // Российская юстиция. 2021. № 1. С. 21–22.
5. Демчук С.Д., Кокошин И.М. Совершенствование правового регулирования уголовной ответственности за незаконный оборот полудрагоценных камней, драгоценных металлов, драгоценных камней и жемчуга // Законодательство. 2021. № 6. С. 63–70.
6. Лозинский И.В. Реализация принципов криминализации и законодательной техники в сфере борьбы с экономическими преступлениями. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 168 с.
7. Жук О.Д. Уголовно-правовые и криминалистические проблемы выявления и расследования преступлений рейдерского характера // Законодательство. 2021. № 2. С. 49–54.
8. Кулева Л.О. Феномен уголовного проступка в законопроектной деятельности Пленума Верховного Суда РФ // Законодательство. 2021. № 9. С. 55–63.

References

1. Santashov, A.L. & Popovich, M.M. (2020) Differentiation of responsibility of the arbitration manager during the bankruptcy procedure of an enterprise. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 10. pp. 10–12. (In Russian).

2. Kurakin, A.V. & Sukharensko, A.N. (2020) Modern criminal law means of neutralizing threats to the economic security of Russia. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 11. pp. 18–20. (In Russian).
3. Gaukhman, L.D. (1998) Nuzhen novyy UK RF [We need a new Criminal Code of the Russian Federation]. *Zakonnost'*. 7. pp. 22–25.
4. Akopdzhanova, M.O. (2021) Criminal-legal counteraction to illegal trafficking of precious, semi-precious stones, metals, pearls. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 1. pp. 21–22. (In Russian).
5. Demchuk, S.D. & Kokoshin, I.M. (2021) Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya ugovnoy otvetstvennosti za nezakonnyy oborot poludragotsennykh kamney, dragotsennykh metallov, dragotsennykh kamney i zhemchuga [Improving the legal regulation of criminal liability for illegal circulation of semi-precious stones, precious metals, precious stones and pearls]. *Zakonodatel'stvo*. 6. pp. 63–70.
6. Lozinskiy, I.V. (2013) *Realizatsiya printsipov kriminalizatsii i zakonodatel'noy tekhniki v sfere bor'by s ekonomicheskimi prestupleniyami* [Implementation of the principles of criminalization and legislative technique in the field of combating economic crimes]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Zhuk, O.D. (2021) Ugolovno-pravovye i kriminalisticheskie problemy vyavleniya i rassledovaniya prestupleniy reyderskogo kharaktera [Criminal law and forensic problems of detecting and investigating crimes of a raider nature]. *Zakonodatel'stvo*. 2. pp. 49–54.
8. Kuleva, L.O. (2021) Fenomen ugovnogo prostupka v zakonoproektnoy deyatel'nosti Plenuma Verkhovnogo Suda RF [The phenomenon of criminal misconduct in the legislative activities of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation]. *Zakonodatel'stvo*. 9. pp. 55–63.

Информация об авторе:

Лозинский И.В. – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Kafedra.ups@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.V. Lozinskiy, Cand. Sci. (Law), associate professor of the Department of Criminal Procedure, Prosecutor Supervision and Law Enforcement Activities, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: Kafedra.ups@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.10.2022;
одобрена после рецензирования 31.10.2022; принята к публикации 12.12.2022.*

*The article was submitted 22.10.2022;
approved after reviewing 31.10.2022; accepted for publication 12.12.2022.*

Научная статья
УДК 343

doi: 10.17223/23088451/20/6

«ОСОБЫЕ ВОЕННЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА»: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ НОВЕЛЛ

Дмитрий Олегович Трофимов

АНО «Диалог Регионы», Москва, Россия, dmitry.trofimov.91@gmail.com

Аннотация. Закрепление в тексте Уголовного кодекса Российской Федерации ряда обстоятельств, подлежащих особому учету, в том числе при привлечении к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в военное время, требует единого наименования для этих правовых категорий, а также их детального изучения в целях обоснованного и эффективного применения уголовного закона.

Ключевые слова: период мобилизации, период военного положения, военное время, условия вооруженного конфликта, условия ведения боевых действий

Для цитирования: Трофимов Д.О. «Особые военные обстоятельства»: общая характеристика законодательных новелл // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 33–37. doi: 10.17223/23088451/20/6

Original article
doi: 10.17223/23088451/20/6

“SPECIAL MILITARY SITUATION”: GENERAL DESCRIPTION OF NEW LAWS

Dmitriy O. Trofimov

ANO Dialogue Region, Moscow, Russia, dmitry.trofimov.91@gmail.com

Abstract. Bringing to criminal liability those who have committed a crime in a special military situation requires the legal categories that characterize this legally significant military situation to be fixed in the criminal law. It was carried out by the adoption of Federal Law No. 365-FZ of September 24, 2022, “On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.” Federal Law No. 365-FZ of September 24, 2022, qualifies as crimes committed in a military situation: 1) crimes committed during the mobilization; 2) crimes committed during martial law; 3) crimes committed in wartime; 4) crimes committed in conditions of armed conflict; 5) crimes committed in the conditions of warfare. The author provides a justification for the terminological definition of the circumstances under the general name “special military situation” and analyses the normative grounds for their existence, content, and meaning, which is necessary for the correct application of these legal categories in practice.

Keywords: mobilization, martial law, wartime, armed conflict, warfare

For citation: Trofimov, D.O. (2022) “Special military situation”: General description of new laws. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 20. pp. 33–37. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/20/6

До принятия Федерального закона от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [1] Глава 33 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) носила не вполне завершённый характер. Ранее в ч. 3 ст. 331 УК РФ уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, определялась неким «законодательством Российской Федерации военного времени». Это обстоятельство порождало в научной среде ряд дискуссий, связанных с тем, что представляет или должно представлять собой «уголовное законодательство военного времени» [2].

Федеральным законом от 24.09.2022 № 365-ФЗ ч. 3 ст. 331 УК РФ отменена, что положило конец указанным

спорам. Одновременно новым законом закреплён ряд обстоятельств, подлежащих особому учёту, в том числе при привлечении к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в военное время. Такими являются пять обстоятельств, которые могут играть роль отягчающих наказание, квалифицирующих и конституирующих признаков для определённых составов преступлений.

Не претендуя на бесспорность, мы полагаем, что имеются основания с известной долей условности именовать всю совокупность этих обстоятельств «особыми военными обстоятельствами». На наш взгляд, указанная формулировка характеризует как источник их возникновения, так и содержание. Кроме того, она удобна с позиции краткости изложения.

К указанным обстоятельствам Федеральный закон от 24.09.2022 № 365-ФЗ относит совершение преступления:

1) в период мобилизации; 2) в период военного положения; 3) в военное время; 4) в условиях вооруженного конфликта; 5) в условиях ведения боевых действий.

Таким образом, с принятием Федерального закона от 24.09.2022 № 365-ФЗ законодательство, регламентирующее ответственность за совершение преступлений в военное время, стало частью более широкой группы норм, составляющих нормативные основания установления и дифференциации уголовной ответственности.

Очевидно, что каждое из этих обстоятельств для их правильного правоприменения требует юридического анализа нормативных оснований их существования, а также содержания и значения.

Одно из особых военных обстоятельств, указанных в Федеральном законе от 24.09.2022, – это «период мобилизации». Нормативным основанием его существования является Федеральный закон от 26.02.1997 № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации».

Согласно ч. 2 ст. 1 этого Федерального закона, под «мобилизацией» в Российской Федерации понимается комплекс мероприятий по переводу экономики Российской Федерации, экономики субъектов Российской Федерации и экономики муниципальных образований, переводу органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций на работу в условиях военного времени, переводу Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований на организацию и состав военного времени.

Таким образом, с одной стороны, применение норм об уголовной ответственности за совершение преступлений в период мобилизации связано с другим указанным в Федеральном законе от 24.09.2022 обстоятельством, а именно «военное время», которое, как и любой другой период, в том числе период мобилизации, характеризуется ограниченностью во времени.

С другой стороны, анализ действующих нормативных актов позволяет прийти к выводу о том, что само по себе наличие или отсутствие условий военного времени не определяет временные рамки действия такого обстоятельства, как период мобилизации.

Согласно ст. 4 Федерального закона от 26.02.1997 № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» [3], к полномочиям Президента Российской Федерации относятся:

- определение целей и задач мобилизационной подготовки и мобилизации в Российской Федерации;
- издание нормативных правовых актов в области мобилизационной подготовки и мобилизации;
- в случаях агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии, возникновения вооруженных конфликтов, направленных против Российской Федерации, объявление общей или частичной мобилизации.

В частности, Указом Президента Российской Федерации от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» в нашей стране была объявлена частичная мобилизация со дня официального опубликования соответствующего Указа Пре-

зидента Российской Федерации, чем было положено начало действия (существования) изучаемого особого военного обстоятельства: период мобилизации.

Исходя из положений действующего законодательства, под периодом мобилизации следует понимать период осуществления мероприятий по расширению состава лиц, участвующих в ведении боевых действий, и мероприятий по переводу экономики и работы государственных органов на работу в условиях военного времени, начало которого определяется вступлением в силу Указа Президента Российской Федерации об объявлении мобилизации, а окончание – Указом Президента Российской Федерации о прекращении мобилизации либо фактическим выполнением содержащихся в Указе Президента мобилизационных заданий.

С момента зарождения данного обстоятельства в его современном понимании, содержательно мобилизация всегда включала не только штатные мероприятия, но и мероприятия экономического характера, определяемые историческим периодом и способами ведения войн.

Вместе с тем фактически частичная мобилизация, объявленная Указом Президента Российской Федерации от 21.09.2022 № 647, не подпадает под определение, содержащееся в ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 26.02.1997 № 31-ФЗ, поскольку не предполагает осуществления экономических мероприятий, необходимых для условий военного времени. Все же эта объявленная Президентом Российской Федерации частичная мобилизация является частным случаем мобилизации по смыслу ст. 1 Федерального закона от 26.02.1997 № 31-ФЗ.

Основанием для такого вывода является все та же ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 26.02.1997 № 31-ФЗ, где указано, что мобилизация в Российской Федерации может быть общей или частичной. Комплекс мероприятий, проводимых при объявлении общей или частичной мобилизации в Российской Федерации, определяется, в том числе, в соответствии с нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Однако необходимо разделять период мобилизации *de jure* и период мобилизации *de facto*. Юридически мобилизация, в том числе частичная, является периодом. Как известно, хотя объявленная Президентом Российской Федерации частичная мобилизация еще не была объявлена завершенной, многие субъекты Федерации, к примеру г. Москва, объявили о прекращении мобилизационных мероприятий на их территории.

Фактически мобилизация, в том числе частичная мобилизация, содержательно не ограничивается временным критерием, а включает также критерий территориальный, поскольку мобилизационные мероприятия могут прекращаться (и, вероятно, снова возобновляться) на отдельных территориях Российской Федерации без принятия Указа Президента Российской Федерации о прекращении мобилизационных мероприятий.

Кроме того, 01.11.2022 г. пресс-секретарь Президента Российской Федерации Дмитрий Песков, со ссылкой на заключение Государственно-правового

управления Администрации Президента, официально заявил, что для прекращения мобилизационных мероприятий не требуется нового Указа Президента, поскольку мобилизационное задание по призыву конкретного числа граждан было выполнено.

Согласно приведенной позиции Государственно-правового управления Администрации Президента, объявленную в стране частичную мобилизацию следует рассматривать исключительно как совокупность мероприятий по обеспечению призыва в Вооруженные Силы Российской Федерации определенного числа граждан.

Значение такого особого военного обстоятельства, как период мобилизации, определяется тем, что оно: а) является обстоятельством, отягчающим наказание; б) квалифицирующим признаком для девяти составов преступлений (ст. 333, 334, 337–342, 344 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Следующим особым военным обстоятельством, закрепленным в Федеральном законе от 24.09.2022, является совершение преступления в «период военного положения».

Военное положение в действующем законодательстве Российской Федерации определяется как особый правовой режим. Согласно ч. 1 ст. 1 Федерального конституционного закона от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» [4], под военным положением понимается особый правовой режим, вводимый на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях в соответствии с Конституцией Российской Федерации Президентом Российской Федерации в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии.

Таким образом, период военного положения, являясь особым военным обстоятельством, как и период мобилизации, имеет четкие временные рамки, определяемые вступлением в силу Указа Президента Российской Федерации. Однако военное положение, в отличие от мобилизации, представляет собой не проведение военных, экономических и организационно-управленческих мероприятий, а особый порядок применения нормативных актов, в том числе режим норм об уголовной ответственности.

Кроме того, действие этого особого правового режима, исходя из содержания ст. 1 Федерального конституционного закона от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении», ограничивается территорией Российской Федерации. Следовательно, применение данного особого военного обстоятельства ограничивается не только временем его действия, но и территорией, которой является территория Российской Федерации.

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 19.10.2022 № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей», в ночь с 19 на 20 октября на территории перечисленных в названии Указа регионах введено военное положение, но только на перечисленных в Указе Президента территориях. Это подтверждает наш вывод: для введения военного положения необходимо, чтобы территории, на которых данный особый правовой режим вводится, входили в состав Российской Федерации.

Согласно ч. 1 ст. 5 Федерального конституционного закона от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении», режим военного положения включает в себя комплекс экономических, политических, административных, военных и иных мер, направленных на создание условий для отражения или предотвращения агрессии против Российской Федерации.

Содержательно военное положение предполагает правовой режим, в рамках которого осуществляется разработка, введение и осуществление различных мер, направленных на отражение и предотвращение агрессии против Российской Федерации, к которым закон относит пять групп мер: экономические, политические, административные, военные и иные меры.

Значение этого особого военного обстоятельства состоит в том, что оно является: а) обстоятельством, отягчающим наказание; б) квалифицирующим признаком для тринадцати составов преступлений (ст. 332–334, 337–342, 344, 346–348 Уголовного кодекса Российской Федерации); в) конституирующим признаком для нового состава преступления, предусмотренного ст. 356.1 Уголовного кодекса Российской Федерации – мародерство.

Следующим особым военным обстоятельством, закрепленным в Федеральном законе от 24.09.2022, является совершение преступления в «военное время».

До принятия Федерального закона от 24.09.2022 № 365-ФЗ в Уголовном кодексе Российской Федерации такая правовая категория отсутствовала.

Вместе с тем ранее в советском уголовном законодательстве (в частности, в Уголовном кодексе РСФСР от 31.12.1926, в Уголовном кодексе РСФСР от 27.10.1960) «военное время» являлось основанием для отсрочки исполнения приговора суда, обстоятельством, отягчающим ответственность, обстоятельством, являющимся конституирующим и квалифицирующим признаком для ряда составов преступлений.

Еще раньше в Уголовном кодексе РСФСР содержалось четыре состава преступления, предусматривающих данное обстоятельство как квалифицирующий признак.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 28.09.1945 № 12/13/у «О прекращении применения санкций военного времени и отсрочки исполнения приговоров с направлением осужденных в действующую армию, а также о применении военными трибуналами процессуальных норм мирного времени» судам были даны следующие указания: «Повышенные санкции за совершение преступлений в условиях военного времени, предусмотренные ст. 58.10 ч. 2, ст. 59.6 и 59.7 ч. 2 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик, не должны применяться в отношении преступлений, совершенных после прекращения войны».

Учитывая, что военные действия, относящиеся ко Второй мировой войне, продолжались до 03.09.1945 г., а вышеуказанное постановление Пленума Верховного Суда СССР было принято в сентябре 1945 г., непосредственно после подписания акта капитуляции Японии и прекращения военных действий, мы полагаем, что такое особое военное обстоятельство, как «военное вре-

м», рассматривалось советским законодателем и правоприменителем в контексте временного критерия. Поэтому временные границы этого обстоятельства определялись периодом ведения военных действий, а также таким фактическим обстоятельством, как объявление капитуляции.

В Общей части Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. совершение преступления в военное время не выделялось, но в Особенной части некоторые составы преступлений имели соответствующий квалифицирующий признак.

В своих научных трудах еще В.М. Чхиквадзе указывал, что, кроме перечисленных в УК РСФСР отягчающих обстоятельств, в отношении воинских преступлений должны быть приняты во внимание и закреплены в Общей части УК РСФСР, исходя из судебной практики, такие отягчающие обстоятельства, как: 1) совершение преступления в условиях военного времени или в боевой обстановке; 2) совершение преступления в районе военных действий, на поле сражения, а также в местностях, объявленных на военном или осадном положении [5].

В действующем законодательстве Российской Федерации правовая категория «военное время» закреплена в ст. 18 Федерального закона от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне» [6], согласно которой начало военного времени определяется моментом объявления состояния войны или фактического начала военных действий, а окончание – моментом объявления о прекращении военных действий и их фактическим прекращением.

Таким образом, фактически специальная военная операция, объявленная Президентом Российской Федерации (разрешение на использование Вооруженных Сил РФ за пределами страны дано Постановлением Совета Федерации Федерального Собрания от 22 февраля 2022 г. № 35-СФ «Об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации»), с самого начала проведения предопределяла условия военного времени на территориях фактического осуществления военных действий.

Следовательно, территориальный критерий для определения фактического содержания такого особого военного обстоятельства, как военное время, не менее важен, чем временной, поскольку военные действия могут осуществляться за пределами территории Российской Федерации, что предопределяет начало военного времени для нашей страны без официального объявления войны.

Следующее особое военное обстоятельство, закрепленное в Федеральном законе от 24.09.2022, – это совершение преступления «в условиях вооруженного конфликта». Сам термин «вооруженный конфликт» известен российскому законодательству. Он позаимствован из международных правовых актов, в частности Женевской конвенции от 12.08.1949 г. «О защите гражданского населения во время войны», где упоминается в ст. 2, 3 Конвенции [7].

Официальное определение «вооруженный конфликт» содержится в Военной доктрине Российской

Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 25.12.2014 № Пр-2976 [8], где в пункте «д» ч. 8 раздела 1 «Общие положения» вооруженный конфликт определяется как вооруженное столкновение ограниченного масштаба между государствами (международный вооруженный конфликт) или противостоящими сторонами в пределах территории одного государства (внутренний вооруженный конфликт).

По мнению В.А. Батырь, в Военной доктрине Российской Федерации с 2010 г. дифференцируются понятия «военный конфликт» и «вооруженный конфликт». Под военным конфликтом понимается форма разрешения межгосударственных или внутригосударственных противоречий с применением военной силы (понятие охватывает все виды вооруженного противоборства, включая крупномасштабные, региональные локальные войны и вооруженные конфликты). Таким образом, Военной доктриной Российской Федерации выработаны новые подходы, отличающиеся от закрепленных в международно-правовых актах, что может привести к определенным сложностям правоприменения [9].

Мы полагаем, что, исходя из положений Военной доктрины Российской Федерации, содержание таких особых военных обстоятельств, как «условия вооруженного конфликта» и «условия ведения боевых действий», в значительной мере совпадает.

В российской военной науке боевые действия понимаются как составная часть военных действий противоборствующих сторон, организованное применение сил и средств объединений, соединений, частей, подразделений для выполнения поставленных боевых задач, а также как форма оперативного (боевого) применения объединений, соединений, частей, подразделений в рамках операции в составе объединений более крупного масштаба или между операциями для последовательного решения оперативных, оперативно-тактических и тактических задач [10].

Учитывая изложенное, вызывает сомнение тот факт, что в рамках положений уголовного законодательства Российской Федерации целесообразно разделение данных понятий как самостоятельных особых военных обстоятельств, поскольку содержательное отличие между ними не усматривается.

Вооруженный конфликт и боевые действия содержательно определяются осуществлением аналогичных мероприятий, связанных с военными действиями противоборствующих сторон (государств). Иными словами, проведение военных действий само по себе предполагает наличие между сторонами вооруженного конфликта, и наоборот: фактически имеющий место вооруженный конфликт между государствами не может осуществляться без применения боевых действий различной степени организованности.

Очевидно, что введение в действующее уголовное законодательство совокупности «особых военных обстоятельств» требует дальнейшего детального их изучения в целях обоснованного и эффективного применения уголовного закона.

Список источников

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 24.09.2022 г. № 365-ФЗ // СЗ РФ. 2022. № 39. Ст. 6535.
2. Боев В.И. Механизм уголовно-правового регулирования режима военного положения : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 425 с.
3. О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 26.02.1997 № 31-ФЗ // СЗ РФ. 2022. № 9. Ст. 1014.
4. О военном положении: Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ // СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 375.
5. Чхиквадзе В.М. Советское военно-уголовное право. М. : Изд-во МЮ СССР, 1948. 452 с.
6. Об обороне: Федеральный закон от 31.05.1996 г. № 61-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 23. Ст. 2750.
7. Женевская конвенция от 12.08.1949 г. «О защите гражданского населения во время войны» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.06.2022).
8. Военная доктрина Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 25.12.2014) № Пр-2976 // Российская газета. 2014. 30 декабря.
9. Батырь В.А. Международное гуманитарное право : учеб. для вузов. М. : Юстицинформ, 2011. 688 с.
10. Военная энциклопедия. М. : Воениздат, 1997. Т. 1. 640 с.

References

1. Russian Federation. (2022a) O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i stat'yu 151 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 24.09.2022 g. № 365-FZ [On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law No. 365-FZ of the Russian Federation of September 24, 2022]. *Sobranie zakonodatel'stva Rissyskoy Federatsii*. 39. Art. 6535.
2. Boev, V.I. (2008) *Mekhanizm ugolovno-pravovogo regulirovaniya rezhima voennogo polozheniya* [The mechanism of criminal law regulation of the martial law regime]. Law Dr. Diss. Moscow.
3. Russian Federation. (2022b) O mobilizatsionnoy podgotovke i mobilizatsii v Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 26.02.1997 g. № 31-FZ [On mobilization training and mobilization in the Russian Federation: Federal Law No. 31-FZ of the Russian Federation of February 26, 1997]. *Sobranie zakonodatel'stva Rissyskoy Federatsii*. 9. Art. 1014.
4. Russian Federation. (2002b) O voennom polozhenii: Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 30.01.2002 N 1-FKZ [On martial law: Federal constitutional law N 1-FKZ of January 30, 2002]. *Sobranie zakonodatel'stva Rissyskoy Federatsii*. 5. Art. 375.
5. Chkhikvadze, V.M. (1948) *Sovetskoe voenno-ugolovnoe pravo* [Soviet military criminal law]. Moscow: USSR Ministry of Justice.
6. Russian Federation. (1996) Ob oborone: Federal'nyy zakon ot 31.05.1996 g. № 61-FZ [On Defense: Federal Law No. 61-FZ of May 31, 1996]. *Sobranie zakonodatel'stva Rissyskoy Federatsii*. 23. Art. 2750.
7. UNO. (n.d.) *Zhenevskaya konventsiya ot 12.08.1949 goda "O zashchite grazhdanskogo naseleniya vo vremya voyny"* [Geneva Convention of August 12, 1949 "On the protection of civilians in time of war"]. [Online] Available from: SPS Konsul'tant plus. (Accessed: 27.06.2022).
8. *Rossiyskaya gazeta*. (2014) Voennaya doktrina Rossiyskoy Federatsii (utverzhdena Prezidentom Rossiyskoy Federatsii 25.12.2014 g.) № Pr-2976 [Military Doctrine of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation on December 25, 2014) No. Pr-2976]. 30th December.
9. Batyr, V.A. (2011) *Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo* [International Humanitarian Law]. Moscow: Yustitsinform.
10. Rodionov, I.N. (ed.) (1997) *Voennaya entsiklopediya* [Military Encyclopedia]. Vol. 1. Moscow: Voenizdat.

Информация об авторе:

Трофимов Д.О. – сотрудник АНО «Диалог Регионы» (Москва, Россия). E-mail: dmitry.trofimov.91@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.O. Trofimov, ANO Dialogue Regions (Moscow, Russia). E-mail: dmitry.trofimov.91@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.10.2022;
одобрена после рецензирования 31.10.2022; принята к публикации 12.12.2022.

The article was submitted 22.10.2022;
approved after reviewing 31.10.2022; accepted for publication 12.12.2022.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Научная статья
УДК 343.131.2

doi: 10.17223/23088451/20/7

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ СТАТИСТОВ, ПРИНИМАВШИХ УЧАСТИЕ В ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Алена Анатольевна Бешкок

*Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Краснодар, Россия,
alena_yarovaya83@mail.ru*

Аннотация. Описываются основные проблемные вопросы, связанные с кругом участников уголовного судопроизводства, к которым может быть применена государственная защита, основанием и порядком применения мер безопасности в отношении лиц, привлекаемых к участию в следственных действиях при производстве по уголовным делам. Предлагаются пути решения существующих пробелов в законодательстве Российской Федерации.

Ключевые слова: государственная защита, меры безопасности, уголовное судопроизводство

Для цитирования: Бешкок А.А. К вопросу о проблемах правового обеспечения безопасности статистов, принимавших участие в производстве следственных действий // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 38–41. doi: 10.17223/23088451/20/7

Original article
doi: 10.17223/23088451/20/7

ON LEGAL SUPPORT OF THE SECURITY OF LINEUP FILLERS WHO PARTICIPATED IN INVESTIGATIVE ACTIONS

Alena A. Beshkok

*Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar, Russia,
alena_yarovaya83@mail.ru*

Abstract. The article examines the issues of state protection to participants in criminal proceedings and its extension not only to a fixed scope of subjects, but also to those who are involved in the criminal process, without having a clear procedural status. The author provides the definition of state protection, grounds and procedures for its application, classifies security measures, and analyses the current procedure for its application to participants in criminal proceedings involved in investigative actions. She considers the principal shortcomings in this legal institution and proposes the ways to solve the problem.

Keywords: state protection, security measures, criminal procedure

For citation: Beshkok, A.A. (2022) On legal support of the security of lineup fillers who participated in investigative actions. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 20. pp. 38–41. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/20/7

Уголовное судопроизводство в Российской Федерации всегда тем или иным образом связано с нарушением конституционных прав и свобод человека и гражданина. В Конституции РФ в ст. 2 закреплено, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [1].

Исходя из данного положения следует, что соблюдение прав и свобод человека, закрепленных в главном законе страны, является неотъемлемой задачей правоохранительных органов, которые осуществляют свою

деятельность от имени государства. И неважно, кем и на какой стадии допускается нарушение этих прав и интересов. На законодательном уровне разработан и принят ряд нормативно-правовых актов, регламентирующих и обязывающих соблюдать права человека.

Одним из таких актов является Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Данный закон закрепляет круг субъектов, к которым применяются меры безопасности, основания их применения,

а также перечень мер защиты и порядок их применения [2].

Так, в вышеупомянутом законе указан исчерпывающий перечень субъектов, к которым могут быть применены меры государственной защиты. Данный перечень субъектов полностью соответствует кругу участников уголовного судопроизводства, закрепленному в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ). Нами уже неоднократно делался акцент на том, что круг участников уголовного судопроизводства, закрепленный на законодательном уровне, не является исчерпывающим и подлежит расширению. В нем перечислены наиболее часто задействованные в уголовном судопроизводстве субъекты. Мы считаем, что данное положение несправедливо к тем участникам уголовного судопроизводства, которые, пусть и эпизодически, но все-таки привлекаются к производству по уголовным делам, к участию в следственных действиях, помимо перечисленных субъектов, также в процессе производства по уголовным делам.

Защита прав личности от преступных посягательств – это основное назначение уголовного судопроизводства. Из чего делается возможным вывод о том, что каждый человек, привлеченный к производству по уголовным делам, имеет право на защиту. В более ранних исследованиях нами делался анализ участников, которые привлекаются к участию в уголовном судопроизводстве, но не имеют четко закрепленного на законодательном уровне процессуального статуса. Особое внимание нами уделяется такому участнику, как статист. Статист – участник уголовного судопроизводства, привлекаемый для производства отдельных следственных действий. Однако это не должно лишать его возможности быть полноправным субъектом уголовного судопроизводства.

В связи с чем возникает ряд проблем, связанных с реализацией данным участником его прав и обязанностей, а также возможностью применения в отношении него защиты, в случае необходимости применения таковой.

За 2021 г. в России зарегистрировано более 2 млн преступлений по различным категориям преступлений, по которым привлечено в качестве потерпевших более 20 тыс. человек. Остается только догадываться, какое количество человек привлечено по данным уголовным делам в качестве свидетелей, но учитывая количество зарегистрированных преступлений и привлеченных потерпевших, это число довольно значительно [3]. Нередки случаи, когда на потерпевших и свидетелей на стадии предварительного расследования оказывается моральное, а в некоторых случаях и физическое давление со стороны подозреваемых и обвиняемых с целью понуждения изменения или отказа их от показаний, данных ими в рамках конкретного уголовного дела.

В период 2014–2017 гг. число лиц, к которым были применены различные защитные меры, составило более 3 тыс. человек в год. Приоритетными оказались: личная охрана, охрана жилища и имущества, выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности, обеспечение конфиденци-

альности сведений о защищаемом лице и временное помещение в безопасное место [4].

Из приведенных статистических данных можно сделать вывод о том, что институт государственной защиты актуален и требует тщательного анализа. Важно учитывать категорию преступлений, а также участников уголовного процесса, которые обращаются за применением в отношении них защиты со стороны уполномоченных на то государственных органов. Проводить анализ наиболее актуальных мер безопасности, которые действительно способствовали защите, и на основании этих данных постоянно совершенствовать законодательные нормы.

Для обеспечения безопасности могут применяться меры государственной защиты, закрепленные в Федеральном законе № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

Как следует из содержания ст. 1 указанного закона, государственная защита предполагает осуществление мер безопасности, направленных на защиту их жизни, здоровья или имущества, а также мер социальной поддержки указанных лиц в связи с их участием в уголовном судопроизводстве уполномоченными на то государственными органами.

Применение мер безопасности к участникам уголовного судопроизводства возможно при наличии одного из оснований: угроза убийства, насилия, уничтожения или повреждения имущества в отношении конкретного участника, в связи с участием его в производстве по конкретному уголовному делу. Решение о применении мер безопасности принимает должностное лицо, к которому обратилось лицо, опасющееся за свою жизнь и здоровье. Для применения мер безопасности необходимо письменное заявление лица, а в отношении несовершеннолетнего – письменное заявление его законного представителя.

Исходя из данных положений, закрепленных в действующем законодательстве, делается возможным вывод о том, что формально любой участник уголовного судопроизводства (в том числе и статист) имеет право, в случае необходимости, применения к нему защиты, но на практике эти лица лишены права прибегнуть к защите, так как не имеют закрепленного процессуального статуса. В связи с чем уголовное судопроизводство теряет свою цель – защиту прав личности от преступного посягательства.

Анализируя положения российского законодательства, меры безопасности, которые возможно применить к участникам уголовного судопроизводства, делятся на процессуальные и иные. Из норм действующего уголовно-процессуального законодательства вытекают процессуальные меры безопасности, применяемые как на стадии досудебного производства, так и в процессе судебного разбирательства.

Так, на различных стадиях уголовного судопроизводства в качестве процессуальных мер безопасности допускаются и применяются следователями и судьями различные приемы, закрепленные в нормах УПК РФ например изменение данных о лице, привлекаемом к

производству по уголовным делам, который опасается оказания на него морального или физического воздействия со стороны участников, которым его показания «неудобны» или «невыгодны», исключение визуального наблюдения лица, опасющегося за свою безопасность, при проведении с его участием отдельных следственных действий) [5].

Главным критерием применения процессуальных мер безопасности является реальность угрозы насилия, что предполагает ее доказанность сотрудниками правоохранительных органов, а также осведомленность участников уголовного судопроизводства о возможности их защиты со стороны государства. Осведомленность предполагает, что каждому участнику, который опасается за свою безопасность, должностное лицо разъясняет его право на применение к нему и его близким родственникам мер безопасности.

Тогда, лицо, которому предлагается быть привлеченным в уголовный процесс, зная, что в случае угрозы в его адрес он может быть защищен, на наш взгляд, в значительной степени сократит отказ лиц от участия в следственных действиях, а особенно в тех, где личные данные участника становятся известны всем, включая подозреваемых и обвиняемых.

Например, следователь планирует провести следственное действие – предъявление для опознания. Ему необходимы статисты – лица, схожие по внешним признакам, особым приметам с подозреваемым и обвиняемым, и здесь он сталкивается с рядом проблем. Во-первых, процедура отыскания схожих по приметам с преступником лиц, что является объектом исследования в дальнейшем, во-вторых получение от него согласия на участия в данном следственном действии.

Как следует из самого следственного действия, следователь либо дознаватель в начале следственного действия разъясняет всем участникам, кроме лиц, приглашенных в качестве статистов, их права и обязанности. Тем самым уже в самом начале лица, приглашенные для участия в качестве статистов, лишены возможности в полной мере реализовывать свои права, в том числе право быть защищенными, в случае оказания на них воздействия со стороны подозреваемого, обвиняемого, а также их защитников. Нельзя умалять эмоциональное напряжение, с которым сталкиваются лица, привлекаемые к участию в данном следственном действии, как в

процессе опознания (опознающий осматривает, вглядывается в черты лица предъявленных для опознания, нередко просит осуществить какие-то движения или воспроизвести речь), так и по его результатам. Ведь конечным результатом любого следственного действия является протокол, в котором фиксируются не только сам ход и результат следственного действия, но и личные данные лиц, привлекаемых в качестве статистов. И где гарантия того, что не довольный результатами следственного действия подозреваемый или обвиняемый, желая уйти от уголовной ответственности, не начнет оказывать морального, психологического или физического воздействия на лиц, привлеченных в качестве статистов?

Из сказанного можно заключить, что применение мер безопасности в отношении статиста возможно, необходимо лишь наделить его процессуальными правами и обязанностями, как и любого лица, привлекаемого к производству по уголовному делу.

Наряду с процессуальными мерами безопасности, для более эффективного обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства могут применяться иные меры безопасности, которые перечислены в ст. 6 Федерального закона № 119-ФЗ и имеют исчерпывающий перечень. Иные меры безопасности определяются исходя из степени угрозы в отношении конкретного лица, тяжести расследуемого преступления, а также исходя из личности, обратившегося за защитой.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, нам видится необходимым расширить список участников уголовного судопроизводства, подлежащих государственной защите. Так, в ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» предлагаем включить такого участника, как «статист».

Данные изменения позволят приравнять статистов к участникам уголовного судопроизводства, которые в равной степени смогут прибегнуть к защите своих прав и законных интересов со стороны государства, если будут опасаться угрозы в связи с участием их в производстве по уголовным делам, чем полностью будет реализовано назначение уголовного судопроизводства и такого правового института, как государственная защита.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 23.05.2022).
2. Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-20082004-n-119-fz-o> (дата обращения: 23.05.2022).
3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2021 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552> (дата обращения: 24.05.2022).
4. Постановление Правительства РФ № 1272 от 25.10.2018 «Об утверждении Государственной программы “Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019–2023 годы”». URL: <https://docs.cntd.ru/document/551510804> (дата обращения: 24.05.2022).
5. Уголовно-процессуальный кодекс. М. : Проспект, 2021.

References

1. Russian Federation. (n.d.) *Konstitutsiya RF* [The Constitution of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (Accessed: 23.05.22).
2. Russian Federation. (n.d.) *Federal'nyy zakon ot 20.08.2004 № 119-FZ (red. ot 01.07.2021) "O gosudarstvennoy zashchite poterpevshikh, svideteley i inykh uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva"* [Federal Law No. 119-FZ of August 20, 2004 (as amended on July 1, 2021) "On State Protection of Victims, Witnesses, and Other Participants in Criminal Proceedings"]. [Online] Available from: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-20082004-n-119-fz-o> (Accessed: 23.05.22).
3. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (n.d.) *Kratkaya kharakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii za yanvar' – dekabr' 2021 goda* [Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January – December 2021]. [Online] Available from: <https://mvd.rf/reports/item/28021552> (Accessed: 24.05.2022).
4. Russian Federation. (n.d.) *Postanovlenie Pravitel'stva RF № 1272 ot 25.10.2018 "Ob utverzhdenii Gosudarstvennoy programmy 'Obespechenie bezopasnosti poterpevshikh, svideteley i inykh uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva na 2019–2023 gody' "* [Decree No. 1272 of the Government of the Russian Federation dated October 25, 2018, "On Approval of the State Program 'Ensuring the Safety of Victims, Witnesses, and Other Participants in Criminal Proceedings for 2019–2023']. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/551510804> (Accessed: 24.05.2022).
5. Russian Federation. (2021) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks* [The Code of Criminal Procedure]. Moscow: Prospekt.

Информация об авторе:

Бешкок А.А. – преподаватель кафедры уголовного процесса Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации (Краснодар, Россия). E-mail: alena_yarovaya83@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Beshkok, lecturer at the Department of Criminal Procedure of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Krasnodar, Russia). E-mail: alena_yarovaya83@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 7.11.2022;
одобрена после рецензирования 21.11.2022; принята к публикации 12.12.2022.*

*The article was submitted 7.11.2022;
approved after reviewing 21.11.2022; accepted for publication 12.12.2022.*

Научная статья
УДК 343.13

doi: 10.17223/23088451/20/8

КОНЦЕПЦИЯ ДОГОВОРНЫХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВ

Вероника Вячеславовна Колесник

Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, Ростов-на-Дону, Россия, nikkipohta@mail.ru

Аннотация. Совокупность идеологических, политических, технических причин подводит к осознанию необходимости создания концепции уголовно-процессуальных договорных производств. Эта концепция призвана объяснить природу тех новых процедур, появившихся в последние десятилетия, которые в основе своей имеют согласие обвиняемого с обвинением и предполагают совершение обеими сторонами посткриминальных действий в пути к разрешению уголовного дела на взаимовыгодных условиях. Поскольку институт договорных уголовно-процессуальных производств в принципе противоречит классической доктрине, постольку необходим сдвиг на доктринальном, теоретико-методологическом уровне, что и призвана сделать предлагаемая автором концепция.

Ключевые слова: уголовный процесс, договор, обвинение, стороны

Для цитирования: Колесник В.В. Концепция договорных уголовно-процессуальных производств // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 42–48. doi: 10.17223/23088451/20/8

Original article
doi: 10.17223/23088451/20/8

THE CONCEPT OF CRIMINAL PROCEDURE CONTRACT

Veronika V. Kolesnik

Rostov Branch of the Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia, nikkipohta@mail.ru

Abstract. The Russian law of criminal procedure has accumulated plenty of special criminal proceedings that claim to have independent significance and doctrinal recognition. They all are based on the agreement of the parties: the state prosecution represented by the prosecutor (investigator), on the one part, and the defense and the accused on the other. Meanwhile, the disposal of the accusation and its grounds is limited both at the doctrinal, theoretical, and ideological levels, and in the positive legal model. There is a need for a more consistent introduction of the contractual model into the criminal proceedings, which implies that the parties are no longer limited in their disposal of procedural and material components of the accusation as well as of the factual basis elements. Specifically, the Russian law of criminal procedure should allow and then spell out the possibility and forms of its implementation to mitigate the accusation by consent of the parties. In turn, the accused, by agreement, is obliged to carry out post-criminal actions in favor of the prosecution, including assisting in criminal prosecution, compensation for damages, etc.

Keywords: criminal process, contract, accusation, parties

For citation: Kolesnik, V.V. (2022) The concept of criminal procedure contract. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 20. pp. 42–48. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/20/8

Наступление новой эпохи, провозглашенной руководством нашего государства, требует сильных идей во всех сферах юридической деятельности, в том числе и в уголовно-процессуальной сфере [1]. Между тем российская доктрина уголовно-процессуального права демонстрирует определенную косность. В теоретико-методологической основе она имеет ряд постулатов, унаследованных из советской эпохи, препятствующих развитию новых идей, отражающих тенденции глобализации, конвергенции, универсализации, происходящих в правовом пространстве по ряду причин, включая воздействие цифровых технологий.

Наиболее остро это проявляется в вопросе о расширении сферы договорных уголовно-процессуальных и

уголовно-правовых отношений. Нельзя сказать, что данная тема осталась без внимания ученых. Ей посвящено достаточно много работ. Общим местом в них является признание исключительности договорного способа и доминирование императивно-правового метода регулирования в сфере противодействия преступности [2. С. 13–15; 3. С. 6–11, 36–42; 4. С. 8–9, 12, 31; 5. С. 112–113]. Тем не менее отсутствует существенный сдвиг в понимании приемлемости сделки сторон в отношениях, развивающихся по линии: преступление – обвинение – приговор – уголовная ответственность.

Из работ некоторых ученых [6. С. 19–207; 7. С. 236–245] можно заключить, что к числу главных препятствий для укоренения в теории и в позитивном праве

договорного способа разрешения уголовно-процессуальных и уголовно-правовых вопросов, как полноценного элемента механизма правового регулирования, относятся следующие постулаты ортодоксального учения:

- уголовный процесс порождается событием преступления как фактом объективной реальности, который требует наступления правовых последствий;
- предметом уголовного процесса (уголовно-правового спора) является данный факт объективной реальности, «процессуальный предмет» жестко детерминирован реальностью, а потому объективен/материален и не может быть изменен участниками судопроизводства;
- уголовно-правовая реальность в виде преступления и наказания также обусловлена фактом совершения преступления и потом независима от процесса и воли его участников;
- уголовный процесс является *оформлением* этой *объективной* уголовно-правовой реальности через познание объективной истины;
- объективная истина выступает процессуальным переходом между объективной и уголовно-правовой «реальностями», которые, кстати, многими теоретиками отождествляются как «материальная». Примером может служить понятие «механизм уголовно-правового регулирования» в трактовке ведущих специалистов уголовно-правовой науки [8. С. 10–12, 45–56].

С этими и другими идеями связан идеал неотвратимости уголовной ответственности всех преступников [9. С. 72], который стимулирует и оправдывает активность государства в единстве его «судебно-следственных», «правоохранительных органов», осуществляющих противодействие преступности.

Такое ортодоксально-материалистическое мировоззрение, при котором все процессуальное и уголовно-правовое однозначно детерминировано объективной реальностью, не оставляет места для проявления воли субъектов уголовно-процессуальных отношений по сотворению правовой реальности договорным путем. Отсюда вытекают последствия для *главной детали* уголовно-процессуального механизма: *обвинения* в его процессуальной (предметной, фактической) и уголовно-правовой (материальной) составляющих.

Принципиальный теоретико-мировоззренческий вопрос состоит в их объективности или материальности (что, как уже указывалось, часто смешивается) и мере в них искусственного, создаваемого участниками уголовного процесса, а соответственно, возможности влияния на них договорным путем. Пока такая возможность на доктринальном уровне в принципе исключена.

Господствующее учение об обвинении исключает возможность какого-либо договора между сторонами. Принято считать, что обвинение является утверждением, соответствующим действительности, истинность которого в окончательном виде устанавливается судом; предмет обвинения отражает реальное преступление и не может быть изменен по воле обвинителя, по соглашению сторон; в ходе доказывания обвинения устанавливается объективная истина; доказывание истины по предмету выдвинутого обвинения, но и за его предела-

ми, является солидарной обязанностью как прокурора, следователя, так и суда [10. С. 76–86; 11. С. 329–335; 12. С. 98–105].

В силу принципов публичности, законности, объективной истины изменение обвинения находится в прямой причинной связи с доказанностью фактических обстоятельств, составляющих его основание. Изменение обвинения происходит только в силу материальной причины, а не в результате договора сторон.

Примыкает к вышеуказанным элементам материалистического учения об обвинении и его основаниях классическое положение о свободе оценки доказательств правоприменителем (в первую очередь, судом). Этот принцип доказательственного права, закрепленный в ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), порождает запрет, закрепленный в ч. 2 ст. 77 УПК РФ: обвинять и привлекать к уголовной ответственности на основании одних только признательных показаний обвиняемого. В свою очередь, данный запрет при его догматическом истолковании означает запрет разрешать уголовное дело в результате признания обвинения обвиняемым, т.е. не позволяет трактовать эту ситуацию как проявление свободы распоряжения одной из сторон (защиты) своим материально-диспозитивным (исковым) правом на признание иска (обвинения). Согласно классической доктрине, такая «вольность» исключена – государство в лице публичного обвинителя обязано активно доказать обоснованность обвинения, и в лице суда, как минимум «субсидиарно», тоже проверять, оценивать доказанность обвинения – независимо от позиции обвиняемого (защиты). Подобная активность государства объясняется его заботой о правах личности.

Такая идеология делает в принципе невозможным торг сторон по предмету обвинения – преступлению, по исходу уголовного процесса. Со временем фундамент этой вроде незыблемой доктрины, освещенной светом объективности и нравственности, стал подтачиваться различными течениями. Во-первых, это гуманистический тренд, тренд на декриминализацию, смягчение уголовной политики. Он стал модным в период слома советской правовой доктрины с ее аксиомой бескомпромиссной борьбы с преступностью, строительства правового государства и расцвета либеральных воззрений. В постсоветской криминологии-криминалистической науке возобладала концепция контроля над преступностью, а не полного искоренения ее. Концепция компромисса с преступностью [13. С. 79–86; 14. С. 7–48] создает благоприятную предпосылку и для смены концептуальных основ других наук антикриминального цикла.

Вместе с гуманизацией уголовной политики, возможностью компромисса, если угодно, *соглашательства* в отношениях с преступностью, на уголовно-политическом уровне признана допустимость «соглашения» с обвиняемым в процессе [15. С. 242–260]. Однако пределы компромисса – соглашения оговаривались достаточно узкие, а именно: применение альтернативных мер уголовной ответственности. Под сомнение учение о механизме уголовно-процессуально-правового регулирования не ставилось и не ставится.

Между тем гуманизация привела к представлениям о большей простительности предпринимательских преступлений по сравнению с общеуголовными. Именно это идеологема лежит в основании комплексного института, включающего уголовно-правовые и уголовно-процессуальные нормы, образующие особый порядок привлечения к уголовной ответственности субъектов предпринимательских преступлений. В современной уголовной политологии, антикриминальных науках идея возможности и даже желательности компромисса в сфере противодействия преступности (особенно экономической) [16. С. 8–9, 11; 17. С. 20–21; 18. С. 316–319, 320–325; 19. С. 198; 20. С. 8] стала вполне респектабельной, получившей официальное одобрение. Как минимум в этой сфере создалась благоприятная среда для концепции договорных отношений между обвинителем и обвиняемым.

Разрушению монолита доктринальных воззрений на то, как происходит привлечение к уголовной ответственности преступника, способствуют и другие актуальные темы, в частности, и тема о введении в отечественное уголовное право категории уголовного проступка, впрочем, не завершившаяся каким-то конкретным результатом.

Все это свидетельствует о том, что классическая доктрина об уголовной ответственности и механизме ее реализации не может быть единственным средством объяснения того, как возможно организовать противодействие преступности в свете формы обвинения, уголовного преследования.

Именно в учении об обвинении мировоззренческого сдвига не произошло. Символично и то, что порядок выдвижения обвинения при ведении предварительного следствия остается неизменным с советских времен. Подобный консерватизм неслучаен и является верным показателем неизменности устройства уголовно-процессуально-правового механизма осуществления уголовно-правового воздействия на преступность.

На наш взгляд, концепция избирательного, целесообразного подхода к применению уголовной репрессии не может не иметь выхода на учение об обвинении – формы его выдвижения и изменения, в том числе в результате сделки сторон.

В недрах отечественной уголовно-процессуальной науки есть наработки для концепции пересмотра института обвинения. Еще в начале XX в. неизбежность избирательности уголовной репрессии была увязана с допущением субсидиарного обвинения как конкурента публичному – прокурорскому обвинению и расширением предмета частного обвинения. Это тематика развивалась в общем контексте искового учения об обвинении [21. С. 104–142; 22. С. 110–122]. Впрочем, далее научных рассуждений тема о демополизации полномочий публичной власти на обвинение и допущение частного/диспозитивного элемента в механизм выдвижения обвинения развития не получила. И не только по причине смены государственно-правового строя. Монополизация обвинения государством в России, как и в других государствах с романо-германской правовой системой, делает менее гибкой доктрину по вопросу о

реагировании уголовно-процессуально-правовой системы на преступление и форму, меру этого реагирования – в виде дифференциации форм обвинения, расширения круга его субъектов, меры свободы распоряжения публичным и частно-публичным обвинением (уголовным иском) [23. С. 46–50; 24. С. 105–115; 25. С. 207–210].

Обвинение является краеугольным камнем уголовно-процессуально-правовой системы противодействия преступности. Мы разделяем этот постулат классической уголовно-процессуальной доктрины.

Отметим радикальную перемену ситуации. Если раньше речь шла о нехватке ресурсов государственного обвинения для сдерживания преступности, то теперь, наоборот, прогнозируется избыточность ресурсов для возможного выдвижения обвинения публичной обвинительной властью или частным обвинителем против граждан. Имеется в виду фактор цифровизации, который, с точки зрения некоторых авторов, окажет глобальное влияние на государственно-правовой механизм противодействия преступности [26].

Следует согласиться с позицией, согласно которой классическая уголовно-процессуально-правовая доктрина с ее интенцией к абсолютизации связи преступления и наказания представляет угрозу не только личности, но и обществу, в условиях глобализации контроля за людьми, многократного увеличения технического потенциала по фиксации преступного поведения и получения оснований для выдвижения обвинения. Техническая возможность обнаружения основания для выдвижения обвинения против каждого человека должна найти юридический предел, ибо в этом есть уже политико-правовая целесообразность для правового государства, гарантирующего свободу и права человека.

Таковы предпосылки для создания концепции договорных уголовно-процессуальных производств привлечения к уголовной ответственности. Однако главная причина создания такой концепции кроется в накопившихся изменениях и дополнениях законодательства, количество которых позволяет констатировать некое качественно новое образование, которое не укладывается в догму и требует принципиально нового – концептуального объяснения.

К числу этих нетрадиционных для нашего права и доктрины производств можно отнести: особый порядок судебного разбирательства (Глава 40 УПК РФ), досудебное соглашение о сотрудничестве (Глава 40.1 УПК РФ), сокращенное дознание (Глава 32.1 УПК РФ) и др.

В основе любого из них лежит *согласие обвиняемого с обвинением*, т.е. в них присутствует элемент договорного начала. Все они вместе и каждое в отдельности противоречат ст. 77 ч. 2 ст. 17 УПК РФ, идут против канона теории доказательств, который всегда почитался гарантией (публично-правовой, процессуальной) невозврата в инквизиционное, репрессивное прошлое. Однако теперь он конкурирует с другим концептом – свободой человека самостоятельно распоряжаться своей судьбой и концепцией правовой – исковой самозащиты субъектом своих прав и свобод. Возникает идеологический выбор между публично-правовой, государственной гарантией защиты прав личности или предоставления ей права

защищаться самостоятельно. Этот выбор изначально должен быть сделан на доктринальном уровне.

В рамках отдельных научных разработок данный вопрос многократно поднимался, но опять же получал ограниченное узкой темой разрешение: вроде, например, создания особой разновидности частно-публичного обвинения и особого – договорно-штрафного метода разрешения частно-публичного уголовно-правового спора (ст. 28.1 УПК РФ) как воплощение партнерства государства и бизнеса в сфере противодействия экономической преступности [27. С. 233–238; 28. С. 99–103; 29. С. 7–8, 12].

Впрочем, и эта концепция, и другие доморощенные учения, как, скажем, учение о дифференциации процессуальной формы, не дают удовлетворительного ответа на вопрос о том, можно ли обвинителю, публичному обвинителю по должности – прокурору, заключать от имени государства сделку с обвиняемым по предмету и основаниям публичного обвинения и таким путем определять исход уголовного дела.

В теории назрела потребность в осмыслении опыта правового строительства договорных производств и в выработке концепции, позволяющей подвести их все на единую теоретико-методологическую и новую категориальную платформу. Полагаем возможным разработать такой научный проект, в связи с чем изложим его основные элементы в их первоначальной разработке.

К объекту предполагаемой концепции уголовно-процессуальных договорных производств мы относим следующие процедуры:

- особый порядок судебного разбирательства (Глава 40 УПК РФ);
- досудебное соглашение о сотрудничестве (Глава 40.1 УПК РФ);
- сокращенное дознание (Глава 32.1 УПК РФ);
- назначение меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности (ст. 25.1, 446.1–446.5 УПК РФ);
- прекращение уголовных дел по нереабилитирующим, так называемым договорным или согласительным штрафным основаниям [30]: ст. 25, 25.1, п. 3 ч. 1 ст. 27, ч. 1 ст. 28, ст. 28.1 УПК РФ.

Мера договорности в отдельных производствах различна, и сам институт обвинения в разной мере может быть охвачен концепцией договора. Однако везде можно проследить выход на данную тематику, хотя эти выходы прямо не регулируются законом.

Общие черты, объединяющие все вышеуказанные производства, состоят в следующем:

- согласие обвиняемого с обвинением, что допускает возможность торга сторон;
- дача признательных показаний обвиняемых, составляющих фактическую основу для правоприменения;
- бесспорность уголовного дела – как общая характеристика уровня установления фактических обстоятельств дела – с позиции обеих сторон, но также и суда;
- согласие обвиняемого понести уголовную ответственность, как правило, выраженное в форме ходатайства;
- отказ стороны защиты оспаривать обвинение и опровергать обвинительные доказательства; пассивность в доказывании;

– сотрудничество или во всяком случае непротивление уголовному преследованию со стороны защиты;

– смягчение меры уголовной ответственности в виде размера и вида наказания или замены его альтернативной мерой юридической ответственности;

– обязательное участие защитника в этой процедуре;

– обязательное участие прокурора – как представителя обвинительной власти, отвечающего за общую организацию обвинительной деятельности (в этой связи, кстати, несистемным выглядит ограничение участия прокурора в процедуре, предусмотренной Главой 51.1 УПК РФ. Полагаем, оно должно быть устранено на концептуальном уровне);

– наличие гарантий для перехода на общий порядок по инициативе не только стороны защиты, но и органа, ведущего уголовное дело, в том числе суда.

Таковы главные проявления общей схемы договора в позитивно-правовых моделях некоторых уголовно-процессуальных производств, которые мы предполагаем проявить и развить на концептуальном уровне.

Целями концепции являются, во-первых, оправдание в рамках научного проекта уголовно-процессуальной сделки между прокурором и обвиняемым (защитой) по предмету обвинения (уголовного иска), включая вопросы уголовно-правовой квалификации, а также оснований обвинения, включая вопросы об отказе от использования обвинительных доказательств, формирования признательных показаний и пр.; во-вторых, подведение общей теоретико-методологической основы (платформы) под договорные уголовно-процессуальные производства; в-третьих, состыковка ее с основной частью – ядром господствующей доктрины о порядке производства по уголовным делам публичного обвинения и привлечения к уголовной ответственности.

Достижение этих целей сопряжено с мировоззренческим сдвигом в понимании того, как действует уголовное право, как образуется средство уголовно-правового воздействия. Мы предлагаем допустить подключение к уголовному правоприменению частного, договорного моментов. Легализовать то, что на практике всегда имело место.

Отдельной концептуальной целью мы ставим разработку системы принципов, благоприятствующих договорному способу применения уголовного закона и разрешения уголовно-правового конфликта. Концептуальное ядро задуманной концепции включает в себя принципы обвинения, целесообразности, диспозитивности, формальной (юридической) истины.

В качестве специальных методов, используемых для достижения вышеуказанных целей, мы полагаем, будет исковое учение об обвинении, общетеоретическое учение о договоре, учение о процессе.

Концепцией должны быть решены следующие задачи:

– обоснование того, что обвинение, прежде всего публичное, может быть предметом соглашения между прокурором и обвиняемым;

– лишение уголовно-процессуального договора признаков «кабальности» через закрепление обязательств обвинителя не изменять обвинение к худшему,

гарантирование соблюдения условий судебным органом, но также иным участником сделки, например медиатором, посредником;

– доктринальное оправдание того, что подбор и истолкование уголовного закона, подлежащего применению, могут быть предметом соглашения;

– объяснение того, что основания уголовной ответственности, доказательства могут быть предметом соглашения: через исключение обвинительных доказательств;

– аргументирование того, что главным субъектом публичного обвинения и, соответственно, стороной в договоре с обвиняемым должен быть только прокурор;

– разработка процессуальных форм распоряжения субъектами публичного обвинения своими материальными и процессуальными правами на обвинение;

– предложение процессуальных форм взаимодействия между субъектами сообвинения при выработке солидарной позиции при заключении соглашения со стороной защиты;

– обоснование в качестве предпосылки к заключению соглашения и (или) пункта договора, включающее взаимные права и обязанности сторон, устранение самим обвиняемым или иными лицами (в его интересах) последствий преступления;

– трактовка публичного обвинителя и частного (со)обвинителя как субъектов диспозитивности;

– объяснение решения прокурора (обвинителя) об изменении обвинения в лучшую сторону как проявление материальной диспозитивности;

– развитие запрета на поворот к худшему применительно в договорной уголовно-процессуальной форме;

– предложение об использовании прокурором полномочия на изменение обвинения в худшую сторону как средство побуждения стороны защиты к заключению соглашения о сотрудничестве или завершению уголовно-правового спора;

– формулирование запрета: торговаться сторонам можно только в пределах доказанного и потому предполагаемого как действительно совершенного обвиняемым преступления.

Кроме того, в рамках концепции предполагается разработать проект унифицированной формы досудебного разрешения дела на договорной основе – по приказу прокурора, но также введение института следственного судьи – как субъекта разрешения уголовно-правового спора договорным путем, требующего применения штрафной санкции.

Очевидно, при разработке концепции не избежать критики или попыток найти новое сосуществование института уголовно-процессуально-правового договора с принципами и концептами следственной процессуальной идеологии: объективной истины, следственной вариации публичности и пр.

Таков общий замысел, который мы собираемся реализовать в рамках концепции о договорных уголовно-процессуальных производствах. Полагаем, что даже только попытка его реализации может быть зачтена как посильный вклад автора в развитие современной отечественной уголовно-процессуальной доктрины.

Список источников

1. Путин В.В. Выступление на форуме АСИ «Сильные идеи для нового времени» 20 июля 2022 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/page/9> (дата обращения: 01.10.2022).
2. Андреева О.И. Пределы проявления диспозитивности в уголовном судопроизводстве. Томск, 2000. 133 с.
3. Абишлава Г.В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. М. : Юрлитинформ, 2012. 456 с.
4. Сидоренко Э.Л. Диспозитивность как режим уголовно-правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 418 с.
5. Шестакова С.Д. Генезис метода российского уголовно-процессуального права в условиях конвергенции и дивергенции англосаксонской и континентальной правовых систем (теоретико-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. 388 с.
6. Александров А.С., Андреева О.И., Зайцев О.А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 199–207.
7. Александров А.С., Зайцев О.А. Перспективы развития договорных механизмов в «экономическом уголовном судопроизводстве» // Устойчивый экономический рост и право : сб. материалов к XVI Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / ред. кол.: В.М. Жуйков, О.В. Гутников, С.А. Сеницын, М.Л. Шелютто. М. : Юриспруденция, 2021. С. 236–245.
8. Благов Е.В. Теория применения уголовного права : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005. 415 с.
9. Кропачев Н.М. Принципы применения мер ответственности за преступление // Правоведение. 1990. № 6. С. 71–76.
10. Даев В.Г. К понятию обвинения в советском уголовном процессе // Правоведение. 1970. № 1. С. 76–86.
11. Гаврилов Б.Я. Институт предъявления обвинения: правовые реалии и мифы // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В.А. Лазаревой. Самара : Самарский университет, 2010. Вып. 5. С. 329–335.
12. Ковтун Н.Н. Институт привлечения в качестве обвиняемого: о «депроцессуализации» и «дематериализации» его сути и содержания в уголовном судопроизводстве России // Российский журнал правовых исследований. 2020. Т. 7, № 1. С. 98–105.
13. Алипперов Х.Д. Социальная обусловленность компромисса в концепции уголовной политики // Советское государство и право. 1991. № 12. С. 79–86.
14. Алипперов Х.Д. Преступность и компромисс. Баку : Элм, 1992. 196 с.
15. Алипперов Х.Д. Проблемы допустимости компромисса в борьбе с преступностью : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. 300 с.
16. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. М., 2014. 296 с.
17. Жалинский А.Э. Уголовная политология и уголовная политика: необходимость нового подхода // Уголовная политика и право в эпоху перемен : материалы междунар. науч.-практ. конф., посв. памяти профессора П.С. Дагеля. Владивосток : Изд-во Владивостокского университета, 2010. С. 8–27.

18. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 339 с.
19. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс : в 10 т. Т. 3: Уголовная политика. Уголовная ответственность. М. : Юрлитинформ, 2016. 752 с.
20. Лесников Г.Ю. Уголовная политика современной России (методологические, правовые и организационные основы) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 350 с.
21. Полянский Н.Н. К вопросу об участии частных лиц в публичном обвинении // Юридический вестник. Издание Московского Юридического Общества. 1915. Кн. 9. С. 104–142.
22. Полянский Н.Н. Право обществ на уголовный иск // Вопросы права. 1911. Кн. 6 (2). С. 110–122.
23. Полянский Н.Н. Очерки общей теории уголовного процесса. М. : Право и жизнь, 1927. 127 с.
24. Полянский Н.Н. К вопросу о юридической природе обвинения перед судом // Правоведение. 1960. № 1. С. 105–115.
25. Сидоренко Э.Л. Институт частного и частно-публичного обвинения в свете перспектив кодификации российского уголовного законодательства // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 100-летию проекта Уголовного уложения 1913 года) : материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30–31 мая 2013 г. / отв. ред. В.С. Комиссаров. М. : Юрлитинформ, 2013. С. 207–210.
26. Aleksandrov A.S., Zaytsev O.A., Muraev P.P., Ruchkin V.A. The Institutional Basis for Implementing «Smart Technologies» in the Legal System of Fighting Crimes // «Smart Technologies» for Society, State and Economy. ISC 2020. Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 155. Springer, Cham., 2021. P. 1195–1203. DOI: 10.1007/978-3-030-59126-7_130
27. Аширбекова М.Т. О расширении частно-публичного обвинения // Вопросы правоведения. 2013. № 1. С. 233–238.
28. Горюнов В.Ю. Об оптимизации частно-публичного порядка уголовного преследования субъектов преступлений против собственности в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Российского университета кооперации. 2018. № 4 (34). С. 99–103.
29. Сычёв П.Г. Производство по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности. М. : Юрлитинформ, 2020. 336 с.
30. Шерстнев В.Б. Уголовно-процессуальный порядок досудебного урегулирования уголовно-правовых споров: современное состояние и концепция оптимизации : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2022. 313 с.

References

1. Putin, V.V. (2022) *Vystuplenie na forume ASI "Sil'nye idei dlya novogo vremeni" 20 iyulya 2022 goda* [Speech at the ASI Forum "Strong Ideas for the New Times" on July 20, 2022]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/page/9> (Accessed: 01.10.2022).
2. Andreeva, O.I. (2000) *Predely proyavleniya dispozitivnosti v уголовном sudoproizvodstve* [Limits of dispositivity in criminal proceedings]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Abshilava, G.V. (2012) *Soglasitel'nye protsedury v уголовном sudoproizvodstve Rossiyskoy Federatsii* [Conciliation procedures in criminal proceedings of the Russian Federation]. Moscow: Yurlitinform.
4. Sidorenko, E.L. (2013) *Dispozitivnost' kak rezhim уголовно-pravovogo regulirovaniya* [Dispositivity as a regime of criminal law regulation]. Law Dr. Diss. Moscow.
5. Shestakova, S.D. (2004) *Genezis metoda rossiyskogo уголовно-protsessual'nogo prava v usloviyakh konvergentsii i divergentsii anglosaksonskoy i kontinental'noy pravovykh sistem (teoretiko-pravovoe issledovanie)* [The genesis of the method of Russian law of criminal procedure in the context of convergence and divergence of the Anglo-Saxon and continental legal systems (theoretical and legal research)]. Law Dr. Diss. St. Petersburg.
6. Aleksandrov, A.S., Andreeva, O.I. & Zaytsev, O.A. (2019) On development prospects of the Russian criminal proceeding in the context of digitalization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 448. pp. 199–207. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/448/25
7. Aleksandrov, A.S. & Zaytsev, O.A. (2021) *Perspektivy razvitiya dogovornykh mekhanizmov v "ekonomicheskom уголовном sudoproizvodstve"* [Prospects for the Development of Contractual Mechanisms in "Economic Criminal Proceedings"]. In: Zhuykov, V.M., Gutnikov, O.V., Sinitsyn, S.A. & Shelyutto, M.L. (eds) *Ustoychivyy ekonomicheskiy rost i pravo* [Sustainable Economic Growth and Law]. Moscow: Yurisprudentsiya. pp. 236–245.
8. Blagov, E.V. (2005) *Teoriya primeneniya уголовного prava* [Theory of criminal law application]. Law Dr. Diss. St. Petersburg.
9. Kropachev, N.M. (1990) *Printsipy primeneniya mer otvetstvennosti za prestuplenie* [Principles of application of liability measures for a crime]. *Pravovedenie*. 6. pp. 71–76.
10. Daev, V.G. (1970) *K ponyatiyu obvineniya v sovetskom уголовном protsesse* [On the concept of accusation in the Soviet criminal process]. *Pravovedenie*. 1. pp. 76–86.
11. Gavrilov, B.Ya. (2010) *Institut pred'yavleniya obvineniya: pravovye realii i mify* [The institution of bringing charges: legal realities and myths]. In: Lazareva, V.A. (ed.) *Aktual'nye problemy sovremennogo уголовного protsessa Rossii* [Topical problems of the modern criminal process in Russia]. Vol. 5. Samara: Samara State University. pp. 329–335.
12. Kovtun, N.N. (2020) *Institut privlecheniya v kachestve obvinyaemogo: o "deprotsessualizatsii" i "dematerializatsii" ego suti i soderzhaniya v уголовном sudoproizvodstve Rossii* [The institute of involvement as an accused: about the "deprocessualization" and "dematerialization" of its essence and content in the criminal proceedings of Russia]. *Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy*. 7(1). pp. 98–105.
13. Alikperov, Kh.D. (1991) *Sotsial'naya obuslovlennost' kompromissa v kontseptsii уголовnoy politiki* [Social conditionality of compromise in the concept of criminal policy]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 12. pp. 79–86.
14. Alikperov, Kh.D. (1992) *Prestupnost' i kompromiss* [Crime and compromise]. Baku: Elm.
15. Alikperov, Kh.D. (1992) *Problemy dopustimosti kompromissa v bor'be s prestupnost'yu* [On the admissibility of compromise in the fight against crime]. Law Dr. Diss. Moscow.
16. Babaev, M.M. & Pudovochkin, Yu.E. (2014) *Problemy rossiyskoy уголовnoy politiki* [Problems of Russian criminal policy]. Moscow: [s.n.].

17. Zhalinskiy, A.E. (2010) Ugolovnaya politologiya i ugolovnaya politika: neobkhodimost' novogo podkhoda [Criminal politology and criminal policy: the need for a new approach]. In: *Ugolovnaya politika i pravo v epokhu peremen* [Criminal policy and law in an era of change]. Vladivostok: Vladivostok State University. pp. 8–27.
18. Lopashenko, N.A. (2004) *Osnovy ugolovno-pravovogo vozdeystviya: ugolovnoe pravo, ugolovnyy zakon, ugolovno-pravovaya politika* [Fundamentals of criminal law influence: criminal law and criminal law policy]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
19. Lopashenko, N.A. (ed.) (2016) *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'. Prestuplenie. Akademicheskii kurs* [Criminal Law. General Part. Crime. Academic Course]. Vol. 3. Moscow: Yurлитinform.
20. Lesnikov, G.Yu. (2005) *Ugolovnaya politika sovremennoy Rossii (metodologicheskie, pravovye i organizatsionnye osnovy)* [Criminal policy of modern Russia (methodological, legal, and organizational bases)]. Law Dr. Diss. Moscow.
21. Polyanskiy, N.N. (1915) K voprosu ob uchastii chastnykh lits v publichnom obvinenii [On participation of individuals in public prosecution]. *Yuridicheskiy vestnik. Izdanie Moskovskogo Yuridicheskogo Obshchestva*. 9. pp. 104–142.
22. Polyanskiy, N.N. (1911) Pravo obshchestva na ugolovnyy isk [The right of companies to a criminal action]. *Voprosy prava*. 6(2). pp. 110–122.
23. Polyanskiy, N.N. (1927) *Ocherki obshchey teorii ugolovnogo protsesssa* [On the general theory of criminal procedure]. Moscow: Pravo i zhizn'.
24. Polyanskiy, N.N. (1960) K voprosu o yuridicheskoy prirode obvineniya pered sudom [On the legal nature of the accusation before the court]. *Pravovedenie*. 1. pp. 105–115.
25. Sidorenko, E.L. (2013) Institut chastnogo i chastno-publichnogo obvineniya v svete perspektiv kodifikatsii rossiyskogo ugolovnogo zakonodatel'stva [The institute of private and private-public prosecution in the light of the prospects for codification of Russian criminal law]. In: Komissarov, V.S. (ed.) *Problemy kodifikatsii ugolovnogo zakona: istoriya, sovremennost', budushchee (posvyashchaetsya 100-letiyu proekta Ugolovnogo ulozheniya 1913 goda)* [Problems of codification of the criminal law: history, modernity, future (dedicated to the 100th anniversary of the draft Criminal Code of 1913)]. Moscow: Yurлитinform. pp. 207–210.
26. Aleksandrov, A.S., Zaytsev, O.A., Muraev, P.P. & Ruchkin, V.A. (2021) The Institutional Basis for Implementing “Smart Technologies” in the Legal System of Fighting Crimes. In: *“Smart Technologies” for Society, State and Economy. ISC 2020. Lecture Notes in Networks and Systems*. Vol. 155. Springer, Cham. pp. 1195–1203. [Online] Available from: https://doi.org/10.1007/978-3-030-59126-7_130 (Accessed: 01.10.2022).
27. Ashirbekova, M.T. (2013) O rasshirenii chastno-publichnogo obvineniya [On the expansion of private-public prosecution]. *Voprosy pravovedeniya*. 1. pp. 233–238.
28. Goryunov, V.Yu. (2018) Ob optimizatsii chastno-publichnogo poryadka ugolovnogo presледovaniya sub'ektov prestupleniy protiv sobstvennosti v sfere predprinimatel'skoy deyatel'nosti [On the optimization of the private-public order of criminal prosecution of subjects of crimes against property in the sphere of entrepreneurial activity]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta kooperatsii*. 4(34). pp. 99–103.
29. Sychev, P.G. (2020) *Proizvodstvo po ugolovnym delam o prestupleniyakh v sfere ekonomicheskoy i predprinimatel'skoy deyatel'nosti* [Proceedings in criminal cases on crimes in the sphere of economic and entrepreneurial activity]. Moscow: Yurлитinform.
30. Sherstnev, V.B. (2022) *Ugolovno-protsessual'nyy poryadok dosudebnogo uregulirovaniya ugolovno-pravovykh sporov: sovremennoe sostoyanie i kontseptsiya optimizatsii* [The order of criminal procedure of pre-trial settlement of criminal law disputes: the current state and the concept of optimization]. Law Cand. Diss. Nizhniy Novgorod.

Информация об авторе:

Колесник В.В. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: nikkipohta@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Kolesnik, Docent, Cand. Sci. (Law), associate professor of the Department of Civil Law of the Rostov Branch of the Russian State University of Justice (Rostov-on-Don, Russia). E-mail: nikkipohta@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022;
одобрена после рецензирования 6.11.2022; принята к публикации 12.12.2022.

The article was submitted 28.10.2022;
approved after reviewing 6.11.2022; accepted for publication 12.12.2022.

Научная статья
УДК 343.13

doi: 10.17223/23088451/20/9

АРХЕТИП НАЦИОНАЛЬНОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ И ПРОКУРОР КАК ЕЕ ДОМИНАНТНЫЙ СУБЪЕКТ

Олег Викторович Левченко

Троицкий и Новомосковский административные округа города Москвы, Москва, Россия, 2923757@rambler.ru

Аннотация. Российской архетип уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности строится на двух институтах: обвинение и доказывание. В обоих этих институтах объективно требуется активное участие прокурора. Необходимо для придания нормального состояния правовой организации противодействия преступности уголовно-процессуальными средствами возвращение прокурору всей полноты процессуальных полномочий по обвинению и процессуальному руководству всеми органами публичного уголовного преследования.

Ключевые слова: прокурор, обвинение, доказывание, досудебное производство

Для цитирования: Левченко О.В. Архетип национальной уголовно-процессуальной системы и прокурор как ее доминантный субъект // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 49–57. doi: 10.17223/23088451/20/9

Original article
doi: 10.17223/23088451/20/9

THE ARCHETYPE OF THE NATIONAL SYSTEM OF CRIMINAL PROCEDURE AND THE PROSECUTOR AS ITS DOMINANT SUBJECT

Oleg V. Levchenko

Troitsky and Novomoskovsky administrative districts of Moscow, Moscow, Russia, 2923757@rambler.ru

Abstract. The article proposes the author's definition and classification of primary and secondary signs of the national criminal procedural and legal organization of combating crime, as well as their manifestation in the legal status of the leading participant in pre-trial proceedings. The author concludes about the uniqueness of the modern form of pre-trial proceedings, which has become an organic part of the positive-legal criminal procedure model and doctrine. The legal organization of pre-trial and criminal proceedings as a whole is the result of balanced political forces. It is the political choice of the elite and, at the same time, an indicator of the real involvement in the political and legal processes of society. Now, a strong presidential power needs a strong accusatory power of the prosecutor's office. The investigative power must be subordinated to the power of the prosecutor: supervision over the procedural activities of investigators and bodies of inquiry is a form of prosecutor's management of law application in the pre-trial stages. The article presents a compromise concept of the investigative-prosecuting authority as the basis for optimizing the legal model of pre-trial proceedings and the entire legal system for combating crime. The specificity of the Russian investigative model of the legal organization of pre-trial proceedings is manifested in the separation of powers of two kinds: (1) the separation of the investigative-prosecuting and judicial powers and (2) the separation of the prosecutorial and investigative powers – the latter is redundant and does not correlate with the system of separation of powers in a legal state. The prosecutor and the investigator are the subjects of criminal prosecution, in relation to which the judiciary acts as a restraining force. It is the unity, not division, of the investigative and prosecutorial power in pre-trial proceedings that should be discussed. The one who conducts pre-trial proceedings with installed institutions of prosecution and evidence manages the criminal proceedings as a kind of "leading subject." All other subjects, including the court, which is passive in the accusatory, that is, proactive plan, are followers. The prosecutor has a special position in the process, since he/she has exclusive powers regarding the transfer of a criminal case to court. The procedural role of the prosecutor has an inter-stage, general procedural character. Hence the author concludes about the superiority of the accusatory power of the prosecutor, which extends to pre-trial proceedings in relation to both the accusation and its proof. The prosecutor's office, as the accusatory power of the state, should be the central element of the criminal procedural and legal organization for combating crime. The institutes of accusation and proof, subject to the prosecutor, should form the elementary basis of the legal organization of combating crime.

Keywords: prosecutor, accusation, proof, pre-trial proceedings

For citation: Levchenko, O.V. (2022) The archetype of the national system of criminal procedure and the prosecutor as its dominant subject. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 20. pp. 49–57. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/20/9

Целью нашего исследования является выявление архетипических признаков национальной уголовно-процессуально-правовой системы противодействия преступности и обоснование руководящей в ней роли прокурора.

В отечественном правоведении уже использовался термин «архетип» для обоснования уникальности российского уголовного процесса, в котором отразился национальный, т.е. русский, славянский архетип [1. С. 5–10]. Имели место и попытки выявления архетипических признаков уголовно-процессуальной системы, причем в контрастном идеологическом освещении [2. С. 64–69; 3. С. 199–207; 4. С. 75–86; 5. С. 54–61]. Попытаемся это сделать и мы.

В основе любой правовой организации противодействия преступности лежат принципы власти государства на привлечение к уголовной ответственности виновника преступления. От того, как в законе решен вопрос о власти, зависит определенный архетип уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности. Тип уголовного процесс – это определенный процессуальный порядок или *организация* выработки решения о применении уголовного закона – средства уголовно-правового воздействия. Она включает и модель получения процедурного знания, установления истины.

Отделение обвинения от суда – это главный критерий, по которому делятся два типа уголовно-процессуальных систем: следственная во главе с судебно-следственным органом и состязательная (обвинительная) во главе с органом обвинения, отделенного от суда. Между этими двумя противоположными моделями есть *смешанные* разновидности с индивидуальными наборами *вторичных* признаков (критериев-идентификаторов), которые выражают видовые различия, распределение и баланс властных полномочий между различными органами государства. Все эти признаки в совокупности составляют атрибутивно-процессуальную квалификацию правового противодействия преступности. Они же являются показателями *доминантности* субъекта уголовно-процессуальной деятельности: таковыми могут выступать следователь и суд или прокурор и суд.

«Доминантный субъект» в уголовно-процессуальной системе – это компетентный государственный орган, уполномоченный, во-первых, на выдвижение обвинения, т.е. тот участник процесса, который принимает решение о привлечении к уголовной ответственности или альтернативное решение, констатирующее совершение лицом преступления, и, во-вторых, являющийся субъектом доказывания обвинения, который устанавливает (доказывает), «формирует» основание обвинения и эвентуально – основание для применения нормы уголовного закона.

Императивно-атрибутивный тип процессуальной организации противодействия преступности складывается из первичных и вторичных признаков. У каждого из двух типов процесса имеется свой набор этих признаков.

К первичным признакам уголовно-процессуальной системы относятся следующие: а) порядок начала уго-

ловного расследования (возбуждения уголовного дела); б) процедура выдвижения обвинения и привлечения к уголовному преследованию; в) реализация уголовно-процессуального принуждения: задержание, меры пресечения; г) форма совершения процессуальных следственных действий (прежде всего сопряженных с ограничением конституционных прав граждан и вторжением в сферу охраняемой законом тайны); д) применение мер обеспечения возможного судебного решения по делу (наложение ареста на имущество); е) передачи уголовного дела в суд; ж) институт прекращения досудебного уголовного преследования (уголовного дела) – альтернативный исход досудебного производства.

Типовой показатель процесса, а вместе с тем и уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности проявляется в структурном значении досудебного производства, с присущей ему следственной формой реализации власти обвинять, доказывать и применять уголовный закон, причем последнее является производным от первых двух. Локализация следственного досудебного производства, включающего две стадии, в структуре процесса является главным показателем следственной атрибутивно-процессуальной природы государственно-правовой организации противодействия преступности [6. С. 50–51; 7. С. 98–100]. Чем выше мера следственной власти на обвинение и доказывание, тем более следственным является уголовное судопроизводство и противодействие преступности. Можно констатировать, что типологическим признаком современного российского уголовного процесса является процессуальное полномочие следователя на возбуждение уголовного дела, предъявление обвинения и на его исход в досудебном производстве, как обычный – в виде обвинительного заключения, так и альтернативный – в виде постановления о прекращении уголовного дела, а также иных решений.

Вторичные признаки, дополнительно конкретизирующие конфигурацию отношений внутри обвинительно-прокурорской/следственной власти, выражаются в следующих деталях: а) процедуры установления продления процессуальных сроков (которые должны быть в идеале «разумными»); б) порядок сношения органов предварительного расследования и прокуратуры с судебной властью при осуществлении судебного контроля на досудебных стадиях; в) процедура «засиливания» решений о прекращении уголовного дела (преследования); г) дифференциация результатов оперативно-розыскной деятельности и предварительного следствия (расследования), требующего преодоления и перевод первых в разряд вторых и др. (очевидно, что это неисчерпывающий перечень вторичных признаков, характеризующих в настоящее время конфигурацию отношений в треугольнике «следователь – руководитель следственного органа – прокурор».

Подчеркнем, что в системном, институциональном значении досудебного производства для отечественного уголовного процесса заложен тот предел уступчивости, который нельзя перейти, не изменив своей национальной правовой традиции, отказавшись от своей ис-

тории, культуры. Следует исходить из того, что в вопросах оптимизации уголовно-процессуальной деятельности прокурора надо исходить из первичных – архетипических признаков данного типа уголовно-процессуальной организации противодействия преступности как объективной закономерности. Иными словами, произвольно их менять недопустимо, ибо они укорены в национальном архетипе – общей организации власти в государстве. Можно ставить вопрос только об их частичной модификации. В то время как вторичные признаки производны от первичных и более подвижны – их можно менять более решительно.

В российской – смешанной – уголовно-процессуальной модели сложился во многом уникальный расклад полномочий прокурора и органа предварительного следствия относительно обвинения и доказывания: формально этот расклад в пользу органа предварительного следствия. Формально следователь является центром уголовно-процессуального механизма применения уголовно-правовых норм к лицам, совершающим нарушения уголовного закона. Разумеется, эта власть не безгранична, а находится под судебным и ведомственным контролем, а также под прокурорским надзором. Между тем роль прокурора имеет решающее значение на завершающем этапе *выдвижения обвинения – перед судом*, когда прокурор принимает решение об утверждении обвинительного заключения (иного резолютивного процессуального акта органа предварительного расследования) и направлении дела в суд и далее подтверждает поддержание данного обвинительного утверждения в судебном заседании. Механизм выдвижения обвинения включает в себя следственную и прокурорскую части и потому носит смешанный характер. При этом, на наш взгляд, имеет место дисбаланс полномочий в пользу следователя и, соответственно, нехватка полномочий у прокурора, чтобы оперативно определять судьбу обвинения (уголовного дела) и исход уголовного дела.

Следственный механизм привлечения в качестве обвиняемого фактически совпадает с привлечением к уголовной ответственности и закреплен в кодексах (на отождествление привлечения в качестве обвиняемого и привлечение к уголовной ответственности указывают нормы ст. 8, 75–76.1, 299, 300, 305 УК РФ, ст. 154 ч. 1 п. 2 УПК РФ. А под этими нормативно-правовыми схемами скрывается глубинная следственная модель привлечения к уголовной ответственности), в чем можно усматривать преемственность с советской моделью. Не случайно наблюдается полное сходство в нормативно-правовой модели вынесения следователем постановления о привлечении в качестве обвиняемого и предъявления обвинения по советскому кодексу (Глава 11 УПК РСФСР) и действующему уголовно-процессуальному закону (Глава 23 УПК РФ). Именно поэтому в отличие от других глав УПК РФ, эта глава не претерпела ни одного изменения. Ведь это сердце современного уголовно-процессуального организма, от работы которого зависит его существование.

Ряд решений Конституционного Суда России [8–14] позволяют по-прежнему считать постановление о привлечении в качестве обвиняемого, равно как и обвини-

тельный акт, обвинительное постановление, обвинительное заключение, процессуальными актами органа предварительного расследования по привлечению к уголовной ответственности обвиняемого.

Значит по закону в его конституционно-правовом истолковании форма предварительного расследования является формой привлечения к уголовной ответственности. И поскольку ни прокурор, ни суд непосредственно не участвуют в вынесении этих актов и обеспечивают только их отложенную проверку, постольку можно считать, что данный этап реализации уголовной ответственности находится в полной власти органа предварительного следствия. Мы оцениваем такую правовую схему, как и некоторые другие ученые [15. С. 123–137; 16. С. 129–134], не вполне правильной, поскольку она не отвечает критерию смешанного типа уголовного процесса и не содержит соответствующую меру участия прокурора. Вместе с тем признаем, что в настоящее время переход к составительной-исковой уголовно-процессуальной модели обвинения [17. С. 35–47] невозможен. Поэтому проект усиления меры прокурорского участия в досудебном производстве состоит в следующем: 1) превращение прокурора в полноценного субъекта уголовно-процессуальной деятельности в обеих ее главных составляющих, что подразумевает закрепление в кодексе правового предписания о направлении прокурору копии постановления о привлечении в качестве обвиняемого; 2) введение санкционирования постановления о привлечении в качестве обвиняемого в отношении отдельных категорий лиц (спецсубъектов, перечисленных в ст. 447 УПК РФ, субъектов предпринимательской деятельности). Под санкционирование прокурора предлагается поставить механизм окончания уголовных дел в досудебном производстве по не реабилитирующим основаниям в связи с отказом прокурора от выдвижения обвинения в суде.

В этой связи предлагаем дополнить ст. 171 УПК РФ частью пятой следующего содержания: «5. Процессуальный прокурор вправе потребовать от следователя направления копии постановления о привлечении в качестве обвиняемого для получения санкции на предъявление обвинения».

Предлагаем дополнить ст. 171 УПК РФ частью шестой: «6. Санкционирование надзирающим, процессуальным прокурором постановления о привлечении в качестве обвиняемого является обязательным по уголовным делам в отношении следующих лиц:

- а) лиц, указанных в статье 447 УПК РФ;
- б) субъектов предпринимательских преступлений, обвиняемых в совершении налоговых преступлений и преступлений экономической направленности;
- в) несовершеннолетних лиц, обвиняемых в совершении тяжких или особо тяжких преступлений».

Предлагаем также дополнить ст. 172 УПК РФ ч. 1.1 следующего содержания: «1.1. Обвинение должно быть предъявлено лицу, указанному в части 6 статьи 171 настоящего Кодекса, не позднее 3 суток со дня санкционирования прокурором постановления о привлечении его в качестве обвиняемого в присутствии защитника, если он участвует в уголовном деле».

Наконец, предлагаем изложить часть первую ст. 221 УПК РФ в следующем виде:

«1. Прокурор рассматривает поступившее от следователя уголовное дело с обвинительным заключением и в течение 10 суток принимает по нему одно из следующих решений:

1) об утверждении обвинительного заключения и о направлении уголовного дела в суд;

2) о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями;

3) о направлении уголовного дела вышестоящему прокурору для утверждения обвинительного заключения, если оно подсудно вышестоящему суду;

4) о прекращении уголовного дела в полном объеме или в его части по основаниям, предусмотренным настоящим Кодексом;

5) о поддержании ходатайства стороны защиты о рассмотрении уголовного дела в особом порядке, предусмотренном главой 40 настоящего Кодекса;

6) о дополнении или сокращении списка лиц, подлежащих вызову в суд, за исключением списка свидетелей защиты».

Такова наша позиция по изменению положения прокурора в первой архетипической основе правовой организации противодействия преступности.

Вторая мера усиления роли прокурора в национальной уголовно-процессуальной системе — это форма *доказывания*.

Каждому типу процесса присуща своя парадигма, технология доказывания, своя информационно-коммуникативная модель выработки процедурного знания, признаваемого истинным [18. С. 6–19].

Советская процессуальная школа открыто закрепляла приоритет предварительного следствия над судебным: у следователя больше, чем у суда, возможностей раскрыть преступление, всесторонне, полно и объективно расследовать его, установить объективную истину [19. С. 5–6, 43–44, 74; 20. С. 61].

Современные уголовно-процессуальное законодательство, практика и доктрина по-прежнему практикуют следственную парадигму формирования доказательств, установления объективной истины [21. С. 102–104; 22. С. 74–91; 23. С. 109–112]. Современные ученые утверждают, что государство как единой субъект доказывания (орган предварительного расследования + надзирающий прокурор) проводит «всестороннее, объективное и полное расследование», устанавливает «объективную истину» и применяет уголовный закон к правонарушителю [24. С. 10].

Концепция объективной истины по-прежнему, несмотря на нападки, является идеологическим стержнем отечественного уголовного судопроизводства и концептуальной основой понимания сущности основных уголовно-процессуальных явлений и институтов, включая досудебное производство и прокурорский надзор. Прокурор наряду с органом предварительного расследования, согласно этой концепции, является

субъектом доказывания объективной истины в досудебном и судебном производствах.

Прокурор, по мнению авторитетных ученых [25. С. 31–36; 26. С. 28–34], не является процессуально-дееспособным субъектом доказывания ни в стадии возбуждения уголовного дела, ни в стадии предварительного расследования. Прокурор не имеет права ни самостоятельно проводить следственные действия, ни участвовать в них, ни давать указания следователю относительно проведения предварительного следствия и установления фактических обстоятельств. В качестве субъекта доказывания надзирающий прокурор выступает главным образом на этапе оценки и проверки полученных органами предварительного расследования доказательств. Процессуальных же полномочий по оперативному вмешательству в собирание доказательств, а тем более самостоятельному собиранию и фиксации доказательств, в досудебных стадиях прокурор не имеет. Это означает отсутствие у него полномочий на получение доказательств в уголовном судопроизводстве. На наш взгляд, эта одна из самых острых проблем современной правовой организации досудебного производства и уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности.

Полагаем, что подобное положение должно быть кардинально изменено. Прокурору должны быть возвращены полномочия на активное участие в досудебном доказывании, в том числе предоставлены права на участие в следственных действиях, самостоятельное проведение следственных действий без принятия дела к своему производству, дача в письменном виде указаний на производство следственных действий любому органу предварительного расследования. В целом мы выступаем на возвращение к существовавшей до 2007 г. модели участия прокурора в досудебном доказывании по уголовному делу.

В концентрированном виде наша позиция по оптимизации правового положения прокурора в досудебном производстве и уголовном судопроизводстве в целом как основе российской правовой организации противодействия преступности представлена в следующем проекте ст. 37 УПК РФ:

«1. Прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, осуществлять от имени государства публичное уголовное преследование и исполнение законов в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за исполнением законов и процессуальное руководство деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия.

2. Процессуальный прокурор обязан организовать взаимодействие органов предварительного следствия и органа дознания, координировать их действия по раскрытию преступления, выявлению лица, совершившего преступление, и несет ответственность за результаты досудебного производства и установление объективной истины.

3. В ходе досудебного производства по уголовному делу прокурор уполномочен:

1) проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях;

2) возбуждать уголовное дело и в порядке, установленном настоящим Кодексом, принимать его к своему производству и проводить расследование или поручать его расследование следователю, дознавателю;

3) по уголовным делам, находящимся в производстве органа предварительного расследования, участвовать в производстве следственных, процессуальных действий или проводить отдельные следственные, процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству;

4) поручать органу дознания производство следственных действий и иных процессуальных действий, а также проведение оперативно-розыскных мероприятий;

5) требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, производстве дознания или предварительного следствия;

6) давать дознавателю, следователю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий, которые являются обязательными для дознавателя, следователя, других сотрудников органов предварительного расследования;

7) санкционировать ходатайство дознавателя, следователя на возбуждение перед судом об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения;

8) истребовать и проверять законность и обоснованность решений дознавателя, следователя, других должностных лиц органа предварительного расследования и принимать по ним решение в соответствии с настоящим Кодексом;

9) отменять незаконные, необоснованные постановления, указания нижестоящего прокурора, а также любые решения дознавателя, следователя, иного должностного лица органа предварительного расследования в порядке, установленном настоящим Кодексом;

10) рассматривать ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и постановление следователя о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве, выносить постановление об удовлетворении такого ходатайства либо об отказе в его удовлетворении, заключать досудебное соглашение о сотрудничестве, выносить постановление об изменении или о прекращении действия такого соглашения в порядке и по основаниям, предусмотренным настоящим Кодексом, а также выносить представление об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве;

11) участвовать в судебных заседаниях при рассмотрении в ходе досудебного производства вопросов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, о продлении срока содержания под стражей либо об отмене

или изменении данной меры пресечения, а также при рассмотрении ходатайств о производстве иных процессуальных действий, которые допускаются на основании судебного решения, и при рассмотрении жалоб в порядке, установленном ст. 125 настоящего Кодекса;

12) при наличии оснований возбуждать перед судом ходатайство о продлении срока запрета определенных действий, срока домашнего ареста или срока содержания под стражей по уголовному делу, поступившему или направляемому в суд с обвинительным заключением или постановлением о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера, а также ходатайство о разрешении отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в случае, предусмотренном ч. 1 ст. 214 настоящего Кодекса;

13) разрешать отводы, заявленные нижестоящему прокурору, дознавателю, следователю, а также их самоотводы;

14) устранять дознавателя, следователя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований настоящего Кодекса;

15) изымать любое уголовное дело у органа дознания и передавать его следователю с обязательным указанием оснований такой передачи;

16) передавать уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении от одного органа предварительного расследования другому (за исключением передачи уголовного дела или материалов проверки сообщения о преступлении в системе одного органа предварительного расследования) в соответствии с правилами, установленными ст. 151 настоящего Кодекса, изымать любое уголовное дело или любые материалы проверки сообщения о преступлении у органа предварительного расследования федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и передавать его (их) следователю Следственного комитета Российской Федерации с обязательным указанием оснований такой передачи;

17) утверждать постановление дознавателя, следователя о прекращении уголовного дела (преследования) в полном объеме или в части по реабилитирующему основанию;

18) утверждать обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление по уголовному делу;

19) возвращать уголовное дело дознавателю, следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления и устранения выявленных недостатков;

20) приостанавливать или прекращать производство по уголовному делу;

21) иметь полный доступ к материалам, документам и иным сведениям, касающимся проведения предварительного следствия или дознания;

22) истребовать и ознакомливаться в течение разумного срока с материалами уголовного дела, находящегося в производстве у дознавателя, следователя;

23) принимать решение о производстве предварительного следствия следственно-оперативной группой, а также об изменении состава следственно-оперативной группы;

24) продлевать и устанавливать разумные сроки дознания, предварительного следствия;

25) вносить представление для получения согласия на лишение неприкосновенности и привлечение к уголовной ответственности лиц, обладающих иммунитетом и привилегиями от уголовного преследования;

26) проверять законность задержания и выносить постановление об освобождении лиц, задержанных с нарушением требований настоящего Кодекса;

27) освобождать подозреваемого или обвиняемого, содержащегося под стражей без законных на то оснований или сверх сроков, установленных настоящим Кодексом;

28) разрешать жалобы на решения и действия (бездействие) нижестоящего прокурора, дознавателя, сле-

дователя, иного должностного лица органа предварительного расследования;

29) давать поручения о применении мер защиты потерпевшего, свидетеля и других лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве;

30) осуществлять иные полномочия, предоставленные прокурору настоящим Кодексом.

4. В ходе судебного производства по уголовному делу прокурор поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность.

5. Прокурор вправе поручить поддержание государственного обвинения в суде представителю органа предварительного следствия или органа дознания при рассмотрении дела в особом порядке.

6. Полномочия прокурора, предусмотренные настоящей статьей, осуществляются прокурорами района, города, их заместителями, приравненными к ним прокурорами и вышестоящими прокурорами».

Список источников

1. Барабаш А.С., Брестер А.А. Метод российского уголовного процесса. СПб., 2013. 224 с.
2. Азаров В.А., Чердынцева И.А. Базовые компоненты типологической характеристики уголовного процесса России // Уголовное право. 2006. № 6. С. 64–69.
3. Александров А.С., Андреева О.И., Зайцев О.А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 199–207.
4. Александров А.С., Александрова И.А., Власова С.В. Теоретическая концепция государственно-правовой организации противодействия преступности в XXI веке // Государство и право. 2019. № 9. С. 75–86.
5. Барабаш А.С. Начало российского уголовного процесса, определяющее возможность конвергенции уголовно-процессуальной формы и ее границы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 5. С. 54–61.
6. Азаров В.А. Предварительное и судебное следствие в контексте типологической характеристики уголовного процесса России // Научный вестник Омской академии МВД России. 2008. № 2. С. 50–51.
7. Давлетов А.А. Об оптимальном типе современного российского уголовного процесса // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2011. № 2–2. С. 98–100.
8. По делу о проверке конституционности положения пункта 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с жалобой гражданки Л.М. Запорожец : постановление Конституционного Суда РФ от 24 апреля 2003 года № 7-П. URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-24042003-n/> (дата обращения: 10.09.2022).
9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гаврилова Александра Михайловича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2009 года № 996-О-О. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1692684/> (дата обращения: 10.09.2022).
10. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бузина Сергея Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 24, пунктом 2 части первой статьи 27, статьей 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 71 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 20 октября 2011 года № 1449-О-О. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58104517/> (дата обращения: 10.09.2022).
11. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Семяникова Владимира Евгеньевича на нарушение его конституционных прав статьей 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2012 года № 36-О-О. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70042498/> (дата обращения: 10.09.2022).
12. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Зубенко Елены Ивановны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 27 и пунктом 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 28 мая 2013 года № 786-О. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70299804/> (дата обращения: 10.09.2022).
13. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Таргонского Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 200, статьями 202–205 Гражданского кодекса Российской Федерации и частью четвертой статьи 213 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 5 марта 2014 года № 589-О. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70537350/> (дата обращения: 10.09.2022).
14. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Стрелкова Владимира Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьями 15, 78 и частью второй статьи 109 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью четвертой статьи 244.1 и пунктом 2 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а также частью 6 статьи 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» : определение Конституционного Суда РФ от 24 июня 2014 года № 1458-О. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70608554/> (дата обращения: 10.09.2022).

15. Ковтун Н.Н. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 123–137.
16. Лапатников М.В. Институт публичного обвинения в уголовном процессе России: к вопросу о постановке проблемы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1 (49). С. 129–134.
17. Александров А.С. Понятие и сущность уголовного иска // Государство и право. 2006. № 2. С. 35–47.
18. Александров А.С., Александрова И.А. О философско-правовых притязаниях теории уголовного процесса на общую теоретико-методологическую основу научной специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 4 (58). С. 6–19.
19. Колбая Г.Н. Соотношение предварительного следствия и судебного разбирательства. М. : Юрид. лит., 1975. 152 с.
20. Строгович М.С. Соотношение предварительного следствия и судебного разбирательства и некоторые вопросы защиты в советском уголовном процессе // Вопросы защиты по уголовным делам : сб. статей. Л., 1967. С. 45–67.
21. Азаров В.А. Соотношение предварительного и судебного следствия по УПК Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 311. С. 102–104.
22. Деряшев Ю.В. О современной отечественной уголовно-процессуальной науке в общем и организации следственного аппарата, в частности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 31. С. 74–91.
23. Ляхов Ю.А. Единство процесса доказывания в досудебном уголовном судопроизводстве России // Государство и право. 2014. № 11. С. 109–112.
24. Азаренок Н.В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск : Омская академия МВД РФ, 2022. 547 с.
25. Быков В.М. Правовое положение прокурора на предварительном следствии // Следователь. 2008. № 6. С. 31–36.
26. Шадрин В.С., Чубыкин А.В. Проблемы прокурорского надзора за законностью отказа в возбуждении уголовного дела // Криминалист. 2014. № 1 (14). С. 28–34.

References

1. Barabash, A.S. & Brester, A.A. (2013) *Metod rossiyskogo ugovnogo protsesssa* [The method of the Russian criminal process]. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press.
2. Azarov, V.A. & Cherdynseva, I.A. (2006) Bazovye komponenty tipologicheskoy kharakteristiki ugovnogo protsesssa Rossii [Basic components of the typological characteristics of the Russian criminal process]. *Ugovnoe pravo*. 6. pp. 64–69.
3. Aleksandrov, A.S., Andreeva, O.I. & Zaytsev, O.A. (2019) On development prospects of the Russian criminal proceeding in the context of digitalization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 448. pp. 199–207. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/448/25
4. Aleksandrov, A.S., Aleksandrova, I.A. & Vlasova, S.V. (2019) Teoreticheskaya kontseptsiya gosudarstvenno-pravovoy organizatsii protivodeystviya prestupnosti v 21 veke [Theoretical concept of the state-legal organization of combating crime in the 21st century]. *Gosudarstvo i pravo*. 9. pp. 75–86.
5. Barabash, A.S. (2015) Nachalo rossiyskogo ugovnogo protsesssa, opredelyayushchee vozmozhnost' konvergentsii ugovno-protsessual'noy formy i ee granitsy [The beginning of the Russian criminal process, determining the possibility of convergence of the criminal procedural form and its limits]. *Biblioteka kriminalista*. 5. pp. 54–61.
6. Azarov, V.A. (2008) Predvaritel'noe i sudebnoe sledstvie v kontekste tipologicheskoy kharakteristiki ugovnogo protsesssa Rossii [Preliminary and judicial investigation in the context of the typological characteristics of the criminal process in Russia]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*. 2. pp. 50–51.
7. Davletov, A.A. (2011) Ob optimal'nom tipe sovremennogo rossiyskogo ugovnogo protsesssa [On the optimal type of modern Russian criminal procedure]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo*. 2–2. pp. 98–100.
8. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2003) *Po delu o provere konstitutsionnosti polozheniya punkta 8 Postanovleniya Gosudarstvennoy Dumy ot 26 maya 2000 goda "Ob ob'yavlenii amnistii v svyazi s 55-letiem Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 godov" v svyazi s zhaloboy grazhdanki L.M. Zaporozhets: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 24 aprelya 2003 goda № 7-P* [On verifying the constitutionality of the provision of Paragraph 8 of the Decree of the State Duma of May 26, 2000, "On the announcement of an amnesty in connection with the 55th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945" in connection with the complaint of citizen L.M. Zaporozhets: Resolution No. 7-P of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 24, 2003]. [Online] Available from: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-24042003-n/> (Accessed: 10.09.2022).
9. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2009) *Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Gavrilova Aleksandra Mikhaylovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav punktom 3 chasti tret'ey stat'i 56 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 16 iyulya 2009 goda № 996-O-O* [On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Gavrilov Alexander Mikhailovich about the violation of his constitutional rights by Clause 3 of the third part of Article 56 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Resolution No. 996-O-O of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 16, 2009]. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1692684/> (Accessed: 10.09.2022).
10. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2011) *Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Buzina Sergey Ivanovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav punktom 3 chasti pervoy stat'i 24, punktom 2 chasti pervoy stat'i 27, stat'ey 74 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i stat'ey 71 Grazhdanskogo protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 20 oktyabrya 2011 goda № 1449-O-O* [On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Sergei Ivanovich Buzin about the violation of his constitutional rights by Paragraph 3 of the first part of Article 24, Paragraph 2 of the first part of Article 27, Article 74 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and Article 71 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation: Resolution No. 1449-O-O of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 20, 2011]. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58104517/> (Accessed: 10.09.2022).

11. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2012) *Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Semyannikova Vladimira Evgen'evicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav stat'ey 90 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 25 yanvarya 2012 goda № 36-O-O* [On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Semyannikov Vladimir Evgenievich about the violation of his constitutional rights by Article 90 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Resolution No. 36-O-O of the Constitutional Court of the Russian Federation dated January 25, 2012]. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70042498/> (Accessed: 10.09.2022).
12. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2013) *Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanki Zubenko Eleny Ivanovny na narushenie ee konstitutsionnykh prav chast'yu vtoroy stat'i 27 i punktom 1 stat'i 254 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 28 maya 2013 goda № 786-O* [On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Zubenko Elena Ivanovna about the violation of her constitutional rights by Part Two of Article 27 and Paragraph 1 of Article 254 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Resolution No. 786-O of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 28, 2013]. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70299804/> (Accessed: 10.09.2022).
13. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2014a) *Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Targonskogo Sergeya Nikolaevicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav punktom 1 stat'i 200, stat'yami 202–205 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i chast'yu chetvertoy stat'i 213 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 5 marta 2014 goda № 589-O* [On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Targonsky Sergey Nikolaevich about the violation of his constitutional rights by Paragraph 1 of Article 200, Articles 202–205 of the Civil Code of the Russian Federation and Part Four of Article 213 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Resolution No. 589-O of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 5, 2014]. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70537350/> (Accessed: 10.09.2022).
14. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2014b) *Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Strelkova Vladimira Anatol'evicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav stat'yami 15, 78 i chast'yu vtoroy stat'i 109 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii, chast'yu chetvertoy stat'i 244.1 i punktom 2 chast'i pervoy stat'i 244.6 Grazhdanskogo protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii, a takzhe chast'yu 6 stat'i 3 Federal'nogo zakona "O kompensatsii za narushenie prava na sudoproizvodstvo v razumnyy srok ili prava na ispolnenie sudebnogo akta v razumnyy srok": opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 24 iyunya 2014 goda № 1458-O* [On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Strelkov Vladimir Anatolyevich about the violation of his constitutional rights by Articles 15, 78 and Part Two of Article 109 of the Criminal Code of the Russian Federation, Part Four of Article 244.1 and Paragraph 2 of Part One of Article 244.6 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, as well as Part 6 of Article 3 of the Federal Law "On compensation for violation of the right to legal proceedings within a reasonable time or the right to execution of a judicial act within a reasonable time": Resolution No. 1458-O of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 24, 2014]. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70608554/> (Accessed: 10.09.2022).
15. Kovtun, N.N. (2019) Formirovaniye gosudarstvennogo obvineniya kak samostoyatel'naya stadiya ugolovnogo sudoproizvodstva Rossii [The formation of public prosecution as an independent stage of criminal proceedings in Russia]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 9. pp. 123–137.
16. Lapatnikov, M.V. (2020) Institut publichnogo obvineniya v ugolovnom protsesse Rossii: k voprosu o postanovke problemy [The institute of public prosecution in the criminal procedure of Russia: On the statement of the problem]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. 1(49). pp. 129–134.
17. Aleksandrov, A.S. (2006) Ponyatie i sushchnost' ugolovnogo iska [The concept and essence of a criminal claim]. *Gosudarstvo i pravo*. 2. pp. 35–47.
18. Aleksandrov, A.S. & Aleksandrova, I.A. (2021) O filosofsko-pravovykh prityazaniyakh teorii ugolovnogo protsessa na obshchuyu teoretiko-metodologicheskuyu osnovu nauchnoy spetsial'nosti 5.1.4 – Ugolovno-pravovye nauki [On the philosophical and legal claims of the theory of criminal procedure for a general theoretical and methodological the basis of the scientific specialty 5.1.4 - Criminal Law Sciences]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*. 4(58). pp. 6–19.
19. Kolbaya, G.N. (1975) *Sootnoshenie predvaritel'nogo sledstviya i sudebnogo razbiratel'stva* [Relationship between investigation and trial]. Moscow: Yurid. Literatura.
20. Strogovich, M.S. (1967) Sootnoshenie predvaritel'nogo sledstviya i sudebnogo razbiratel'stva i nekotorye voprosy zashchity v sovetskom ugolovnom protsesse [Correlation of the preliminary investigation and trial and some issues of defense in the Soviet criminal process]. In: *Voprosy zashchity po ugolovnym delam* [Defense in Criminal Cases]. Leningrad: [s.n.]. pp. 45–67.
21. Azarov, V.A. (2008) Sootnoshenie predvaritel'nogo i sudebnogo sledstviya po UPK Rossiyskoy Federatsii [The ratio of preliminary and judicial investigation according to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 311. pp. 102–104.
22. Derishev, Yu.V. (2019) About modern national criminal procedure science generally and organizations of the investigative device in particular. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 31. pp. 74–91. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/31/7
23. Lyakhov, Yu.A. (2014) Edinstvo protsessa dokazyvaniya v dosudebnom ugolovnom sudoproizvodstve Rossii [The unity of the process of proof in pre-trial criminal proceedings in Russia]. *Gosudarstvo i pravo*. 11. pp. 109–112.
24. Azarenok, N.V. (2022) *Kontseptsiya sovershenstvovaniya rossiyskogo ugolovnogo protsessa v ramkakh ego istoricheskoy formy* [The concept of improving the Russian criminal process within its historical form]. Law Dr. Diss. Omsk.
25. Bykov, V.M. (2008) Pravovoe polozhenie prokurora na predvaritel'nom sledstviy [Legal status of the prosecutor during the preliminary investigation]. *Sledovatel'*. 6. pp. 31–36.
26. Shadrin, V.S. & Chubykin, A.V. (2014) Problemy prokurorskogo nadzora za zakonnost'yu otkaza v vozbuzhdenii ugolovnogo dela [Problems of prosecutor's supervision over the legality of refusal to initiate a criminal case]. *Kriminalist*. 1(14). pp. 28–34.

Информация об авторе:

Левченко О.В. – кандидат юридических наук, прокурор Троицкого и Новомосковского административного округов города Москвы (Москва, Россия). E-mail: 2923757@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.V. Levchenko, Cand. Sci. (Law), prosecutor of the Troitsky and Novomoskovsky administrative districts of Moscow (Moscow, Russia). E-mail: 2923757@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.10.2022;
одобрена после рецензирования 15.11.2022; принята к публикации 12.12.2022.*

*The article was submitted 22.10.2022;
approved after reviewing 15.11.2022; accepted for publication 12.12.2022.*

Научная статья
УДК 343.13

doi: 10.17223/23088451/20/10

ОТСУТСТВИЕ ВОЗРАЖЕНИЙ КАК УСЛОВИЕ ОТКАЗА В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СВЯЗИ С ИСТЕЧЕНИЕМ СРОКОВ ДАВНОСТИ

Евгения Владимировна Марьина¹, Юлия Владимировна Кувалдина²

^{1, 2} Самарский национальный исследовательский университет имени С.П. Королева, Самара, Россия

¹ ssau@ssau.ru

² ssau@ssau.ru

Аннотация. Исследуется вопрос о том, нужно ли устанавливать лицо, совершившее преступление, по которому истек срок давности привлечения к уголовной ответственности, чтобы убедиться в отсутствии у него возражений против возбуждения уголовного дела. Авторы дают на этот вопрос отрицательный ответ и аргументируют свою позицию.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, истечение сроков давности, отказ в возбуждении уголовного дела, прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям

Для цитирования: Марьина Е.В., Кувалдина Ю.В. Отсутствие возражений как условие отказа в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 58–64. doi: 10.17223/23088451/20/10

Original article
doi: 10.17223/23088451/20/10

NO OBJECTIONS AS A CONDITION FOR REFUSING TO INITIATE CRIMINAL PROCEEDINGS DUE TO THE EXPIRATION OF THE STATUTE OF LIMITATIONS

Evgeniya V. Maryina¹, Yuliya V. Kuvaldina²

^{1, 2} Samara National Research University, Samara, Russia

¹ ssau@ssau.ru

² ssau@ssau.ru

Abstract. The study poses two questions: (1) whether it is possible to refuse to initiate a criminal case due to the expiration of the statute of limitations if the person who committed the crime has not been identified; (2) whether it is necessary to obtain the consent of the person to refuse to initiate a criminal case on this basis, if it is established. The authors gave a negative answer to the first question, referring to Paragraph 3 of Part 1 of Art. 24 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which declares the ineffectiveness of initiating a criminal case from the point of view of the appointment of a criminal process, and supporting it by the fact that the presumption of innocence does not apply to unidentified persons. When answering the second question, the authors indicated that the problem of classifying the statute of limitations as rehabilitating or non-rehabilitating grounds would not have arisen if this released person were not reflected in the pre-investigation statistics as a person who committed a crime. Therefore, by changing the statistical indicators, it would be possible to solve this problem. First, the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation considers such a person to have committed a crime for the first time. Second, Art. 78 of the Criminal Code of the Russian Federation does not provide for such a condition for exemption from criminal liability as obtaining the consent of a person. Third, the meaning of the statute of limitations is that beyond their limits the state loses the right to prosecute, since the person ceases to be socially dangerous. Fourth, since guilt is not established at the stage of initiating a criminal case, it is impossible to say that the basis for refusing to initiate a criminal case is non-rehabilitating. Fifth, extending the rule established by Part 2 of Art. 27 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation to the stage of initiating a criminal case would mean the use of a procedural analogy, which is not provided for by the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Sixth, the position set forth by the Constitutional Court of the Russian Federation in Resolution No. 20-P dated May 19, 2022, allows equating consent with the absence of objections of a person against a refusal to initiate a criminal case; therefore, if such objections are not received from a person, it is presumed that the person agrees and the statute of limitations can apply. Thus, if the statute of limitations for criminal prosecution has expired, a criminal case should not be initiated, both in the case when the person has not been identified (the absence of this person is regarded as the absence of his/her objections to the refusal to initiate a criminal case), and if the person who committed the crime is established without clarifying his/her opinion on this issue.

Keywords: criminal proceedings, statute of limitations, refusal to initiate a criminal case, termination of a criminal case on non-rehabilitating grounds

For citation: Maryina, E.V. & Kuvaldina, Yu.V. (2022) No objections as a condition for refusing to initiate criminal proceedings due to the expiration of the statute of limitations. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 20. pp. 58–64. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/20/10

Общим условием для прекращения уголовного дела (уголовного преследования) по закрепленным в уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) основаниям, исключающим право на реабилитацию, является отсутствие возражений подозреваемого (обвиняемого) против такого решения. Одним из таких оснований является истечение сроков давности уголовного преследования. Вместе с тем по данному основанию можно не только прекратить уголовное дело, но и отказать в его возбуждении, при этом процессуальный закон не определяет условия такого отказа. В этой связи в теории и на практике нерешенными остаются вопросы о том, можно ли отказать в возбуждении уголовного дела по данному основанию, если лицо, совершившее преступление, не установлено, а также если лицо, в отношении которого осуществляется доследственная проверка, не дает согласие на отказ от уголовного преследования в отношении него.

Остановимся на первом вопросе. Начнем с того, что на практике отказ в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности не такое уж и редкое явление. В 2021 г. по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ было вынесено 6 925 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении установленных лиц и 3 152 в отношении неустановленных лиц [1]. Хотя ведомственные акты ориентируют на другое. Например, п. 1.24 приказа Следственного комитета РФ [2] предписывает прекращать уголовные дела о преступлениях, сроки давности привлечения к ответственности за которые истекли, только если установлены лица, их совершившие, и только после получения их согласия на это.

В науке высказано мнение, что в случае, если лицо, совершившее преступление, неизвестно, а срок, истекший с момента его совершения, превысил установленный Уголовным кодексом Российской Федерации (УК РФ), уголовное дело требуется возбудить именно для того, чтобы выявить это лицо, поскольку, не убедившись в отсутствии у него возражений, применить срок давности нельзя. В обоснование своей позиции данные авторы приводят следующие аргументы:

- без субъекта невозможно установить конкретный состав преступления, а следовательно, понять, истекли ли сроки давности за него [3. С. 115];

- нормы, регулирующие порядок отказа в возбуждении уголовного дела, являются унифицированными как для реабилитирующих, так и для нереабилитирующих оснований [4. С. 53];

- потерпевший лишается возможности обратиться за компенсацией вреда, причиненного преступлением в порядке гражданского судопроизводства, поскольку лицо, к которому оно может предъявить иски, требования, неизвестно. В этой связи высказывается мнение, что отказ в возбуждении уголовного дела, когда лицо не установлено, возможно только при согласии пострадавшего. Кроме того, даже в случае последую-

щего освобождения от уголовной ответственности, нужно уголовное дело возбудить и расследовать, чтобы показать лицу, что совершенное преступление не осталось без реакции государства [5. С. 220].

С данными аргументами можно поспорить. Статья 24 УПК РФ прямо запрещает возбуждать уголовное дело, если истекли сроки давности уголовного преследования. В этом случае осуществление уголовного преследования в целях поиска лица, причастного к совершению преступления, и установления его обстоятельств становится не только не нужным, но и незаконным. Напомним, что в соответствии с ч. 1 ст. 148 УПК РФ отказ в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления возможен только в отношении конкретного лица. Очевидно, если бы законодатель придавал такое же значение установлению лица при отказе в возбуждении уголовного дела за истечением сроков давности, он бы об этом указал.

Далее соблюдать условие прекращения уголовного дела, предусмотренное ч. 2 ст. 27 УПК РФ, законодатель требует лишь в отношении подозреваемых и обвиняемых, поскольку последние в силу процессуального статуса нуждаются в повышенных гарантиях защиты их прав [6. С. 18]. Именно в отношении указанных участников процесса истечение срока давности является нереабилитирующим основанием, а потому им в соответствии с принципами обеспечения права на защиту и презумпцией невиновности должна быть сохранена возможность настаивать на продолжении выяснения обстоятельств преступления с целью их реабилитации. В тех случаях, когда принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела, а совершившее деяние лицо не установлено, такое процессуальное решение никак не отразится на его правах. Для неустановленного лица истечение срока давности, строго говоря, не является нереабилитирующим основанием, поскольку институт реабилитации применяется к конкретному субъекту.

Кроме того, возбуждение уголовного дела, если срок давности истек и лицо не установлено, неэффективно с точки зрения назначения уголовного судопроизводства. В науке критериями эффективности обычно называют дешевизну, простоту, быстроту процедуры рассмотрения уголовного дела [7. С. 50–51]. С учетом этих критериев нерациональным будет возбуждать уголовное дело лишь для того, чтобы получить у установленного в ходе предварительного расследования лица получить одобрение на прекращение уголовного преследования в отношении него. Сеем предположить, что в подобных случаях следователь/дознатель, возбудив уголовное дело и преступив к расследованию, не устанавливает все признаки состава преступления, а ограничивается дачей письменных поручений органам дознания на проведение оперативно-розыскных действий.

Относительно предложения о необходимости возбуждать уголовное дело о преступлении, по которому истек срок давности, а лицо, причастное к его совершению неизвестно, если пострадавший возражает против этого [8. С. 123], полагаем, что по делам публично-го обвинения ставить вопрос о возбуждении уголовного дела в зависимость от волеизъявления пострадавшего неправильно. Потерпевшему должна быть обеспечена возможность высказать свои соображения относительно отказа в возбуждении уголовного дела, а при несогласии с таким решением – право обжаловать в ведомственном и судебном порядке. Лицо, освобожденное от уголовной ответственности, не освобождается от обязанности возместить причиненный преступлением вред. При этом в гражданском судопроизводстве постановление об отказе в возбуждении уголовного дела имеет преюдициальное значение.

С учетом изложенного, полагаем, что если сроки давности истекли, должно быть отказано в возбуждении уголовного дела, даже если лицо, совершившее преступление остается неизвестным.

Перейдем к ответу на второй вопрос. В судебной практике не сложилось единого подхода, нужно ли получать согласие установленного лица с отказом в возбуждении уголовного дела. Приведем несколько примеров.

Приволжский военный окружной суд [9] в апелляционном порядке рассмотрел жалобу защитника обвиняемого В.А.В. на постановление старшего следователя-криминалиста военного следственного отдела по Оренбургскому гарнизону о возбуждении уголовного дела, которое вынесено за пределами срока давности, а следовательно, по мнению заявителя, является незаконным. Рассмотрев жалобу, суд пришел к выводу, что возбуждение уголовного дела является законным, поскольку В.А.В. не согласился с отказом в возбуждении уголовного дела по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. При этом суд опирался на хорошо известную в науке и на практике позицию Конституционного Суда РФ, высказанную в постановлении от 27 июня 2000 г. № 11-П по делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 47 и ч. 2 ст. 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова, в соответствии с которой право на судебную защиту лица не зависит от того, обладает ли оно формально каким-либо процессуальным статусом, а определяется его фактическим положением как лица, нуждающегося в защите. Следовательно, В.А.В., не являясь в процессуальном смысле ни подозреваемым, ни обвиняемым, в фактическом как лицо, в отношении которого осуществлялась проверка сообщения о преступлении, нуждался в защите его прав. Поэтому его согласие с отказом на возбуждение в отношении него уголовного преследования в связи с истечением срока давности является обязательным.

Другая позиция по данному вопросу была высказана Самарским областным судом по жалобе А.В.В. В частности, приговором мирового судьи А.В.В. осужден по ч. 3 ст. 327 УК РФ и освобожден от наказания в связи с истечением сроков давности [10]. Самарский районный суд г. Самары, рассмотрев апелляционную

жалобу осужденного, оставил приговор без изменений. В своем апелляционном постановлении [11] суд указал, что А.В.В. в ходе доследственной проверки, не сообщил о том, что согласен на отказ в возбуждении уголовного дела. Постановлением Президиума Самарского областного суда [12] по кассационным жалобам А.В.В. и его защитника оба судебных решения были отменены. В кассационном постановлении указано, что из материалов уголовного дела усматривается, что оно возбуждено за пределами сроков давности уголовного преследования. Поэтому собранные в ходе досудебного производства доказательства о наличии в действиях А.В.В. состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 327 УК РФ, не имеют юридической силы. Таким образом, Президиум Самарского областного суда, исходя из п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, сделал вывод, что уголовное дело не может быть возбуждено, если сроки давности уголовного преследования вышли. Если уголовное дело было все-таки возбуждено, его в соответствии с ч. 2 ст. 27 УПК РФ следует прекратить на любой стадии уголовного судопроизводства, если с этим согласен подсудимый. Однако мировой судья, в производстве которого находило уголовное дело в отношении А.В.В., в стадии его подготовки к судебному заседанию, не проверил наличие оснований для прекращения дела, а в судебном разбирательстве не выяснил мнение подсудимого о его прекращении в связи с истечением сроков давности уголовного преследования. В результате Самарский областной суд прекратил уголовное дело в отношении А.В.В. за отсутствием состава преступления и признал за ним право на реабилитацию.

В третьем примере решение, принятое мировым судьей, наглядно иллюстрируют наличие у судей проблем в определении оснований прекращения уголовного дела. К.В.М. обратился в суд г. Сызрани с административным иском о признании незаконными действия ИЦ ГУ МВД по Самарской области на отказ удаления из банка данных сведений об основаниях прекращения уголовного дела в отношении него. Суд г. Сызрани в удовлетворении требований административного истца отказал [13], мотивируя это тем, что постановлением мирового судьи уголовное дело в отношении К.В.М. было прекращено, поскольку государственный обвинитель от обвинения отказался в связи с тем, срок давности уголовного преследования К.В.М., уже истек. Однако из постановления мирового судьи [14] следует совсем другой вывод: государственный обвинитель от обвинения оказался, не потому что истек срок давности, а потому что дознаватель возбудил уголовное дело за пределами этого срока, а значит, вынесенное им постановление является незаконным. Все полученные дознавателем доказательства, таким образом, являются недопустимыми. Мировой судья в резолютивной части указал, что уголовное дело прекращается в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения и признал за К.В.М. право на реабилитацию. Однако, как в таких случаях требует закон, ссылку на п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ судья не сделал, вследствие чего в ГУ МВД по Самарской области были направлены неверные сведения, что уголовное дело прекращено по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

Интересным представляется и мнение, которое по данным вопросам высказывал в своих решениях Конституционный Суд РФ и которое не отличается единообразием. Так, в определении от 2 ноября 2006 г. № 488-О об отказе в принятии к рассмотрению запроса Ленинградского областного суда о проверке конституционности ст. 78 УК РФ Конституционный Суд РФ пояснил, что согласие подозреваемого/обвиняемого на прекращение уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующему основанию необходимо, так как такое основание не влечет признание лица ни невиновным в совершении преступления, а потому ему должна обеспечиваться возможность настаивать на производстве по делу, добиваться судебной защиты и реабилитации.

В определении от 5 июня 2014 г. № 1309-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Майоровой С.В. на нарушение ее конституционных прав п. 3 ч. 1 ст. 24 и ч. 4 ст. 148 УПК РФ Конституционный Суд РФ указал на незабываемость права лица, в отношении которого решается вопрос об отказе в возбуждении уголовного дела или его прекращении по нереабилитирующему основанию, возражать против этого, добиваться подтверждения своей невиновности, исправления ошибок, допущенных при осуществлении уголовного преследования на всех стадиях уголовного процесса, в том числе самых ранних. Конституционный Суд РФ согласился с доводами жалобы Майоровой С.В., однако указал, что ее нарушенное право было восстановлено, поскольку постановление об отказе в возбуждении уголовного дела отменено прокурором и в отношении нее вынесено новое постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления.

В 2022 г. Новкунский А.В. оспаривал конституционность п. 3 ч. 1 ст. 24 и ч. 2 ст. 27 УПК РФ, позволяющих следователю по одному и тому же основанию прекращать одно и то же дело несколько раз, используя единожды полученное согласие подозреваемого/обвиняемого на это. В постановлении от 19 мая 2022 г. № 20-П по делу о проверке конституционности п. 3 ч. 1 ст. 24 и ч. 2 ст. 27 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Новкунского А.В. Конституционный Суд РФ подчеркнул, что необходимо спрашивать согласие лица каждый раз, когда было отменено постановление о прекращении уголовного дела и вновь встает вопрос о прекращении уголовного дела по тому же основанию. В противном случае это противоречило бы принципу законности, вытекающему из принципа состязательности праву обвиняемого определять свою позицию по делу, презумпции невиновности, которая остается неопровергнутой в случае прекращения уголовного дела по основанию, исключающему право лица на реабилитацию. Как обратил внимание Конституционный Суд РФ, нужно учитывать то обстоятельство, что, соглашаясь на прекращение уголовного дела по нереабилитирующему основанию, лицо надеется на то, что оно больше не будет вовлечено в уголовное судопроизводство. Эта позиция не распространяется на случаи, когда обвиняемый сам инициировал отмену постановления по нереабилитирующему основанию.

В эти же самые периоды времени Конституционный Суд РФ высказывал и противоположную точку зрения по рассматриваемым вопросам. Так, в определении от 19 июня 2007 г. № 591-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Фирсовой М.А. на нарушение ее конституционных прав п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ Конституционный Суд РФ акцентировал внимание на том, что правом определять основания освобождения, которые влекут за собой освобождение от уголовной ответственности и отказ от уголовного преследования, обладает исключительно государство в лице его правотворческих органов. Применение таких оснований по уголовному делу, в том числе истечение сроков давности, не зависит от усмотрения должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование и разрешение дела по существу.

В Конституционный Суд РФ обратился Волошин В.Г. с жалобой на нарушение его конституционных прав п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, позволяющим признавать лицо виновным во внесудебном порядке постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела, принятом без согласия преследуемого лица. В принятом по данной жалобе определении от 21 апреля 2011 г. № 583-О-О Конституционный Суд РФ еще раз повторил, что отказ в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующему основанию исключает саму возможность уголовного преследования, т.е. деятельности, направленной на изобличение лица в совершении преступления, а вынесенное в связи с этим постановление не является актом, которым устанавливается виновность лица в смысле ст. 14 УПК РФ и не влечет правовых последствий, связанных с участием лица в судопроизводстве в качестве подозреваемого/обвиняемого.

В постановлении от 18 июля 2022 г. № 33-П, принятом по жалобе гражданина Рудникова В.А., Конституционный Суд РФ высказался по вопросу о конституционности ч. 2 ст. 27 УПК РФ и п. «в» ч. 1 ст. 78 УК РФ в той мере, в которой они не определяют максимальный срок, в течение которого может после истечения сроков давности продолжаться предварительное расследование, если обвиняемый не соглашался с прекращением уголовного дела по данному основанию. Конституционный Суд РФ признал, что в этом случае нарушается принцип разумного срока судопроизводства. Кроме того, такая ситуация вынуждает обвиняемого соглашаться либо на бесконечно длинное расследование, либо на прекращение уголовного дела по основанию, которое лишает его права на реабилитацию. Конституционный Суд РФ предложил решить данный правовой спор путем закрепления в УПК РФ предельного срока предварительного расследования, который исчисляются со дня истечения срока давности уголовного преследования. По окончании двенадцати месяцев, если дело не передано в суд, оно подлежит прекращению, даже если подозреваемый/обвиняемый против этого возражает.

Противоречивая судебная практика и неустойчивая позиция Конституционного Суда РФ привели к расколу мнений по данному вопросу среди ученых. Основной аргумент, которые они приводят, состоит в том, что истечение сроков давности уголовного преследования

является нереабилитирующим. Поэтому в статистических карточках (форма 1 и форма 2) [15] лицо, в отношении которого отказано в возбуждении уголовного дела по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, учитывается как лицо, совершившее преступление [16. С. 64].

На наш взгляд, вопрос о том, относится ли истечение сроков давности к реабилитирующим или нереабилитирующим основаниям, и не возникал, если бы это освобожденное лицо в доследственной статистике не отражалось как лицо, совершившее преступление. Поэтому, изменив статистические показатели, мы бы решили данную проблему, тем более, что для этого есть основания.

Во-первых, Пленум Верховного Суда РФ ориентирует судей при принятии решения о прекращении уголовного дела считать лиц, которые ранее освобождались от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, впервые совершившими преступления. Данный вывод основан на пп. «д» п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности».

Во-вторых, следует принять во внимание общепризнанный в науке производный характер норм процессуального права от норм материального права [17. С. 3]. Статья 78 УК РФ не устанавливает такого условия, как получение согласия лица на освобождение от уголовной ответственности по указанному в ней основанию.

В-третьих, за пределами этих сроков такое право государство утрачивает, поскольку лицо, совершившее преступление, перестает быть общественно опасным.

В-четвертых, в стадии возбуждения уголовного дела «затруднительно установить не только вину субъекта в совершении преступления, но и его причастность к нему» [18. С. 197]. Вместе с тем условием для прекращения уголовного дела по нереабилитирующему основанию является установление состава преступления, в том числе формы вины, мотивов и цели содеянного. Поскольку в стадии возбуждения уголовного дела виновность не устанавливается, говорить о том, что основание для отказа в возбуждении уголовного дела является нереабилитирующим, нельзя. Не лишним будет вспомнить общепринятое в научной доктрине определение нереабилитирующих оснований как таких, при

наличии которых правоприменитель лишь вправе, а не обязан прекратить уголовное дело. А УПК РФ содержит императив, согласно которому «уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное подлежит прекращению, при наличии перечисленных в ст. 24 УПК оснований». Однако если п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ воспринимать как категорический запрет на возбуждение уголовного дела, нарушение такого запрета следователем (дознавателем) будет означать, что уголовное преследование возбуждено и осуществляется в отношении лица незаконно, а следовательно, может возникнуть вопрос о его реабилитации.

В-пятых, повторимся, что для прекращения уголовного дела в связи с истечением сроков давности необходимо получать согласие лица, которое уже наделено статусом подозреваемого/ обвиняемого. Вместе с тем в стадии возбуждения уголовного дела такого участника нет, поэтому распространение ч. 2 ст. 27 УПК РФ на стадию возбуждения уголовного дела фактически представляет собой применение процессуальной аналогии. В то же время в УПК РФ норма о применении аналогии закона отсутствует.

В-шестых, позиция, изложенная Конституционным Судом РФ в постановлении от 19 мая 2022 г. № 20-П, позволяет приравнять согласие к отсутствию возражений лица против отказа в возбуждении уголовного дела. Иными словами, следователь (дознатель) должен разъяснить лицу право возражать против отказа в возбуждении уголовного дела, если такие возражения от лица не поступили, презюмируется, что он согласен и можно применить сроки давности [19. С. 11]. Косвенно вывод о том, что отсутствию возражений лица в случае, если встает вопрос об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности не придается обязательного значения, подтверждает и позиция Конституционного Суда РФ, предложенная им в постановлении от 18 июля 2022 г. № 33-П.

Вывод, к которому мы пришли, следующий. Если сроки давности уголовного преследования истекли, уголовное дело не должно возбуждаться, как и в случае, когда лицо не установлено (отсутствие этого лица приравнивается к отсутствию его возражений против отказа в возбуждении уголовного дела), так и в случае, если лицо, совершившее преступление, установлено, без выяснения его мнения по данному вопросу.

Список источников

1. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. Портал правовой статистики. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 05.08.2022).
2. Приказ Следственного комитета РФ от 15 января 2011 г. № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.08.2022).
3. Деряшев Ю.В., Наумов К.А. Отказ от уголовного преследования неустановленного лица в связи с истечением сроков давности // Алтайский юридический вестник. 2017. № 4 (20). С. 112–115.
4. Куряхов Д.В., Куряхова Т.В. Проблемные вопросы отказа от уголовного преследования по истечении сроков давности // Законодательство и практика. 2016. № 2. С. 53–56.
5. Соболев А.В. О прекращении уголовных дел в отношении неустановленных лиц по истечении сроков давности уголовного преследования // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 10. С. 218–225.
6. Лазарева В.А. Уголовно-процессуальные последствия истечения срока давности уголовного преследования // Мировой судья. 2022. № 3. С. 14–21.
7. Якимович Ю.К., Ленский А.В., Трубникова Т.В. Дифференциация уголовного процесса / под ред. М.К. Свиридова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 297 с.

8. Самойлова Ю.Б., Согоян В.Л. К вопросу о возбуждении уголовного дела после истечения срока давности уголовного преследования // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 8. С. 122–125.
9. Апелляционное постановление Приволжского окружного военного суда № 22-72/2014 от 25 июля 2014 г. по делу № 22-72/2014 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9r1r2KFrFbLR> (дата обращения: 07.08.2022).
10. Приговор и.о. мирового судьи судебного участка № 31 Самарского судебного района г. Самары № 1-15/2015 от 30 июня 2015 г. по делу № № 1-15/2015 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/iGzkghygoWgd> (дата обращения: 07.08.2022).
11. Апелляционное постановление Самарского районного суда г. Самары № 10-23/2015 от 24 сентября 2015 г. по делу № 10-23/2015 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/LDZnzSIQXiHV> (дата обращения: 07.08.2022).
12. Постановление Президиума Самарского областного суда № 44У-175/2016 4У-2150/2016 от 6 октября 2016 г. по делу № 44У-175/2016 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Kvukt7IGBa6R> (дата обращения: 07.08.2022).
13. Решение Сызранского городского суда Самарской области № 2А-1112/2020 2А-1112/2020-М-780/2020 М-780/2020 от 21 мая 2020 г. по делу № 2А-1112/2020 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/TzcAJ2sWnzbO> (дата обращения: 07.08.2022).
14. Постановление мирового судьи судебного участка № 82 судебного района г. Сызрани (Самарская область) № 1-3/13 от 15 января 2013 г. по делу № 1-3/13 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/GA6mpN4iVLW5> (дата обращения: 07.08.2022).
15. Приказ Генеральной прокуратуры РФ, МВД РФ, МЧС РФ, Минюста РФ, ФСБ РФ, Минэкономразвития РФ и Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.08.2022).
16. Гаврилов М.А. Возможность возбуждения уголовного дела в случае истечения сроков давности // Законность. 2022. № 7. С. 62–66.
17. Муравьев К.В. Уголовный процесс как форма применения уголовного закона // Научный Вестник Омской академии МВД России. 2017. № 1 (64). С. 3–8.
18. Бытко Ю.И. О неконституционности норм УПК РФ, регламентирующих процедуру освобождения от уголовной ответственности за давностью // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 2 (127). С. 194–199.
19. Калиновский К.Б. Право возражать против применения срока давности // Уголовный процесс. 2022. № 7 (211). С. 11–12.

References

1. The Prosecutor General's Office of the Russian Federation. [Online] Available from: <http://crimestat.ru/analytics> (Accessed: 05.08.2022).
2. The Investigative Committee of the Russian Federation. (2011) *Prikaz Sledstvennogo komiteta RF ot 15 yanvarya 2011 g. № 2 "Ob organizatsii predvaritel'nogo rassledovaniya v Sledstvennom komitete Rossiyskoy Federatsii"* [Order No. 2 of the Investigative Committee of the Russian Federation dated January 15, 2011, "On the organization of a preliminary investigation in the Investigative Committee of the Russian Federation"]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 05.08.2022).
3. Derishev, Yu.V. & Naumov, K.A. (2017) Otkaz ot ugovornogo presledovaniya neustanovlennogo litsa v svyazi s istecheniem rokov davnosti [Refusal to prosecute an unidentified person due to the expiration of the statute of limitations]. *Altayskiy yuridicheskiy vestnik*. 4(20). pp. 112–115.
4. Kuryakhov, D.V. & Kuryakhova, T.V. (2016) Problemnye voprosy otkaza ot ugovornogo presledovaniya po istechenii rokov davnosti [Problematic issues of refusal from criminal prosecution after the expiration of the statute of limitations]. *Zakonodatel'stvo i praktika*. 2. pp. 53–56.
5. Sobolev, A.V. (2015) O prekrashchenii ugovornykh del v otnoshenii neustanovlennykh lits po istechenii rokov davnosti ugovornogo presledovaniya [On the termination of criminal cases against unidentified persons after the expiration of the statute of limitations for criminal prosecution]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 10. pp. 218–225.
6. Lazareva, V.A. (2022) Ugolovno-protsessual'nye posledstviya istecheniya sroka davnosti ugovornogo presledovaniya [Criminal procedural consequences of the expiration of the statute of limitations for criminal prosecution]. *Mirovoy sud'ya*. 3. pp. 14–21.
7. Yakimovich, Yu.K., Lenskiy, A.V. & Trubnikova, T.V. (2001) *Differentsiatsiya ugovornogo protsesssa* [Differentiation of the criminal process]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Samoylova, Yu.B. & Sogoyan, V.L. (2020) K voprosu o vzbuzhdenii ugovornogo dela posle istecheniya sroka davnosti ugovornogo presledovaniya [On initiating a criminal case after the expiration of the statute of limitations for criminal prosecution]. *Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*. 8. pp. 122–125.
9. Sudact.ru. (2014) *Apellyatsionnoe postanovlenie Privolzhskogo okruzhnogo voennogo suda № 22-72/2014 ot 25 iyulya 2014 g. po delu № 22-72/2014* [Appeal No. 22-72/2014 of the Volga District Military Court dated July 25, 2014, in Case No. 22-72/2014]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/9r1r2KFrFbLR> (Accessed: 07.08.2022).
10. Sudact.ru. (2014) *Prigovor i.o. mirovogo sud'i sudebnogo uchastka № 31 Samarskogo sudebnogo rayona g. Samary № 1-15/2015 ot 30 iyunya 2015 g. po delu № № 1-15/2015* [Sentence in Case No. 1-15/2015 by Acting Judge of the Peace Court District No. 31 of the Samara Judicial District of Samara dated June 30, 2015]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/magistrate/doc/iGzkghygoWgd> (Accessed: 07.08.2022).
11. Sudact.ru. (2015) *Apellyatsionnoe postanovlenie Samarskogo rayonnogo suda g. Samary № 10-23/2015 ot 24 sentyabrya 2015 g. po delu № 10-23/2015* [Appeal decision of the Samara District Court of Samara No. 10-23 / 2015 dated September 24, 2015, in Case No. 10-23 / 2015]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/LDZnzSIQXiHV> (Accessed: 07.08.2022).
12. Sudact.ru. (2016) *Postanovlenie Prezidiума Samarskogo oblastnogo suda № 44U-175/2016 4U-2150/2016 ot 6 oktyabrya 2016 g. po delu № 44U-175/2016* [Resolution of the Presidium of the Samara Regional Court No. 44U-175/2016 4U-2150/2016 dated Octo-

- ber 6, 2016, in Case No. 44U-175/2016]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/Kvukt7IGBa6R> (Accessed: 07.08.2022).
13. Sudact.ru. (2020) *Reshenie Syzranskogo gorodskogo suda Samarskoy oblasti № 2A-1112/2020 2A-1112/2020~M-780/2020 M-780/2020 ot 21 maya 2020 g. po delu № 2A-1112/2020* [Decision of the Syzran City Court of the Samara Region No. 2A-1112/2020 2A-1112/2020 ~ M-780/2020 M-780/2020 dated May 21, 2020, in Case No. 2A-1112/2020]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/TzcAJ2sWnzbO> (Accessed: 07.08.2022).
 14. Sudact.ru. (2013) *Postanovlenie mirovogo sud'i sudebnogo uchastka № 82 sudebnogo rayona g. Syzrani (Samarskaya oblast') № 1-3/13 ot 15 yanvarya 2013 g. po delu № 1-3/13* [Decision No. 1-3/13 of the justice of the peace of the judicial district No. 82 of the judicial district of Syzran (Samara region) dated January 15, 2013, in Case No. 1-3/13]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/magistrate/doc/GA6mpN4iVLW5> (Accessed: 07.08.2022).
 15. Prosecutor General's Office of the Russian Federation. (2005) *Prikaz General'noy prokuratury RF, MVD RF, MChS RF, Minyusta RF, FSB RF, Minekonomrazvitiya RF i Federal'noy sluzhby RF po kontrolyu za oborotom narkotikov ot 29 dekabrya 2005 g. № 39/1070/1021/253/780/353/399 "O edinom uchete prestupleniy"* [Order No. 39/1070/1021/253/780/353/399 of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, the Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation, the Ministry of Justice of the Russian Federation, the Federal Security Service of the Russian Federation, the Ministry of Economic Development of the Russian Federation and the Federal Drug Control Service of the Russian Federation dated December 29, 2005, "On a unified record of crimes"]. [Online] Available from: SPS "Konsul'tantPlyus." (Accessed: 05.08.2022).
 16. Gavrilov, M.A. (2022) *Vozmozhnost' vobuzhdeniya ugovnogo dela v sluchae istecheniya srokov davnosti* [The possibility of initiating a criminal case in the event of the expiration of the statute of limitations]. *Zakonnost'*. 7. pp. 62–66.
 17. Muraviev, K.V. (2017) *Ugolovnyy protsess kak forma primeneniya ugovnogo zakona* [Criminal process as a form of application of the criminal law]. *Nauchnyy Vestnik Omskoy Akademii MVD Rossii*. 1(64). pp. 3–8.
 18. Bytko, Yu.I. (2019) *O nekonstitutsionnosti norm UPK RF, reglamentiruyushchikh protseduru osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti za davnost'yu* [On the unconstitutionality of the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, regulating the procedure for exemption from criminal liability for limitation]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. 2(127). pp. 194–199.
 19. Kalinovskiy, K.B. (2022) *Pravo vozrazhat' protiv primeneniya sroka davnosti* [The right to object to the application of the statute of limitations]. *Ugolovnyy protsess*. 7(211). pp. 11–12.

Информация об авторах:

Марьяна Е.В. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского национального исследовательского университета имени С.П. Королева (Самара, Россия). E-mail: ssau@ssau.ru

Кувалдина Ю.В. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского национального исследовательского университета имени С.П. Королева (Самара, Россия). E-mail: ssau@ssau.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.V. Maryina, Docent, Cand. Sci. (Law), associate professor of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science, Samara National Research University (Samara, Russia). E-mail: ssau@ssau.ru

Yu.V. Kuvaldina, Docent, Cand. Sci. (Law), associate professor of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science, Samara National Research University (Samara, Russia). E-mail: ssau@ssau.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.10.2022;
одобрена после рецензирования 15.11.2022; принята к публикации 12.12.2022.

The article was submitted 22.10.2022;
approved after reviewing 15.11.2022; accepted for publication 12.12.2022.

Научная статья
УДК 343.145

doi: 10.17223/23088451/20/11

ИНСТИТУТ ДАЧИ КЛЯТВЫ (ПРИВЕДЕНИЯ К ПРИСЯГЕ) КАК МЕРА СТИМУЛИРОВАНИЯ ПРАВДИВЫХ ПОКАЗАНИЙ

Андрей Игоревич Семеновский

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, asemenovskiy@internet.ru

Аннотация. Рассматривается уголовно-процессуальный институт дачи клятвы (присяги) религиозного и нерелигиозного характера допрашиваемых в ходе судебного допроса участников уголовного судопроизводства наряду с иными правовыми мерами стимулирования дачи правдивых показаний. Анализируются преимущества данного правового института по сравнению с иными мерами стимулирования правдивых показаний. Делается вывод о возможности введения института нерелигиозной клятвы в отечественный уголовный процесс.

Ключевые слова: дача клятвы, правдивые показания, общечеловеческие ценности, правовые меры стимулирования правдивых показаний

Для цитирования: Семеновский А.И. Институт дачи клятвы (приведения к присяге) как мера стимулирования правдивых показаний // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 65–69. doi: 10.17223/23088451/20/11

Original article
doi: 10.17223/23088451/20/11

THE INSTITUTION OF OATH (SWEARING-IN) AS A MEASURE TO ENCOURAGE TRUTHFUL TESTIMONY

Andrey I. Semenovskiy

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, asemenovskiy@internet.ru

Abstract. The article considers the legal institution of oath in foreign legal systems as a measure to encourage participants in criminal proceedings to give truthful testimony during judicial interrogation. The author uses the comparative and comparative legal analysis, a survey with an inferior alternative, and doctrinal analysis to compare the institution under discussion with other incentive measures and highlight its advantages. In the first part, the author highlights the domestic views on the legal incentive measures to encourage truthful testimony and dwells on their practical effectiveness and legitimacy in relation to individual participants in the criminal process. Analysing the legal measures proposed by Russian researchers, the author emphasizes that such measures, among other challenges, violate the rights of some participants in the criminal process (suspects, the accused). He also indicates some forensic shortcomings of the proposed measures, among which is the stimulation of errors in the perception of the event under investigation. According to the author, if the institution of oath has none of the described shortcomings, it indicates its viability. The second part of the article contains a normative comparative legal analysis of the legislation of foreign countries (Islamic Republic of Iran, Georgia, Germany, and the USA) in terms of the institution under consideration. The third part contains a justification from the standpoint of the domestic legal doctrine, as well as from the standpoint of psychology (taking into account the results of a survey with the effect of an inferior alternative), the possibility of introducing the institution of oath of a non-religious nature by participants in criminal proceedings during the interrogation in the trial as a measure encouraging truthful testimony. These testimonies will be “true” not from the perspective of the subject of criminal procedural proof, but from the perspective of the interrogated person. In conclusion, the author speaks about the possibility of introducing a legal institution of a non-religious oath (swearing-in) in the Russian criminal process, at least, in the interrogation of participants in the criminal process at the stages of judicial proceedings in a criminal case.

Keywords: taking an oath, truthful testimony, universal values, legal measures to stimulate truthful testimony

For citation: Semenovskiy, A.I. (2022) The institution of oath (swearing-in) as a measure to encourage truthful testimony. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 20. pp. 65–69. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/20/11

Эффективным правовым средством стимулирования дачи правдивых показаний от участников уголовного процесса, по мнению ряда исследователей, должно стать введение в уголовно-процессуальное и уго-

ловное право специальных мер поощрения, безопасности и ответственности. Отмечается, что исследование вопроса о данных мерах находится еще в «зачаточном» состоянии [1. С. 82]. Данная статья имеет целью рас-

смотреть уголовно-процессуальный институт клятвы (во многих уголовно-процессуальных законах зарубежных стран – присяги, что, в сущности, синонимично) как правовое средство стимулирования дачи правдивых показаний участниками уголовного процесса. Чтобы достичь эту цель, изначально необходим краткий исторический обзор воззрений на меры стимулирования дачи правдивых показаний, на возможность сообщения лжи в рамках уголовно-процессуальной деятельности, на достоинства и недостатки предлагаемых мер. Необходимо сравнение предлагаемых мер с эффективностью дачи клятвы в рамках рассматриваемой темы.

Наибольшая дискуссия «о праве на ложь» идет вокруг обвиняемого. В начале XX в. в Великобритании произошло уравнивание в обязанностях в ходе допроса свидетеля и обвиняемого, для которого по Закону об уголовных доказательствах (Criminal Evidence Act, 1898) за дачу заведомо ложных показаний теперь наступала уголовная ответственность. Не оспаривая такую ответственность для свидетелей и потерпевшего, Л.Е. Владимиров рассматривал данную правку закона как чудовищный результат превращения обвиняемого в свидетеля, указывал, что дача заведомо ложных показаний является проявлением инстинкта самосохранения у обвиняемого, за что его нельзя привлекать к ответственности, а правду необходимо изыскивать иными способами [2. С. 281].

В советское время поднимается вопрос о допустимости лжи со стороны любого участника в ходе производства по уголовному делу. Я.О. Мотивиловкер указывал на недопустимость в силу противоречия с нравственностью прибегать ко лжи со стороны любого участника уголовного судопроизводства, считал недопустимым дачу ложных показаний любым из участников процесса [3. С. 18]. А.А. Закатов обращает внимание, что правдивость не может быть отменена законом в отношении любого лица в ходе уголовного судопроизводства [4. С. 44]. Отметим, на сегодняшний день уголовно-процессуальная законодательная практика некоторых стран предусматривает в ходе судебного разбирательства по делу уголовно-процессуальную обязанность всех допрашиваемых давать правдивые показания. Например, согласно ст. 153 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) Исламской Республики Иран, свидетели и иные лица, обладающие сведениями о преступлении, перед допросом должны дать присягу говорить только правду [5. С. 78].

Признавая с позиций морали и нравственности недопустимость лжи, указанные исследователи отмечали нецелесообразность уголовной ответственности для обвиняемого в случае дачи им заведомо ложных показаний [3. С. 17; 4. С. 44]. Некоторые исследователи с позиций уголовно-процессуальной деятельности и криминалистики полагают, что дача заведомо ложных показаний усложняет производство по делу, требует значительных людских, психических, экономических, временных затрат на их проверку, чем обосновывают и необходимость уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний для обвиняемого (подозре-

ваемого) [6. С. 26; 7. С. 33]. Группа исследователей уголовно-правового направления, изучающая вопрос введения такой ответственности для обвиняемого (подозреваемого), отмечает, что обвиняемый (подозреваемый) не должен ее нести, так как является обязанностью следствия устанавливать действительные обстоятельства дела, обвиняемый (подозреваемый) не обязан свидетельствовать против себя, способствовать стороне обвинения путем дачи показаний против себя [8. С. 80].

Представляется, российский законодатель еще долго не пойдет по пути введения уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний для обвиняемого (подозреваемого). Косвенным тому подтверждением может быть позиция Конституционного Суда РФ, отраженная в постановлении Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы», в котором Конституционный Суд РФ признает обязанность за судом, прокурором, следователем, дознавателем принимать все меры к установлению обстоятельств, подтверждающих как виновность, так и невиновность обвиняемого. С позиции Конституционного Суда РФ, независимо от производимых затрат, данные субъекты обязаны проверять все возникающие версии по делу, исследовать каждое доказательство с позиции обвинения и защиты, значит, всесторонне исследовать любые показания обвиняемого (подозреваемого). Установление уголовной ответственности вряд ли приведет к «уравниванию» положения обвиняемого (подозреваемого) и потерпевшего, так как в силу закона к стороне последнего отнесен аппарат предварительного расследования и прокуратуры для установления обстоятельств произошедшего, обладающий широкими полномочиями по проведению следственных и иных процессуальных действий, в том числе ограничивающих конституционные права граждан; на стороне обвиняемого (подозреваемого) – защитник, частное лицо, не обладающими указанными полномочиями, как сам обвиняемый (подозреваемый), вынужденный отстаивать свою позицию через процессуального оппонента (Главы 6, 7 УПК РФ, ч. 1, 2 ст. 119 УПК РФ). Исследователи отмечают психологическое нежелание следователя (дознавателя) устанавливать оправдывающие обстоятельства лица, которого они воспринимают оппонентом [9. С. 17]. В рамках всего производства по делу, как показывают исследования, обвиняемый (подозреваемый) имеет интерес в том, чтобы не было установлено состава преступления, имеет интерес избежать поражения в правах по причине наступления уголовной ответственности [10. С. 55]. В силу чего угроза уголовного наказания за дачу заведомо ложных показаний для обвиняемого (подозреваемого), фактически совершившего преступление, может не принести надлежащего превентивного эффекта, так как лицо может быть поражено в правах, неся уголовную ответственность, в любом случае.

Анализ литературы дает основание считать обсуждение потенциального внедрения уголовной ответ-

ственности для обвиняемого (подозреваемого) актуальной проблемой правового стимулирования дачи данным участником процесса правдивых показаний, между тем, подобная мера может оказаться нецелесообразной, существенно ограничивающей право на защиту обвиняемого (подозреваемого).

Другие исследователи предлагают создание моделей комплекса мер безопасности, ответственности и поощрения, которые бы способствовали даче правдивых показаний обвиняемым (подозреваемым), свидетелем, потерпевшим [1. С. 82]. Так, меры безопасности предусматривают установление специальных мер государственной охраны, обеспечивающих защиту от посягательств на законные права и интересы лица, дающего правдивые показания; меры поощрения предусматривают позитивную санкцию для лица, дающего правдивые показания (например, меры смягчения уголовной ответственности обвиняемого за дачу правдивых показаний по обстоятельствам, устанавливаемым в рамках уголовного дела); меры ответственности должны предполагать негативные санкции уголовно-правового и уголовно-процессуального характера для лица, давшего заведомо ложные показания.

Подобные рекомендации отражаются в зарубежном законодательстве, в уголовно-правовых нормах о смягчающих обстоятельствах, среди которых находится положение о способствовании процессу расследования преступлений, в частности, путем дачи правдивых показаний, а также в уголовно-процессуальных нормах, как, например, досудебные соглашения о сотрудничестве, а указание на подобные нормы становится частью тактики допроса. Следствие начинает стремиться объяснить в реальной ситуации допроса обвиняемому (подозреваемому) существо данных уголовно-правовых, уголовно-процессуальных норм, указывать на преимущество применения данных норм – смягчение уголовной ответственности, акцентируя внимание на негативных последствиях отказа от дачи правдивых показаний с позиции следствия. Подобная тактика получения показаний признается эффективной в мировой практике допроса, сами подобные правовые меры действительно являются стимулом дачи и правдивых показаний [11. С. 258]. Однако практика допроса с указанием на сущность указанных норм может влечь и ошибки, заключающиеся в сознательном или бессознательном самооговоре обвиняемого в силу возникающих ложных воспоминаний, желании признать вину в менее тяжком преступлении, что может усугубляться уязвимыми особенностями личности (психические расстройства, слабый эмоциональный интеллект и др.) [12. С. 29]. Зарубежные следователи прибегают к такой тактике и в отношении свидетелей, потерпевших, разъясняя им правовое значение дачи заведомо ложных показаний, а также разъясняют позитивные последствия для общества их правдивых показаний, например, указывают на позитивную оценку со стороны окружения и общества их правдивых показаний [12. С. 29]. Указание на правдивые показания не может не вызвать вопросы, с чьей стороны эти показания оцениваются как «правдивые». То, что следствие оценивает как правдивое и на чем

настаивает при допросе лица, может оказаться объективно ложно.

Согласно исследованию, проведенному А.В. Гарусовым и С.У. Дикаевым, свидетели в последнюю очередь будут руководствоваться грозящей ответственностью за дачу ложных показаний при даче показаний, если испытывают симпатии или антипатии в сторону обвиняемого (подозреваемого) или потерпевшего, они будут стремиться дать показания в пользу одного из данных участников в зависимости от своих чувств [10. С. 55].

Таким образом, само по себе введение уголовной ответственности (как примера мер ответственности за заведомо ложные показания) в качестве средства стимулирования правдивых показаний не оказывает должного стимулирующего эффекта, зависит от наличия или отсутствия тех или иных чувств у участников процесса, противоречит существу правового положения обвиняемого (подозреваемого), его праву на защиту. Исследования демонстрируют эффективность наличия в праве комплексов мер поощрения за дачу правдивых показаний и ответственности за дачу заведомо ложных показаний и тактики допроса, основанной на разъяснении положений данных мер с демонстрацией контраста последствий дачи правдивых и ложных показаний, хотя подобная тактика приводит иногда к ошибкам.

Иной правовой мерой стимулирования дачи правдивых показаний, именно с позиции допрашиваемого, можно считать институт приведения допрашиваемого на судебном допросе к присяге (клятве), имеющийся в законодательстве некоторых стран. Существенно ограничивает данный институт то, что присяга (клятва) дается в ходе судебного допроса. Сравнительно-правовой анализ показывает, что данный институт можно найти в правовых системах стран практически всех правовых семей. Законодательство Исламской Республики Иран предусматривает обязанность свидетеля и иного допрашиваемого в суде по уголовному делу лица, обладающего какими-либо сведениями о расследуемом событии, сказать непосредственно перед дачей показаний клятву религиозного характера, произнесенную самостоятельно: «Я клянусь Всемогущим Богом, что показания, которые я дам, будут правдой, и я буду говорить всю правду и ничего, кроме правды» (ст. 153 УПК Исламской Республики Иран) [5. С. 78]. Законодательства Грузии и ФРГ предусматривают дачу клятвы в суде перед допросом для свидетелей религиозного или нерелигиозного характера. Вид клятвы зависит от выбора самого свидетеля, от него требуется сказать слова «Клянусь» или «Клянусь. Да хранит меня Господь» в ответ на религиозный или нерелигиозный текст клятвы, читаемые непосредственно судьей: «Поклянитесь, что вы с полным осознанием ответственности будете говорить правду, только правду и ничего, кроме правды» или «Поклянитесь перед Всемогущим и Всеведущим Богом, что вы с полным осознанием ответственности будете говорить правду, только правду и ничего, кроме правды» (ст. 48 УПК Грузии, ст. 59–61, 64–65, 67 УПК ФРГ) [13; 14. С. 115–118]. Подобный институт есть и в США, где также установлена уголовная ответственность за нарушение клятвы дать правдивые показания [15].

Как показывают независимые друг от друга исследования из общей психологии (выборки от 200 до 250 человек), дача нерелигиозной клятвы сразу перед сообщением некоторой информации до 90% случаев (независимо от стимула, например, экономической выгоды от сообщения лжи) пресекает сообщение заведомо ложной информации (если лицо само читает текст клятвы сообщать правдивую информацию), у религиозной клятвы данный показатель выше, кроме того, эти показатели имеют место в случае, если передающий информацию не считает, что реципиент сам лжет [16, 17]. Такой эффект возникает в силу краткосрочной эмоциональной регуляции поведения, концентрацией на общечеловеческих ценностях (среди которых – порицание лжи), на чувстве правды. В силу того, что религия регулирует сферу бессознательного личности, воздействие на психику через религиозный страх носит достаточно деструктивный характер [18. С. 112]. На наш взгляд, правовой институт религиозной клятвы недопустим.

Если принимать обозначенные выше позиции авторов, что в силу моральной обязанности участники уголовного процесса должны быть правдивыми в ходе производства по делу, введение института клятвы в российский уголовный процесс может быть приемлемым.

Автором настоящей работы проведен опрос 300 студентов юридического вуза (возраст 17–21 год) с только формируемым юридическим правосознанием, что сближает их к правосознанию «обывателя», приравнивает к «рядовому гражданину», о том, что на них больше окажет эмоциональное влияние – подписка об уголовной ответственности за дачу ложных показаний (текст: «об уголовной ответственности по статье 307 УК РФ за дачу заведомо ложных показаний предупрежден») или текст

клятвы нерелигиозного характера («клянусь говорить только правду и ничего, кроме правды»). Лист опроса предполагал эффект неполноценной альтернативы, тексты были расположены на одной странице, и, если тексты бы имели одинаковый эффект, результат опроса разделился бы 50/50 [19]. Однако 80% опрошенных показали, что текст клятвы оказывает на них более сильное эмоциональное воздействие. В данном опросе необходимо сделать поправку на то, что опрос проведен среди отнюдь не реальных участников уголовного процесса, вне расследуемого дела.

Тем не менее допустимы следующие выводы по результатам проведенной работы. Альтернативным средством стимулирования правдивых показаний допрашиваемых лиц, во всяком случае – в ходе судебного допроса, можно рассматривать институт присяги (клятвы), в ходе которого допрашиваемое лицо самостоятельно должно приносить клятву нерелигиозного характера давать правдивые показания. С правовой точки зрения допустимость нерелигиозной клятвы может быть обоснована и тем, что каждый участник уголовного судопроизводства, как обозначалось, должен воздерживаться от лжи. С психологической точки зрения клятва сообщать правдивую (с позиции допрашиваемого) информацию имеет положительный эффект, может оказаться более действенным правовым средством в краткосрочной перспективе, стимулирующим дачу правдивых показаний в сравнении даже с уголовной ответственностью, не приводит потенциально к ошибкам в виде ложных воспоминаний, не нарушает непосредственно права на защиту обвиняемого (подозреваемого), что обеспечивает преимущество института клятвы перед иными мерами.

Список источников

- Новиков С.А. Показания свидетелей в российском уголовном процессе: совершенствование правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2013. № 1. С. 77–83.
- Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Части Общая и Особенная. СПб.: Законоведение, 1910. 391 с.
- Мотивиловкер Я.О. Показания и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе. М.: Гос. изд. юрид. лит., 1956. 179 с.
- Закатов А.А. Ложь и борьба с нею. Волгоград: Нижне-Волжское кн. изд-во, 1984. 192 с.
- Уголовно-процессуальный кодекс общественных и революционных судов Исламский Республики Иран / науч. ред. Н.Г. Стойко; вступ. ст. и пер. П.А. Гусейновой. СПб.: Юрид. центр, 2016. 152 с.
- Быканов М. Лжесвидетельство – враг правосудия // Законность. 2006. № 5. С. 26–28.
- Лонцакова А.Р. Тактика допроса обвиняемого по делам о насильственных преступлениях. М.: Юрлитинформ, 2022. 168 с.
- Смолькова И.В. Должен ли обвиняемый нести уголовную ответственность за дачу заведомо ложных показаний? // Глаголь правосудия. 2016. № 1. С. 76–81.
- Ахмедшин Р.Л. Тактика коммуникативных следственных действий / науч. ред. Н.Т. Ведерников. Томск: Издательский Дом ТГУ, 2014. 294 с.
- Гарусов А.В., Дикаев С.У. Оценка показаний участников уголовного судопроизводства, заинтересованных в исходе дела. М.: Юрлитинформ, 2019. 152 с.
- Reid S. Confessions of a criminal psychopath: an analysis of the Robert Pickton cell-plant // Journal of police and criminal psychology. 2018. № 33. P. 257–270.
- Loney D.M. Coercive interrogation of eyewitness can produce false accusation // Journal of police and criminal psychology. 2016. № 31. P. 29–36.
- Уголовно-процессуальный кодекс Грузии: закон Грузии от 09.10.2009 № 1772 // Законодательный вестник Грузии. 2009. 03 ноября. № 31. URL: <https://www.matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication=146> (дата обращения: 10.08.2022).
- Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия / вступ. ст. У. Хелльманн; пер. П. Головенков. Потсдам: Изд-во Потсдамского ун-та, 2012. 405 с.
- Motivans M. Federal justice statistics. Bureau of Justice Statistics of U.S. Department of justice, 2016. 70 p.
- Nicolas J., Stephane L. Truth-telling under Oath // Management Science. 2019. № 65. P. 426–438.
- Power F.C., Higgins A., Kohlberg L. Lawrence Kohlberg's approach to moral education. N.Y.: Columbia University Press, 1991. 322 p.

18. Грановская Р.М. Психология веры. СПб. : Питер, 2019. 480 с.
19. Russo J.E., Carlson K.F. Choosing an inferior alternative // *Psychological Science*. 2006. № 10. P. 899–904.

References

1. Novikov, S.A. (2013) Pokazaniya svideteley v rossiyskom ugolovnom protsesse: sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya [Testimony of witnesses in the Russian criminal process: improvement of legal regulation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*. 1. pp. 77–83.
2. Vladimirov, L.E. (1910) *Uchenie ob ugolovnykh dokazatel'stvakh. Chasti Obshchaya i Osobennaya* [The doctrine of criminal evidence. Parts General and Special]. St. Petersburg: Zakonovedenie.
3. Motivlovker, Ya.O. (1956) *Pokazaniya i ob'yasneniya obvinяемого kak sredstvo zashchity v sovetskom ugolovnom protsesse* [Testimony and explanations of the accused as a means of defense in the Soviet criminal process]. Moscow: Gos. izd. yurid. lit.
4. Zakatov, A.A. (1984) *Lozh' i bor'ba s neyu* [Lies and struggle with it]. Volgograd: Nizhne-Volzhsk. kn. izd-vo.
5. Stoyko, N.G. (2016) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks obshchestvennykh i revolyutsionnykh sudov Islamskiy Respubliki Iran* [Code of Criminal Procedure of the Public and Revolutionary Courts of the Islamic Republic of Iran]. Translated by P.A. Guseynova. St. Petersburg: Yurid. Tsentr.
6. Bykanov, M. (2006) Lzhesvidetel'stvo – vrag pravosudiya [Perjury – the enemy of justice]. *Zakonnost'*. 5. pp. 26–28.
7. Lonshchakova, A.R. (2022) *Taktika doprosa obvinяемого po delam o nasil'stvennykh prestupleniyakh* [Tactics of interrogation of the accused in cases of violent crimes]. Moscow: YurLitinform.
8. Smolkova, I.V. (2016) Dolzhen li obvinяаемyy nesti ugolovnuyu otvetstvennost' za dachu zavedomo lozhnykh pokazaniy? [Should the defendant be held criminally liable for knowingly giving false evidence?]. *Glagol' pravosudiya*. 1. pp. 76–81.
9. Akhmedshin, R.L. (2014) *Taktika kommunikativnykh sledstvennykh deystviy* [Tactics of communicative investigative actions]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Garusov, A.V. & Dikaev, S.U. (2019) *Otsenka pokazaniy uchastnikov ugolvnogo sudoproizvodstva, zainteresovannykh v iskhode dela* [Evaluation of the testimony of participants in criminal proceedings interested in the outcome of the case]. Moscow: YurLitinform.
11. Reid, S. (2018) Confessions of a criminal psychopath: an analysis of the Robert Pickton cell-plant. *Journal of Police and Criminal Psychology*. 33. pp. 257–270.
12. Loney, D.M. (2016) Coercive interrogation of eyewitness can produce false accusation. *Journal of Police and Criminal Psychology*. 31. pp. 29–36.
13. Georgia. (2009) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Gruzii: zakon Gruzii ot 09.10.2009 № 1772* [Code of Criminal Procedure of Georgia: Law No. 1772 of Georgia dated 09.10.2009]. *Zakonodatel'nyy vestnik Gruzii*. 3rd November. [Online] Available from: <https://www.matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication=146> (Accessed: 10.08.2022).
14. Germany. (2012) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Federativnoy Respubliki Germaniya* [Code of Criminal Procedure of the Federal Republic of Germany]. Potsdam: Potsdam University.
15. Motivans, M. (2016) *Federal Justice Statistics. Bureau of Justice Statistics of U.S. Department of Justice*.
16. Jacquemet, N., Luchini, S., Rosaz, J. & Shogren, J.F. (2019) Truth-telling under Oath. *Management Science*. 65. pp. 426–438.
17. Power, F.C., Higgins, A. & Kohlberg, L. (1991) *Lawrence Kohlberg's approach to moral education*. New York: Columbia University Press.
18. Granovskaya, R.M. (2019) *Psikhologiya very* [Psychology of Faith]. St. Petersburg: Piter.
19. Russo, J.E. & Carlson, K.F. (2006) Choosing an inferior alternative. *Psychological Science*. 10. pp. 899–904.

Информация об авторе:

Семеновский А.И. – аспирант Юридического института Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: asemenovskiy@internet.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.I. Semenovskiy, postgraduate student of the Law Institute of the Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia). E-mail: asemenovskiy@internet.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.10.2022;
одобрена после рецензирования 31.10.2022; принята к публикации 12.12.2022.

The article was submitted 22.10.2022;
approved after reviewing 31.10.2022; accepted for publication 12.12.2022.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Научная статья
УДК 343.8

doi: 10.17223/23088451/20/12

ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ
В ОТНОШЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА

Алексей Петрович Детков

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, detkov-altai@yandex.ru

Аннотация. Проблемы реализации уголовной ответственности в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства всегда являлись актуальными не только с точки зрения теории уголовного и уголовно-исполнительного права, но и особенно судебной и правоприменительной практики. Ежегодно в России регистрируется достаточно высокий уровень «маятниковой» миграции, что неминуемо влечет за собой рост преступности. При назначении уголовного наказания факт отсутствия гражданства Российской Федерации значительно снижает возможности суда.

Ключевые слова: иностранные граждане, экстрадиция, лица без гражданства, уголовная ответственность

Для цитирования: Детков А.П. Проблемы назначения и исполнения уголовных наказаний в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 70–74. doi: 10.17223/23088451/20/12

Original article
doi: 10.17223/23088451/20/12

PROBLEMS OF IMPOSITION AND ENFORCEMENT OF CRIMINAL PENALTIES
FOR FOREIGN CITIZENS AND STATELESS PERSONS

Aleksey P. Detkov

Altai State University, Barnaul, Russia, detkov-altai@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the problems of imposing and enforcing criminal penalties against foreign citizens and stateless persons. The problems of implementing criminal liability in relation to foreign citizens and stateless persons have always been relevant from the standpoint of the theory of criminal and penal law, and, especially, of judicial and law enforcement practice. Every year the Russian Federation records a fairly high level of pendulum migration, which inevitably entails an increase in crime. When a criminal penalty is imposed, the absence of the citizenship of the Russian Federation significantly reduces the possibilities of the court. The extradition of convicts, as an institution of international law, is not in demand. The discrepancy between certain provisions of the criminal and penal legislation of a number of countries and the Russian Federation may ultimately create prerequisites for the release of a deported person from criminal liability.

Keywords: foreign citizens, extradition, stateless persons, criminal liability

For citation: Detkov, A.P. (2022) Problems of imposition and enforcement of criminal penalties for foreign citizens and stateless persons. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 20. pp. 70–74. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/20/12

Проблемы, связанные с реализацией уголовной ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства, для уголовного правосудия всегда были и продолжают оставаться актуальными, особенно на стадии назначения и исполнения разных видов уголовных наказаний.

Согласно ч. 3 ст. 62 Конституции РФ, иностранные граждане и лица без гражданства несут в Российской Федерации обязанности наравне с гражданами России. Данный принцип нашел свое отражение в нормах уго-

ловного, уголовно-процессуального, гражданского, административного и уголовно-исполнительного законодательства. Общепризнанные нормы международного права и ратифицированные договоры РФ, такие как Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию в ред. Федерального закона от 25.07.2006 № 125-ФЗ «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию», «Конвенция о передаче лиц осужденных к лишению свободы для отбывания наказания в государстве, гражданином которого он являет-

ся (1978 г.), предусматривают юридические основания и принципы по обращению с иностранными гражданами и лицами без гражданства, подлежащих уголовной ответственности.

По официальным данным УФМС России, до 2020 г. ежегодно в результате «маятниковой» миграции Российскую Федерацию посещало от 15 до 16 млн иностранных граждан, из которых свыше 5 млн с целью временных заработков. Несмотря на пандемию новой коронавирусной инфекции и локдаун, по состоянию на 11 января 2020 г. на территории Российской Федерации находилось 5,7 млн иностранных граждан [1. С. 15]. Уголовная статистика за последние пять лет свидетельствует о том, что ежегодно иностранными гражданами и лицами без гражданства совершается свыше 30 тыс. преступлений различной категории тяжести.

Анализ структуры миграционной преступности показывает, что основная доля – это преступления против личности, экономической направленности, в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. В свою очередь следует заметить, что количество совершенных тяжких и особо тяжких преступлений в структуре преступности сравнительно невелико.

Системный характер миграционной преступности свидетельствует о достаточно высоком уровне латентности. Современные криминологические исследования в этой области таких ученых, как А.И. Алексеев, Ю.М. Антонян, В.И. Гладких, А.И. Долгова, А.Н. Шкилев, показывают, что социальная опасность такой разновидности преступлений заключается в следующем:

- нарушается установленный порядок регулирования миграционными процессами;
- создается реальная угроза изменения сложившейся демографической ситуации в стране;
- осложняется социальная напряженность;
- усиливается негативное влияние на криминологическую ситуацию в стране;
- увеличиваются количественные показатели этнической преступности, криминализации, постоянного пополнения преступной среды за счет «притока» новых членов;
- стимулируется рост националистических настроений, приводящих к возникновению межнациональных конфликтов;
- наносится ощутимый ущерб интересам России в международной сфере;
- подрывается безопасность государства;
- возникают дополнительные трудности в деятельности правоохранительных органов по профилактике преступлений в сфере экономики, преступности организованной и террористической направленности.

Анализ и обобщение правоприменительной и судебной практики, складывающейся на территории России, свидетельствует о низкой эффективности уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, совершивших преступления различной категории тяжести. По данным Судебного департамента при Вер-

ховном Суде РФ, в 2021 г. судами было осуждено 1 949 иностранных граждан и лиц без гражданства [2. С. 7].

Исходя из законодательного положения ст. 4 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), лица, совершившие преступления на территории России, подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Согласно логике законодателя, суд, при назначении наказания в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, практически не ограничен законодательными запретами, но при этом должен руководствоваться положениями (нормами) УК РФ и постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 22 января 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовных наказаний».

В этой связи возникает закономерный вопрос, может ли суд при рассмотрении материалов уголовного дела и постановлении обвинительного приговора назначить уголовные наказания в виде штрафа (ст. 46), лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 47), обязательных работ (ст. 49), исправительных работ (ст. 50), ограничения свободы (ст. 53), принудительных работ (ст. 53.1) или назначить наказание условно? Думается, что ответ находится на поверхности.

Сам факт отсутствия правового статуса гражданина РФ, постоянного места жительства и места работы практически исключает возможность реализации уголовной ответственности в полном объеме в соответствии с требованиями УК РФ. Находясь в достаточно узком правовом диапазоне, суды не могут назначать альтернативные наказания в качестве основных и дополнительных, а вынуждены прибегать к обычной практике назначения наказания в виде принудительных работ или лишения свободы.

Вместе с тем положение ч. 2 ст. 13 УК РФ предусматривает определенную альтернативу и юридические основания выдачи иностранного гражданина для привлечения к уголовной ответственности и исполнения наказания в соответствии с международным договором.

Исходя из требований ст. 15, 17 и 18 Конституции Российской Федерации, при осуществлении международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства Российская Федерация обязана соблюдать права и свободы человека, гарантированные ее законодательством, общепризнанными принципами и нормами международного права, а также международными договорами Российской Федерации.

В этой связи в постановлении Верховного Суда РФ от 14 июня 2015 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» отмечено, что Российская Федерация может выдать иностранного гражданина либо лицо без гражданства, находящихся на ее территории, для уголовного преследования или исполнения приговора, передать лицо, осужденное су-

дом Российской Федерации к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является, а также признать приговор суда иностранного государства, которым осужден гражданин Российской Федерации, передаваемый в Российскую Федерацию для отбывания наказания, на основании международного договора Российской Федерации либо принципа взаимности (ч. 2 ст. 63 Конституции Российской Федерации, ч. 1 ст. 13 УК РФ, ч. 1 ст. 462, ст. 469 и 472 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

Юридические основания экстрадиции практически сводятся к следующим обязательным условиям:

1) запрашиваемое государство должно быть полноправным участником международного соглашения;

2) признание приговора, вынесенного судом Российской Федерации в отношении своего гражданина, для отбывания наказания в данном иностранном государстве;

3) должно учитываться несовпадение (соотношение отдельных положений УК РФ) в описании отдельных признаков состава преступления, в совершении которого обвиняется лицо, либо в юридической квалификации деяния, при этом оцениваются фактические обстоятельства имевшего место деяния и его наказуемость по законам обоих государств.

При определении того, является ли деяние наказуемым по уголовному закону Российской Федерации, следует учитывать положения ст. 9 и 10 УК РФ. Сравнительно-правовой анализ уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана [3. С. 37] дает основания полагать, что в целом имеет место идентичность основных и базовых законодательных положений, а также ряд существенных несовпадений норм правовых конструкций Общей и Особенной частей УК РФ и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) с действующими законодательствами ряда стран.

В первую очередь, речь идет о законодательных положениях относительно системы уголовных наказаний, оценочных измерений и правовых режимов их исполнения. Так, например, при назначении наказания в виде штрафа, казахский и киргизский законодатель исчисляет штраф в месячных расчетных показателях, узбекский – в базовых расчетных величинах, таджикский – в минимальных размерах заработной платы. На основании ст. 42 УК Республики Казахстан (РК) исправительные работы исчисляются исходя из расчетных показателей на момент совершения правонарушения. При этом наказание исполняется путем ежемесячного удержания и перечисления в Фонд компенсации потерпевшим от 10 до 50% из заработной платы осужденного.

Ограничение свободы как вид наказания в рассматриваемых странах применяется достаточно широко. В соответствии с ч. 1 ст. 48 Кодекса исполнения наказаний Республики Таджикистан ограничение свободы исполняется в специальных учреждениях – исправительных центрах без изоляции от общества, в условиях осуществления за ними постоянного надзора на срок от

одного года до пяти лет. Несколько по-другому ограничение свободы исполняется в Казахстане, где оно реализуется в виде пробационного контроля за осужденным с принудительным привлечением к труду на срок от шести месяцев до семи лет (ч. 1 ст. 44 УК РК). Система уголовных наказаний по уголовному законодательству Узбекистана (ст. 43 УК) и Кыргызской Республики (ст. 60 УК) не предусматривает такой вид наказания, как принудительные работы.

Несовпадения законодательных конструкций отдельных положений УК РФ и ряда стран усматриваются в назначении и исполнении традиционного уголовного наказания в виде лишения свободы. На основании ст. 46 УК РК лишение свободы, исходя из тяжести совершенного преступления и личности подсудимого, назначается и исполняется в учреждениях минимальной, средней и чрезвычайной безопасности. При этом законодатель предусматривает в случае частичного или полного сложения сроков лишения свободы при назначении наказаний по совокупности преступлений и в случаях, предусмотренных ч. 5 ст. 71 и ч. 5 ст. 77 УК РК, максимальный срок лишения свободы не может быть более двадцати пяти лет, а по совокупности приговоров – более тридцати лет.

Правовое положение иностранных осужденных к лишению свободы конкретизируется в ч. 3 ст. 10 УИК РФ, в частности они пользуются правами и несут обязанности, которые установлены международными договорами Российской Федерации, законодательством Российской Федерации о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства, с изъятиями и ограничениями, предусмотренными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством Российской Федерации. В процессе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в отношении рассматриваемой категории лиц, ряд положений УИК РФ не могут быть реализованы в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств. Так, в ст. 73 УИК РФ, определяя места отбывания наказания, законодательством не предусматривается возможность перевода осужденных из одного субъекта Федерации в другой, даже если были обращения родственников (граждан Российской Федерации), находящихся на территории России. Наряду с этим в соответствии с Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и ч. 3 ст. 81 УИК РФ закон допускает перемещение осужденных в целях реадмиссии и депортации в другое исправительное учреждение того же вида, расположенное наиболее близко к пункту пропуска через государственную границу Российской Федерации, через который планируется передача указанного иностранного гражданина или лица без гражданства Российской Федерацией иностранному государству после отбытия ими наказания, не ранее чем за 90 дней до дня окончания срока наказания.

Анализ современной уголовно-исполнительной практики наглядно свидетельствует о том, что осужденные данной категории после окончания срока наказания по решению суда помещаются в центры времен-

ного содержания, где они могут находиться в условиях строгой изоляции до полутора лет в ожидании реадмиссии.

Как показывает сложившаяся правоприменительная практика, помещая иностранного гражданина (лицо без гражданства), освободившегося из мест лишения свободы, в специальное учреждение в целях обеспечения его депортации или реадмиссии, суды, как правило, устанавливают первоначальный срок в диапазоне от одного до трех месяцев и допускают его продление до шести месяцев, отсчитываемых со дня принятия решения о помещении лица в специальное учреждение. После фактического освобождения иностранные граждане и апатриды вновь оказываются в условиях строгой изоляции. Определяя правовую позицию, Конституционный Суд РФ в постановлении от 23 мая 2017 г. № 14-п по делу о проверке конституционности положения ст. 31.7 и 31.9 Кодекса РФ об административных правонарушениях [4. С. 6] обратил внимание на несоответствие данных положений конституционным принципам и обязал законодатель устранить данные противоречия путем обеспечения судебного контроля за сроками содержания иностранных граждан и апатридов, подлежащих депортации. В процессе исполнения и отбывания наказания в местах лишения свободы правовое положение осужденных и условия их содержания отражают тенденции современной уголовно-исполнительной политики и являются своеобразным индикатором реализации принципа гуманизма. Из всего перечня основных прав, в отношении осужденных иностранных граждан и лиц без гражданства не может быть реализован ряд законодательных гарантий, таких как право на социальное обеспечение в виде пенсионных выплат, социальных пособий (ч. 7 ст. 12 УИК РФ). Наряду с этим, в период отбывания наказания в случаях установления инвалидности, осужденным могут произво-

диться выплаты. В силу отсутствия постоянного места жительства на территории России, осужденные к лишению свободы, на основании ч. 1 ст. 73 УИК РФ, отбывают наказание, как правило, по месту осуждения.

Регламентируя условия отбывания наказания в виде лишения свободы, законодатель не предусматривает возможность предоставления права осужденным на бесконвойное передвижение (ст. 96 УИК РФ), выезды осужденных за пределы исправительного учреждения (ст. 97 УИК РФ), обязательное страхование осужденных иностранцев и лиц без гражданства на основании ст. 98 УИК РФ допускается в случаях, если они трудоустроены в исправительном учреждении.

Уголовно-исполнительная практика свидетельствует о том, что в период отбывания наказания коммуникация между осужденными и персоналом учреждения, исполняющего наказание, достаточно затруднена. Это, прежде всего, обусловлено социокультурными аспектами, социальной средой мест лишения свободы, принадлежностью к религии, слабыми знаниями русского языка (порой отсутствием этих навыков), отсутствием социальных контактов с родными и близкими. Это, в свою очередь, влияет на проведение индивидуально-воспитательной работы с осужденными и мероприятий по ресоциализации, особенно на стадии адаптации в условиях социокультурной среды мест лишения свободы.

Подводя итог сравнительно-правового анализа отдельных положений уголовного и уголовно-исполнительного законодательства ряда стран, можно сделать вывод о том, что решение проблем, связанных с реализацией уголовной ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства, видится в первую очередь в синхронизации российского законодательства и зарубежных стран с точки зрения вариативности законодательного регулирования.

Список источников

1. *Официальный сайт УФМС России*. URL: <https://ufms-gov.ru/?ysclid=15vwztbcc8938815816> (дата обращения: 20.06.2022).
2. *Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации*. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 20.06.2022).
3. *Свыше 80% совершаемых преступлений и количество осужденных, отбывающих наказание в РФ, это граждане из стран СНГ*. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 20.06.2022).
4. *Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 мая 2017 года № 14-п по делу о проверке конституционности положения ст. 31.7 и 31.9 Кодекса РФ об административных правонарушениях в связи с жалобой лица без гражданства Н.Г. Мхиладзе*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217172/ (дата обращения: 20.06.2022).

References

1. *Ofitsial'nyy sayt UFMS Rossii* [Official website of the Directorate of the Federal Migration Service of Russia]. [Online] Available from: <https://ufms-gov.ru/?ysclid=15vwztbcc8938815816> (Accessed: 20.06.2022).
2. *Ofitsial'nyy sayt Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude Rossiyskoy Federatsii* [Official website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/> (Accessed: 20.06.2022).
3. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2022) *Over 80% of the crimes committed and the number of convicts serving sentences in the Russian*. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/> (Accessed: 20.06.2022). (In Russian).
4. Consultant Plus. (2017) *Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 23, 2017, No. 14-p on the case of verifying the constitutionality of the provisions of Articles 31.7 and 31.9 of the Code of Administrative Offenses in connection with the complaint of the stateless person N.G. Mkhiladze*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217172/ (Accessed: 20.06.2022). (In Russian).

Информация об авторе:

Детков А.П. — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического института Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: detkov-altai@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.P. Detkov, Dr. Sci. (Law), professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Institute of the Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: detkov-altai@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.11.2022;
одобрена после рецензирования 21.11.2022; принята к публикации 12.12.2022.*

*The article was submitted 11.11.2022;
approved after reviewing 21.11.2022; accepted for publication 12.12.2022.*

Научная статья
УДК 343.8

doi: 10.17223/23088451/20/13

ПРАВОНАРУШЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ В ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Константин Викторович Каретников

Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия, Kostya_385@mail.ru

Аннотация. В общей теории права и различных отраслях юридической науки правонарушениям отводится достаточно значимая роль. Понятие правонарушения нашло нормативное закрепление в федеральном законодательстве, тем не менее, оно представляется недостаточно корректным и верным, рассматриваемым лишь в узком смысле. Факты правонарушений в обществе (вне мест лишения свободы), как и вопросы их профилактики, подверглись подробному исследованию учеными-теоретиками. При этом правонарушения, совершаемые осужденными в воспитательных колониях, изучены частично. Акцентируется внимание на понятии правонарушения в общей теории права, а также в уголовно-исполнительном аспекте. Дается примерная классификация правонарушений (по различным основаниям), совершаемых осужденными, отбывающими наказание в воспитательных колониях. Предлагается понятие правонарушения применительно к категории лиц, содержащихся в воспитательных колониях. Устанавливается объективное понимание негативных процессов, происходящих в воспитательных колониях на современном этапе развития уголовно-исполнительной системы, для чего приводятся данные статистической отчетности Федеральной службы исполнения наказаний России (2014–2021 гг.).

Ключевые слова: правонарушения, несовершеннолетние, воспитательные колонии, осужденные, преступления

Для цитирования: Каретников К.В. Правонарушения осужденных в воспитательных колониях: теоретико-правовой анализ // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 75–81. doi: 10.17223/23088451/20/13

Original article
doi: 10.17223/23088451/20/13

OFFENSES BY CONVICTS IN YOUTH DETENTION CENTERS: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Konstantin V. Karetnikov

Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russia, Kostya_385@mail.ru

Abstract. Offenses of convicts serving sentences in youth detention centers are a socially dangerous social phenomenon that (1) is expressed in the form of action or inaction, (2) exists in a certain time period on the territory of the center or an adjacent territory where regime requirements are established, (3) violates the provisions of legal norms and rules of conduct established by the laws of the Russian Federation, (4) aims to satisfy personal or group interests or evade the fulfillment of legal requirements imposed on convicts by the administration of youth detention centers. Offenses committed in centers, on the basis of their public danger, are divided into crimes (criminal) and misdemeanors (disciplinary, administrative, civil law, material); on the basis of the number of subjects who committed them into individual and group. Of interest both in theoretical terms and for practical activities are offenses with an increased level of public danger and frequent in youth detention centers, these are group crimes and group violations of the established procedure for serving sentences committed in centers. These types of offenses should be given special attention both in the development of their theoretical foundations and the formation of practical measures aimed at preventing them.

Keywords: offenses, minors, youth detention centers, convicts, crimes

For citation: Karetnikov, K. V. (2022) Offenses by convicts in youth detention centers: Theoretical and legal analysis. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 20. pp. 75–81. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/20/13

Учреждения уголовно-исполнительной системы (УИС) при реализации наказаний, связанных с изоляцией осужденных от общества, выполняют ряд важных и приоритетных задач: исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как с их стороны, так и со стороны иных лиц. Затрагивая

деятельность такой категории исправительных учреждений, как воспитательные колонии (ВК), указанные выше задачи приобретают особый смысл [1–3]. Их значение определено действующей уголовной и уголовно-исполнительной политикой, а также складывающейся практикой – несовершеннолетние являются «питатель-

ной» средой взрослой преступности [4. С. 14–16]. Сказанное подтверждает необходимость выработки комплекса мер по противодействию правонарушающей деятельности осужденных в ВК. Однако это невозможно без изучения теоретических и правовых основ таких явлений.

Деятельность ученых связана с активным изучением общества и права. Однако в научных кругах имеется достаточно много решенных вопросов, которые имеют дискуссионный характер. Это связано с отсутствием четкой позиции среди ученых-теоретиков права. Одним из таких вопросов является проблема общего понятия правонарушения и его признаков [5. С. 63–65], несмотря на то, что оно закреплено нормативно.

Федеральный закон № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» под правонарушением закрепляет преступление или административное правонарушение, представляющее собой противоправное деяние (действие или бездействие), влекущее уголовную или административную ответственность [6]. Такое понимание нам представляется довольно ограниченным, не раскрывающим основные признаки правонарушения и его сущность. Не совсем корректно раскрывать понятие «правонарушение», характеризуя его как в узком, так и в широком смысле слова, что ведет к подмене понятий. В статье 2.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (КоАП РФ) административное правонарушение трактуется как противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое КоАП РФ или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность. В виду раскрытия его признаков понятие видится более верным. Указанными положениями подтверждается актуальность рассматриваемого феномена, необходимость его последующего исследования.

Прежде чем говорить о правонарушении в рамках исправительного учреждения, следует рассмотреть его как правовую категорию, изучаемую в общей теории права.

Общетеоретическое понятие правонарушения базируется на основе фундаментальных выводов науки уголовного права о понятии, признаках и составе преступления. Заслуживает внимания точка зрения А.С. Ширикова о том, что в таких условиях понятие правонарушения рассматривается слишком узко, что негативно отражается на его распространении на другие отрасли права, поэтому будет трактоваться как искажение правовой действительности [5. С. 65–67]. Полагаем, что понятие правонарушения будет выступать в усеченном виде. В таком случае теряется обеспечительная роль общей теории права как фундаментальной науки, на которой должны базироваться отрасли права. Отчасти верность указанной позиции подтверждается положениями научных трудов А.В. Шеслера: «Один и тот же термин может нести разный смысл в криминологическом и уголовно-правовом аспекте, при этом криминологическое понятие является исходным для понятия уголовно-правового» [7. С. 33]. В связи с чем отраслевые науки должны брать за основу фундаментальные положения общей теории права, а не наоборот.

Н.И. Матузов и А.В. Малько, исследуя правонарушение в системе видов юридических фактов, трактуют его как неправомерное действие, которое оказывает негативное влияние на установленный государством правопорядок, урегулированный с помощью правовых методов и средств [8. С. 409]. Ключевое место авторами отводится именно поддержанию правопорядка как составной части общественного порядка. При этом стоит разграничивать правопорядок и общественный порядок, являющийся более широким по своей сущности, в связи с обязательностью соблюдения не только правовых, но и социальных норм. Объективная необходимость поддержания должного правопорядка в обществе – невозможность решения стоящих перед обществом задач, актуальными из которых для УИС выступают реализация прав и свобод человека, борьба с преступностью и обеспечение правоприменительного процесса [8. С. 409–410]. Исходя из указанных положений, правонарушение определяется как противоправное, виновное, наказуемое, общественно опасное деяние вменяемого лица (действие или бездействие), причиняющее вред интересам государства, общества, граждан [8. С. 438]. Отмечается, что не всякое противоправное поведение будет являться правонарушением, а только то, в котором будет иметься признак осознанности и виновности. Имеется в виду признак объективного вменения (например, ч. 2 ст. 5 Уголовного кодекса Российской Федерации). В общей теории права выделяются две категории правонарушений: преступления (уголовные) и проступки (материальные, гражданские, административные, дисциплинарные, процессуальные и др.) [8. С. 409–412].

Рассуждая о понятии правонарушения, Т.В. Мычак характеризует его более конкретно, как противоправное (нормативно установленная правовая конструкция), вредное, запрещенное и наказуемое виновное деяние дееспособного лица [9. С. 129–131]. Именно за счет указанных автором признаков происходит разграничение правонарушений и иных моделей противоправного поведения (злоупотребление правом и объективно-противоправное действие). Отмечен тот факт, что под правонарушением понимается не любое противоправное деяние лица, а только то, которое официально признано в качестве такового [9. С. 127–129]. В данном случае речь идет о нормативном закреплении конкретных признаков правонарушения в диспозиции статьи, этот факт следует брать во внимание с учетом формального подхода автора к позиции определения правонарушения.

В свою очередь, говоря о правонарушении как о категории частного и публичного права, Р.Л. Хачатуров выдвигает совершенно иную точку зрения, делая акцент на условности данного деления. Несмотря на тот факт, что объектом любого правонарушения выступает правопорядок и направленность на частные отношения, оно будет публичным по своей сущности. Таким образом, одно и то же правонарушение может выступать гражданско-правовым деликтом, преступлением, административным правонарушением, дисциплинарным проступком и др. [10. С. 36–37].

Иначе подходит к вопросу понятия правонарушения А.С. Шириков, утверждая, что оно может быть сформировано только путем выявления общих, присущих всем без исключения правонарушениям признаков. В связи с чем правонарушение им определяется неоднозначно, как объективно складывающееся явление социальной действительности, обладающее своими специфическими чертами и имеющее свой генезис (материальное понятие в широком смысле), или как логико-юридическая конструкция, характеризующаяся отклонением от требований конкретной нормативной системы (формальное понятие в узком смысле) [5. С. 64]. Автором в данном случае разделяется точка зрения о необходимости изучения правонарушения как материального понятия с целью исследования его всесторонне, во взаимосвязи с социальными составляющими (граждане, социальные связи, социальные институты и организации, социальные группы и общности, социальные нормы и др.), тем более что речь идет о правонарушениях такой категории, как осужденные, содержащиеся в ВК.

Автором отмечается ежегодное и планомерное снижение количества лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы в ВК. Однако это не позволяет вести речь об уменьшении объема совершаемых правонарушений. Справедливо отмечает В.А. Уткин, что в последние годы состояние правопорядка в исправительных учреждениях (ИУ) оценивается неоднозначно [11. С. 7–10].

В условиях сокращения численности осужденных в ВК, правоприменитель, в лице сотрудника УИС, сталкивается со значительными негативными последствиями, образующимися в результате процесса гуманизации системы назначения уголовных наказаний несовершеннолетними. Это находит отражение в увеличивающемся уровне правонарушений, которые представляют непосредственную опасность как пенитенциарной безопасности, так и безопасности общества в целом.

Автором отмечается подробное и качественное изучение правонарушающей деятельности несовершеннолетних, однако это только до момента поступления их в ВК. После этого начинаются сложности. Ввиду изолированности ВК, совершаемые в них правонарушения имеют свои особенности. Конечно же, в правовой доктрине они в полном объеме не находят своего отражения. Имеющиеся научные исследования по направлению изучения криминогенного поведения и предупреждения правонарушений осужденных не охватывают и не раскрывают в полном объеме понятие правонарушения и его виды в условиях ВК.

В связи с тем, что нами правонарушения изучаются в условиях ВК, перейдем к более частной характеристике понятия в уголовно-правовом, уголовно-исполнительном и криминологическом аспектах, во взаимосвязи с детской и подростковой противоправной деятельностью.

Увеличение устойчивости в жизни общества криминальных структур, присущей им организованности в процессе противоправной деятельности, криминализации подростковой среды актуализирует необходимость

изучения этих направлений общественной жизни, в том числе и в тесной взаимосвязи с правонарушающим поведением. Отбывая уголовное наказание в виде лишения свободы в ВК, осужденные (подросткового возраста) находятся в условиях временной изоляции, что порождает свои особенности противоправной деятельности. Согласимся с мнением М.А. Манукян, характеризующей противоправное поведение несовершеннолетних осужденных в рамках ИУ как действия, обусловленные сложившимися в учреждении субкультурными традициями и правилами поведения, нарушающими положения действующего законодательства, одобряемые значительной частью сверстников, направленные на удовлетворение личных или групповых интересов лиц или уклонение от выполнения требований, предъявляемых администрацией ИУ [12. С. 6].

Согласно общей теории права, правонарушения осужденных, отбывающих наказания в ВК, по степени общественной опасности можно классифицировать на преступления и проступки [8. С. 409–411]. Рассмотрим их отдельно.

К проступкам осужденных, отбывающих наказания в ВК, относятся:

1. Дисциплинарные проступки (уголовно-исполнительные правонарушения). Они характеризуются как противоправные виновные деяния (в виде действий или бездействий), посягающие на установленные законодательством в ВК условия, порядок отбывания наказания, выражающиеся в нарушении, как правило, положений правил внутреннего распорядка ИУ (ВК).

2. Административные проступки. Характеризуются нарушением осужденными отдельных норм КоАП РФ. Как отмечают Н.В. Румянцев и В.В. Горовой, несмотря на определенную коллизию норм права, административные правонарушения могут выражаться в мелком хулиганстве или появлении в состоянии алкогольного опьянения в общественном месте [13. С. 211–213].

3. Гражданско-правовые проступки. Они выражаются в нарушении положений Гражданского кодекса РФ. К примеру, возмещение материального вреда за порчу имущества в ходе массовых беспорядков в ВК.

4. Материальные проступки. Об их совершении могут свидетельствовать трудовых отношения осужденных в условиях ВК. К примеру, материальная ответственность осужденных за порчу имущества работодателя (например, метлы) при проведении уборки территории, при условии, что осужденный был официально трудоустроен.

Отметим, что из всех рассмотренных видов в ВК находят наибольшее распространение именно дисциплинарные (уголовно-исполнительные) правонарушения. Одной из причин такого положения С.Б. Пономарев, Ю.В. Тихонова и С.А. Стерликов выделяют усложнение контингента, отбывающего наказание в ВК [14. С. 63–65]. Данная точка зрения весьма объективна, так как процесс гуманизации уголовной и уголовно-исполнительной политики выражается в сосредоточении в ВК осужденных, в большинстве своем, за тяжкие и особо тяжкие преступления, приверженцев криминальной субкультуры, имеющих определенный крими-

нальный опыт и низкий уровень правовой культуры. Ведомственная статистика отражает динамичный уровень дисциплинарных правонарушений осужденных: 1 545,3 (при 2 593 ед. нарушений УПОН) – в 2016 г., 1 420,7 (при 2 050 ед. нарушений УПОН) – в 2017 г., 655,8 (при 888 ед. нарушений УПОН) – в 2018 г., 868,1 (при 1 086 ед. нарушений УПОН) – в 2019 г., 535,9 (при 545 ед. нарушений УПОН) – в 2020 г., 481,3 (при 425 ед. нарушений УПОН) – в 2021 г. [15].

Актуальность изучения негативных процессов, протекающих в ВК, подтверждается справедливым мнением Н.Ф. Кузнецовой, которое разделяют Л.М. Прокументов и А.В. Шеслер, о прямой зависимости роста рецидивной преступности и преступности несовершеннолетних, обусловленного значительной долей последних в ВК [16. С. 370–372].

Такой вид правонарушений, как преступления, совершаемые осужденными, отбывающими наказание в ВК, несут в себе большую общественную опасность, и, как справедливо отмечается Ю.М. Антоном и М.В. Гончаровой, есть все основания считать данный вид преступности самостоятельным, что связано с большим криминальным поражением такой категории населения, как несовершеннолетние [17. С. 90–91].

В своих научных трудах Л.М. Прокументов и А.В. Шеслер определяют преступность как социально-правовое, относительно массовое явление, включающее в себя совокупность запрещенных уголовным законом общественно опасных деяний, совершенных в течение определенного периода времени на определенной территории [16. С. 373–376].

Материалы ведомственной статистической отчетности подтверждают актуальность изучения данного вида правонарушений. Так, анализ структуры преступности в ВК свидетельствует о следующем: в 2016 г. зарегистрировано 9 преступлений, в 2017 г. – 3, в 2018 г. – 1, в 2019 г. – 5, в 2020 г. – 0, в 2021 г. – 3 [15]. Уменьшение количества преступлений может быть обусловлено двумя причинами – реальным снижением криминальной активности осужденных либо высоким уровнем их латентности [18. С. 60–66].

Перечисленные положения обусловили необходимость более частного изучения понятийного аппарата и видовой структуры правонарушений осужденных, совершаемых в период отбывания наказания в ВК. Помимо теоретической существует и практическая необходимость рассмотрения указанных аспектов, что позволит сформировать в полной мере базовые концептуальные основы такого феномена, как правонарушения в целом, так и пенитенциарной групповой преступности в частности [18. С. 192–193]. Преступность несовершеннолетних, как верно отмечено И.А. Бурмистровым, выступает «питательной средой» для общей преступности [4. С. 14–16]. Таким образом, изучая категорию правонарушений осужденных, отбывающих наказание в ВК, разрабатывая мероприятия по предупреждению правонарушений в исправительных учреждениях, осуществляется работа по уменьшению общего объема преступности. В этом, как известно, и заключается назначение юридической науки – ориентация на об-

служивание практических потребностей общества [19. С. 64–66].

Существенной является позиция Ю.Ю. Щеткина и Л.И. Кривоноговой, разделяющих правонарушения по субъекту совершения на индивидуальные и коллективные (групповые) [20. С. 299–300] и заявляющих о том, что у несовершеннолетних лиц адаптация к протекающим социально-экономическим процессам протекает сложнее, чем у взрослых, поэтому большое распространение получают групповые формы правонарушений.

Автор разделяет мнение Е.Д. Гаврилюк о том, что значимость и необходимость их изучения определяются отсутствием снижения показателей правонарушений, имеющимся фактам противодействия установленному порядку отбывания наказания и создания организованных преступных групп в ВК [21. С. 10–12]. Присущий правонарушениям осужденных, отбывающих наказания в ВК, групповой характер позволяет сделать вывод о повышенной общественной опасности таких правонарушений, примером которых могут служить, по мнению О.И. Плындиной и И.П. Порфиненко, произошедшие за последние 10 лет групповые противоправные проявления в ВК, выразившиеся в групповом отказе от приемов пищи (например, Абаканская ВК), групповых актах членовредительства осужденных (например, Канская, Мариинская и Новосибирская ВК), массовых беспорядках и групповых неповиновениях (например, Колосовская, Можайская, Бобровская и Ангарская ВК), способствующие формированию лидеров уголовно-преступной среды [22. С. 57–59].

В рамках ВК повышенную общественную опасность представляют не столько индивидуальные, сколько именно групповые преступления осужденных. Особое внимание стоит уделять криминализированным группам осужденных отрицательной (криминогенной) направленности, наиболее склонным к совершению правонарушений.

Группа, как отмечают Е.В. Храброва и Д.А. Павленко, представляет собой общность людей, находящихся в непосредственном психологическом контакте между собой [23. С. 295–296]. Совместную деятельность группы стоит рассматривать, по мнению Л.М. Прокументова, в качестве любой деятельности участников группы, направленной на ее функционирование и развитие (в более широком смысле, чем она рассматривается в уголовном праве), поэтому в криминологическом плане преступление, совершенное в группе, – это любое совместно совершенное преступление двумя и более лицами [24. С. 15–19].

На основе понятия групповой преступности С.В. Бондаренко дает более частное понятие групповой пенитенциарной преступности, которое отчасти видится верным, – это социально-криминальное явление, образуемое фактической совокупностью совершенных в учреждениях уголовно-исполнительной системы за определенный период времени преступлений при любой форме соучастия, а также иных противоправных деяний, не являющихся в соответствии с уголовным законом преступлениями, однако причиняющих вред и представляющих угрозу для пенитенциарной безопас-

ности [25. С. 7–11]. Ввиду наличия большого количества специальных признаков, понятие рассматривается автором в узком смысле.

Более приемлемым видится понятие групповой преступности, предложенное А.В. Шеслером. Групповая преступность представляет собой общественно опасное, социальное, относительно массовое, уголовно-правовое явление, существующее в конкретный промежуток времени на определенной территории и состоящее из групп преступлений, образующих совместную преступную деятельность лиц, их совершивших, и преступных групп, образованных на основе совместной преступной деятельности [7. С. 12].

Таким образом, заключим, что указанная автором характеристика понятия и видов правонарушений в ВК не является догматичной, она носит примерный характер и не лишена дискуссионных моментов. Значимыми видятся следующие выводы:

1) правонарушения осужденных, отбывающих наказание в ВК, – это общественно опасное социальное явление, выражающееся в форме действия или бездействия, существующее в определенный временной период на территории ВК или прилегающей территории,

на которой установлены режимные требования, нарушающие положения правовых норм и правил поведения, установленных законодательством Российской Федерации, направленные на удовлетворение личных или групповых интересов или уклонение от выполнения законных требований, предъявляемых к осужденным администрацией ВК;

2) правонарушения, совершаемые в ВК, по признаку общественной опасности разделяются на преступления (уголовные) и проступки (дисциплинарные, административные, гражданско-правовые, материальные), по количеству субъектов, их совершивших, – на индивидуальные и групповые;

3) интерес как в теоретическом плане, так и для практической деятельности представляют правонарушения, которые несут повышенный уровень общественной опасности и имеют частое проявление в условиях ВК – это групповые преступления и групповые нарушения установленного порядка отбывания наказания, совершаемые в ВК. Указанным видам правонарушений стоит уделять особое внимание как в рамках выработки их теоретических основ, так и при формировании практических мер, направленных на их предупреждение.

Список источников

1. *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации*: указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. № 27 (ч. II). 05.07.2021. Ст. 5351.
2. *Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года*: распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р // Собрание законодательства Российской Федерации. № 20. 17.05.2021. Ст. 3397.
3. *Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних*: Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. № 26. 28.06.1999. Ст. 3177.
4. Бурмистров И.А. Криминологическое изучение неформальных групп несовершеннолетних и предупреждение органами внутренних дел совершаемых ими преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 200 с.
5. Шириков А.С. О двух концепциях правонарушения // Legal Concept. 2003. № 6. С. 63–68.
6. *Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации*: Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. № 26 (ч. I). 27.06.2016. Ст. 3851.
7. Шеслер А.В. Групповая преступность: криминологические и групповые аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2000. 395 с.
8. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. 4-е изд., испр. и доп. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 528 с.
9. Мычак Т.В. К вопросу о понятии, признаках и сущности правонарушения в российском праве // Законность и правопорядок в современном обществе. 2015. № 26. С. 127–132.
10. Хачатуров Р.Л. Публично-правовые и частноправовые правонарушения // Балтийский гуманитарный журнал. 2013. № 2. С. 36–37.
11. Уткин В.А. Об уголовно-правовых средствах обеспечения правопорядка в исправительных учреждениях // Вестник Кузбасского института. 2013. № 1 (14). С. 7–13.
12. Манукян М.А. Профилактика правонарушающего поведения несовершеннолетних, находящихся в условиях временной изоляции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007. 26 с.
13. Румянцев Н.В., Горовой В.В. Административная ответственность подозреваемых, обвиняемых и осужденных, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 211–214.
14. Пономарев С.Б., Тихонова Ю.В., Стерликов С.А. Динамика состояния контингента воспитательных колоний и факторы, на него влияющие // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 1 (27). С. 63–67.
15. Официальный сайт ФСИН России. URL: <http://www.fsin.ru/statistika> (дата обращения: 30.10.2022).
16. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Предмет отечественной криминологии // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 3. С. 369–384.
17. Антонян Ю.М., Гончарова М.В. Состояние и причины преступности несовершеннолетних в России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 87–100.
18. Каретников К.В. Причины групповых правонарушений осужденных в воспитательных колониях // Вестник Кузбасского института. 2020. № 4 (45). С. 57–70.
19. Бондаренко С.В. К вопросу о групповой преступности в местах лишения свободы // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 4. С. 192–194.

20. Семенова О.В. Правомерное поведение и правонарушение как виды правового поведения // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 4 (18). С. 63–66.
21. Шеткин Ю.Ю., Кривоногова Л.И. Правонарушения в подростковой среде // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2009. № 2. С. 298–301.
22. Гаврилюк Е.Д. Предупреждение преступлений и правонарушений, совершаемых осужденными в воспитательных колониях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. 32 с.
23. Плындина О.И., Парфиненко И.П. Криминологическая характеристика несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2015. № 4 (75). С. 56–59.
24. Храброва Е.В., Павленко Д.А. Организация групповых форм воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными в воспитательной колонии в России и Беларуси // Пенитенциарная наука. 2019. № 2. С. 294–298.
25. Прокументов Л.М. Групповая преступность несовершеннолетних и ее предупреждение : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2001. 318 с.

References

1. Russian Federation. (2021) O Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii: ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 № 400 [On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021, No. 400]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of Laws of the Russian Federation]. 27 (II). 05th June 2021. Art. 5351.
2. Russian Federation. (2021) Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya ugovolno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii do 2030 goda: rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29.04.2021 № 1138-r [On approval of the concept for the development of the penitentiary system of the Russian Federation until 2030: Decree of the Government of the Russian Federation of April 29, 2021, No. 1138-r]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 20. 17th May 2021. Art. 3397.
3. Russian Federation. (1999) Ob osnovakh sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarusheniy nesovershennoletnikh: federal'nyy zakon ot 24.06.1999 № 120 [On the basics of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency: Federal Law of 24th June 1999 No. 120]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 26. 28th June 1999. Art. 3177.
4. Burmistrov, I.A. (1997) *Kriminologicheskoe izuchenie neformal'nykh grupp nesovershennoletnikh i preduprezhdenie organami vnutrennikh del sovershaemykh imi prestupleniy* [Criminological study of informal groups of minors and prevention of crimes committed by them by internal affairs bodies]. Law Cand. Diss. Moscow.
5. Shirikov, A.S. (2003) O dvukh kontseptsiyakh pravonarusheniya [On two concepts of offense]. *Legal Concept*. 6. pp. 63–68.
6. Russian Federation. (2016) Ob osnovakh sistemy profilaktiki pravonarusheniy v Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 23.06.2016 № 182 [On the basics of the crime prevention system in the Russian Federation: Federal Law No. 182 of June 23, 2016]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 26 (I). 27th June 2016. Art. 3851.
7. Shesler, A.V. (2000) *Gruppovaya prestupnost': kriminologicheskie i gruppovye aspekty* [Group crime: criminological and group aspects]. Law Dr. Diss. Yekaterinburg.
8. Matuzov, N.I., & Mal'ko, A.V. (2015) *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik* [Theory of state and law]. 4th ed. Moscow: Delo, RANPA.
9. Mychak, T.V. (2015) K voprosu o ponyatii, priznakakh i sushchnosti pravonarusheniya v rossiyskom prave [On the concept, signs and essence of an offense in Russian law]. *Zakonost' i pravoporyadok v sovremennoy obshchestve*. 26. pp. 127–132.
10. Khachaturov, R.L. (2013) Publichno-pravovye i chastnopravovye pravonarusheniya [Public law and private law offenses]. *BGZh*. 2. pp. 36–37.
11. Utkin, V.A. (2013) Ob ugovolno-pravovykh sredstvakh obespecheniya pravoporyadka v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh [On criminal law means of ensuring law and order in correctional institutions]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 1 (14). pp. 7–13.
12. Manukyan, M.A. (2007) *Profilaktika pravonarushayushchego povedeniya nesovershennoletnikh, nakhodyashchikhsya v usloviyakh vremennoy izolyatsii* [Prevention of delinquent behavior of minors in temporary isolation]. Abstract of Law Cand. Diss. Rostov-on-Don.
13. Rumyantsev, N.V. & Gorovoy, V.V. (2019) Administrativnaya otvetstvennost' podozrevaemykh, obvinyaemykh i osuzhdennykh, soderzhashchikhsya v uchrezhdeniyakh ugovolno-ispolnitel'noy sistemy [Administrative responsibility of suspects, the accused, and convicts held in institutions of the penitentiary system]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2. pp. 211–214.
14. Ponomarev, S.B., Tikhonova, Yu.V. & Sterlikov, S.A. (2018) Dinamika sostoyaniya kontingenta vospitatel'nykh koloniy i faktory, na nego vliyayushchie [Dynamics of the state of the contingent of youth detention centers and factors influencing it]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. 1 (27). pp. 63–67.
15. *Official website of the Federal Penitentiary Service of Russia*. [Online] Available from: <http://www.fsin.ru/statistika> (Accessed: 30.10.2022). (In Russian).
16. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2019) Predmet otechestvennoy kriminologii [The subject of domestic criminology]. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal*. 13 (3). pp. 369–384.
17. Antonyan, Yu.M. & Goncharova, M.V. (2018) Sostoyaniye i prichiny prestupnosti nesovershennoletnikh v Rossii [Status and causes of juvenile delinquency in Russia]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya*. 2. pp. 87–100.
18. Karetnikov, K.V. (2020) Prichiny gruppovykh pravonarusheniy osuzhdennykh v vospitatel'nykh koloniyakh [Causes of group offenses of convicts in youth detention centers]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 4 (45). pp. 57–70.
19. Bondarenko, S.V. (2016) K voprosu o gruppovoy prestupnosti v mestakh lisheniya svobody [On group crimes in places of imprisonment]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*. 4. pp. 192–194.
20. Semenova, O.V. (2015) Pravomernoe povedeniye i pravonarusheniye kak vidy pravovogo povedeniya [Lawful behavior and offense as types of legal behavior]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. 4 (18). pp. 63–66.
21. Shchetkin, Yu.Yu. & Krivonogova, L.I. (2009) Pravonarusheniya v podrostkovoy srede [Offenses among adolescents]. *Vestnik Taganrogskego instituta imeni A.P. Chekhova*. 2. pp. 298–301.

22. Gavriluk, E.D. (2005) *Preduprezhdenie prestupleniy i pravonarusheniy, sovershaemykh osuzhdennymi v vospitatel'nykh koloniyakh* [Prevention of crimes and offenses committed by convicts in youth detention centers]. Abstract of Law Cand. Diss. Ryazan.
23. Plyndina, O.I. & Parfinenko, I.P. (2015) Kriminologicheskaya kharakteristika nesovershennoletnikh osuzhdennykh, otbyvayushchikh nakazanie v vospitatel'nykh koloniyakh [Criminological characteristics of juvenile convicts serving sentences in youth detention centers]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*. 4 (75). pp. 56–59.
24. Khrabrova, E.V. & Pavlenko, D.A. (2019) Organizatsiya gruppovykh form vospitatel'noy raboty s nesovershennoletnimi osuzhdennymi v vospitatel'noy kolonii v Rossii i Belarusi [Organization of group forms of educational work with juvenile convicts in youth detention centers in Russia and Belarus]. *Penitentsiarnaya nauka*. 2. pp. 294–298.
25. Prozumentov, L.M. (2001) *Gruppovaya prestupnost' nesovershennoletnikh i ee preduprezhdenie* [Group delinquency of minors and its prevention]. Law Dr. Diss. Tomsk.

Информация об авторе:

Каретников К.В. – преподаватель кафедры организации режима в уголовно-исполнительной системе Кузбасского института ФСИН России (Новокузнецк, Россия). E-mail: Kostya_385@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.V. Karetnikov, lecturer at the Department of Regime Organization in the Penitentiary System of the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russia). E-mail: Kostya_385@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.10.2022;
одобрена после рецензирования 31.10.2022; принята к публикации 12.12.2022.*

*The article was submitted 22.10.2022;
approved after reviewing 31.10.2022; accepted for publication 12.12.2022.*

Научная статья
УДК 343.8

doi: 10.17223/23088451/20/14

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ОСУЖДЕННЫХ К НАКАЗАНИЯМ И ИНЫМ МЕРАМ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА, НЕ СВЯЗАННЫМ С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ, В СФЕРЕ ТРУДА

Николай Владимирович Ольховик

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, lawtsu@rambler.ru

Аннотация. Определены юридические основания, законодательные пределы и организационно-правовые условия привлечения осужденных к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера, не связанным с лишением свободы, к труду, а также указаны проблемы обеспечения их прав и законных интересов при организации их трудовой занятости.

Ключевые слова: труд осужденных, обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы, условное осуждение, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496/>.

Для цитирования: Ольховик Н.В. Проблемы обеспечения прав и законных интересов осужденных к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера, не связанным с лишением свободы, в сфере труда // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 82–90. doi: 10.17223/23088451/20/14

Original article
doi: 10.17223/23088451/20/14

PROBLEMS OF ENSURING THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS IN THE SPHERE OF LABOR OF PERSONS SENTENCED TO PENALTIES AND OTHER CRIMINAL LAW MEASURES NOT RELATED TO IMPRISONMENT

Nikolay V. Olkhovik

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, lawtsu@rambler.ru

Abstract. The problems of protecting the rights and legitimate interests in the sphere of labor of convicts sentenced to penalties and other criminal law measures not related to deprivation of liberty are identified. Penal inspectorates and the administration of correctional centers do not sufficiently take into account convicts' qualifications when ensuring that convicts follow the requirements of a court verdict. When enforcing the performance of compulsory and correctional labor, suspended sentence, penal inspectorates ignore the requirements of labor laws regarding the age of a minor, the "feasibility" of labor for minors, women, persons suffering from various types of diseases, the obligatory passage of medical examination of convicts when hiring them and further annual examination. In practice, the time free from studies when serving compulsory labor is incorrectly determined. There are cases of incorrect calculation of the term of correctional labor for convicts; groundlessness of the reasons for the convict's dismissal from the organization; problems with compensation for harm in case of injury to a convict associated with the performance of compulsory labor. In order to bring the convict to serving the sentence in a timely manner, the author proposes to establish in the criminal procedure law a rule providing for a period of time between the presentation of a sentence for execution and its acceptance for execution, and to introduce a rule in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation providing for administrative responsibility for violations of this period. The author substantiates the necessity of improving the means of ensuring the execution by the convict of the order and conditions of serving correctional labor, and, in the penal legislation, proposes to provide for the possibility of imposing a duty on those convicted to correctional labor upon registration, as it was before, and also of changing this type of punishment to a more severe one for convicts who (a) systematically commit administrative offenses against public order or those similar to crimes for which the person was convicted; (b) evade registration or coming to the penal inspectorate for registration and do not leave their place of residence. Art. 79 of the Criminal Code of the Russian Federation should secure the right of the court to impose obligations on those released on parole from serving sentences during the probation period upon the penal inspectorate's presentation.

Keywords: convicts' labor, compulsory work, correctional labor, forced labor, suspended sentence, parole

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496/>.

For citation: Olkhovik, N.V. (2022) Problems of ensuring the rights and legitimate interests in the sphere of labor of persons sentenced to penalties and other criminal law measures not related to imprisonment. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 20. pp. 82–90. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/20/14

Анализ правового статуса осужденных к обязательным, исправительным, принудительным работам, а также условно осужденных и условно-досрочно освобожденных с обязанностью трудиться (работать), прежде всего, предполагает ответ на вопрос об обязательности и принудительности труда этих категорий осужденных к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера, не связанным с лишением свободы. Согласно ст. 2 Конвенции № 29 МОТ от 28 июня 1930 г. «О принудительном или обязательном труде», в запрещенный данной Конвенцией «принудительный или обязательный труд» не включается, в частности, «всякая работа или служба, требуемая от какого-либо лица вследствие приговора, вынесенного решением судебного органа, при условии, что эта работа или служба будет производиться под надзором и контролем государственных властей, и что указанное лицо не будет уступлено или передано в распоряжение частных лиц, компаний или обществ» [1].

Аналогичное положение отражено в ст. 4 Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ), где указано, что в запрещенный Кодексом принудительный или обязательный труд не входит, в частности, работа, выполняемая вследствие вступившего в законную силу приговора суда под надзором государственных органов, ответственных за соблюдение законодательства при исполнении судебных приговоров [2]. Следовательно, труд осужденных без изоляции от общества не является принудительным (запрещенным), если обязанность трудиться предусмотрена обвинительным приговором суда. По действующему российскому законодательству такая обязанность предусмотрена только для осужденных к обязательным, исправительным и принудительным работам, а также для условно осужденных и условно-досрочно освобожденных, если суд возложил на них соответствующую обязанность, связанную с трудом. Остальные категории осужденных без изоляции от общества (осужденные к штрафу, лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ограничению свободы и с отсрочкой отбывания наказания) имеют право на свободу труда, которое включает в себя право на труд, который каждый свободно выбирает или на который свободно соглашается, право распоряжаться своими способностями к труду, выбирать профессию и род деятельности (ч. 1 ст. 37 Конституции РФ и ст. 2 ТК РФ).

В то же время привлечь к трудовой деятельности даже осужденных к обязательным, исправительным и принудительным работам, которые в силу приговора обязаны трудиться, достаточно проблематично на практике. Прежде всего, связано это с ограничением осужденных к обязательным, исправительным и принудительным работам в праве на свободу труда посредством их обязывания выполнять только предписанную им работу. По нашим данным, это обстоятельство отрицательно сказывается на поведении осужден-

ных, соблюдении ими требований порядка и условий соответствующего наказания. Проведенное нами исследование вышеперечисленных категорий осужденных свидетельствует о том, что уголовно-исполнительные инспекции при привлечении осужденных к обязательным и исправительным работам, условно осужденных и условно-досрочно освобожденных к исполнению требований приговора суда, а также администрация исправительных центров в отношении осужденных к принудительным работам не всегда учитывают наличие у них образования и специальности.

Среди осужденных к обязательным работам, совершивших новое преступление в период отбывания наказания, по сравнению с общей численностью осужденных к обязательным работам, оказалось в 3,5 раза больше лиц, имеющих определенную специальность. Среднее специальное образование имели 38% осужденных к обязательным работам, совершивших новое преступление, против 11,1% в общей численности этой категории осужденных. При этом назначенные для осужденных виды работ не соответствовали имеющейся у них специальности. 55% осужденных к обязательным работам, совершивших новое преступление в период их отбывания, нарушали установленный для них порядок отбывания наказания и негативно относились к выполняемой работе.

40,5% осужденных к исправительным работам, совершивших новое преступление в период отбывания этого наказания, – это лица с основным общим образованием, 27,7% – со средним специальным и 25% – с полным средним. Если сравнить полученные данные с общей численностью осужденных к исправительным работам, состоящих на учетах инспекций, то среди совершивших новое преступление оказалось почти в два раза больше лиц с неполным средним образованием (21% в общей численности), в полтора раза уменьшился удельный вес осужденных, имеющих полное среднее образование (40,3% в общей численности), на 4,5% уменьшилось количество лиц со средним специальным образованием (32,1% в общей численности).

Каждый пятый условно осужденный и каждый четвертый условно-досрочно освобожденный с обязанностью работать, не менять место работы без уведомления уголовно-исполнительной инспекции, совершивший новое преступление в течение испытательного срока, имеет среднее специальное образование, около 40% – основное общее образование.

Примерно одинаковое количество лиц, имеющих определенную специальность, оказалось и среди осужденных, совершивших новое преступление в период отбывания принудительных работ, по сравнению с общей массой осужденных, состоящих на учетах ИЦ (УФИЦ). При этом в каждом пятом случае выполняемая осужденным работа не соответствовала имеющейся у него специальности.

Учитывая вышеперечисленные обстоятельства, не приходится сомневаться в том, что уголовно-испол-

нительной инспекции при привлечении осужденных к отбыванию наказания в виде обязательных и исправительных работ, условно осужденных и условно-досрочно освобожденных к выполнению обязанности, связанной с трудом, а также администрации исправительных центров (УФИЦ) при исполнении принудительных работ необходимо было принимать во внимание и квалификацию осужденного. Однако это требование не должно носить обязательный характер во всех без исключения случаях, иначе его исполнение будет сужать и без того небольшой круг организаций, в которых могут отбываться обязательные, исправительные и принудительные работы, а также работать условно осужденные и условно-досрочно освобожденные с обязанностью трудиться, что в конечном счете может привести к неисполнению приговора суда. Тем не менее обязать уголовно-исполнительные инспекции и администрацию исправительных центров учитывать профессиональные навыки осужденного при наличии реальной возможности определения ему соответствующего вида работ необходимо. Возложение этой обязанности на уголовно-исполнительные инспекции и администрацию исправительных центров (УФИЦ) будет означать, что в каждом случае привлечения осужденного к отбыванию наказания необходимо будет установить: а) желание осужденного выполнять работы, соответствующие его квалификации; б) наличие подходящих объектов и видов работ. Таким образом, только при наличии этих двух условий одновременно возможна реализация данного требования.

Необходимость установления этих двух условий становится еще более актуальной при привлечении к труду несовершеннолетних, осужденных к обязательным и исправительным работам.

Проведенное нами исследование свидетельствует о том, что 80% несовершеннолетних, совершивших новое преступление в период отбывания обязательных работ, учились, 4% работали на момент совершения нового преступления. Если к этому добавить, что 32% несовершеннолетних, совершивших преступление, не были привлечены к отбыванию обязательных работ, 45% нарушали установленный для них порядок отбывания наказания и негативно относились к выполняемой работе, то не приходится сомневаться в том, что законодательная модель и практика назначения и исполнения обязательных работ несовершеннолетним далеки от совершенства.

Во-первых, это касается назначения обязательных работ учащимся несовершеннолетним. Как известно, обязательные работы несовершеннолетними должны отбываться в свободное от учебы время. Однако возникает вопрос о том, какое время следует считать свободным от учебы: время окончания занятий в образовательном учреждении или необходимо еще учитывать время, которое предусматривается для самоподготовки учащегося. На практике этот вопрос в большинстве случаев даже не возникает. Уголовно-исполнительные инспекции начинают исчислять свободное от учебы время с момента окончания за-

нятий в образовательном учреждении. Как нам представляется, такой подход обусловлен только стремлением исполнить приговор суда, но не учитывает интересы несовершеннолетнего, его право на получение образования. Поэтому около 87% обследованных несовершеннолетних систематически пропускали занятия, не успевали, а 80% совершили преступление в период отбывания обязательных работ.

Во-вторых, утверждаемые органами местного самоуправления перечни организаций, на объектах которых могут отбываться обязательные работы, не рассчитаны на несовершеннолетних. Это связано с тем, что в указанные перечни включены частные организации и индивидуальные предприниматели, в то время как в соответствии с п. «с» ч. 2 ст. 2 Конвенции МОТ № 29 от 28 июня 1930 г. принудительным трудом считается всякая работа или служба, требуемая от какого-либо лица вследствие приговора, вынесенного решением судебного органа, если указанное лицо уступлено или передано в распоряжение частных лиц, компаний или обществ.

В-третьих, виды работ, определяемые для несовершеннолетних, не всегда соответствуют требованиям российского законодательства [3].

В-четвертых, не учитывается и то, что несовершеннолетний, как правило, отказывается выполнять неквалифицированные общественно полезные работы в общественных местах, расположенных в районе его места жительства. Исходя из этого: а) следует согласиться с мнением В.В. Лисаускайте и М.Н. Садовникова о необходимости разработки программы исполнения обязательных работ в отношении несовершеннолетних в различных формах. Выбор формы должен зависеть от преступления, совершенного несовершеннолетним; от психологического портрета личности несовершеннолетнего преступника; от социальной среды проживания подростка и т.д. [4. С. 121]; б) в ст. 25 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации обязать уголовно-исполнительные инспекции при определении объекта и вида работ руководствоваться требованиями законодательства Российской Федерации о труде, учитывать психологические и социальные способности несовершеннолетних и не препятствовать осуществлению права несовершеннолетнего на образование; в) закрепить в числе нарушений порядка и условий отбывания обязательных работ «неявку без уважительных причин осужденного в уголовно-исполнительную инспекцию для постановки на учет».

Еще более противоречивыми являются юридические основания и законодательные пределы труда несовершеннолетних, осужденных к исправительным работам. По нашим данным, все несовершеннолетние, совершившие преступление в период отбывания исправительных работ, на момент осуждения не работали. Более половины из них (57%) не стали работать и после вступления в силу обвинительного приговора суда, т.е. не были привлечены к отбыванию наказания, в то время как в общей массе несовершеннолетних, осужденных к исправительным работам, этот показа-

тель не превышает 7%. Возникает вопрос о том, чем обусловлена такая разница в показателях. Может быть, это связано с тем, что, руководствуясь положениями трудового законодательства и законодательства об образовании, рассматриваемую категорию несовершеннолетних вообще невозможно было привлечь к отбыванию исправительных работ? Если это так, то чем руководствовался суд при назначении им этого наказания? Согласно ст. 63 ТК РФ, заключение трудового договора допускается с лицом, достигшим возраста 16 лет. В случае получения основного общего образования либо продолжения освоения программы основного общего образования по иной, чем очная, форме обучения, либо оставления в соответствии с федеральным законодательством общеобразовательного учреждения трудовой договор могут заключать лица, достигшие возраста 15 лет, для выполнения легкого труда, не причиняющего вреда их здоровью.

С согласия одного из родителей (попечителя) и органа опеки и попечительства трудовой договор может быть заключен с учащимся, достигшим возраста 14 лет, для выполнения в свободное от учебы время легкого труда, не причиняющего вреда его здоровью и не нарушающего процесса обучения. В пункте же 14 ст. 50 Закона РФ «Об образовании» сказано: «Привлечение обучающихся, воспитанников гражданских образовательных учреждений без согласия обучающихся, воспитанников и их родителей (законных представителей) к труду, не предусмотренному образовательной программой, запрещается». По сути, это означает, что назначать исправительные работы в отношении 14-летних (почти во всех случаях) и 15-летних очень сложно. Но если это так, то не лучше ли в самом тексте Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ, ст. 50 или 88) прямо указать, что исправительные работы могут назначаться только несовершеннолетнему, достигшему к моменту вынесения приговора 16 лет? На наш взгляд, подобное решение законодателя будет способствовать единообразию судебной практики, дифференциации уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних разных возрастных групп, совершивших преступления небольшой или средней тяжести.

Если рассмотреть категорию несовершеннолетних, не привлеченных к отбыванию исправительных работ и совершивших новое преступление, то 25% из них приходится на 15-летних учащихся подростков, 33% – на 16-летних, 42% – на 17-летних, из которых учились 25 и 60% соответственно. Таким образом, учитывая ст. 63 ТК РФ и п. 14 ст. 50 Закона РФ «Об образовании», можно сделать вывод, что для трудоустройства двух третей 16-летних и 40% 17-летних, совершивших новое преступление, законодательных препятствий не было. Для трудоустройства учащихся несовершеннолетних в возрасте от 15 до 17 лет необходимо было испрашивать согласие у самого подростка и его родителей (законных представителей), но этого ни судом при назначении исправительных работ, ни уголовно-исполнительной инспекцией при постановке осужденного на учет сделано не было. Исходя из этого, сложившуюся практику назначения несовершеннолетним исправительных ра-

бот и привлечения их к отбыванию данного наказания вряд ли можно считать удовлетворительной. В то же время следует учитывать и то, что в некоторых случаях уголовно-исполнительная инспекция не в состоянии это сделать из-за отсутствия в районе места жительства организаций, в которых несовершеннолетние могли бы работать. Прежде всего, это касается осужденных к исправительным и обязательным работам, особенно если речь идет о трудоустройстве в организациях, не являющихся государственными или муниципальными. Дело в том, что действующее законодательство предусматривает договорную форму взаимоотношений государственных и муниципальных органов с предприятиями, учреждениями и организациями иных форм собственности. Следовательно, утверждение главой органа местного самоуправления перечней организаций, на объектах которых могут отбываться обязательные и исправительные работы, должно предполагать заключение соответствующего договора с этой организацией. Практика привлечения осужденных к отбыванию обязательных и исправительных работ свидетельствует о том, что такие договоры практически не заключаются, что, в конечном счете, сужает круг объектов для отбывания этих наказаний, а значит, сокращает число занятых осужденных. Таким образом, в условиях конкуренции на рынке труда необходимо создание действующей системы квотирования рабочих мест для лиц, особо нуждающихся в социальной защите, к которым необходимо отнести и осужденных. В противном случае определенная часть людей не будет иметь средств к существованию, что, безусловно, в зависимости от личности осужденного может привести его к совершению нового преступления.

Установленные юридические основания привлечения осужденных к обязательным, исправительным и принудительным работам к труду не умаляют важности деятельности органа, исполняющего наказания, по своевременному привлечению осужденного к отбыванию наказания. Однако поскольку осуществление этих действий возможно только после поступления в уголовно-исполнительную инспекцию или исправительный центр (УФИЦ) соответствующего распоряжения суда с копией приговора (определения, постановления), постольку представляется целесообразным остановиться на вопросе о своевременности постановки осужденного на учет. Этот вопрос приобретет значение в случаях, когда со дня вступления приговора суда в законную силу и моментом его принятия к исполнению пройдет значительный промежуток времени. В условиях бесконтрольности осужденные могут не только стать на путь уклонения от исполнения предъявляемых к ним требований, но и вновь совершить преступление. Возможность возникновения подобной ситуации обусловлена, на наш взгляд, существующим пробелом в уголовно-процессуальном законодательстве, которое не устанавливает специального срока начала исполнения приговора. В соответствии с ч. 4 ст. 390 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) «приговор обращается к исполнению судом первой инстанции в течение трех суток со дня его вступления в

законную силу или возвращения уголовного дела из суда апелляционной или кассационной инстанции». Согласно ч. 1 ст. 391 УПК РФ, «определение или постановление суда первой или апелляционной инстанции вступает в законную силу и обращается к исполнению по истечении срока его обжалования в кассационном порядке либо в день вынесения определения суда кассационной инстанции». Определение или постановление суда, не подлежащее обжалованию в кассационном порядке, вступает в законную силу и обращается к исполнению немедленно (ч. 2 ст. 391 УПК РФ). Приговор (определение, постановление) суда принимается к исполнению уголовно-исполнительной инспекцией или администрацией исправительного центра в день его получения, о чем инспекция обязана немедленно сообщить в суд, постановивший приговор (ч. 5 ст. 393 УПК РФ). Изложенное свидетельствует о том, что, установив срок для обращения приговора (постановления, определения) суда к исполнению, обязав уголовно-исполнительную инспекцию или администрацию исправительного центра немедленно после получения приговора сообщить в суд о его исполнении, законодатель не учитывает то, что между моментами обращения приговора к исполнению и принятием его к исполнению может пройти достаточно длительное время, которое не только создает ранее описываемую ситуацию, но, в некоторых случаях, приводит к невозможности исполнения приговора по формальным соображениям. В связи с чем необходимо установить в уголовно-процессуальном законодательстве норму, предусматривающую промежуток времени между обращением приговора к исполнению и принятием его к исполнению. Кроме того, в Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации следует внести норму, предусматривающую административную ответственность за нарушения этого срока. Сформулированные предложения, в конечном счете, будут способствовать повышению эффективности назначенного наказания.

После постановки осужденного на учет уголовно-исполнительная инспекция или администрация исправительного центра обязана разъяснить ему «порядок и условия отбывания наказания, его права и обязанности, уточнить и проверить анкетные данные, выяснить сведения, имеющие значение для осуществления контроля за его поведением», о чем отбирается подписка. Особую важность этого правила нельзя недооценивать, поскольку осужденным должно быть известно об установлении за ними контроля.

Непременным условием привлечения осужденного к отбыванию обязательных работ является направление его в организацию для выполнения бесплатных общественно полезных работ. Уголовно-исполнительная инспекция направляет в организацию, в которой осужденный будет отбывать наказание, копию приговора (определения, постановления) суда и извещение. На практике администрация организации, в которой осужденный будет отбывать обязательные работы, заключает с ним трудовой договор. На наш взгляд, заключение срочного трудового договора с осужденным к обяза-

тельным работам противоречит действующему трудовому законодательству.

Во-первых, такой договор не будет соответствовать требованиям трудового законодательства по следующим основаниям:

- ст. 59 ТК РФ, содержащая перечень лиц, с которыми может быть заключен срочный трудовой договор, и другие федеральные законы не предусматривают возможности заключения срочного трудового договора с осужденными к обязательным работам;

- срочный трудовой договор – это разновидность трудового договора вообще, следовательно, он должен содержать существенные условия трудового договора, указанные в ст. 57 ТК РФ. Среди существенных условий трудового договора эта норма указывает на «условия оплаты труда (в том числе размер тарифной ставки или должностного оклада работника...)». Таким образом, трудовой договор вообще и срочный трудовой договор в частности могут быть только возмездными. Исходя же из буквы и духа уголовного и уголовно-исполнительного законодательства обязательные работы заключаются в выполнении именно бесплатных общественно полезных работ;

- трудовой договор, как и любой договор вообще, предполагает согласие работника на его заключение. Осужденный же к обязательным работам не может отказаться от заключения трудового договора.

Во-вторых, заключение срочного трудового договора не решит проблему возмещения вреда при причинении осужденному увечья, связанного с выполнением обязательных работ. Оно будет осуществляться не в рамках социального страхования, которое возможно не только при наличии страхового случая, заключенного трудового договора, но и при установлении факта уплаты страховых взносов в Фонд социального страхования из заработной платы лица. Как представляется, установить этот факт не представится возможным, поскольку заработная плата осужденным к обязательным работам не предусматривается законодательством. Поэтому наиболее приемлемым в анализируемом случае, является применение положений ст. 1064, 1084–1094 Гражданского кодекса Российской Федерации. Данный способ возмещения ущерба является универсальным, т.е. действует не только в отношении лиц, исполняющих обязанности по договору, но и в иных установленных законом случаях. Ответственность при этом будет возлагаться на причинителя вреда.

Вышеуказанные обстоятельства позволяют заключить, что основание возникновения отношений между организацией и осужденным по выполнению обязательных работ не должно быть облечено в форму трудового договора. Как представляется, это основание устанавливается не договором, а следующими актами:

- постановлением органа местного самоуправления, согласованным с уголовно-исполнительной инспекцией, которое включает данное предприятие в число объектов для отбывания обязательных работ;

- извещением уголовно-исполнительной инспекции с приложением копии приговора и табеля учета отработанного времени.

Основанием для направления осужденного на объект выполнения обязательных работ является предписание уголовно-исполнительной инспекции, представленное осужденным. После прибытия осужденного он закрепляется за определенным административным объектом. При этом администрация организации обязана:

- ознакомить осужденного под расписку с правилами внутреннего распорядка организации, техники безопасности и производственной санитарии;

- назначить сотрудника, осуществляющего контроль за выполнением осужденным обязательных работ. В обязанности этого сотрудника также входит ведение табеля учета отработанного времени и своевременное уведомление уголовно-исполнительной инспекции о количестве проработанных часов или об окончании осужденного от отбывания наказания;

- выдать осужденному наряд (наряды) на выполнение работ исходя из установленных нормативов.

Как известно, в настоящее время исправительные работы назначаются осужденному, как имеющему основное место работы, так и не имеющему его. При этом осужденный имеет право трудоустроиться самостоятельно вплоть до истечения срока его привлечения к отбыванию наказания, независимо от того, куда его направила уголовно-исполнительная инспекция для трудоустройства. Статья 39 УИК РФ определяет, что исправительные работы отбываются осужденным по основному месту работы, а осужденным, не имеющим основного места работы, в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями, но в районе места жительства осужденного. При этом осужденные к исправительным работам направляются для отбывания наказания не позднее 30 дней со дня поступления в уголовно-исполнительную инспекцию соответствующего распоряжения суда с копией приговора (определения, постановления). Кроме того, ст. 46 УИК РФ к нарушениям порядка и условий отбывания исправительных работ относит неявку осужденного на работу без уважительных причин в течение пяти дней со дня получения предписания уголовно-исполнительной инспекции. Следовательно, уголовно-исполнительная инспекция обязана направить на работу осужденного к исправительным работам, который не имеет основного места работы, не позднее чем на 30-й день со дня поступления соответствующих документов из суда, при этом для осужденного ответственность наступит лишь на 35-й день со дня поступления этих документов. Безусловно, указанные сроки являются предельными сроками, трудоустройство осужденного должно быть обеспечено не позднее их истечения, но единым для всех осужденных к исправительным работам, не имеющих работы, условием исполнения приговора (определения, постановления) суда является то обстоятельство, что они обязаны трудоустроиться в течение 5 дней с даты получения предписания. При этом независимо от наличия у осужденного основного места работы на момент привлечения его к отбыванию наказания, он имеет право трудоустроиться в указанный

период не только в той организации, куда направлялся, но и в любой другой организации по собственному выбору. При этом при самостоятельном трудоустройстве осужденного к исправительным работам в какую-либо организацию или предприятие внесение такого предприятия или организации в перечень мест для отбывания исправительных работ, утверждаемый главой органа местного самоуправления, не требуется.

Вместе с тем осужденный, не имеющий основного места работы, обязан трудоустроиться, получив основное место работы, так как удержания при исправительных работах производятся из заработной платы только по такому месту работы осужденного (ч. 2 ст. 44 УИК РФ). Иными словами, исполнение наказания в виде исправительных работ непосредственно связано с основной работой осужденного и соответствующей этой работе заработной платой. Все трудовые договоры, в том числе и контракты о государственной (муниципальной) службе, договоры о временной работе сроком до двух месяцев (Глава 45 ТК РФ), договоры о сезонной работе (Глава 46 ТК РФ), договоры о работе у работодателя – физического лица (Глава 48 ТК РФ), договоры о работе на дому (Глава 49 ТК РФ), договоры о дистанционной работе (Глава 49.1), где предусмотрена для конкретного лица продолжительность рабочего времени, не связанная с неполной, относятся к договорам по основному месту работы. При этом для определенных категорий работников (например, в возрасте до восемнадцати лет, инвалидов и т.д.) устанавливается сокращенная продолжительность рабочего времени (в соответствии со ст. 92 ТК РФ). Договоры с этим условием – это также договоры по основному месту работы. К этой же категории трудовых договоров относятся договоры с неполным рабочим временем для беременных женщин, родителей (опекунов, попечителей), имеющих ребенка в возрасте до четырнадцати лет (ребенка-инвалида в возрасте до восемнадцати лет), а также для лиц, осуществляющих уход за больным членом семьи, в установленных ст. 93 ТК РФ случаях [5. С. 121]. В иных случаях неполное рабочее время в соответствии со ст. 93 ТК РФ для осужденного к исправительным работам устанавливаться не может. Ведь на самом деле в случае, если осужденный трудоустроился на так называемые полставки, не имея на то оснований, предусмотренных ТК РФ, то в доход государства будет перечислена только половина тех денежных средств, которые предусмотрены приговором суда. Учитывая, что каких-либо иных способов исчисления срока исправительных работ, кроме времени работы осужденного и процента удержаний из его заработной платы в течение этого времени не существует, то наказание в этом случае, фактически, исполнено не будет, так как в доход государства не будет перечислена сумма, предусмотренная приговором. В то же время и перевод осужденного на неполный рабочий день с повышением его заработной платы, обеспечивающим ту сумму удержаний, которая осуществлялась бы при полном рабочем дне без такого перевода, не может быть осуществлен. Такие обстоятельства обусловлены тем, что исправительные работы связаны, прежде всего, с ос-

новным местом работы, т.е. с полной занятостью осужденного в течение рабочего времени (если сокращение этого времени не предусмотрено ТК РФ для этого осужденного), а в этой связи и с удержанием доли из его заработной платы в пользу государства.

Осужденный, не имеющий основного места работы, отбывает исправительные работы в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями, и в районе места жительства осужденного. К местам для отбывания исправительных работ относятся предприятия и организации любой формы собственности, не имеющие специальных требований к работникам (такие требования имеются, например, в правоохранительных органах). Вместе с тем в качестве мест для отбывания исправительных работ не могут рассматриваться и учреждения или организации, связанные с обслуживанием либо пребыванием детей (несовершеннолетних). При этом для органа местного самоуправления положениями ч. 1 ст. 39 УИК РФ устанавливается обязательное требование согласования мест для отбывания исправительных работ с подразделением уголовно-исполнительной инспекции, обслуживающим соответствующую территорию. По смыслу приведенной нормы в целях обеспечения исполнения исправительных работ на территории муниципального образования в перечень мест для отбывания исправительных работ должны быть включены фактически все предприятия и организации, расположенные в административных границах муниципального образования, независимо от наличия либо отсутствия вакансий на момент включения их в соответствующий перечень. При этом разрешение вопросов трудоустройства осужденных к исправительным работам в этих предприятиях или организациях относится сугубо к полномочиям уголовно-исполнительной инспекции.

Исходя из требований действующего законодательства Российской Федерации, каждый осужденный к принудительным работам обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных центров. Администрация исправительных центров обязана, исходя из наличия рабочих мест, привлекать осужденных к труду с учетом их пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья и (по возможности) специальности. Осужденные к принудительным работам привлекаются к труду в организациях любой организационно-правовой формы. Осужденные к принудительным работам привлекаются к труду в соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации, за исключением правил приема на работу, увольнения с работы, перевода на другую работу, отказа от выполнения работы, предоставления отпусков. Осужденный к принудительным работам не вправе отказаться от предложенной ему работы. В целях привлечения к труду осужденных к принудительным работам на базе имущества, предоставляемого в безвозмездное пользование организациями, использующими труд этих осужденных, могут создаваться участки исправительных центров, расположенные вне исправительных центров, но в пределах субъектов Рос-

сийской Федерации, на территориях которых они находятся. В этом случае между исправительным центром и организацией, использующей труд осужденных к принудительным работам, находящихся на участке исправительного центра, расположенном вне территории исправительного центра, заключается договор.

Не менее проблематичным является и привлечение к труду условно осужденных и условно-досрочно освобожденных. Как известно, в порядке ч. 5 ст. 73 УК РФ суд может возложить на условно осужденных и условно-досрочно освобожденных обязанности, связанные с трудом (работать, не менять место работы без уведомления уголовно-исполнительной инспекции). Однако в течение последних пяти лет прослеживается тенденция сокращения судебной практики возложения на условно осужденных и условно-досрочно освобожденных такого рода обязанностей. Среди некоторых практических работников бытует мнение о невозможности установления условно осужденным и условно-досрочно освобожденным данной обязанности, так как это противоречит требованиям международных правовых актов о запрете принудительного труда, а также Конституции Российской Федерации и ТК РФ. Проблема правоприменительной практики не является новой. Она обсуждалась, и по ней было принято обоснованное решение десять лет назад, когда были сформулированы убедительные аргументы в пользу соответствия рассматриваемой обязанности международным актам, которые не оспаривались тогда и не должны оспариваться сейчас судебной практикой [6. С. 16]. Таким образом, возложение на условно осужденных и условно-досрочно освобожденных обязанности работать не только соответствует закону, но и целесообразно с точки зрения оказания воспитательного воздействия на осужденных через трудовой коллектив.

Не менее важным в плане обеспечения трудовой деятельности осужденных без изоляции от общества является и контроль уголовно-исполнительных инспекций и администрации исправительных центров за исполнением осужденными своих обязанностей, в том числе связанных с трудом. Так, например, практически каждый осужденный к исправительным работам до совершения преступления нарушал установленный порядок отбывания этого наказания (не являлся на работу либо в уголовно-исполнительную инспекцию без уважительных причин, допускал прогул либо появлялся на работе в состоянии опьянения), совершал административные правонарушения. Уголовно-исполнительные инспекции после выявления указанных нарушений принимали имеющиеся в их распоряжении меры к этим осужденным (объявляли предупреждение о замене исправительных работ другим видом наказания, возлагали обязанность являться для регистрации, в установленном законом порядке направляли представление в суд о замене этого наказания), но их обеспечительный механизм оказался недостаточным. На наш взгляд, это обусловлено несовершенством действующего законодательства и деятельности уголовно-исполнительных инспекций.

Так, действующий УИК РФ не предусматривает важных средств обеспечения исполнения осужденным

порядка и условий отбывания исправительных работ (например, не позволяет инспекциям возлагать обязанности на осужденных при постановке на учет, как это было ранее), а также не предусматривает угрозу замены этого наказания осужденным:

а) систематически совершающим административные правонарушения против общественного порядка либо однородные с преступлениями, за которые лицо было осуждено;

б) уклоняющимся от постановки на учет либо от явки в уголовно-исполнительную инспекцию на регистрацию и не скрывающимся с места жительства.

Отсутствие у каждого третьего условно осужденного и условно-досрочно освобожденного от отбывания наказания постоянного источника дохода обусловлено не столько существующей безработицей, сколько отказом подучетных от предлагаемой работы. В связи с этим предлагается несколько направлений выхода из сложившейся ситуации.

Во-первых, следует предусмотреть возможность возложения обязанностей на условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания в течение испытательного срока судом по представлению уголовно-исполнительной инспекции.

Во-вторых, уголовно-исполнительная инспекция должна шире использовать возможность, которая уже предоставлена законом – входить в суд с представлением о возложении на условно осужденных обязанностей, связанных с трудом.

В-третьих, решение вопроса трудоустройства осужденных возможно только на законодательном уровне, поскольку правила об обязательном предоставлении рабочего места неработающему осужденному ныне действующее законодательство не закрепляет.

Вышеперечисленные недостатки требуют скорейшего устранения посредством внесения соответствующих изменений в законодательство и внедрения некоторых элементов социальной работы в деятельность уголовно-исполнительных инспекций. Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости создания на региональном уровне действенного механизма трудоустройства осужденных и закрепления в уголовно-исполнительном законодательстве средств, обеспечивающих исполнение осужденными требований предусмотренного для них порядка и условий исполнения (отбывания) – режима наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с лишением свободы.

Список источников

1. Конвенция № 29 МОТ от 28 июня 1930 г. «О принудительном или обязательном труде» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.09.2022).
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.09.2022).
3. Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда лиц моложе восемнадцати лет. Постановление Правительства РФ от 25 февраля 2000 г. № 163 (в ред. Постановления Правительства РФ от 20.06.2001 № 473) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.09.2022).
4. Лисаускайте В.В., Садовников М.В. Охрана прав несовершеннолетних и развитие альтернативного наказания: сравнительно-правовые аспекты / под ред. В.А. Уткина, Ф. Дюнкеля. Томск : Печатная мануфактура, 2008. 208 с.
5. Лебедев В.М., Агашиев Д.В., Белинин А.А. Трудовое право : [учебник для студентов вузов] / под ред. В.М. Лебедева. М. : НОРМА, 2011. 463 с.
6. Уткин В.А. Развитие альтернатив лишению свободы в рамках эксперимента // Содействие становлению механизма реализации альтернативных мер наказания в Российской Федерации : материалы междунар. семинара, Самара, 24–27 марта 2002 г. М., 2002. 86 с.

References

1. Consultant Plus. (2022) *ILO Convention No. 29 of June 28, 1930, "On forced or compulsory labor"*. Moscow: Consultant Plus. (Accessed: 15.09.2022). (In Russian).
2. Consultant Plus. (2021) *Labor Code of the Russian Federation of 30th December 2001 No. 197-FZ (as amended on 9th March 2021)*. Moscow: Consultant Plus. (Accessed: 15.09.2022). (In Russian).
3. Consultant Plus. (2001) *On approval of the list of hazardous types of work, prohibited for persons under the age of 18. Decree of the Government of the Russian Federation of 25th February 2000 No. 163 (as amended by Decree of the Government of the Russian Federation of 20th June 2001 No. 473)*. Moscow: Consultant Plus. (Accessed: 15.09.2022). (In Russian).
4. Lisauskayte, V.V. & Sadovnikov, M.V. (2008) *Okhrana prav nesovershennoletnikh i razvitie al'ternativnogo nakazaniya: sravnitel'no-pravovye aspekty* [Protection of the rights of minors and the development of alternative punishment: comparative legal aspects]. Tomsk: Pechatnaya manufaktura.
5. Lebedev, V.M. (ed.) (2011) *Trudovoe pravo: [uchebnik dlya studentov vuzov]* [Labor law: [textbook for university students]]. Moscow: NORMA.
6. Utkin, V.A. (2002) [Development of alternatives to imprisonment within the framework of the experiment]. *Sodeystvie stanovleniyu mekhanizma realizatsii al'ternativnykh mer nakazaniya v Rossiyskoy Federatsii* [Assistance in the formation of a mechanism for the implementation of alternative measures of punishment in the Russian Federation]. Proceedings of the International Seminar. 24–27 March 2002. Moscow. (In Russian).

Информация об авторе:

Ольховик Н.В. – доцент, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: lawtsu@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.V. Olkhovik, Docent, Cand. Sci. (Law), head of the Department of Criminal Law of the Law Institute of the National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: lawtsu@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 2.11.2022;
одобрена после рецензирования 15.11.2022; принята к публикации 12.12.2022.*

*The article was submitted 2.11.2022;
approved after reviewing 15.11.2022; accepted for publication 12.12.2022.*

Научная статья
УДК 343.8

doi: 10.17223/23088451/20/15

К ВОПРОСУ ОБ ОПЕРАТИВНО-РЕЖИМНЫХ МЕРАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ

Сергей Иванович Паканич

Вятский государственный университет, Киров, Россия, sergeipakanich@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются некоторые актуальные вопросы оперативно-режимных мер обеспечения личной безопасности осужденных, содержащихся в исправительных колониях. Актуальность изучения заявленных проблем обусловливается объективной необходимостью совершенствования российского законодательства и практики его применения в данной сфере, в том числе с учетом достижений зарубежных стран в этой области. Раскрываются некоторые проблемы обеспечения личной безопасности осужденных.

Ключевые слова: меры, оперативно-режимные меры, безопасность, личная безопасность осужденных, исправительные учреждения

Для цитирования: Паканич С.И. К вопросу об оперативно-режимных мерах обеспечения личной безопасности осужденных, содержащихся в исправительных колониях // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 91–96. doi: 10.17223/23088451/20/15

Original article
doi: 10.17223/23088451/20/15

ON OPERATIONAL REGIME MEASURES TO ENSURE THE PERSONAL SECURITY OF CONVICTS SERVING SENTENCES IN CORRECTIVE COLONIES

Sergei I. Pakanich

Vyatka State University, Kirov, Russia, sergeipakanich@mail.ru

Abstract. The article discusses some issues of ensuring operational regime measures to guarantee the personal safety of convicts held in corrective colonies at the present stage. The relevance of examining the stated issues is determined by the objective need to improve Russian legislation and the practice of its application in this area, including based on the achievements of foreign countries in this area. Operational regime measures to ensure the personal safety of convicts held in corrective colonies have an overt and covert character. From a practical point of view, it is advisable to study these measures taking into account the convicts' confinement conditions. To overcome the problems existing in this area, it seems necessary to create scientifically based standards for convicts' supervision with due regard to the principle of one employee for one detachment of convicts. As part of the training of penitentiary officers in educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia, more attention should be paid to the practical development of algorithms for ensuring the personal safety of convicts. There is a need to increase the number of safe places in the projects of correctional facilities of a united type planned within the framework of the Concept for the Development of the Penitentiary System of the Russian Federation for the Period up to 2030. The relevance of the problems listed above necessitates their further theoretical understanding and resolution in the norms of legislation and in the practice of its application.

Keywords: measures, operational regime measures, security, personal security of convicts, correctional facilities

For citation: Pakanich, S.I. (2022) On operational regime measures to ensure the personal security of convicts serving sentences in corrective colonies. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 20. pp. 91–96. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/20/15

Актуальность вопросов повышения эффективности обеспечения личной безопасности осужденных в период отбывания наказания обусловлена целями, которые закреплены в «Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года». В ней провозглашается дальнейшее совершенствование механизма обеспечения прав лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС РФ), обеспечения их безопасности [1]. На необходимость соблюдения

личной безопасности осужденных указывают международные стандарты обращения с заключенными [2, 3].

Вместе с тем в последние несколько лет наметился устойчивый рост преступности в исправительных учреждениях (ИУ). Так, например, в расчете на 1 000 человек в исправительных колониях (ИК) для взрослых осужденных он составлял: в 2017 г. – 1,75; в 2018 г. – 1,92; в 2019 г. – 2,34; в 2020 г. – 2,59; в 2021 г. – 2,77. В 2021 г. по сравнению с предыдущим годом более чем в 2 раза выросло количество убийств в данных учреждениях (с

5 до 11 случаев) [4]. Растет число осужденных с различными формами девиации [5. С. 3]. Широкий общественный резонанс получила публикация видеофайлов правозащитного проекта Gulagu.net в октябре 2021 г., на которых показаны случаи насилия в отношении осужденных со стороны сотрудников ИУ.

Приведенные факты, анализ пенитенциарной практики и научной литературы позволяют констатировать недостаточную эффективность обеспечения личной безопасности осужденных в ИУ. Это обстоятельство обуславливает необходимость выработки новых подходов в данном направлении с учетом складывающихся общественных отношений.

Важнейшее право осужденных на личную безопасность гарантируется целой системой правовых и организационных мер. В современных условиях к одним из наиболее эффективных мер обеспечения личной безопасности осужденных относятся режим отбывания наказания, постоянный надзор за ними, включая технические средства надзора и контроля, оперативно-розыскная деятельность оперативных аппаратов ИУ.

Следует отметить, что обеспечение личной безопасности осужденных как комплексная проблема ранее была рассмотрена в ряде монографических и диссертационных работ. Среди них можно выделить исследования П.С. Чуплыгина 1969 г., Е.М. Захцера 1973 г., А.Г. Перегудова 1981 г., М.А. Громова 1990 г., В.Н. Чорного 1999 г., Б.Б. Козака 2001 г., Д.И. Ивашина 2003 г., В.И. Утянского 2005 г., С.Б. Алексеева 2006 г., В.В. Кутковского 2006 г., Н.В. Мальцевой 2007 г., Е.К. Панасенко 2007 г., Н.Н. Карькиной 2010 г., А.Ф. Галузина 2011 г., С.О. Даниловой 2012 г., А.В. Кулакова 2019 г. Однако в настоящее время комплексных изысканий в сфере реализации оперативно-режимных мер обеспечения личной безопасности осужденных, содержащихся в ИК, и существующих в связи с этим проблем в современной российской науке уголовно-исполнительного права не проводилось.

Наиболее сложной и интересной в исследовании оперативно-режимных мер обеспечения личной безопасности осужденных в местах лишения свободы остается их классификация. При этом в основу классификации должны быть положены определенные признаки, критерии. Видимо, поэтому в юридической науке среди ученых нет единого мнения по этому вопросу.

В своем диссертационном исследовании Е.М. Захцер, исходя из внутренней ограничительной сущности и механизма действия средств, разделил их условно на четыре группы:

а) меры убеждения как совокупность воспитательных мероприятий, активно воздействующих на сознание и волю осужденных;

б) меры государственного принуждения, непосредственно направленные на воспрепятствование совершению нарушений, предупреждение правонарушений, а также на восстановление нарушенных норм;

в) прокурорский надзор, ведомственный контроль вышестоящих органов ФСИН России, судебный и общественный контроль;

г) оперативно-профилактическая работа, осуществляемая администрацией исправительного учреждения [6. С. 3–6].

Оперативно-режимные меры обеспечения личной безопасности осужденных в ИУ, как правило, связаны с предупреждением противоправных намерений каких-либо субъектов. С этой позиции П.Е. Чуплыгин выделяет меры гласного и оперативно-розыскного характера. Гласные – это те, которые используются для осуществления охраны, конвоирования осужденных и осуществления за ними надзора (специальный транспорт, инженерно-технические средства охраны и надзора, вооружение, служебные собаки). Среди оперативно-розыскных мер ученый отмечает оперативный учет, оперативную технику, цензуру корреспонденции и другие [7. С. 5–8]. Кроме того, в целом ряде исследований меры обеспечения личной безопасности осужденных с точки зрения правовой природы классифицируют подобным образом [8. С. 24; 9. С. 9–10].

Предложенные классификации довольно просты. Они широко распространены в научной и учебной литературе. Вместе с тем методы включенного наблюдения и интервьюирования показывают, что в практической деятельности сотрудники ИК классифицируют рассматриваемые меры в тесной взаимосвязи с условиями отбывания наказания осужденными. Подобная классификация обусловлена несколькими причинами.

Во-первых, в большинстве ИУ каждый из сотрудников оперативных и режимных служб закреплен за отдельными объектами. Эти объекты включены в его должностную инструкцию, и за обеспечение личной безопасности осужденных на них сотрудник несет персональную ответственность. При этом следует подчеркнуть, что чем «сложнее» объект обслуживания, тем наиболее опытный сотрудник закреплен за ним. Например, начальник оперативного отдела (старший оперуполномоченный) несет службу в карантинном отделении, где сосредоточиваются наиболее «неизученные» и «опасные» осужденные [10. С. 11, 22].

Во-вторых, в зависимости от условий содержания осужденных различно использование инженерно-технических средств охраны и надзора, а также тактика их применения (например, в помещениях строгих условий отбывания наказания видеонаблюдение охватывает все помещение, тогда как в отрядах осужденных повсеместно оно не используется) [12, 13]. Это позволяет более качественно осуществлять надзор за нарушителями установленного порядка отбывания наказания.

В-третьих, различна степень изученности осужденного. Чем больше осужденный провел времени в ИУ, тем большей информацией в отношении него располагают оперативно-режимные службы. Некоторые осужденные получают высокий уровень доверия со стороны администрации колонии. В современных условиях сокращения численности персонала УИС РФ [14] на них все больше возлагается задача самоуправления, в том числе задачи по поддержанию правопорядка в отрядах (особенно в вечернее и ночное время). Другие осужденные, наоборот, требуют особого внимания (так,

например, за лицами склонными к агрессии, устанавливается более высокая степень надзора, они ставятся на различные виды профилактических учетов) [15].

Следовательно, оперативно-режимные меры обеспечения личной безопасности осужденных в местах лишения свободы различаются в зависимости от условий их содержания. В этом нет ничего удивительного. Исторически ИУ было свойственно деление осужденных на категории, разряды, классы. Кроме того, деление на «уровни личной безопасности» осужденных характерно для зарубежных ИУ на современном этапе [16 С. 49; 17. С. 58–60]. На это обращают свое внимание и другие исследователи [18. С. 15–18]. При таком подходе администрация (прежде всего, оперативно-режимные службы) концентрирует свое внимание на наиболее «опасных» осужденных, от которых можно ожидать агрессии в отношении себя или окружающих.

Вместе с тем, несмотря на предпринимаемые меры со стороны государства по реформированию отечественной уголовно-исполнительной системы, при обеспечении личной безопасности осужденных в ИУ имеется ряд проблемных вопросов, которые носят длящийся характер, не решаются многие годы. Эти проблемы снижают эффективность осуществляемых в ИУ оперативно-режимных мер. Рассмотрим некоторые из них более подробно.

Согласно ст. 13 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, п. 185 Правил внутреннего распорядка ИУ, начальник учреждения либо лицо, его замещающее, при наличии угрозы личной безопасности осужденного принимает решение о его переводе в безопасное место [19]. В то же время в большинстве ИУ оборудовано всего несколько безопасных мест. Таким образом, в ряде учреждений с большим наполнением осужденных практически выполнить требования законодательства не представляется возможным. Выходом из сложившейся ситуации могло бы быть размещение осужденных в ИУ в одиночных камерах. Например, в голландских ИУ принцип «один заключенный – одна камера» действует на протяжении уже двух столетий. Однако при существующем финансировании УИС РФ вряд ли в ближайшие несколько лет подобный принцип удастся реализовать повсеместно. Вместе с тем в качестве эксперимента подобную модель можно реализовать в отношении несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях. Также следует увеличить количество безопасных мест в проектах ИУ объединенного типа, создание которых планируется в рамках «Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» [1, 20, 21].

Следующим проблемным вопросом остается снижение плотности надзора за осужденными в ИУ. Особенно остро эта проблема стоит в вечернее и ночное время, когда в учреждении остается только дежурная смена. Сокращение персонала УИС РФ привело к тому, что в указанное время надзор за осужденными в отрядах осуществляется, как правило, способом патрулирования и с использованием средств видеонаблюдения (вместо стационарного, как это было ранее). В резуль-

тате, несмотря на предпринимаемые усилия оперативно-режимных подразделений по выявлению лиц, склонных к правонарушениям, фактически в ночное и вечернее время они остаются без надзора. Это, безусловно, способствует снижению личной безопасности осужденных. Выходом из сложившейся ситуации могло бы быть закрепление в законодательстве принципа «одно помещение с осужденными – один сотрудник», включение в план надзора ИУ стационарных постов в каждом отряде осужденных. Считаем, что подобная организация надзора повысила бы дисциплинированность среди осужденных и их личную безопасность.

Помимо установки стационарных постов в отрядах осужденных важным фактором в обеспечении личной безопасности осужденных является соответствующая подготовка персонала ИУ. С положительной точки зрения следует отметить внедрение в образовательные программы высших учебных заведений ФСИН России учебной дисциплины «Обеспечение безопасности». Данная дисциплина была разработана с учетом примерной программы учебной дисциплины «Обеспечение безопасности», рассмотренной и одобренной на заседании учебно-методической секции уголовно-исполнительного права управления кадров ФСИН России (подсекция обеспечения режима и надзора, организации охраны и конвоирования), протокол № 8 от 27 сентября 2011 г., и требований Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по специальности «Правоохранительная деятельность». Вместе с тем, как показывает практика, подготовка в основном носит теоретический характер. Специальные алгоритмы действий сотрудников ИУ при обеспечении личной безопасности осужденных в учебных программах отсутствуют, в ходе занятий не отрабатываются. Основным алгоритмом при происшествии многие годы остается тезис «Доложи руководителю – действуй по его указаниям». Просчеты в подготовке и расстановке сотрудников УИС в ИУ подтверждают участвовавшие чрезвычайные происшествия. Так, например, только в августе 2022 г. в результате нападения на персонал исправительной колонии № 2 УФСИН России по Республике Калмыкия 1 человек погиб, 7 получили ранения [22], в СИЗО № 1 ГУФСИН России по Кемеровской области 2 сотрудника были захвачены в заложники [23].

В то же время в ряде зарубежных стран при подготовке сотрудников к работе в пенитенциарных учреждениях особое внимание уделяется отработке наиболее типичных ситуаций обеспечения личной безопасности осужденных с распределением ролей, времени, специальных средств. В этом направлении представляет интерес работа персонала США, Франции, Германии, Великобритании, Уэльса. В данных странах регулярно проводятся тренировки и учения среди сотрудников по пресечению групповых неповиновений, буйства, случаев обеспечения личной безопасности, неподчинения осужденных законным требованиям персонала. При этом тактика действий в условиях обострения оперативной обстановки предусматривает четкое распределение функций. Например, при пресе-

чении буйства в камере группа из 4–5 сотрудников действует следующим образом. После нескольких требований о прекращении противоправных действий группа внезапно врывается в камеру. Один сотрудник захватывает голову буйствующего осужденного, второй и третий – руки, четвертый блокирует ноги. Пятый сотрудник страхует остальных и надевает наручники. Перемещение данного осужденного осуществляется на специальных носилках с зажимами [24. С. 40].

Таким образом, оперативно-режимные меры обеспечения личной безопасности осужденных, содержащихся в исправительных колониях, имеют гласный и негласный характер. С практической точки зрения целесообразно изучать данные меры с учетом условий содержания осужденных. Для преодоления имеющихся

в данной сфере проблем представляется необходимым создание научно обоснованных нормативов надзора за осужденными с учетом принципа «один отряд осужденных – один сотрудник». В рамках подготовки сотрудников УИС в учебных заведениях ФСИН России следует уделить больше внимания практической отработке алгоритмов обеспечения личной безопасности осужденных. Существует необходимость увеличения количества безопасных мест в проектах ИУ объединенного типа, создание которых планируется в рамках «Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года». Актуальность перечисленных выше проблем обуславливает необходимость их дальнейшего теоретического осмысления и разрешения в нормах законодательства и практике его применения.

Список источников

1. Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.05.2022).
2. Минимальные стандартные правила в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) (приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 17 декабря 2015 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.05.2022).
3. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (Приняты 29.11.1985 Резолюцией 40/33 на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.05.2022).
4. Официальный сайт ФСИН России. URL: <https://fsin.gov.ru/statistics/> (дата обращения: 12.05.2022).
5. Кулаков А.В. Предупреждение преступного поведения осужденных с психическими девиациями в местах лишения свободы : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Краснодар, 2019. 26 с.
6. Захцер Е.М. Средства обеспечения режима в ИТК : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Томск, 1973. 26 с.
7. Чуплыгин П.С. Обеспечение режима лишения свободы в ИТУ: организационно-правовые вопросы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1969. 22 с.
8. Громов М.А. Обеспечение порядка и безопасности в исправительных учреждениях : учеб. пособие. Рязань : Ин-т права и экономики Минюста России, 2000. 154 с.
9. Васильев А.И., Маслихин А.В., Фелелов В.А. Средства обеспечения режима в ИТУ. Рязань, 1979. 46 с.
10. Сборник актуальных указаний ФСИН России (2003–2013 гг.). М. : Управление режима и надзора ФСИН России, 2013. 40 с.
11. Приказ Минюста РФ от 23.06.2005 № 95 (ред. от 15.08.2016) «Об утверждении Инструкции о надзоре за осужденными, содержащимися в воспитательных колониях Федеральной службы исполнения наказаний» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 30.
12. Приказ ФСИН РФ от 13.09.2005 № 759 (ред. от 25.08.2008) «Об утверждении норм положенности и нормативных сроков эксплуатации инженерно-технических средств охраны и надзора, норм расхода запасных частей и материалов для ремонта и эксплуатации, норм положенности электротехнического оборудования, измерительных приборов и средств защиты для территориальных органов, учреждений и подразделений территориальных органов ФСИН России» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.05.2022).
13. Приказ ФСИН РФ от 18.08.2006 № 574 «Об утверждении Руководства по технической эксплуатации инженерно-технических средств охраны и надзора, применяемых для оборудования объектов уголовно-исполнительной системы» // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2007. № 5–7.
14. Указ Президента Российской Федерации от 27.11.2015 № 577 (ред. 11.04.2022) «Об установлении штатной численности работников уголовно-исполнительной системы» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.05.2022).
15. Приказ Минюста России от 20.05.2013 № 72 (ред. 02.11.2018) «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы» // Российская газета. 2013. № 6095.
16. Макаров Д.Г. Особенности отбывания наказания и обеспечения безопасности в пенитенциарных учреждениях ФРГ на примере исправительного учреждения Брухзаль // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2012. № 9. С. 41–52.
17. Пархоменко А. Современный «Алькатрас» // Преступление и наказание. 2012. № 7. С. 58–60.
18. Малин П.М. Распределение осужденных к лишению свободы по уровням опасности как необходимое условие реализации международных стандартов по обращению с заключенными в исправительных учреждениях России // Вестник Владимирского юридического института. 2009. № 3. С. 15–18.
19. Приказ Министерства юстиции РФ от 16.12.2016 № 295 (ред. 22.09.2021) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.05.2022).
20. Уткин В.А., Киселёв М.В., Савушкин С.М. «Гибридные» и «мультирежимные» пенитенциарные учреждения: преимущества и риски // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 29. С. 103–113.
21. Савушкин С.М. Место учреждений объединенного типа в системе исправительных учреждений // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2021. № 4 (10). С. 72–77.
22. Осужденные убили инспектора и ранили семь сотрудников колонии в Калмыкии. URL: <https://www.kp.ru/online/news/4863656/> (дата обращения: 01.09.2022).

23. *Заключенные СИЗО в Кемерово взяли в заложники сотрудников ФСИН*. URL: https://vm.ru/news/990226-zaklyuchennyye-sizo-v-kemerove-vzyali-v-zalozhniki-sotrudnikov-fsin?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 01.09.2022).
24. *Пантелеев В.А.* Предупреждение и пресечение кризисных ситуаций в пенитенциарных системах зарубежных стран : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. Владимир, 2008. 72 с.

References

1. Consultant Plus. (2021) *Decree of the Government of the Russian Federation of April 29, 2021, No. 1138-r "On approval of the concept for the development of the penitentiary system of the Russian Federation for the period until 2030"*. Moscow: Consultant Plus. (Accessed: 12.05.2022). (In Russian).
2. Consultant Plus. (2015) *Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (Nelson Mandela Rules) (adopted by the Resolution of the UN General Assembly on December 17, 2015)*. Moscow: Consultant Plus. (Accessed: 12.05.2022). (In Russian).
3. Consultant Plus. (2022) *United Nations Standard Minimum Rules for the Administration of Juvenile Justice (Beijing Rules) (Adopted on November 29, 1985 by Resolution 40/33 at the 96th plenary meeting of the UN General Assembly)*. Moscow: Consultant Plus. (Accessed: 12.05.2022). (In Russian).
4. Official website of the Federal Penitentiary Service of Russia. [Online] Available from: <https://fsin.gov.ru/statistics/> (Accessed: 12.05.2022). (In Russian).
5. Kulakov, A.V. (2019) *Preduprezhdenie prestupnogo povedeniya osuzhdennykh s psikhicheskimi devitsiyami v mestakh lisheniya svobody* [Prevention of criminal behavior of convicts with mental deviations in places of imprisonment]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.
6. Zakhtser, E.M. (1973) *Sredstva obespecheniya rezhima v ITK* [Means of ensuring the regime in the corrective labor colony]. Abstract of Law Cand. Diss. Tomsk.
7. Chuplygin, P.S. (1969) *Obespechenie rezhima lisheniya svobody v ITU: organizatsionno-pravovye voprosy* [Ensuring the regime of imprisonment in the corrective labor colony: organizational and legal issues]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
8. Gromov, M.A. (2000) *Obespechenie poriadka i bezopasnosti v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh: ucheb. posobie* [Ensuring order and security in correctional institutions: textbook]. Ryazan: Institute of Law and Economics of the Ministry of Justice of Russia.
9. Vasil'ev, A.L., Maslikhin, A.V. & Fefelov, V.A. (1979) *Sredstva obespecheniya rezhima v ITU* [Means of ensuring the mode in the corrective labor colony]. Ryazan.
10. Federal Penitentiary Service of Russia. (2013) *Sbornik aktual'nykh ukazaniy FSIN Rossii (2003–2013 gg.)* [Collection of current instructions of the Federal Penitentiary Service of Russia (2003–2013)]. Moscow: Regime and Supervision Department of the Federal Penitentiary Service of Russia.
11. *Byulleten' normativnykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti*. (2005) Prikaz Minyusta RF ot 23.06.2005 № 95 (red. ot 15.08.2016) "Ob utverzhdenii Instruksii o nadzore za osuzhdennymi, soderzhashchimisya v vospitatel'nykh koloniyakh Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy" [Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of June 23, 2005, No. 95 (as amended on August 15, 2016) "On approval of the instruction on the supervision of convicts held in youth detention centers of the Federal Penitentiary Service"]]. 30.
12. Consultant Plus. (2008) *Order of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation of September 13, 2005, No. 759 (as amended on August 25, 2008) "On approval of the regulations and standard terms of operation of engineering and technical means of protection and supervision, consumption rates of spare parts and materials for repair and operation, regulations of electrical equipment, measuring instruments and protective equipment for territorial bodies, institutions and divisions of the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia"*. Moscow: Consultant Plus. (Accessed: 12.05.2022). (In Russian).
13. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noy sistemy*. (2007) Prikaz FSIN RF ot 18.08.2006 № 574 "Ob utverzhdenii Rukovodstva po tekhnicheskoy ekspluatatsii inzhenerno-tekhnicheskikh sredstv okhrany i nadzora, primenyaemykh dlya oborudovaniya ob"ektov ugovolno-ispolnitel'noy sistemy" [Order of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation of August 18, 2006 No. 574 "On approval of the guidelines for the technical operation of engineering and technical means of protection and supervision used for equipping objects of the penitentiary system"]]. 5–7.
14. Consultant Plus. (2022) *Decree of the President of the Russian Federation of November 27, 2015, No. 577 (as amended on April 11, 2022) "On the establishment of the regular number of employees of the penitentiary system"*. Moscow: Consultant Plus. (Accessed: 12.05.2022). (In Russian).
15. *Rossiyskaya gazeta*. (2013) Prikaz Minyusta Rossii ot 20.05.2013 № 72 (red. 02.11.2018) "Ob utverzhdenii Instruksii po profilaktike pravonarusheniy sredi lits, soderzhashchikhsya v uchrezhdeniyakh ugovolno-ispolnitel'noy sistemy" [Order of the Ministry of Justice of Russia of May 20, 2013, No. 72 (as amended on November 2, 2018) "On approval of the instruction for the prevention of offenses among persons held in institutions of the penitentiary system"]]. 6095.
16. Makarov, D.G. (2012) *Osobennosti otbyvaniya nakazaniya i obespecheniya bezopasnosti v penitentsiarnykh uchrezhdeniyakh FRG na primere ispravitel'nogo uchrezhdeniya Bruchsal* [Features of serving a sentence and ensuring security in penitentiary institutions of the Federal Republic of Germany on the example of the correctional institution Bruchsal]. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noy sistemy*. 9. pp. 41–52.
17. Parkhomenko, A. (2012) *Sovremennyy "Al'katraz"* [Modern "Alcatraz"]. *Prestuplenie i nakazanie*. 7. pp. 58–60.
18. Malin, P.M. (2009) *Raspredelenie osuzhdennykh k lisheniyu svobody po urovnym opasnosti kak neobkhodimoe uslovie realizatsii mezhdunarodnykh standartov po obrashcheniyu s zaklyuchennymi v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh Rossii* [Distribution of convicts sentenced to imprisonment according to levels of danger as a necessary condition for the implementation of international standards for the treatment of prisoners in correctional institutions in Russia]. *Vestnik Vladimirovskogo yuridicheskogo instituta*. 3. pp. 15–18.
19. Consultant Plus. (2021) *Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of December 16, 2016, No. 295 (as amended on September 22, 2021) "On approval of the internal regulations of correctional institutions"*. Moscow: Consultant Plus. (Accessed: 12.05.2022). (In Russian).

20. Utkin, V.A., Kiselev, M.V. & Savushkin, S.M. (2018) "Hybrid" and "Multiregime" Penal Institutions: Advantages and Risks. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 29. pp. 103–113. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/29/9
21. Savushkin, S.M. (2021) Mesto uchrezhdeniy ob"edinennogo tipa v sisteme ispravitel'nykh uchrezhdeniy [The place of institutions of the united type in the system of correctional facilities]. *Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikatsii rabotnikov FSIN Rossii*. 4 (10). pp. 72–77.
22. Kp.ru. (2022) *Osuzhdennye ubili inspektora i ranili sem' sotrudnikov kolonii v Kalmykii* [Convicts killed an inspector and wounded seven employees of a colony in Kalmykia]. [Online] Available from: <https://www.kp.ru/online/news/4863656/> (dta obrashcheniya: 01.09.2022).
23. Vm.ru. (2022) *Zaklyuchennye SIZO v Kemerovo vzjali v zolozhniki sotrudnikov FSIN* [Prisoners of a detention center in Kemerovo took the Federal Penal Enforcement Service officers hostage]. [Online] Available from: https://vm.ru/news/990226-zaklyuchennye-sizo-v-kemerove-vzjali-v-zolozhniki-sotrudnikov-fsin?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (Accessed: 01.09.2022).
24. Pantelev, V.A. (2008) *Preduprezhdenie i presechenie krizisnykh situatsiy v penitentsiarnykh sistemakh zarubezhnykh stran: ucheb. posobie* [Prevention and suppression of crisis situations in the penitentiary systems of foreign countries: textbook]. 2nd ed. Vladimir.

Информация об авторе:

Паканич С.И. – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности Юридического института Вятского государственного университета (Киров, Россия). E-mail: sergeipakanich@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.I. Pakanich, Cand. Sci. (Law), associate professor of the Department of Criminal Law, Procedure and National Security of the Law Institute of Vyatka State University (Kirov, Russia). E-mail: sergeipakanich@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.10.2022;
одобрена после рецензирования 31.10.2022; принята к публикации 12.12.2022.*

*The article was submitted 22.10.2022;
approved after reviewing 31.10.2022; accepted for publication 12.12.2022.*

Научная статья
УДК 343

doi: 10.17223/23088451/20/16

О ПРОБЛЕМАХ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Олег Николаевич Уваров

Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России, Томск, Россия, crim.just@mail.ru

Аннотация. Как знания о личности преступника, развитии преступности в целом уголовное право черпает в криминологии, так и знания о наказаниях, их возможностях, эффективности и, самое главное, историческом наличии и внутреннем содержании должны предоставляться уголовно-исполнительным правом, а уголовным, соответственно, восприниматься. В этом и видится прогрессивная эволюция уголовного и уголовно-исполнительного права, которые связаны неразрывно.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное право, преступление, наказание, криминология

Для цитирования: Уваров О.Н. О проблемах развития уголовно-исполнительного права // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 97–99. doi: 10.17223/23088451/20/16

Original article
doi: 10.17223/23088451/20/16

ON PROBLEMS OF PENAL LAW DEVELOPMENT

Oleg N. Uvarov

Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tomsk, Russia, crim.just@mail.ru

Abstract. Criminal law is obviously developing in a progressive manner in spite of everything. Penal law is currently maintaining the overall level of the system's organization, while in the historical aspect it is generally lowering this level. However, it is only progressive evolution that leads to an increase in the level of the system's organization. The word "regression" in this context can be used to refer to the absence of a really diverse, effective and logically complete system of penalties, both isolating the offender from society and involving direct interaction with society. In the author's opinion, criminal law gains knowledge about the offender's identity, the development of crime in general from criminology; penal law should provide knowledge about penalties, their capabilities, effectiveness, and, most importantly, historical presence and internal content, while criminal law should perceive this knowledge. This is the essence of the progressive evolution of criminal and penal law, which are inextricably linked.

Keywords: penal law, crime, punishment, criminology

For citation: Uvarov, O.N. (2022) On problems of penal law development. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 20. pp. 97–99. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/20/16

Говоря об истории развития уголовно-исполнительного права, его трансформации следует рассматривать исторические закономерности этого процесса. Прежде всего, здесь напрашивается термин «эволюция». Ведь эволюция (от лат. *evolutio* – развертывание) в широком смысле – синоним развития; процессы изменения (преимущественно необратимого), протекающие в том числе и в социальных системах. Эволюция может вести к усложнению, дифференциации, повышению уровня организации системы (прогрессивная эволюция) или же наоборот – к понижению этого уровня (регрессивная эволюция). Возможна также эволюция и при сохранении общего уровня или высоты организации системы (например, «застой») [1].

В свою очередь, «социальная эволюция» – понятие, используемое для обозначения социальных изменений,

совершающихся в обществе в ходе его исторического функционирования, связанного также и с прогрессом, и с регрессом, и с «застоем» [2].

Общество, развиваясь исторически, в любом случае обретает государственность. Факторы, которые обуславливают разнообразие государственных форм, могут быть различными. В целом они сводятся к конкретности, индивидуальности объективных условий, в которых осуществляется управление обществом. Поскольку каждое государство развивается в специфических конкретных условиях, оно имеет своеобразные политические формы. Следовательно, тип и форма государства соотносятся как содержание и форма, где определяющую роль играет, естественно, содержание (т.е. тип государства). Конкретная форма государства определяется его историческим типом [3. С. 35–38].

Одним из признаков государства всегда будет являться наличие публичного закона, права.

Поскольку общество эволюционирует совместно с государством, то неизбежна и эволюция права. Здесь также главенствуют общие правила эволюции, прослеживаются периоды как «правового спокойствия», так и вполне определенного регресса, связанного с неоправданной, с социальной точки зрения, жестокостью. Революционные периоды, которых России не удалось миновать, исходя из исторического опыта, безусловно влияли на внутреннее законодательство, однако следует особо отметить, что всегда новое законодательство России воспринимало опыт и передовые идеи старого, не взирая ни на что, по крайней мере, на уровне если не правоприменителей, то разработчиков и законодателей точно.

Наиболее предпочтительным способом развития российской правовой системы, безусловно, является не сопряженная с революционным насилием ее естественная эволюция – естественно-историческое, закономерное, непрерывно длящееся качественное и количественное изменение правовых средств, при котором происходит «развертывание», изменение всей правовой системы – от низшего к высшему, от простого к сложному, к более передовому и совершенному состоянию, способствующему более эффективному регулированию соответствующих общественных отношений [4].

Приспособление права к новому ритму непрерывного ускорения и обновления развития под влиянием научно-технического прогресса, прежде всего, проявляется в интенсификации генеральных тенденций правового развития – глобализации и дифференциации права.

Сегодня термин «глобализация», несмотря на разное его понимание и спорность концепций, его обосновывающих, уже прочно вошел в научный и практический лексикон. Если рассматривать глобализацию права как процесс развития, то можно выделить три основные его формы воплощения в праве: универсализация, интернационализация (транснационализация) и интеграция. Первое – это обобщение правовых понятий и подходов к правовому регулированию, их унификация, формирование правовых стандартов. Второе – распространение права вовне, выход его за рамки правовой системы одной страны. Третье – объединение или взаимопроникновение правовых систем, культур и отраслей права, вторичным продуктом которых должны становиться новые правовые комплексы [5].

Судьба права в целом – это судьба и его отраслей. Уголовное право, прежде всего, как материальное в рассматриваемом нами аспекте, никак не избежит общих тенденций эволюции. Уголовное право, между тем, воспринимается как крайне консервативная отрасль права, отражающая сложившийся опыт и традиции разрешения уголовно-правового конфликта. Это предопределяет бережное отношение к традициям, к постулатам уголовного права. Одновременно с этим большинством исследователей признается необходимость адаптации законодательства к стремительно изменяющейся жизни общества с целью адекватного сдерживания проявляющихся угроз [6].

Традиционными столпами уголовного права являются категории «преступление» и «наказание», отношение к которым определяло основные черты уголовной политики на всех этапах развития человечества. В силу логики развития первыми всегда нормативно оформлялись институты особенной части уголовного права, что обусловлено первоочередной потребностью в установлении запрещенных общественно опасных деяний, т.е. в закреплении системы нормативных предписаний, ограждающих государственную власть и ограничивающих произвол отдельных лиц [6].

Однако сегодня объективно существуют две проблемы создания современного, адекватно отражающего растущие угрозы обществу и государству уголовного закона. Первая – увеличение сроков лишения свободы, с точки зрения борьбы с преступностью, настолько малоэффективно, что никто в мире такое увеличение уже не воспринимает как меру противодействия преступности. Конструирование новых составов, которое ведется без какой бы то ни было криминологической проработки, также малоэффективно. Необходимо искать другие пути. Вторая проблема заключается в необходимости понять, с чем и с кем мы собираемся бороться [7].

Логично утверждать, что эволюция уголовного права – это не только система разработок в области преступности и представлений о ее будущем. Вопросы, связанные с тем, какое деяние считать преступным, а какое нет, вполне разрешимы методами современного представления об уголовном законодательстве и техникой современного законотворчества. Таким же образом, к сожалению, невозможно отозваться о наказании в уголовном законе, которое должно быть адекватным содеянному и, в то же время, достаточно индивидуальным и реально способствующим исправлению личности преступника. Современный арсенал наказаний представляет собой лишение свободы в различных ее формах от строгой изоляции (тюрьма, колония) до «свободного посещения» (колония-поселение, исправительный центр), при этом второе на современном этапе представляется и как лишение свободы (колония-поселение), и как «не лишение» (исправительный центр). Ключевым содержанием альтернативных лишению свободы наказаний, исключая штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград и ограничение по военной службе, является труд осужденного – обязательные и исправительные работы, при этом и в исправительном центре исполняются также работы, но принудительные. Нельзя не отметить, что достаточно активно применяемым в качестве альтернативы лишению свободы является условное осуждение. Оно традиционно универсально в плане возможностей ограничения прав осужденного и возложения на него обязанностей. При этом условное осуждение не относится к наказаниям, а часть его возможностей, связанных с ограничением свободы передвижения, приняло на себя достаточно недавно введенное наказание – ограничение свободы.

Кроме того, имеет место такой «шедевр» законодательства, как уголовное наказание в виде ареста, которое имеется, но содержание его до сих пор остается непостижимым.

Очевидно, что эволюция уголовного права идет в прогрессивном ключе, несмотря ни на что, а уголовно-исполнительное право эволюционирует в настоящее время на уровне сохранения общей высоты организации системы, а в историческом аспекте вообще движется к понижению этого уровня. Вместе с тем лишь прогрессивная эволюция ведет к повышению уровня организации системы. Регрессом условно здесь можно назвать отсутствие реально разнообразной, эффектив-

ной и логически завершенной системы наказаний, как изолирующих преступника от общества, так и предполагающих непосредственное взаимодействие его с обществом.

На наш взгляд, как знания о личности преступника, развитии преступности в целом уголовное право черпает в криминологии, так и знания о наказаниях, их возможностях, эффективности и, самое главное, историческом наличии и внутреннем содержании должны предоставляться уголовно-исполнительным правом, а уголовным, соответственно, восприниматься. В этом и видится прогрессивная эволюция уголовного и уголовно-исполнительного права, которые связаны неразрывно.

Список источников

1. *Философский энциклопедический словарь*. М. : Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.
2. *Социологическая энциклопедия* : в 2 т. / науч. ред. В.Н. Иванов (гл. ред.) и др. Т. 2: Н-Я. М. : Мысль, 2003. 861 с.
3. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М. : Юрист, 2004. 245 с.
4. Надежин В.И. Эволюция правовой системы в России (советский и постсоветский периоды) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 24 с.
5. Умнова-Конюхова И.А. Тенденции трансформации современного права под влиянием нового этапа научно-технического прогресса // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14, № 4. С. 40–57.
6. Маликов С.В. Эволюция уголовного права: от единой отрасли к подотраслям // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8, № 9А. С. 253–260.
7. Голык Ю.В. Борьба с преступностью как проблема // Преступность, уголовная политика, закон, Москва, 26–27 января 2016 года. М. : Общероссийская общественная организация «Российская криминологическая ассоциация», 2016. С. 9–13.

References

1. Il'ichyov, L.F. et al. (eds) (1983) *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
2. Ivanov, V.N. et al. (eds) (2003) *Sotsiologicheskaya entsiklopediya: v 2 t.* [Sociological encyclopedia: in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
3. Matuzov, N.I. & Mal'ko, A.V. (2004) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Yurist'.
4. Nadezhin, V.I. (2006) *Evolutsiya pravovoy sistemy v Rossii (sovetskiy i postsovetskiy periody)* [Evolution of the Legal System in Russia (Soviet and Post-Soviet Periods)]. Abstract of Law Cand. Diss. Nizhny Novgorod.
5. Umnova-Konyukhova, I.A. (2021) *Tendentsii transformatsii sovremennogo prava pod vliyaniem novogo etapa nauchno-tekhnicheskogo progressa* [Trends in the transformation of modern law under the influence of a new stage of scientific and technological progress]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*. 14 (4). pp. 40–57.
6. Malikov, S.V. (2018) *Evolutsiya ugovornogo prava: ot edinoi otrasli k podotraslyam* [The evolution of criminal law: from a single industry to sub-sectors]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*. 8 (9A). pp. 253–260.
7. Golik, Yu.V. (2016) [Fighting crime as a problem]. *Prestupnost', ugovornaya politika, zakon* [Crime, criminal policy, law]. Conference Proceedings. Moscow. 26–27 June 2016. Moscow: Russian Criminological Association. pp. 9–13. (In Russian).

Информация об авторе:

Уваров О.Н. — доцент, кандидат юридических наук, профессор кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы и правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России (Томск, Россия). E-mail: crim.just@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.N. Uvarov, Docent, Cand. Sci. (Law), professor of the Department of Execution of Sentences Not Related to Imprisonment and Legal Support for the Activities of the Penitentiary System of Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia (Tomsk, Russia). E-mail: crim.just@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.10.2022;
одобрена после рецензирования 31.10.2022; принята к публикации 12.12.2022.

The article was submitted 22.10.2022;
approved after reviewing 31.10.2022; accepted for publication 12.12.2022.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Научная статья
УДК 343

doi: 10.17223/23088451/20/17

О СУЩНОСТИ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО НАДЗОРА ПРОКУРАТУРЫ

Олег Викторович Воронин

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, crim.just@mail.ru

Аннотация. Пенитенциарный надзор прокуратуры представляет собой самостоятельный вид прокурорской деятельности, реализуемый в рамках различных отраслей и направлений деятельности отечественной прокуратуры. Он обладает собственным предметом надзора. Существует также специфика реализации правовых средств. Как отдельный вид деятельности он реализуется по следующим направлениям: прокурорский надзор за законностью пенитенциарной изоляции; участие прокурора в судебном рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора; участие прокурора в судебном рассмотрении и разрешении жалоб на действия и акты администраций органов и учреждений, исполняющих наказания, а также заявлений заключенных о компенсации за нарушение условий содержания под стражей или в исправительном учреждении; правозащитная прокурорская деятельность в местах пенитенциарной изоляции.

Ключевые слова: прокуратура, прокурорский надзор, пенитенциарный надзор, места лишения свободы, принудительная изоляция от общества

Для цитирования: Воронин О.В. О сущности пенитенциарного надзора прокуратуры // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 100–105. doi: 10.17223/23088451/20/17

Original article
doi: 10.17223/23088451/20/17

ON THE ESSENCE OF THE PENITENTIARY SUPERVISION BY THE PROSECUTOR'S OFFICE

Oleg V. Voronin

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, crim.just@mail.ru

Abstract. The penitentiary supervision by the prosecutor's office is an independent type of prosecutor activity implemented within the framework of various branches and activities of the national prosecutor's office. This supervision is enforced in the following areas: prosecutor's supervision over the legality of penal isolation; the prosecutor's participation in the judicial consideration of issues related to the execution of the sentence; the prosecutor's participation in the judicial review and resolution of complaints against the actions and acts of administrations of penal bodies and institutions, as well as applications from prisoners for compensation for violations of conditions of detention or confinement (in accordance with Article 12¹ of the Penal Code of the Russian Federation and Article 17¹ of the Federal Law of the Russian Federation On the Detention of Persons Suspected and Accused of Committing Crimes); prosecutor's activities on protecting human rights in places of penal isolation. The penitentiary supervision of the prosecutor's office is mainly enforced through the following branches: supervision over the enforcement of laws in general; supervision over the enforcement of laws by administrations of bodies and institutions that execute penalties and coercive measures imposed by the court, by administrations of detention facilities. Within each of these branches, the supervision is restricted by the appropriate limits on the circle of supervised persons, acts, and types of supervised activities. The legal means of the penitentiary supervision by the prosecutor's office are similar to the legal means of prosecutor's supervision and, in relation to the sphere of forced isolation from society, are fixed in both the Law on the Prosecutor's Office and other special laws. In this regard, the legal regulation of the implementation of legal means of penitentiary supervision takes place at the basic (general supervision) and special (branch) levels: Articles 33 and 34 of the Law on the Prosecutor's Office separately establish special legal means or reveal the specifics of the implementation of the general powers of the prosecutor in the exercise of supervision over the legality of involuntary isolation. The main specificity of the implementation of the legal means of the prosecutor's penitentiary supervision lies in its proactive nature and the prosecutor's authority and administration powers.

Keywords: prosecutor's office, prosecutor's supervision, penitentiary supervision, places of imprisonment, forced isolation from society

For citation: Voronin, O.V. (2022) On the essence of the penitentiary supervision by the prosecutor's office. *Ugolovna-ya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 20. pp. 100–105. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/20/17

Становление и развитие пенитенциарного надзора прокуратуры обусловлено развитием отечественной системы тюремного контроля. Отдельные элементы прокурорского наблюдения за местами заключения можно обнаружить уже в период петровских преобразований. В последующем с развитием идей гуманного отношения к заключенным тюремное наблюдение постепенно получает иное назначение: из средства присмотра за использованием подневольного труда заключенных оно перерождается в самостоятельную форму государственного контроля мест заключений. Совершенствование применения тюремного заключения, оптимизация управления местами заключения, а также развитие уголовного законодательства приводят к тому, что к концу XIX – началу XX в. в Российской империи начинает складываться публичный контроль мест заключения, включающий в себя в том числе прокурорский надзор. Возникнув как разновидность присмотра за предварительным заключением в рамках надзора за судебной деятельностью по разрешению уголовных дел, прокурорский надзор получает свое дальнейшее развитие в рамках «охранения общего благоустройства в губернии» и окончательно приобретает институциональное оформление после тюремной и судебной реформ середины XIX в. [1. С. 8–17].

После «александровских» реформ вмешательство прокуратуры в процесс исполнения принудительной изоляции во многом обуславливается судебно-уголовным направлением прокурорской деятельности, что придает ей ярко выраженный правовой характер. В свою очередь, развитие правовой составляющей служит предпосылкой для обособления прокурорского надзора в местах заключения в рамках сложившейся системы тюремного контроля. В этот период прокурорский надзор в местах заключения представляет собой обособленное направление прокурорской деятельности, предполагающей реализацию таких полномочий, как согласие на применение дисциплинарных мер, освобождение незаконно содержащихся под стражей, властно-распорядительные указания тюремной администрации и т.п. Именно с обретением правового характера деятельность прокурора в рамках тюремного контроля постепенно начинает приобретать самостоятельное надзорное содержание.

С возникновением и развитием иных видов контроля прокурорский надзор не только не ослабляет своей роли, но, наоборот, совершенствуется и расширяет свой предмет. К началу XX в. прокурорский надзор включает в себя такие направления, как наблюдение: за правильностью применения и исполнения предварительного заключения под стражу и лишения свободы; за тюремным управлением и местами заключения; а также обеспечение исполнения приговоров. В рамках этой деятельности прокурор контролирует дисциплинарную практику в отношении заключенных, наблюдает за соблюдением отдельных прав в ходе отбывания лишения свободы (на обращения, свидания и т.п.), обеспечивает исполнение приговоров и участвует в судебном разрешении вопросов, связанных с их исполнением.

Кроме того, прокурорский надзор обеспечивает единую государственную политику в сфере контроля мест заключения. В этой связи прокурор обладает широкими правовыми возможностями, включающими в себя помимо организационно-распорядительных также процессуальные возможности, связанные с инициированием и участием в уголовно-процессуальной деятельности по разрешению вопросов исполнения приговора. Кроме того, на прокурора возлагаются обязанности по обязательному участию в работе общественных и иных коллегиальных органов, осуществляющих контрольные, распорядительные и иные полномочия в местах заключения [1. С. 26–31].

В первые годы советской власти прокурорский надзор полностью утрачивает свое прежнее значение. Последующее возрождение и дальнейшее развитие советской прокуратуры как исключительно надзорного органа приводят к тому, что к началу 1980-х гг. прокурорский надзор обретает особое значение, в том числе в сфере надзора за местами содержания задержанных, предварительного заключения, а также при исполнении наказаний и иных мер принудительного характера, назначаемых судом. Прокурорский надзор в данной области превращается в отдельную самостоятельную отрасль. В таком виде он действует до начала 1990-х гг.

Формирование отечественного пенитенциарного надзора прокуратуры протекало в несколько этапов. Первый этап, хронологически обусловленный принятием Закона о прокуратуре 1992 г., характеризуется утратой прокуратурой исключительного положения в области контроля уголовно-исполнительной сферы и фактическим сужением предмета надзора по сравнению с прокурорским надзором в советский период. Второй связан с принятием Конституции РФ 1993 г. и ряда федеральных законов, усиливших судебный контроль сферы предварительной изоляции от общества. Началом третьего этапа послужило принятие новой редакции Закона о прокуратуре 17 ноября 1995 г. В этот период происходит дальнейшее изменение содержания надзорной деятельности прокуратуры с учетом положений Конституции РФ и измененного уголовно-исполнительного и уголовного законодательства. Четвертый связан с принятием Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) и появлением принципиально нового вида прокурорского надзора в уголовно-исполнительной сфере, для которого характерно сохранение прежней внешней формы прокурорского надзора с фактически новым содержанием надзорной деятельности. После принятия УИК РФ прокурорский надзор был ориентирован на наблюдение за деятельностью учреждений, исполнявших преимущественно меры изоляции от общества, и соблюдение прав лиц, находившихся в такой изоляции. Наконец, завершающий, пятый этап развития пенитенциарного надзора характеризовался формированием отдельного инструментария реализации прокурорских полномочий в условиях изменившегося уголовного и уголовно-исполнительного законодательства [1. С. 86–127].

Пенитенциарный надзор прокуратуры уже не является исключительной формой осуществления кон-

трольно-надзорной деятельности в уголовно-исполнительной сфере. В отличие от прежнего прокурорского надзора за законностью в местах лишения свободы, он обладает ограниченным содержанием и представляет собой лишь одну из форм осуществления контрольно-надзорной деятельности наряду с иными видами пенитенциарного контроля.

Отечественный пенитенциарный контроль можно отнести к традиционным национальным пенитенциарным контрольным системам. В этой связи, с одной стороны, он довольно консервативен (ибо носит исключительно публично-правовой характер, ориентирован в большей степени на управление пенитенциарной системой, сложно структурирован). С другой – внешне отвечает основным признакам современных пенитенциарных систем (открыт, многосубъектен, для него характерно наличие институтов судебного и общественного контроля, существуют возможности дальнейшего развития децентрализованного контроля негосударственных агентств) [2. С. 39].

Основным ядром отечественной системы пенитенциарного контроля выступает прокурорский надзор. Его определяющая роль заключается в охвате деятельности практически всех иных субъектов пенитенциарного контроля; в наличии надзорных средств по самостоятельному эффективному восстановлению нарушенной законности в местах принудительной изоляции, а также обширных процессуальных возможностей, реализация которых создает необходимый организационно-правовой фундамент для дальнейшей интеграции в национальную систему пенитенциарного контроля таких пока еще до конца не адаптированных институтов, как судебный и общественный пенитенциарный контроль. В этой связи в системе отечественного пенитенциарного контроля прокуратура выполняет три основные функции: обеспечивает соблюдение прав лиц, отбывающих пенитенциарную изоляцию; осуществляет надзор за большинством субъектов пенитенциарного контроля; интегрирует в единую систему прочих субъектов, напрямую не охваченных пенитенциарным надзором путем надзорной, процессуальной, координационной и иной деятельности.

Определяющее значение на становление отечественного пенитенциарного надзора прокуратуры оказало дальнейшее развитие уголовно-исполнительной и судебной систем. В первом случае таким трендом стала ориентированность пенитенциарной системы на консолидацию органов, исполнявших различные виды изоляции от общества, в одном ведомстве. Во втором, наоборот, – расширение сферы судебной защиты за счет включения в предмет судебного контроля разрешения практически любых вопросов, возникавших в ходе или в связи с отбыванием наказания, включая порядок и условия его отбывания, дисциплинарную практику и разрешение обращений.

Законность применения пенитенциарной изоляции, а также соблюдения прав лиц, ее отбывающих, служат основными задачами прокурорского пенитенциарного надзора. Нормативной правовой основой выделения прокурорского пенитенциарного надзора выступает

комплексная правовая общность пенитенциарного права, регулирующая правовые отношения, складывающиеся в сфере исполнения институциональной принудительной (пенитенциарной) изоляции в целях реализации уголовной политики. При этом содержание пенитенциарной изоляции образуют пенитенциарные меры.

Пенитенциарные меры в чистом виде (пенитенциарные меры в узком смысле) включают в себя: предварительное заключение и содержание под стражей (включая арест с целью обеспечения экстрадиции; заключение и содержание под стражей осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания; водворение и содержание военнослужащих на гауптвахтах в качестве мер предварительного заключения) и уголовные наказания, предполагающие изоляцию от общества. Пенитенциарные меры в широком смысле охватывают все виды уголовно-процессуального задержания, принудительное помещение и содержание в психиатрическом стационаре специального типа и психиатрическом стационаре специального типа с интенсивным наблюдением (включая краткосрочную принудительную изоляцию с целью обеспечения производства стационарной судебно-психиатрической экспертизы в данных учреждениях) и принудительные работы. В эту категорию также включаются: конвой, временное содержание в транзитно-пересылочных пунктах и конвойных помещениях, а также транспортировка заключенных в целях реализации принудительной изоляции.

Наличие отдельного предмета прокурорского надзора за законностью применения принудительных мер изоляции, назначенных в целях реализации уголовной политики, позволяет выделить в рамках соответствующих отраслей прокурорского надзора самостоятельный вид прокурорского надзора – пенитенциарный надзор прокуратуры. При этом он не образует отдельной отрасли, а представляет собой самостоятельный вид прокурорской деятельности, реализуемый в рамках различных отраслей и направлений деятельности отечественной прокуратуры. Прокурорский пенитенциарный надзор как отдельный вид деятельности реализуется по следующим направлениям:

- прокурорский надзор за законностью пенитенциарной изоляции;
- участие прокурора в судебном рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора;
- участие прокурора в судебном рассмотрении и разрешении жалоб на действия и акты администраций органов и учреждений, исполняющих наказания, а также заявлений заключенных о компенсации за нарушение условий содержания под стражей или в исправительном учреждении (в порядке ст. 12¹ УИК РФ и ст. 17¹ Федерального закона Российской Федерации «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»);
- правозащитная прокурорская деятельность в местах пенитенциарной изоляции.

Пенитенциарный надзор прокуратуры главным образом реализуется через такие отрасли, как надзор за исполнением законов и надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказания и назначенные судом меры принуди-

тельного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу. В рамках каждой из указанных отраслей он ограничен соответствующими пределами по кругу поднадзорных лиц, актов и видов поднадзорной деятельности.

Предметом пенитенциарного надзора прокуратуры в рамках надзора за исполнением законов охватывается деятельность:

- федеральных отраслевых органов исполнительной власти, исполняющих пенитенциарную изоляцию (их ведомственная принадлежность различна: Минюст России, ФСИН России, МВД России, Пограничная служба ФСБ России, Министерство обороны Российской Федерации, Минздрав России);

- органов контроля в системе вышеназванных органов и учреждений, должностных лиц указанных органов и учреждений;

- субъектов осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания.

В рамках специальной отрасли – прокурорского надзора за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказания и назначенные судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу – предмет надзора прокурора по кругу лиц включает в себя деятельность администраций пенитенциарных органов и учреждений, а также деятельность самих этих органов и учреждений.

Термин «администрация» в этом случае охватывает:

- руководителей органов и учреждений, исполняющих пенитенциарную изоляцию;

- руководителей структурных подразделений данных органов и учреждений;

- органы управления, контроля, безопасности, а также отдельные структурные подразделения, осуществляющие реализацию различных функций, возложенных на пенитенциарные органы и учреждения, в составе конкретных пенитенциарных органов и учреждений (различные отделы и прочие структурные подразделения);

- должностных лиц в составе данных органов, отделов и прочих структурных подразделений;

- должностных лиц пенитенциарных учреждений, обладающих правом принимать юридически значимые решения, касающиеся исполнения и отбывания пенитенциарной изоляции (начальники отрядов и т.п.).

В свою очередь, конкретный перечень органов и учреждений, охватываемый предметом пенитенциарного надзора прокуратуры в рамках специальной отрасли, включает в себя:

- исправительные учреждения различных режимов в системе ФСИН России, исполняющие уголовные наказания в виде лишения свободы;

- тюрьмы в системе ФСИН России;

- гауптвахты и дисциплинарные воинские части (отдельные дисциплинарные батальоны) в системе Минобороны России;

- изоляторы временного содержания (ИВС) в системе МВД России;

- специально оборудованные помещения (СОП) в системе Пограничной службы ФСБ России;

- следственные изоляторы (СИЗО) ФСИН России;

- исправительные центры (УФИЦ) ФСИН России;

- управления (главные управления) ФСИН России в субъектах Федерации;

- транзитно-пересыльные пункты при СИЗО и исправительных учреждениях ФСИН России;

- конвойные помещения судов (военных судов);

- психиатрические стационары специального типа (ПССТ) и психиатрические стационары специального типа с интенсивным наблюдением (ПССТИН) Минздрава России.

По кругу нормативных правовых актов пенитенциарный надзор прокуратуры ограничивается наблюдением за исполнением федеральных законов, иных нормативных правовых актов, приравненных по своей юридической силе к федеральным, а также подзаконных нормативных правовых актов, включая ведомственные, регулирующие в настоящее время исполнение мер принудительной изоляции. Таким образом, для пенитенциарного надзора прокуратуры характерны широкие пределы по кругу актов, охватывающие нормативные правовые акты, содержащие общепризнанные нормы (принципы) международного права, и заканчивая ведомственными нормативными правовыми актами – приказами соответствующих ведомств, подразделения которых исполняют пенитенциарную изоляцию.

По видам поднадзорной деятельности предмет пенитенциарного надзора ограничивается деятельностью указанных поднадзорных лиц, основанной на уголовно-процессуальных, уголовных и уголовно-исполнительных правоотношениях, возникающих в ходе и в связи с исполнением мер принудительной изоляции в целях реализации уголовной политики.

Правовые средства пенитенциарного надзора прокуратуры аналогичны правовым средствам прокурорского надзора и применительно к сфере принудительной изоляции от общества закрепляются как в Законе Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Законе о прокуратуре), так и ином специальном законодательстве. В этой связи правовое регулирование реализации правовых средств пенитенциарного надзора происходит на базовом – «общенадзорном» и специальном – отраслевом уровнях: ст. 33, 34 Закона о прокуратуре отдельно закрепляют специальные правовые средства или же раскрывают специфику реализации общих полномочий прокурора при осуществлении надзора за законностью принудительной изоляции.

Основная специфика реализации правовых средств пенитенциарного надзора прокурора заключается в его инициативном характере и наличии у прокурора властно-распорядительных полномочий.

В этой связи с целью повышения эффективности реализации правовых средств пенитенциарного надзора необходимо:

- перевести отдельные приемы реализации правовых средств в разряд полномочий путем закрепления

их в специальных положениях Закона о прокуратуре, регулирующих надзор за законностью принудительной изоляции (личный прием прокурором лиц, отбывающих принудительную изоляцию);

- придать отдельным общим полномочиям, используемым в ходе осуществления пенитенциарного надзора, характер специальных путем дублирования их в ст. 33 Закона о прокуратуре с учетом специфики надзора (проведение прокурорских проверок, рассмотрение и разрешение обращений и др.);

- уточнить в Законе о прокуратуре содержание отдельных специальных полномочий (требования прокурора и др.);

- оптимизировать формы и приемы реализации отдельных специальных правовых средств на уровне директив Генпрокуратуры России (проведение опроса лиц, прокурорских проверок, рассмотрение и разрешение обращений, истребование актов поднадзорных лиц и др.);

- устранить в уголовно-исполнительном законодательстве устаревшие положения, регулирующие осуществление прокурорского надзора (ст. 186 УИК РФ, санкционирование и дача согласия на совершение отдельных действий);

- предоставить прокурору право возбуждать дисциплинарные производства в отношении должностных лиц и сотрудников, осуществляющих обязанности по исполнению принудительной изоляции;

- предоставить прокурору исключительное право возбуждения уголовных дел как по фактам совершения преступлений в местах принудительной изоляции, так и в отношении любых субъектов (сотрудников, должностных лиц, осужденных, заключенных и т.п.), находящихся в указанных местах в силу решения судов или по служебной необходимости и совершивших преступления.

Организация пенитенциарного надзора строится на общих принципах организации и деятельности прокуратуры с учетом специфики надзора за законностью принудительной изоляции, заключающейся в отдельных особенностях их реализации, обусловленных широким подзаконным нормативным правовым регулированием и особым составом органов и должностных лиц прокуратуры, его осуществляющих.

Основные вопросы устройства пенитенциарного надзора разрешаются на уровне региональных прокуратур по зонально-предметному принципу с учетом приоритета территориального начала организации прокурорского надзора. Прокуратуры субъектов Российской Федерации выступают в роли основного звена, контролирующего осуществление пенитенциарного надзора. Такой подход – определяющий для всех региональных прокуратур и вытекает из требований действующего законодательства, регулирующего территориальные начала организации и деятельности уголовно-исполнительной системы и основные принципы организации контроля ее деятельности.

Оптимизация направлений осуществления пенитенциарного надзора обуславливается спецификой его предмета и заключается в определении, с одной стороны, оптимального, с другой – универсального содержа-

ния его структуры, необходимого для разработки соответствующих методик осуществления прокурорского надзора за законностью исполнения принудительной изоляции как в целом, так и для отдельных ее мер.

Упразднение специализированных прокуратур по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях в современных условиях представляется нецелесообразным. Они должны продолжить свою деятельность, но в реорганизованном виде на правах межрайонных пенитенциарных прокуратур с подчинением соответствующим прокурорам субъектов Российской Федерации. Кроме того, с целью повышения эффективности пенитенциарного надзора необходимо усилить взаимодействие специализированных прокуратур по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях с транспортными прокуратурами, дополнительно возложив на последних обязанности по осуществлению прокурорского надзора в ходе транспортировки лиц, находящихся в принудительной изоляции.

Одним из направлений пенитенциарного надзора прокуратуры служит участие прокурора в судебном рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, в рамках уголовного судопроизводства. В уголовно-процессуальных производствах, связанных с исполнением приговора, прокурор выполняет правообеспечительную функцию. Наличие отдельной уголовно-процессуальной функции позволяет признать за прокурором, участвующим в производствах по рассмотрению и разрешению вопросов исполнения приговора, статус самостоятельного участника судопроизводства, являющегося представителем государства.

Для повышения эффективности его участия в рассматриваемых производствах в уголовно-процессуальном законе необходимо придать ему статус обязательного участника в производствах, связанных с рассмотрением и разрешением вопросов, касающихся исполнения приговора. При этом необходимо также предоставить ему такие процессуальные возможности, как право инициировать уголовно-процессуальную деятельность, выступать с докладом, представлять документы, принимать участие в их исследовании, заявлять ходатайства.

Прокурорская правозащитная деятельность в местах пенитенциарной изоляции осуществляется в рамках основной отрасли – прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, а также специальной отрасли – прокурорского надзора за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания и назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу.

Предметом прокурорской правозащитной деятельности в местах пенитенциарной изоляции выступает обеспечение средствами прокурорского надзора соблюдения прав, свобод и законных интересов лиц, подвергнутых пенитенциарной изоляции. Обеспечение правового положения изолированных лиц сред-

ствами прокурорского надзора включает в себя надзор за соблюдением законности водворения и содержания этих лиц в местах пенитенциарной изоляции, а также надзора за соблюдением их прав и установленного порядка осуществления возложенных на них обязанностей.

Такие формы притязаний, как гражданские свободы и законные интересы, также обеспечиваются средствами прокурорского надзора, однако в специальном порядке: гражданские свободы изолированных лиц обеспечиваются аналогичном обеспечению прав порядке; законные интересы – путем отдельного прокурорского производства, где ключевым значением обладает этап надзора за надлежащим исполнением поднадзорным прокуратуре субъектом обязанности по созданию и выполнению зависящих от него условий для последующей реализации предоставленного изолированному лицу правовой возможности.

Прокурорский надзор за соблюдением установленного порядка реализации возложенных на изолированных лиц обязанностей, прежде всего, предполагает надзор за соблюдением запрета возложения иных, не предусмотренных законом обязанностей.

В рамках пенитенциарного надзора прокурор реализует правообеспечительную деятельность, не только осуществляя надзор за соблюдением прав изолированных лиц, но также надзирая за соблюдением порядка и условий содержания в местах принудительной изоляции, устанавливаемых в том числе ведомственными нормативными правовыми актами. В этой связи важное значение приобретает обеспечение реализации принципа законности в деятельности поднадзорных субъектов в части недопущения установления в ведомственных актах более низкого уровня регулирования правового положения изолированных лиц, чем того, которое предусмотрено законами.

Список источников

1. Воронин О.В. Становление пенитенциарного надзора в России: исторические аспекты. Томск : НТЛ, 2010. 144 с.
2. Воронин О.В. Пенитенциарный надзор. М. : Юрлитинформ, 2022. 200 с.

References

1. Voronin, O.V. (2010) *Stanovlenie penitentsiarnogo nadzora v Rossii: istoricheskie aspekty* [Formation of penitentiary supervision in Russia: historical aspects]. Tomsk: NTL.
2. Voronin, O.V. (2022) *Penitentsiarnyy nadzor* [Penitentiary supervision]. Moscow: Yurlitinform.

Информация об авторе:

Воронин О.В. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: crim.just@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.V. Voronin, Docent, Cand. Sci. (Law), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.10.2022;
одобрена после рецензирования 31.10.2022; принята к публикации 12.12.2022.*

*The article was submitted 22.10.2022;
approved after reviewing 31.10.2022; accepted for publication 12.12.2022.*

КРИМИНОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 343.1, 343.7, 343.72

doi: 10.17223/23088451/20/18

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ
И ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОВД РФ С РОСКОМНАДЗОРОМ**

Ольга Владимировна Ханинева

Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Краснодар, Россия, post_krdu@mvd.ru

Аннотация. В статье описываются основные проблемные вопросы взаимодействия подразделений органов внутренних дел Российской Федерации (ОВД РФ), задействованных в расследовании мошенничеств, совершенных посредством сети Интернет, с Роскомнадзором. Освещаются основные недочеты и неправильное толкование существующих нормативно-правовых актов Российской Федерации, регламентирующих полномочия Роскомнадзора, при направлении сотрудниками ОВД РФ запросов о предоставлении информации, имеющей значение для уголовного дела.

Ключевые слова: мошенничество, сеть Интернет, сайт, взаимодействие, запрос

Для цитирования: Ханинева О.В. Проблемные вопросы взаимодействия следственных и оперативных подразделений ОВД РФ с Роскомнадзором // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 106–110. doi: 10.17223/23088451/20/18

Original article
doi: 10.17223/23088451/20/18

**PROBLEM ISSUES OF INTERACTION BETWEEN INVESTIGATING AND OPERATIONAL DIVISIONS
OF THE RF INTERNAL AFFAIRS AGENCIES AND ROSKOMNADZOR**

Olga V. Khanineva

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia, post_krdu@mvd.ru

Abstract. The author analyzes the procedure and legal grounds for sending requests from law enforcement agencies involved in identifying, disclosing, and investigating fraud committed using information and telecommunication technologies to Roskomnadzor to obtain information relevant to the criminal case. The author also discusses the main shortcomings and misinterpretations of the current laws governing the interaction of these bodies and proposes ways to solve the problems.

Keywords: fraud, Internet, site, interaction, request

For citation: Khanineva, O.V. (2022) Problem issues of interaction between investigating and operational divisions of the RF Internal Affairs Agencies and Roskomnadzor. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 20. pp. 106–110. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/20/18

Тематика рассматриваемого вопроса еще долгое время не перестанет быть актуальной в связи с глобальной цифровизацией всех сфер жизнедеятельности общества, на которую с 2020 г., в том числе, повлияла пандемия новой коронавирусной инфекции во всем мире.

Российская Федерация оказалась в числе стран, в которых этот процесс произошел скачкообразно, что повлекло экстренную необходимость в освоении специалистами многих сфер новых для себя технологий, изучении способов работы с информацией и регламентирующей эту работу документацией и законодательства. В связи с чем не обошлось без наличия пробелов в знаниях и неправильного толкования существующих

нормативно-правовых актов должностными лицами, так или иначе связанными с рассматриваемой сферой жизнедеятельности общества.

Автор считает необходимым сделать в данной статье акцент на существующих недоработках во взаимоотношениях сотрудников правоохранительной сферы и общественных организаций, действующих в поле информационных технологий.

Рассмотрим данный вопрос на примере такого важного в деятельности правоохранительных органов элемента борьбы с преступностью, как взаимодействие следственных и оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации (ОВД РФ), в частности с Роскомнадзором, касающегося наиболее

актуального вида преступлений – мошенничеств, совершаемых с использованием средств связи, сети Интернет и информационно-телекоммуникационных технологий.

Подробно останавливаться на этом виде преступлений и способах его совершения не будем, так как многим они уже известны. Упомянем лишь, что при его совершении преступники продолжают использовать активнее всего возможности сети Интернет. Данный факт продолжает влиять на латентность преступлений, сложность их выявления, раскрытия и расследования возбужденных уголовных дел.

Итак, если по полномочиям, функциям и задачам следственных и оперативных подразделений ОВД РФ большему числу граждан известна информация, то по Роскомнадзору автор считает необходимым дать некие разъяснения.

Роскомнадзор (Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций) – федеральный орган исполнительной власти, в задачи которого входят надзор в сфере связи, информационных технологий и средств массовой информации (СМИ), а также надзор по защите персональных данных согласно закону и деятельность по организации радиочастотной службы. Служба подведомственна Минцифры России. Создана в декабре 2008 г. указом Президента России [1].

О деятельности известно, что в 2019 г. Роскомнадзором разработана Российская национальная система доменных имен [2]. По состоянию на 2021 г. Роскомнадзор обязывает переключать рекурсивные DNS-серверы российских интернет-провайдеров и организаторов распространения информации. Система расположена на MSK-IX и предназначена для обеспечения работы Российского сегмента сети Интернет в случае отключения или изоляции от глобальной сети.

В конце 2015 г. начала использоваться система «Ревизор» – это программно-аппаратный комплекс для осуществления мониторинга сайтов провайдерами и контроля соответствия локальной базы запрещенных сайтов и IP-адресов с реестром. Разработана компанией «МФИ Софт» по заказу Роскомнадзора. После внедрения в работу данной системы в 2017 г. произошел наибольший пик блокировки сайтов службой по решению судов в России [3].

Таким образом, исходя из целей и задач, поставленных перед Роскомнадзором, а также в связи с имеющимися полномочиями у данной организации, можно сделать вывод о том, что это организация, которая может выступать партнером при взаимодействии в борьбе с мошенничествами.

В результате совместной работы органы следствия и дознания могут направлять в Роскомнадзор запросы о предоставлении контактной информации в отношении владельцев интернет-ресурсов, сетевых адресов и электронных почтовых ящиков, а также по вопросам ограничения доступа к сайтам по различным причинам.

Однако автор считает, что некоторые моменты все же необходимо изучить детально, чтобы не переоце-

нить возможности Роскомнадзора по вопросам оказания помощи в борьбе с преступностью.

Так, в 2019 г. руководством указанной выше организации в адрес руководителей структурных подразделений системы МВД России было направлено несколько информационных писем, суть которых состояла в разъяснении функций и полномочий Роскомнадзора при исполнении запросов, поступающих из МВД РФ по расследуемым уголовным делам и материалам предварительной процессуальной проверки, в частности по мошенничествам.

В результате их изучения было установлено, что в Роскомнадзор, а также его территориальные органы периодически поступают запросы и представления территориальных подразделений МВД России о предоставлении контактной информации в отношении владельцев интернет-ресурсов, сетевых адресов и электронных почтовых ящиков, а также по вопросам ограничения доступа к сайтам в сети Интернет, содержащим запрещенную информацию.

В информационном письме указано, что сотрудниками правоохранительных органов неверно понимаются некоторые специализированные понятия, указанные в законодательстве, в связи с чем разъяснены их определения. Так, Роскомнадзор дал разъяснения, что в соответствии со ст. 8 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» [4] сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет может быть зарегистрирован как сетевое издание. Сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, не зарегистрированный в качестве средства массовой информации, средством массовой информации как таковым не является. Таким образом, данная регистрация является добровольной и остается на усмотрение владельца сайта. Законодательством Российской Федерации механизм обязательной регистрации интернет-ресурсов не установлен.

Из этого следует, что Роскомнадзор располагает сведениями официального характера относительно владельцев интернет-ресурсов, зарегистрированных в качестве средств массовой информации. В отношении незарегистрированных в качестве СМИ сайтов в сети Интернет Роскомнадзор официальными сведениями об их владельце не располагает.

Кроме этого, исходя из закрепленных законодательством полномочий, Роскомнадзор уполномочен осуществлять контрольно-надзорную деятельность за распространением информационных материалов (в том числе их мониторинг) в зарегистрированных в установленном законом порядке средствах массовой информации. С ними можно ознакомиться самостоятельно на официальном сайте Роскомнадзора: www.rkn.gov.ru/mass-communications/reestr/media/.

Из этого следует, что при возникновении необходимости узнать, относится ли интересующий правоохранительные органы сайт к официально зарегистрированным, по расследуемым уголовным делам, делам оперативного учета и материалам предварительной процессуальной проверки по фактам мошенничеств,

совершенных в сети Интернет, следователям и сотрудникам органа дознания перед составлением и направлением запросов в Роскомнадзор надлежит должным образом самостоятельно обращаться к открытой информации в имеющихся официальных источниках.

В том числе сведения об администраторе доменного имени и провайдере хостинга интернет-ресурса или его сетевом адресе можно уточнить через общедоступные справочные whois-сервисы (например, <https://2ip.ru>, <https://www.nameserver.ru/>, <https://1whois.ru> и др.). Кроме того, такую информацию возможно получить у регистратора соответствующего доменного имени. Администратором национальных доменов верхнего уровня «.RU» и «.РФ» является «Координационный центр национального домена сети Интернет» (<https://cctld.ru>).

Сведениями в отношении владельцев адресов электронной почты Роскомнадзор также не располагает. Поэтому при подготовке и направлении запросов инициатору следует понимать, что в целях получения данных, указанных интернет-пользователями при регистрации электронной почты, целесообразно обращаться к администрации интернет-ресурса, оказывающего такие услуги.

В контексте запросов, связанных с блокировкой сайтов в сети Интернет, содержащих противоправную информацию, также следует учитывать, что Роскомнадзор является уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим ограничение доступа к информации в сети Интернет в рамках реализации ст. 15.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [5].

Федеральный закон № 149-ФЗ гласит, что к основаниям внесудебного ограничения доступа, определенным ст. 15.1, относится только распространение:

- материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних;
- информации о способах изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, местах приобретения таких средств и культивирования наркосодержащих растений;
- информации о способах совершения самоубийств, призывов к совершению самоубийства;
- информации о деятельности по организации и проведению азартных игр и лотерей;
- информации о незаконной розничной продаже дистанционным способом алкогольной продукции.

Как можно видеть, ни один из пунктов не относится к расследуемым ОВД РФ способам мошенничеств. Поэтому требовать в направляемых запросах от Роскомнадзора заблокировать определенные интернет-сайты, посредством которых путем обмана и злоупотребления доверием похищались денежные средства под видом продаж товаров и услуг, некорректно.

Кроме того, решение о признании вышеуказанной информации запрещенной к распространению на территории Российской Федерации принимают уполномоченные Правительством Российской Федерации федеральные органы исполнительной власти согласно закрепленным за ними полномочиями (Роскомнадзор,

МВД России, Роспотребнадзор, ФНС России, Росалкогольрегулирование соответственно) [6].

Ограничение доступа к сайтам в сети Интернет в соответствии со ст. 15.1 Федерального закона № 149-ФЗ осуществляется также на основании решения суда о признании информации, содержащейся на интернет-ресурсе, запрещенной к распространению на территории нашей страны.

Приведем примеры некорректно составленных запросов в Росфинмониторинг, исполнить которые не представилось возможным по вышеуказанным причинам.

Так, в 2018 г. сотрудником отдела уголовного розыска Отдела полиции по Прикубанскому округу УМВД России по городу Краснодару по материалу предварительной процессуальной проверки по факту мошенничества в адрес руководителя Роскомнадзора направлен запрос. Согласно сведениям, указанным в запросе, гражданин П. заказал в сети Интернет на сайте info@gadget-awesome.ru и оплатил покупку мобильного телефона. В связи с вышеизложенным инициатор запроса просил руководителя Роскомнадзора рассмотреть вопрос о блокировке вышеупомянутого сайта с целью недопущения совершения аналогичных мошенничеств в отношении неопределенного количества граждан [7].

В 2019 г. следователь ОРПТО ОП по Центральному округу УМВД России по городу Краснодару при расследовании уголовного дела по факту мошенничества, совершенного посредством интернет-сайта «Телевизор.ру», направил запрос в Роскомнадзор с просьбой предоставить сведения о владельце данного интернет-сайта с указанием анкетных данных лица, дате регистрации и создания сайта, что не входит в полномочия указанной организации [8].

Кроме того, в ходе анализа данного обращения Роскомнадзора установлено, что в адрес указанной организации направляются представления о принятии мер по устранению обстоятельств, способствующих совершению преступления.

Так, в 2019 г. следователем СО Костромского ЛО МВД России на транспорте, в ходе расследования уголовного дела по ч. 4 ст. 159 УК РФ, в адрес руководителя Роскомнадзора было направлено такое представление, из содержания которого следует, что причиной, способствовавшей совершению мошенничества неустановленным лицом, стало то, что оно имело свободный доступ в сети Интернет к сайту «N.ru». Сайт использовался преступником для обмена текстовыми сообщениями с жертвами преступления и медиафайлами, содержащими фото несуществующих товаров и изделий. В качестве предложений по устранению причин и условий, способствовавших совершению преступлений, следователь предложил указать сотрудникам Роскомнадзора, отвечающим за данную линию работы, на «осуществление более жесткого контроля за электронными ресурсами, находящимися в свободном доступе и информации в них содержащейся» [9].

Исходя из проведенного анализа полномочий Роскомнадзора по исполнению запросов органов предварительного следствия и органов дознания, в том числе по уголовным делам о мошенничествах, совершен-

ных в сфере IT-технологий, можно сделать несколько выводов и практических рекомендаций, которые повлияют на качество уровня взаимодействия и профессионализма сотрудников полиции.

1. Необходимо совершенствование уровня профессиональных знаний и умений у сотрудников следственных и оперативных подразделений, задействованных в выявлении, раскрытии и расследовании мошенничеств рассматриваемой категории. В частности, изучение нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность Роскомнадзора.

2. На постоянной основе проводить занятия с личным составом по вопросам правильности заполнения запросов, направляемых в Роскомнадзор, с изучением структуры запроса, правильного указания наименования организации, адреса ее места нахождения и данных руководителя.

3. При направлении запросов по расследуемым уголовным делам и материалам предварительной процессуальной проверки по фактам совершения мошенни-

честв с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и сети Интернет, необходимо особое внимание уделять полномочиям Роскомнадзора, закрепленным в федеральном законодательстве, не ставить невыполнимые задачи и в связи с их неисполнением исключить факты направления необоснованных представлений. Это поможет сократить сроки ожидания ответов на некорректные запросы и принятые меры по представлениям, тем самым не нарушать принцип разумного срока уголовного судопроизводства, избегая необоснованных продлений сроков проверки и расследования уголовных дел.

4. Перед обращением в Роскомнадзор за получением сведений, имеющих значение для выявления, раскрытия и расследования мошенничеств, сотрудникам ОВД РФ необходимо самостоятельно проводить мониторинг доступной информации о полномочиях указанного органа, а также устанавливать верного исполнителя запросов провайдеров сети и владельцев интернет-сайтов и доменных имен.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 03.12.2008 г. № 1715. Kremlin.ru (3 декабря 2008). «О некоторых вопросах государственного управления в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.04.2022).
2. Об утверждении Положения о национальной системе доменных имен.rkn.gov.ru // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.04.2022).
3. РБК. Сетевой «Ревизор»: как работает система контроля за запрещенным контентом. URL: <http://www.rbc.ru> (дата обращения: 13.04.2022).
4. Федеральный закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.05.2022).
5. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.05.2022).
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 октября 2012 г. № 1101 «О единой автоматизированной информационной системе “Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено”» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.05.2022).
7. Архив уголовных дел Прикубанского районного суда г. Краснодара (дата обращения: 15.04.2022).
8. Архив уголовных дел Первомайского районного суда г. Краснодара (дата обращения: 21.04.2022).
9. Архив уголовных дел Костромского областного суда (дата обращения: 30.05.2022).

References

1. Consultant Plus. (2006) *Decree of the President of the Russian Federation of December 3, 2008, No. 1715 “On some issues of public administration in the field of communications, information technology and mass communications”*. Moscow: Consultant Plus. (Accessed: 13.04.2022). (In Russian).
2. Consultant Plus. (2006) *Approval of the Regulations on the National System of Domain Names*. Moscow: Consultant Plus. (Accessed: 13.04.2022). (In Russian).
3. RBK. (2022) *Network “Inspector”: how the control system for prohibited content works*. [Online] Available from: <http://www.rbc.ru> (Accessed: 13.04.2022). (In Russian).
4. Consultant Plus. (1991) *Federal Law of the Russian Federation of December 27, 1991, No. 2124-1 “On Mass Media”*. Moscow: Consultant Plus. (Accessed: 05.05.2022). (In Russian).
5. Consultant Plus. (2006) *Federal Law of July 27, 2006, No. 149-FZ “On Information, Information Technologies and Information Protection”*. Moscow: Consultant Plus. (Accessed: 05.05.2022). (In Russian).
6. Consultant Plus. (2012) *Decree of the Government of the Russian Federation of October 26, 2012, No. 1101 “On a unified automated information system Unified Register of the Domain Names, Website References and Network Addresses That Allow Identifying Websites Containing Information Circulation of Which Is Forbidden in the Russian Federation”*. Moscow: Consultant Plus. (Accessed: 05.05.2022). (In Russian).
7. Archive of Criminal Cases of the Pervomaisky District Court of Krasnodar. (Accessed: 15.04.2022). (In Russian).
8. Archive of Criminal Cases of the Pervomaisky District Court of Krasnodar. (Accessed: 21.04.2022). (In Russian).
9. Archive of Criminal Cases of the Kostroma Regional Court. (Accessed: 30.05.2022). (In Russian).

Информация об авторе:

Ханинева О.В. – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации (Краснодар, Россия). E-mail: post_krdu@mvd.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.V. Khanineva, senior lecturer, Department of Criminal Procedure, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnodar, Russia). E-mail: post_krdu@mvd.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 1.11.2022;
одобрена после рецензирования 17.11.2022; принята к публикации 12.12.2022.*

*The article was submitted 1.11.2022;
approved after reviewing 17.11.2022; accepted for publication 12.12.2022.*

УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Научная статья
УДК 343.13

doi: 10.17223/23088451/20/19

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СЛЕДСТВЕННЫХ ГРУПП, ФОРМИРУЕМЫХ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ
ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

Михаил Сергеевич Лубягин

Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия, lubyaginmichael@mail.ru

Аннотация. Исследованы особенности нормативной регламентации создания следственных групп в ряде европейских государств. Рассмотрен вопрос об эффективности и результативности совместных следственных групп в период с 2018 по 2020 г., приведены позиции различных европейских авторов относительно обеспечения деятельности указанных групп компетентными органами координационных европейских ведомств.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, следственная группа, совместные следственные группы, групповой метод расследования, правоохранительные органы, европейские государства, уголовно-процессуальное законодательство

Для цитирования: Лубягин М.С. О некоторых особенностях регламентации и деятельности следственных групп, формируемых в правоохранительных органах европейских государств // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 111–118. doi: 10.17223/23088451/20/19

Original article

doi: 10.17223/23088451/20/19

ON SOME FEATURES OF REGULATION AND ACTIVITIES OF INVESTIGATION TEAMS
FORMED IN THE LAW ENFORCEMENT AGENCIES OF EUROPEAN STATES

Mikhail S. Lubyagin

Baikal State University, Irkutsk, Russia, lubyaginmichael@mail.ru

Abstract. The author examines European states' criminal procedural and departmental laws that regulate the organization and implementation of the activities of investigation teams. He analyzes the positions of several scientists who have studied the organization of joint investigation teams in the territory of the European Union, reveals the distinctive features of the normative regulation of these teams' activities, investigates the significant differences in organizing investigation teams in European countries from a similar process under Russian criminal procedure laws. The author identifies the positive aspects in the organization and implementation of joint investigation teams' activities and some organizational and procedural shortcomings in the regulation of the activities. The author notes an aspect important at the present stage – the digitalization of criminal proceedings in the activities of the investigative authorities of European states. Separately, he discusses the positive aspects and some problems of organizing investigation teams in Sweden and Finland – European states that are not members of the European Union. The author proposes to consider the introduction of certain activities of investigative teams of European law enforcement agencies in the law enforcement practice of organizing activities of investigative teams of investigative agencies of the Russian Federation in order to increase the efficiency, objectivity, and quality of crime investigation.

Keywords: criminal proceedings, investigation team, joint investigation teams, group method of investigation, law enforcement agencies, European states, criminal procedure legislation

For citation: Lubyagin, M.S. (2022) On some features of regulation and activities of investigation teams formed in the law enforcement agencies of European states. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 20. pp. 111–118. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/20/19

Вопросы сравнительного правоведения на современном этапе имеют достаточно важное значение и приоритет исследования. При выработке новых концепций совершенствования законодательства российским законодателем в обязательном порядке должен учитываться правовой опыт других государств в целях выявления поло-

жительных аспектов в определенных отраслях права, а также с целью того, чтобы акцентировать внимание на тех или иных недостатках сложившегося правового регулирования тех или иных общественных отношений.

Исследование вышеотмеченных вопросов должно охватывать многие отрасли правового регулирования в

других государствах, в том числе и уголовно-процессуальную. В настоящем исследовании содержательная часть посвящена вопросам досудебного производства, а именно вопросу о коллегиальном расследовании преступлений, т.е. производству расследования следственными группами.

Безусловно, данный вид расследования преступлений является одним из эффективных правовых инструментов, используемых в целях противодействия организованной преступности, в частых случаях – транснациональной преступности. Указанные положения находят свое отражение в содержании научных работ ряда авторов, исследовавших вопросы теоретической и практической направленности, связанные с институтом производства предварительного следствия следственной группой в российском уголовном судопроизводстве (например, Б.А. Виктор [1], Д.А. Влезько [2], В.А. Расчетов [3], А.К. Савельев [4], М.М. Хамгоков [5], И.А. Цоколов [6], М.М. Шамсутдинов [7] и др.).

Цель настоящего исследования обусловлена необходимостью совершенствования процессуального порядка организации и деятельности следственных групп, создающихся в структуре следственных органов Российской Федерации, определением оптимизационных подходов, совершенствующих институт следственных групп в уголовном судопроизводстве в целом. Поставленная цель детерминирована обращением к сравнительному анализу порядка организации и деятельности следственных групп, формируемых в правоохранительных органах западных государств, исключительно с позиции уголовно-процессуальной науки в целях выявления определенных преимуществ, правовых пробелов и недостатков регламентации деятельности указанных групп для принятия во внимание данных аспектов при формировании российским законодателем национальных концепций, определяющих положения о совершенствовании деятельности следственных групп российских следственных органов.

Следует отметить, что в европейском правовом поле предусмотрено функционирование трансграничных координационных ведомств, к которым, прежде всего, следует относить Евроюст (European Union Agency for Criminal Justice Cooperation – Eurojust), а также Интерпол (International Criminal Police Organization) [8. Р. 4]. В случае создания совместных следственных групп (joint investigation team, JIT) в государствах Западной Европы их деятельность координируется Евроюстом. Более того, полномочными органами Евроюста, как отмечает Йохан де Витлаан, реализуется масштабное финансирование и обеспечение деятельности совместных следственных групп [8. Р. 6].

Так, в 2020 г. органами Евроюста была профинансирована деятельность 262 совместных следственных групп, при этом общая сумма финансирования, выделенная на обеспечение деятельности данных групп, составила более 1,46 млн евро. В отдельных случаях при решении вопроса о финансовом обеспечении деятельности совместных следственных групп привлекаются также специалисты соответствующего профиля из такого ведомства, как Европол (Europol Liaison Of-

ficer, ELO), которые организуют и разрабатывают совместные с Евроюстом программы финансирования деятельности следственных групп. Указанные положения свидетельствуют о серьезном подходе администрации как Евроюста, так и Интерпола, Европола и целого ряда государств Западной Европы к вопросу организации совместных межгосударственных следственных групп. При этом акцентируется внимание на важности результатов деятельности данных групп, направленных на реализацию усилий по противодействию организованной преступности.

Без сомнений, следует согласиться с мнением Марвина Клотера о том, что финансовая поддержка, оказываемая Евроюстом или другими агентствами Европейского союза (ЕС) совместным следственным группам, является важным преимуществом для национальных властей, поскольку позволяет снизить нагрузку расходов, понесенных в связи с транснациональным аспектом трансграничного сотрудничества [9. Р. 44].

Нормы национального уголовно-процессуального законодательства государств ЕС не определяют понятия «совместные следственные группы». Вследствие чего на основе правоприменительной практики следует под такими группами понимать коллегиальную организацию должностных лиц, как правило, следователей и прокуроров, действующих на основании соответствующего юридического соглашения между компетентными правоохранительными органами двух и более государств, деятельность которой связана с международным сотрудничеством в сфере уголовной юстиции, прежде всего, с расследованием тяжких и особо тяжких преступлений, часто совершаемых на территории двух и более государств.

Примечательной особенностью функционирования совместных следственных групп западных государств является то, что при создании указанных групп определяется и временной период их деятельности, который составляет от 12 до 24 месяцев. Следует подчеркнуть, что в том случае, если производство по уголовному делу было окончено, например, до истечения 12 месяцев, т.е. до минимального периода деятельности совместной следственной группы, не определены нормативные положения о том, будет ли расформирована данная группа.

Нормативной основой деятельности совместных следственных групп является Типовое соглашение о создании совместной следственной группы, утвержденное Резолюцией Европейского Совета от 22 декабря 2021 г. Данный акт предусматривает широкий спектр положений, связанных с вопросом создания, порядком организации совместных следственных групп государств ЕС.

Так, в соответствии со ст. 2 Типового соглашения основаниями для создания совместных следственных групп являются следующие обстоятельства:

- если компетентными органами установлен факт совершения особо опасных преступлений лицом (группой лиц) на территории нескольких государств ЕС;
- если характер преступлений обусловлен террористической направленностью и существует вероятность

того, что преступления также могут быть совершены лицами на территории как минимум двух государств ЕС;

– если в компетентные органы одного государства ЕС поступает запрос о помощи в расследовании уголовных дел по преступлениям от другого государства ЕС [9. Р. 25].

При этом заключительное основание предусматривает также заполнение сторонами (компетентными государствами ЕС) специальной формы, которая предусматривается положениями ст. 5 Типового соглашения. В указанной форме стороны должны изложить сведения о руководителях совместной следственной группы, которыми могут быть представители компетентных органов, участвующих в уголовных расследованиях, из правоохранительных органов государств ЕС, в которых данная группа создается; сведения обо всех членах, вовлекаемых в состав совместной следственной группы, с указанием имени, должности, звания, наименованием правоохранительного органа (или иного государственного учреждения), а также государства.

Обращаясь к статистическим сведениям, предоставляемым органами Евроюста, можно проследить тенденцию, обусловленную широким распространением практики, связанной с организацией совместных следственных групп в юрисдикции государств ЕС. Так, в 2018 г. была организована работа 150 новых совместных следственных групп, в 2019 г. число новых созданных совместных следственных групп составляло 167, а по состоянию на 2020 г. – 188. При этом увеличиваются и суммы финансирования, направленные на обеспечение деятельности совместных следственных групп. Так, на 2018 г. средства, выделенные Евроюстом на обеспечение деятельности совместных следственных групп, составили 1,2 млн евро, в то время как в 2020 г. – 1,46 млн евро. При этом органы Евроюста обеспечивают не только финансовую составляющую, а также и техническую – обеспечение следователей совместных следственных групп персональными компьютерами, факсами, принтерами, иными техническими устройствами, используемыми следователями, а также обширным спектром возможностей передовых цифровых технологий по криминалистическому сопровождению расследования преступлений [9. Р. 41–42].

Отдельным аспектом деятельности совместных следственных групп является вопрос развития цифрового уголовного правосудия. В 2020 г. в режиме онлайн-конференции состоялось 16-е ежегодное совещание национальных экспертов по вопросам деятельности совместных следственных групп, в ходе которого Татьяна Янцевиц, глава Секретариата по обеспечению деятельности совместных следственных групп, выступая со вступительным словом, отметила, что цифровизация правосудия должна быть направлена, прежде всего, на то, чтобы выработать условия, которые будут способны предоставлять правоприменителям (следователям, прокурорам, судьям) цифровые инструменты, необходимые им для еще более эффективной совместной работы. Дидье Рейндерс, еврокомиссар по вопросам уголовной юстиции, в свою очередь, подчеркнул, что судьи, следователи, прокуроры – все, кто работает

в сфере правосудия, должны противостоять вызовам XXI в.: это включает в себя целый новый мир искусственного интеллекта, который необходимо исследовать при полном соблюдении основных прав. Так, им были сформированы и предложены инновационные законодательные инициативы, связанные с разработкой программы Digital Justice (цифровое правосудие), которая предполагает: а) создание совместной цифровой платформы для совместной работы следственных групп; б) обмен цифровой информацией по уголовным делам о трансграничном терроризме, включая дальнейшее совершенствование Контртеррористического реестра Евроюста и структуры обработки данных [9. Р. 44–47].

Безусловно, тот факт, что вопросы развития и совершенствования цифровых технологий в сфере уголовного судопроизводства, в частности в деятельности совместных следственных групп, прорабатываются и активно внедряются в правоприменительную практику, характеризует институт совместных следственных групп исключительно с позиции активно развивающегося института, расширяющего свою применимость и в следственной практике государств – членов ЕС. В связи с этим нельзя не отметить, что правоприменительная и следственная практика российского уголовного судопроизводства, связанная с созданием и осуществлением деятельности следственных групп, также требует актуализации современных направлений развития цифрового сопровождения деятельности участников следственной группы. Подразумевается, что создание собственной национальной единой цифровой платформы деятельности следственных групп, во-первых, окажет продуктивное влияние на взаимодействие участников группы, в том числе на межведомственном уровне, определяя при этом повышение качества расследования наиболее сложных уголовных дел, а во-вторых, будет способствовать внедрению в деятельность следственной группы наиболее эффективных возможностей передовых технологий цифрового пространства, упрощая при этом производство следственных действий, оформления документов процессуального и ведомственного характера и пр.

Кроме того, необходимым представляется уделить внимание комплексу проблем правового и организационного характера, возникающих в процессе формирования и осуществления деятельности совместных следственных групп государств ЕС. Вопрос о группе проблем в деятельности совместных следственных групп был рассмотрен Марвином Клотером в своей научной работе, посвященной анализу эффективности организации совместных следственных групп между государствами ЕС. Так, он отмечал, что в Конвенции ЕС о взаимной правовой помощи отсутствует профессиональный взгляд на фактическую практику или препятствия для трансграничного (международного) сотрудничества правоохранительных органов в расследовании уголовных преступлений. Вместе с тем в системе европейского права одной из самых значимых проблем является гармонизация различных нормативных актов и правовых систем. Формирование политики ЕС харак-

теризуется как явление, происходящее в многоуровневой системе, в которой власть дифференцируется между различными субъектами, связанными между собой на разных уровнях [9. Р. 6–8].

Артур Бенц, в свою очередь, отмечает, что концепция правового сотрудничества государств ЕС включает в себя политические структуры и процессы, существующие между транснациональными, национальными и региональными институтами, а также между правительственными и неправительственными субъектами в системе взаимозависимостей [10. Р. 16].

В связи с этим организацию совместных следственных групп можно дифференцировать в зависимости от уровня сотрудничества:

1. Горизонтальное сотрудничество. Данный вид взаимодействия характеризуется созданием определенной следственной группы на основе двустороннего соглашения между компетентными органами государств ЕС.

2. Вертикальное сотрудничество. Данный вид правового взаимодействия имеет место, когда компетентные органы обращаются с соответствующим запросом об оказании помощи в органы Европола или Евроюста, должностные лица которых не наделены соответствующими компетенциями. Стоит отметить, что в данном случае органы Европола или Евроюста при удовлетворении запроса об оказании помощи формируют совместную следственную группу, которая в организационном смысле будет находиться в полном подчинении не национальным правоохранительным органам, а Европолу или Евроюсту.

3. Гибридное вертикальное сотрудничество. Данный вид сотрудничества является наиболее сложным по своей организационной структуре, так как подразумевает взаимодействие государств – членов ЕС и компетентных органов Европола или Евроюста. Как отмечает Марвин Клотер, политика безопасности при данном виде сотрудничества находит свое отражение в поле деятельности институтов на разных уровнях (европейском, национальном, региональном или местном) [10. Р. 31–32]. Более того, данный вид сотрудничества обуславливается большим числом субъектов с автономными и независимыми компетенциями и полномочиями, которые представляют, прежде всего, свои интересы. Поэтому система остается в хрупком балансе сил, который приводит к различному толкованию и применению правовых норм и систем [10. Р. 34].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что к положительным аспектам института совместных следственных групп следует относить факт законодательно-предусмотренной возможности организации данных следственных групп, что свидетельствует о широком и тесном правовом сотрудничестве государств, в том числе и в сфере уголовной юстиции. Вместе с тем нельзя не отметить факт проработки вопроса о финансировании деятельности совместных следственных групп со стороны органов Европола и Евроюста, что подчеркивает активные позиции данных органов, направленные на совершенствование усилий, в том числе трансграничного характера, по противодействию организованной преступности. Более того, следует отметить, что на основании

предусмотренной возможности организации совместных следственных групп следователи следственных органов государств ЕС ориентируются, прежде всего, на тесное взаимодействие и конструктивное сотрудничество, сосредоточивая синтез усилий на расследовании конкретного уголовного дела, минуя при этом формальные аспекты (составление запросов о правовой помощи, оформление сотрудничества на основе соглашения между государствами и пр.), что является несомненным преимуществом, определяющим в конечном итоге продуктивный результат, выраженный в установлении виновных в совершении преступлений лиц и привлечении данных лиц к мерам уголовной ответственности.

Также в процессе организации совместных следственных групп в государствах ЕС возникают и проблемы, обусловленные бюрократизмом, несогласованностью между должностными лицами компетентных правоохранительных органов, отсутствием нормативных положений, определяющих процессуальный статус должностных лиц и полномочия по руководству следственной группой. Как следствие из этого – волокита производства по уголовному делу, затягивание сроков предварительного расследования, вмешательство органов Европола и Евроюста во внутренние сферы отдельных государств, в определенной степени рассматриваемое как нарушение суверенитета. Приведенные последствия в своей совокупности сказываются непосредственно на самом процессе расследования, в связи с чем органам законодательной власти в государствах ЕС следует обратить внимание на выработку концепций нормативно-правового характера, направленных на ликвидацию вышеотмеченных проблем, и совершенствуя при этом процессуальный порядок организации и деятельности совместных следственных групп.

Отдельный интерес представляет исследование вопроса о порядке создания и деятельности следственных групп в таких государствах, как Швеция и Финляндия, так как в настоящее время эти государства не являются членами ЕС (по состоянию на июнь 2022 г. Королевство Швеция и Финляндская Республика официально не являются членами Европейского союза). Вследствие этого нормативное регулирование деятельности совместных следственных групп, применяемое Европолом, Евроюстом и рядом государств – членов ЕС, не распространяется на правоприменительную практику Швеции и Финляндии.

Деятельность следственных групп в Королевстве Швеция осуществляется на основании постановления Правительства Швеции от 19 декабря 2013 г. Принципиальное отличие института производства предварительного следствия следственными группами в Швеции от этого же института в российском уголовном судопроизводстве заключается в том, что самостоятельного следственного органа в данном государстве не предусмотрено. Все функции по осуществлению предварительного расследования возложены на прокуратуру Швеции [11. С. 31]. В связи с этим следует подчеркнуть, что в целях реализации объективного, независимого и прозрачного предварительного следствия целесообразно поручать расследование самостоятель-

ному следственному органу, как это предусмотрено по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации.

Прокуратура Швеции включает в свою структуру следственные органы, именуемые следственными департаментами. Каждый из таких департаментов закреплен на определенной территории в соответствии с государственным административно-территориальным устройством Швеции. Следственные департаменты, в свою очередь, подразделяются на специальные подразделения, осуществляющие производство расследования по соответствующим категориям уголовных дел. К таким специальным подразделениям относятся:

1. Национальное подразделение по борьбе с коррупцией.
2. Национальное подразделение по окружающей среде и борьбе с экологическими преступлениями.
3. Национальное подразделение по внутренней безопасности.
4. Национальное подразделение по преступлениям против личности.
5. Национальное подразделение по борьбе с международной и организованной преступностью.
6. Специальное подразделение по борьбе с преступлениями, совершаемыми судьями, полицейскими, прокурорами и другими субъектами государственных органов.

Формирование следственных групп в структуре следственных департаментов, находящихся в составе прокуратуры Швеции, осуществляется, как уже было отмечено ранее, на основании постановления Правительства от 19 декабря 2013 г. Однако стоит отметить, что данное постановление предусматривает только возможность организации следственных групп, деятельность которых должна быть направлена на расследование сложных, многоэпизодных преступлений, а нормы, непосредственно регулирующие деятельность следственных групп по расследованию, закрепляются на основании соответствующих приказов Генерального прокурора Швеции о создании определенной следственной группы в системе соответствующего следственного департамента и о поручении данной группе предварительного расследования. Нормативные положения данного приказа определяют цель, задачи каждой сформированной следственной группы, количество должностных лиц, вовлекаемых в состав следственной группы, закрепляют полномочия всех участников в составе следственной группы, а также регулируют правила производства следственных и розыскных действий [11. С. 31–32].

Примечательным является обстоятельство деятельности следственных групп следственных департаментов Швеции, связанное с тем, что деятельность таких групп не может быть прекращена без соответствующих оснований и приказа руководителя следственной группы и оканчивается исключительно после завершения производства по делу. В данном случае можно отметить существенное отличие от деятельности следственных групп, организуемых в следственных органах Российской Федерации, которое заключается в том, что состав определенной следственной группы может быть рас-

формирован еще до окончания производства предварительного следствия по уголовному делу, что, в свою очередь, в достаточной степени негативно и непродуктивно сказывается на самом процессе расследования.

Стоит подчеркнуть, что в соответствующем приказе об организации и деятельности следственной группы закрепляются предписания о запрете участникам группы на осуществление иной деятельности, которая не связана с целью и задачами следственной группы. Такие предписания распространяют свою силу, в том числе на расследование тех уголовных дел, которые находились в производстве у следователей, вошедших в состав следственной группы. В таком случае производство по данным уголовным делам принимается другими следователями, не входящими в состав какой-либо следственной группы.

Резюмируя исследование вопроса о порядке организации и деятельности следственных групп в Швеции, следует выделить положительные аспекты, к которым, прежде всего, относится факт законодательно предусмотренной возможности создания следственной группы, отраженной в соответствующих актах генерального прокурора, факт того, что состав следственной группы уполномочен на производство следствия по тому делу, производство которого было поручено следственной группе на основании соответствующего постановления, при этом отдельные положения указанного постановления определяют запрет на производство иных следственных действий, не связанных с производством уголовного дела, порученного следственной группе, что в значительной степени оказывает конструктивное влияние на процесс расследования, устанавливая нормы, которые ориентируют следователя – участника следственной группы на расследование того уголовного дела, которое было поручено следственной группе, в составе которой он находится. Отрицательным же аспектом является факт отсутствия самостоятельного следственного органа в Швеции. В данном случае следует сослаться на эффективность функционирования самостоятельного следственного органа в лице Следственного комитета Российской Федерации, который не только не входит в структуру органов прокуратуры России, но и в целом ни в одну из ветвей власти, а его сотрудники уполномочены производить следственные и иные процессуальные действия независимо от органов прокуратуры.

Иным образом представлено регулирование порядка организации и деятельности следственных групп по уголовному процессуальному законодательству Финляндской Республики. Объясняется это тем, что в системе законодательства Финляндии не представлено отдельного кодифицированного закона, регулирующего вопросы уголовного судопроизводства. Вопросы досудебного и судебного производства регулируются положениями множественных национальных законодательных и подзаконных актов, среди которых, например, Закон о расследовании преступлений, Закон о полиции, Постановление правительства о прокуратуре и ряд иных [11. С. 34].

Положения о порядке организации следственных групп также находят свое отражение в различных пра-

вовых актах. Так, например, во втором разделе Закона о расследовании преступлений закрепляются положения о процессуальном статусе и полномочиях главного следователя, в соответствии с которыми главный следователь может быть назначен начальником следователей либо группы следователей, занимающихся расследованием тяжких преступлений. Вместе с тем второй раздел Закона о расследовании преступлений определяет, что главный следователь принимает решение о координации уголовного расследования и может с этой целью отдавать приказы следователям, находящимся у него в подчинении. Кроме того, в третьем разделе вышеуказанного акта закрепляется, что следователь под руководством и надзором старшего следователя производит следственные и иные процессуальные действия, а также выполняет распоряжения, отданные главным следователем в отношении расследования дела.

В данном случае необходимо подчеркнуть, что вышеуказанные положения распространяют свою силу как на должностных лиц органов полиции, так и на должностных лиц органов прокуратуры в том случае, когда последние осуществляют предварительное расследование преступлений. Как подчеркивает И.И. Ситникова, по аналогии с законодательной и правоприменительной практикой Швеции в Финляндии также не предусмотрено функционирование независимого следственного органа, что, в свою очередь, может негативным образом сказываться на объективности, прозрачности предварительного расследования [11. С. 34]. Функции по предварительному расследованию преступлений в соответствии с национальным законодательством возлагаются в основном на полицию, а в отдельных случаях – на должностных лиц органов прокуратуры Финляндской Республики. К органам, осуществляющим предварительное расследование преступлений на территории Финляндской Республики, также относятся следственные органы пограничной службы, следственные органы таможенной службы и департаменты военной полиции.

Следует подчеркнуть, что нынешняя система функционирования финских следственных органов организована с 1997 г. в связи с проведением реформы предварительного следствия в стране [12. С. 168]. На тот момент в действие был введен новый законодательный акт – Кодекс уголовного судопроизводства, который, как отмечает Е.С. Клементьева, ввел в систему регулирования уголовно-процессуальных отношений определенный синтез одновременно нескольких национальных законодательных актов об уголовном судопроизводстве [13. С. 186]. В действительности введение указанного акта детерминировало некую оптимизацию в деятельности следственных органов, определив их независимость, что означает объективность и беспристрастность в проведении процесса расследования.

Порядок полицейского расследования определяется на основании соответствующих нормативных положений Закона о расследовании преступлений, а также положений Закона о полиции. В соответствии с данными положениями на полицию возложена совокупность полномочий по расследованию общеуголовных

преступлений. Вместе с тем четвертый раздел Закона о полиции предусматривает, что в случае расследования преступлений, представляющих особую сложность, к расследованию может быть привлечена группа следователей, руководителем которой является главный следователь, назначаемый из числа наиболее опытных и квалифицированных сотрудников.

Также следует обратить внимание на положения о сотрудничестве по вопросу совместного расследования преступлений правоохранительными органами Российской Федерации и Финляндии. Анализу данного вопроса посвящена работа К. Ярмо – следователя по экономическим преступлениям Центральной криминальной полиции Финляндии (г. Хельсинки). Так, он отмечает, что расследование в рамках совместной следственной группы в финско-российском сотрудничестве трансформируется в параллельное расследование. Основная концепция данного расследования заключается в том, что компетентный орган одного государства (России или Финляндии) осуществляет оперативно-розыскные мероприятия или расследование на территории своего государства и при этом содействует расследованию компетентного органа другого государства [14. С. 43]. В правоприменительной практике, обусловленной реализацией данного вида сотрудничества российского и финского государств, это означает, что финский правоохранительный орган проводит предварительное расследование в соответствии с действующим национальным законом, определяющим правила производства данного расследования, а российский правоохранительный орган осуществляет оперативно-розыскные мероприятия в рамках Федерального закона об оперативно-розыскной деятельности [14. С. 41]. По мнению К. Ярмо, приведенная форма сотрудничества характеризуется высокой степенью продуктивности, так как граждане каждой страны могут быть привлечены к уголовной ответственности по законодательству государства своего гражданства [14. С. 50].

Между тем нельзя не отметить те случаи правоприменительной практики, когда следственные группы организованы в системе органов прокуратуры финского государства. В структуре Генеральной прокуратуры Финляндской Республики функционирует специализированный орган – отдел по расследованию правонарушений полиции при Генеральной прокуратуре. В организационной структуре данного отдела предусмотрено функционирование постоянно действующей следственной группы, в состав которой входят прокуроры, на постоянной основе реализующие функции руководителей расследования уголовных дел, связанных с расследованием преступлений, совершенных и совершаемых сотрудниками финской полиции. Порядок организации данных следственных групп предусмотрен положениями Закона о прокуратуре. Так, в соответствии с девятым разделом Закона о прокуратуре по уголовным делам, возбуждаемых в отношении должностных лиц полиции, прокурор осуществляет расследование по таким уголовным делам, начиная от стадии досудебного расследования, доводя до судебного разбирательства. При осуществлении уголовного

преследования в отношении подозреваемых по уголовным делам о преступлениях, совершаемых сотрудниками полиции, организуется группа следователей, возглавляемая прокурором.

Согласно информации, предоставляемой на ознакомление на официальном сайте Национальной прокуратуры Финляндской Республики, по всей стране около двадцати специально подготовленных прокуроров возглавляют расследование уголовных дел, связанных с преступлениями сотрудников полиции. В связи с этим необходимо также подчеркнуть, что прокурор, возглавляющий группу следователей, слагает свои полномочия по завершению расследования, поскольку поддержание обвинения на стадии судебного разбирательства будет осуществляться другим прокурором [14. С. 57].

Стоит отметить, что функционирование специальных следственных групп, организуемых в структуре Генеральной прокуратуры финского государства, осуществляется исключительно для борьбы с должностными преступлениями, совершаемыми сотрудниками национальной полиции. Данные следственные группы реализуют свои полномочия независимо от каких-либо государственных органов власти, других правоохранительных ведомств, не вступают в связи по международному сотрудничеству в сфере уголовного преследования и подчиняются напрямую и исключительно руководителю отдела по расследованию неправомерных действий полиции при Генеральной прокуратуре. Понимается, что подобная структурная и процессуальная организация коллегиальности в производстве по уголовным делам, вследствие ориентированности на объективность и независимость производства следственных действий и принятия решений по уголовным делам, может характеризоваться высокой эффективностью и продуктивностью в сфере уголовного судопроизводства в целом, представляя идеальную процессуальную модель следственной группы.

Таким образом, исследование вопроса об особенностях порядка функционирования следственных групп в европейских государствах позволяет сделать следующие

выводы. Несомненно, значительным преимуществом в процессе осуществления совместного расследования в юрисдикции государств ЕС является законодательно предусмотренная возможность создания совместных следственных групп. Более того, как отмечалось ранее, значительную поддержку деятельности данных групп, в том числе финансовую, оказывают соответствующие органы Евроюста и Европола, являющиеся координационными ведомствами при разрешении вопросов о создании, руководстве деятельностью совместных следственных групп. Несмотря на положительный правовой опыт деятельности данных групп по борьбе с организованной преступностью, имеют место и некоторые организационные проблемы, порождающие своего рода волокиту по уголовным делам, несогласованность действий между руководителями национальных следственных органов, нарушение координации в распределении полномочий указанных руководителей, что негативным образом сказывается на процессе расследования в целом. В таких государствах, как Швеция и Финляндия, также предусмотрен вид коллегиального, группового расследования преступлений, которому в целом на основании исследованных положений следует дать положительную оценку.

К недостаткам следует, конечно же, отнести тот факт, что в системе правоохранительных органов Швеции и Финляндии не предусмотрено функционирование самостоятельного, независимого следственного органа, что в определенной степени может оказывать влияние на объективность расследования, ставя при этом под вопрос как качество произведенного расследования, так и прозрачность всех следственных действий. Кроме того, подразумевается, что положения, предусматривающие активное развитие, совершенствование и внедрение передовых информационных технологий, используемых при расследовании преступлений, в том числе следственной группой, целесообразно было бы также ввести в правоприменительную практику следственных органов Российской Федерации.

Список источников

1. *Викторов Б.А.* Бригадный метод расследования и другие процессуальные вопросы // Библиотека криминалиста. 1991. № 1. С. 14–21.
2. *Влезько Д.А.* Проблемы организационных функций начальника следственного отдела в расследовании : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. 310 с.
3. *Расчетов В.А.* Зарождение, формирование и развитие отечественных следственных органов: периодизация отечественного процесса // Genesis: исторические исследования. 2017. № 4. С. 68–82.
4. *Савельев А.К.* Процессуальные и организационно-тактические проблемы расследования сложных и многоэпизодных дел : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1999. 410 с.
5. *Хамгоков М.М.* Производство предварительного следствия следственной группой : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 320 с.
6. *Цоколов И.А.* Процессуальные и криминалистические особенности расследования преступлений следственной и следственно-оперативной группы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 175 с.
7. *Шамсутдинов М.М.* Производство предварительного следствия следственной группой: Процессуальные, управленческие и тактико-психологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2005. 265 с.
8. *Wittlaan de J.* Eurojust // The Hague. 2015. P. 1–11.
9. *Klother M.* Joint Investigation Teams – problems, shortcomings and reservations // Universiteit Twente Enschede. 2014. 53 p.
10. *Benz A.* Politik in Mehrebenensystemen // Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH. Wiesbaden, 2009. 257 S.
11. *Ситникова И.И.* Судебная система Финляндии // Российский юридический журнал. 2012. № 5. С. 31–35.
12. *Жданов И.Н., Кортунов М.П.* Реформа предварительного расследования в Финляндии // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 1. С. 167–174.

13. Клементьева Е.С. Правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений в Финляндии // Вестник экономической безопасности. 2020. № 6. С. 184–186.
14. Ярмо К. Сотрудничество правоохранительных органов Финляндии и России: вопросы совмещения национальных правовых норм // Insight. 2017. № 7. С. 42–59.

References

1. Viktorov, B.A. (1991) *Brigadnyy metod rassledovaniya i drugie protsessual'nye voprosy* [Brigade method of investigation and other procedural issues]. *Biblioteka kriminalista*. 1. pp. 14–21.
2. Vlez'ko, D.A. (2002) *Problemy organizatsionnykh funktsiy nachal'nika sledstvennogo otdela v rassledovanii* [Problems of organizational functions of the head of the investigative department in the investigation]. Law Cand. Diss. Krasnodar.
3. Raschetov, V.A. (2017) *Zarozhdenie, formirovanie i razvitie otechestvennykh sledstvennykh organov: periodizatsiya otechestvennogo protsessa* [The origin, formation and development of domestic investigative bodies: periodization of the domestic process]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 4. pp. 68–82.
4. Savel'ev, A.K. (1999) *Protsessual'nye i organizatsionno-takticheskie problemy rassledovaniya slozhnykh i mnogoepizodnykh del* [Procedural and organizational-tactical problems of investigating complex and multi-episode cases]. Law Cand. Diss. Volgograd.
5. Khamgokov, M.M. (2009) *Proizvodstvo predvaritel'nogo sledstviya sledstvennoy gruppoy* [Carrying out a preliminary investigation by an investigative group]. Law Cand. Diss. Krasnodar.
6. Tsokolov, I.A. (2001) *Protsessual'nye i kriminalisticheskie osobennosti rassledovaniya prestupleniy sledstvennoy i sledstvenno-operativnoy gruppy* [Procedural and forensic features of the investigation of crimes by investigative and investigative-operational groups]. Law Cand. Diss. Moscow.
7. Shamsutdinov, M.M. (2005) *Proizvodstvo predvaritel'nogo sledstviya sledstvennoy gruppoy: Protsessual'nye, upravlencheskie i taktiko-psikhologicheskie aspekty* [Carrying out a preliminary investigation by an investigative group: Procedural, managerial and tactical-psychological aspects]. Law Cand. Diss. Izhevsk.
8. de Wittlaan, J. (2015) *Eurojust*. The Hague. pp. 1–11.
9. Kloth, M. (2014) *Joint Investigation Teams – problems, shortcomings and reservations*. Universiteit Twente Enschede.
10. Arthur Benz. (2009) *Politik in Mehrebenensystemen*. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH.
11. Sitnikova, I.I. (2012) *Sudebnaya sistema Finlyandii* [Judicial system of Finland]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 5. pp. 31–35.
12. Zhdanov, I.N. & Kortunov, M.P. (2016) *Reforma predvaritel'nogo rassledovaniya v Finlyandii* [Reform of the preliminary investigation in Finland]. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyy protsess*. 1. pp. 167–174.
13. Klement'eva, E.S. (2020) *Pravovoe regulirovanie ugolovno-protsessual'nykh otnosheniy v Finlyandii* [Legal regulation of criminal procedure relations in Finland]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 6. pp. 184–186.
14. Yarmo, K. (2017) *Sotrudnichestvo pravookhranitel'nykh organov Finlyandii i Rossii: voprosy sovmeshcheniya natsional'nykh pravovykh norm* [Cooperation between law enforcement agencies of Finland and Russia: issues of combining national legal norms]. *Insight*. 7. pp. 42–59.

Информация об авторе:

Лубягин М.С. – аспирант кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Института юстиции Байкальского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: lubyaginmichael@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.S. Lubyagin, postgraduate student, Baikal State University (Irkutsk, Russia). E-mail: lubyaginmichael@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022;
одобрена после рецензирования 3.11.2022; принята к публикации 12.12.2022.

The article was submitted 28.10.2022;
approved after reviewing 3.11.2022; accepted for publication 12.12.2022.

Научная статья
УДК 343.829

doi: 10.17223/23088451/20/20

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ ОТ ПЫТОК, ДРУГОГО ЖЕСТОКОГО ИЛИ УНИЖАЮЩЕГО ДОСТОИНСТВО ОБРАЩЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

Андрей Анатольевич Павленко

Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России, Томск, Россия, a.pav@list.ru

Аннотация. Проводится сравнительно-правовой анализ законодательства об исполнении наказаний стран постсоветского пространства в сфере защиты осужденных к лишению свободы от пыток и приравненных к ним мер. Исследование проведено по ряду критериев, отражающих различные аспекты указанных гарантий. Формулируются предложения по совершенствованию российского уголовно-исполнительного законодательства.

Ключевые слова: осужденные, пытки, насилие и другое жестокое или унижающее человеческое достоинство обращение, система международно-правовых гарантий защиты от пыток и приравненных к ним мер стран постсоветского пространства, национальный превентивный механизм

Для цитирования: Павленко А.А. Законодательные гарантии защиты осужденных к лишению свободы от пыток, другого жестокого или унижающего достоинство обращения в постсоветских государствах // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 119–129. doi: 10.17223/23088451/20/20

Original article

doi: 10.17223/23088451/20/20

LEGISLATIVE GUARANTEES FOR THE PROTECTION OF PERSONS SENTENCED TO IMPRISONMENT FROM TORTURE AND OTHER CRUEL OR DEGRADING TREATMENT IN THE POST-SOVIET STATES

Andrey A. Pavlenko

Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tomsk, Russia, a.pav@list.ru

Abstract. The article presents a comparative legal analysis of the penal laws of the post-Soviet states on legal guarantees for the protection of persons sentenced to imprisonment from torture and similar treatment. The basis of the study is the elements of the system of international legal guarantees: material, procedural, and institutional. The discrepancy between the wording of international standards and Russian regulatory legal acts regarding the prohibition of torture and similar treatment is evaluated. The study is carried out according to a number of criteria reflecting various aspects of these guarantees: terminology, localization of the guarantees in the structure of codes, determination of the place of these guarantees in the system of the rights of convicts, fixation of the national preventive mechanism in the law. The similarities and differences of the penal law of the post-Soviet states are revealed. Proposals are formulated to improve Russian laws.

Keywords: convicts, torture, violence and other cruel or degrading treatment, system of international legal guarantees of protection from torture and equivalent measures in post-Soviet states, national preventive mechanism

For citation: Pavlenko, A.A. (2022) Legislative guarantees for the protection of persons sentenced to imprisonment from torture and other cruel or degrading treatment in the post-Soviet states. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 20. pp. 119–129. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/20/20

Общепризнанной юридической гарантией защиты прав человека в пенитенциарных учреждениях является законодательный запрет пыток, насилия и другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения с осужденными (далее – пыток и приравненных к ним мер). Данный запрет является абсолютным, он относится к фундаментальным правилам международного публичного порядка и является императивной нормой (*jus cogens*).

Система международно-правовых гарантий защиты от пыток и приравненных к ним мер включает в себя, по нашему мнению, три группы документов, содержащие материальные (формально-юридические), процессуальные и институциональные предписания.

Первую группу источников составляют международные документы, содержащие формально-юридические запреты применения пыток и приравненных к ним мер. К таковым относятся положения ст. 5 Всеоб-

щей декларации прав человека (принята 10.12.1948 резолюцией 217А (III) Генеральной Ассамблеи ООН) и ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. (принят 16.12.1966 резолюцией 2200 (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН, далее – МПГПП), содержащие тождественные требования: «Никто не должен подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению или наказанию». В эту же группу входят и положения Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (принят резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17.12.1979), статья 5 которого содержит более детализированную форму рассматриваемого запрета: «Ни одно должностное лицо по поддержанию правопорядка не может осуществлять, подстрекать или терпимо относиться к любому действию, представляющему собой пытку или жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство виды обращения и наказания, и ни одно должностное лицо по поддержанию правопорядка не может ссылаться на распоряжение вышестоящих лиц или такие исключительные обстоятельства, как состояние войны или угроза войны, угроза национальной безопасности, внутреннюю политическую нестабильность или любое другое чрезвычайное положение для оправдания пыток или других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания».

Необоснованность ссылок на исключительные обстоятельства как оправдание пыток, закрепленное в указанном Кодексе, также предусматривается и п. 2 ст. 4 МПГПП, отражающей его характер *jus cogens*: «...отступление от положений ст. 7 недопустимо ни при каких обстоятельствах, включая и ситуации чрезвычайного положения». Обозначенные требования были подтверждены Комитетом по правам человека ООН в Замечании общего порядка № 20 по ст. 7 (А/44/40, п. 3). Предметно-материальное содержание запрета пыток и приравненных к ним мер для пенитенциарных учреждений кроме перечисленных общих постулатов дополняется специальными требованиями п. 1 ст. 10 МПГПП: «...все лица, лишённые свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности» вне зависимости от цели их содержания под стражей. По сути, ст. 10 Пакта запрещены менее жесткие виды обращения, по сравнению с обозначенными в ст. 7.

В целях формирования механизма реализации материальных гарантий защиты от пыток и приравненных к ним мер, были разработаны международные документы, содержащие гарантии второй группы, – акты процессуального характера, создавшие инструменты контроля за соблюдением гарантий первой группы. К таковым, прежде всего, относится Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (принята 10.12.1984 резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи ООН), в которой раскрываются содержание термина «пытка» и организация деятельности Комитета против пыток (далее – КПП ООН).

Наконец, для построения всесторонней конструкции защиты лишенных свободы лиц от пыток и при-

равненных к ним мер была разработана система проверки мест содержания под стражей путем регулярных посещений, осуществляемых независимыми международными и национальными органами. Эта система предусмотрена Факультативным протоколом к Конвенции ООН против пыток (принят резолюцией 57/199 Генеральной Ассамблеи ООН от 18.12.2002) через создание специальных органов («институализация»), а именно – Подкомитета по предупреждению пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания Комитета против пыток ООН и национальных превентивных механизмов. Указанные органы и образуют третью группу международно-правовых предписаний защиты от пыток и приравненных к ним мер – институциональные гарантии. Факультативный протокол 2002 г. вступил в силу 22.06.2006, его ратифицировали более 90 государств, а еще 13 подписали, но не ратифицировали. Проблемы и перспективы создания национального превентивного механизма в России подробно исследованы Н.Б. Хуторской [1. С. 254–257].

Таким образом, взаимно дополняющими друг друга положениями международно-правовых документов создана система юридических гарантий защиты от пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения. Однако необходимо специально подчеркнуть, что, несмотря на четко установленный абсолютный международно-правовой запрет пыток и приравненных к ним мер, а также существование специального Комитета против пыток ООН, единого универсально согласованного определения пыток в настоящее время нет.

Резюмируя подход международного сообщества в сфере запрета пыток и приравненных к ним мер, важно отметить выделение в стандартах как позитивных, так и негативных правовых предписаний. Позитивные гарантии обеспечения защиты от пыток и приравненных к ним мер заключаются в активных системных мероприятиях: законодательных, судебных, административных, а также обучающих. Их цель состоит, во-первых, в недопущении применения пыток со стороны государственных служащих и, во-вторых, в эффективном расследовании любых заявлений о применении рассматриваемых мер. Негативные гарантии заключаются в необходимости возложения на соответствующих субъектов (прежде всего государственных служащих) обязанности воздерживаться от действий, способных нарушить запрет на меры, приравненные к пытке.

Строгое соблюдение гарантий защиты осужденных от пыток и приравненных к ним мер установлено в качестве фундаментального требования к практике применения уголовно-исполнительного законодательства (УИЗ) Российской Федерации. Указанные гарантии основываются на Конституции РФ, общепризнанных принципах и нормах международного права, а также международных договорах, являющихся составной частью правовой системы Российской Федерации (ч. 1 ст. 3 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ)).

Так, ч. 2 ст. 21 Конституции РФ гарантирует, что «никто не должен подвергаться пыткам, насилию, дру-

тому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию».

Вместе с тем имплементация положений международных стандартов в сфере пыток и приравненных к ним мер в российское законодательство, включая Конституцию РФ, осуществлена не буквально, а с некоторыми особенностями. И.В. Ростовщиков и В.Д. Гончаренко справедливо отмечали, что при характеристике рассматриваемых мер, в отличие от международных правовых актов, не используется признак «бесчеловечное», но в то же время понятие «достоинство» дополнено признаком «человеческое» [2. С. 24]. Кроме того, в российское законодательство введен новый элемент пыток и приравненных к ним мер – насилие, что уже было исследовано нами применительно к запрету медицинских опытов на заключенных [3. С. 56–58] и что детально раскрыл В.А. Уткин [4. С. 103–104]. Указанные «трудности перевода» побудили Верховный Суд разъяснить содержание рассматриваемых терминов. Так, в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» указано, что относится «бесчеловечному обращению» и что к «унижающему достоинство обращению», т.е. дефинициям, отсутствующим в российском законодательстве.

В этой связи интересен зарубежный опыт создания системы юридических гарантий защиты от пыток и приравненных к ним мер. Анализ нормативного закрепления данных гарантий позволит наглядно выявить подход национального законодателя к значению предупреждения и запрета пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения в конкретном государстве. Кроме того, в разделе XXI Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. (утверждена распоряжением Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р, далее – Концепция) указано, что «изучение и внедрение международного опыта пенитенциарных систем зарубежных стран в уголовно-исполнительную систему является одной из важнейших задач в процессе дальнейшего совершенствования деятельности Федеральной службы исполнения наказаний».

Предметом настоящего исследования выбрано законодательство об исполнении наказаний, в том числе уголовно-исполнительное, стран постсоветского пространства (далее – стран ПСП) как источник формально-юридических гарантий в данной сфере. Институциональные гарантии будут рассмотрены только применительно к деятельности независимого контрольного механизма предупреждения пыток и приравненных к ним мер в местах лишения свободы.

Интерес к очерченному предмету обусловлен, прежде всего, общей историко-правовой базой этих государств. Поэтому мы поддерживаем позицию О.В. Демидовой, полагающей, что «на постсоветском пространстве правовые системы государств характеризуются множеством общих признаков, имеют родственность и общность правовых реалий. Все это со-

здает позитивную перспективу использования опыта этих стран в отечественной правоприменительной практике» [5. С. 138].

Законодательство об исполнении наказаний стран ПСП, подвергнутое исследованию, УИК Республики Армения 2004 г., Республики Беларусь 2000 г., Республики Казахстан 2014 г., Республики Кыргызстан 2017 г., Российской Федерации 1996 г., Республики Узбекистан 1997 г., Туркменистана 2011 г., Украины 2003 г.; Кодексами об исполнении наказаний (КИН) Азербайджанской Республики 2000 г. и Латвии 1997 г.; Кодексом исполнения уголовных наказаний (КИУН) Республики Таджикистан 2001 г., Исполнительным кодексом (ИК) Республики Молдова 2004 г., Законом Грузии «Кодекс о заключении под стражу» 2010 г. (далее – Кодекс Грузии), Законом Эстонской Республики о тюремном заключении 2000 г. (далее – Закон Эстонии). Приходится с сожалением констатировать, что нам не удалось получить доступ к русскоязычному тексту Кодекса об исполнении наказаний Литовской Республики, в связи с чем его положения рассмотреть в данной работе не удалось.

Среди стран ПСП важно выделить еще одну группу – участники Содружества Независимых Государств (СНГ), включающую, согласно позиции Исполнительного комитета СНГ, 10 государств, из которых девять республик: Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Узбекистан, Таджикистан – действительные члены; Туркменистан – ассоциированный член.

Государства – участники СНГ демонстрируют стремление к единообразию правотворческой деятельности в сфере борьбы с преступностью, включая законодательство об исполнении уголовных наказаний. Конкретным проявлением сказанного является постановление Межправительственной Ассамблеи государств – участников СНГ от 28.10.1994 «О правовом обеспечении интеграционного развития Содружества Независимых Государств», в соответствии с которым 02.11.1996 был принят Модельный Уголовно-исполнительный кодекс (далее – Модельный УИК СНГ), имеющий рекомендательный характер для правотворческих органов государств – участников СНГ. Положения обозначенного Кодекса также будут подвергнуты анализу в данной работе.

Следует отметить, что различные направления сравнительно-правового анализа уголовно-исполнительного законодательства стран ПСП и СНГ неоднократно становились предметом исследования ученых-пенитенциаристов. Так, А.Б. Скаков и С.М. Савушкин изучали вопросы дифференциации осужденных к лишению свободы в странах СНГ [6], А.Н. Сиряков – режим особых условий в исправительных учреждениях СНГ [7], А.М. Потапов – отдельные элементы механизма исполнения лишения свободы в государствах – членах СНГ [8] и др. Однако в этих работах не рассматривались вопросы защиты осужденных к лишению свободы от мер, приравненных к пытке.

Заявленное исследование проведено по ряду критериев, отражающих различные аспекты формально-юридических гарантий защиты осужденных к лишению

свободы от мер, приравненных к пытке. К таковым отнесены: терминология, используемая в национальных законодательствах при закреплении запрета пыток и приравненных к ним мер; локализация рассматриваемых гарантий в структуре УИЗ стран ПСП; место этих мер в общей системе прав осужденных и их взаимосвязь с другими правами; закрепление в законодательстве стран ПСП независимого контрольного механизма предупреждения пыток и приравненных к ним мер.

В качестве первого критерия исследования выступает терминология, используемая в национальных законодательствах при формулировке запрета мер, приравненных к пытке. Как уже было отмечено ранее, в сфере запрета данных мер выделяют позитивные и негативные гарантии. В соответствии с этим подходом УИЗ стран ПСП также разделяют на две группы. Первую группу составляет законодательство стран (всего шесть), предусматривающее позитивные гарантии защиты осужденных от применения мер, приравненных к пытке: УИК Беларуси, России, Туркменистана, Модельный СНГ, КИН Латвии и Закон Эстонии. В этих документах наиболее распространенной формулировкой является предписывающая необходимость «строгого соблюдения гарантий защиты от пыток, насилия и другого бесчеловечного или унижающего человеческого достоинства обращения с осужденными». Указанная редакция использована в УИК Беларуси (ст. 3), Российской Федерации (ст. 3) и Туркменистана (ст. 1).

В Модельном УИК СНГ (ст. 3) заложена схожая норма, но без использования терминов «насилие» и «достоинство», а также признаков «жестокое» и «человеческое». Вместе с тем в данном Кодексе используется признак «бесчеловечное», присутствующий в международных стандартах, но не используемый в российском законодательстве. Таким образом, положения Модельного УИК СНГ представляют собой, по нашему мнению, промежуточный вариант имплементации рекомендаций международных стандартов в сфере мер, приравненных к пытке, в действующее российское законодательство, о чем мы говорили выше.

В КИН Латвии (ст. 4) предписана обязанность обеспечения установленных законом гарантий против применения пыток и бесчеловечного или унижающего наказания в отношении осужденного лица. Еще интереснее формулировки Закона Эстонии, отличающиеся от стандартных в этой сфере, и в которых не используются термины «пытка» и «бесчеловечное и жестокое обращение». Вместе с тем полагаем, что содержание ст. 4.1 «Уважение человеческого достоинства и соблюдение прав» Закона Эстонии относится к предмету нашего исследования. Так, ч. 1 ст. 4.1 определяет, что «с заключенным... обращаются способом, который уважает его человеческое достоинство...», а ч. 2 закрепляет, что «ограничения, приведенные в Законе... должны соответствовать цели исполнения наказания и принципам человеческого достоинства». Считаем, что указанные требования Закона Эстонии предполагают активные действия по их выполнению.

Вторую группу, более многочисленную, составляет законодательство об исполнении наказаний стран ПСП

(всего восемь), содержащее запрет пыток и приравненных к ним мер (негативные гарантии): УИК Республики Армения, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Узбекистан, Украины, КИН Азербайджанской Республики, КИУН Республики Таджикистан и ИК Республики Молдова. В документах этой группы наиболее распространена (с некоторыми особенностями редакции) формулировка о том, что «осужденные не должны подвергаться пыткам или иному жестокому, бесчеловечному либо унижающему его достоинство обращению или наказанию», которая закреплена в УИК Армении (ст. 6), Кыргызстана (ст. 18) и Украины (ст. 8).

Схожие по «духу», но слегка рознящиеся по «букве» нормы закреплены в КИУН Республики Таджикистан (ст. 10) и ИК Республики Молдова (ст. 167.1). В данных законодательствах указано, что запрещается применение к любому лицу, отбывающему наказание, пыток, бесчеловечного или унижающего достоинства либо иного жестокого обращения. Такой же смысл, по нашему мнению, заложен законодателем и в КИН Азербайджанской Республики: «Кодекс основывается на недопущении пыток или других жестоких, бесчеловечных действий либо унижения личности в обращении с заключенными» (ч. 3.3 ст. 3).

Более самобытные определения содержат УИК Казахстана и Узбекистана. Так, в УИК Казахстана (ст. 4) определено, что «исполнение наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия не имеет своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства». В УИК Узбекистана (ст. 4) подобная гарантия, построенная на декларировании абсолютного приоритета международных документов в рассматриваемой сфере над национальным законодательством, гласит, что «нормы уголовно-исполнительного законодательства не могут противоречить международным актам о защите от пыток и других бесчеловечных или унижающих видов обращения с осужденными».

Вторым направлением сравнительно-правового анализа пыток и приравненных к ним мер в странах ПСП мы определили локализацию законодательного закрепления рассматриваемых гарантий. В УИЗ этих стран наблюдается четыре варианта расположения данных норм, которые отражают, на наш взгляд, придаваемое этим гарантиям значение в конкретном государстве.

Первым вариантом расположения запрета пыток и приравненных к ним мер в законодательстве стран ПСП является их отнесение к принципам УИЗ. В УИК Армении (ч. 2 ст. 6), Кыргызстана (ч. 2 ст. 9) и КИУН Таджикистана (ч. 2 ст. 10) рассматриваемые гарантии выступают в качестве проявления принципа гуманизма. В КИН Латвии (ст. 4) установленные законом гарантии против применения рассматриваемых мер закреплены как элемент первого основного принципа (без собственного названия) исполнения уголовного наказания.

Вместе с тем необходимо отметить, что нормы УИК Кыргызстана и КИН Латвии отводят изучаемым мерам

двойную функцию – они одновременно и принципы, и цели законодательства, прямо исключающие пытки и приравненных к ним меры. Данный подход представляется нам избыточным дублированием норм и «размывающим» содержание запрета мер, приравненных к пытке. Так, в УИК Кыргызстана (ч. 2 ст. 9) закреплено, что «исполнение наказаний и принудительных мер уголовно-правового воздействия не имеет цели унижения человеческого достоинства, причинения физических и нравственных страданий, применения пыток и жестокого обращения». В КИН Латвии (ч. 1 ст. 4) формулировка несколько иная: «Целью исполнения наказания не является доставление физических страданий или унижение человеческого достоинства, или исключение его из общества». В этой связи необходимо специально подчеркнуть, что КИН Латвии вообще не содержит отдельной статьи, формулирующей цели исполнения уголовного наказания.

Вторую группу вариантов расположения в законодательстве стран ПСП гарантий защиты от пыток и приравненных к ним мер образуют УИК Казахстана и Украины, в которых данные нормы включены только в цели УИЗ. Однако если в УИК Украины (ч. 1 ст. 1) «предупреждение пыток и нечеловеческого или унижающего достоинство обращения с осужденными» закреплено именно как позитивная цель, то в УИК Казахстана (ч. 3 ст. 4) данная норма сформулирована созвучно УИК Кыргызстана, т.е. как прямо исключающие пытки и приравненных к ним меры: «Исполнение наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия не имеет своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства».

Третьим вариантом локализации законодательного закрепления гарантий защиты от пыток, насилия и другого жестокого или унижающего человеческого достоинство обращения с осужденными определено закрепление этих норм в отдельной статье УИЗ. В Исполнительном кодексе Молдовы название ст. 167.1 «Запрет применения пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство либо иного жестокого обращения» *de facto* совпадает с ее содержанием. Особенности терминологии Закона Эстонии уже рассматривались выше, и, соответственно, положения ст. 4.1 «Уважение человеческого достоинства и соблюдение прав» также, на наш взгляд, содержат позитивные гарантии защиты от мер, приравненных к пытке.

Четвертую группу вариантов расположения гарантий защиты от рассматриваемых мер составляют нормы, включенные в статьи «Уголовно-исполнительное законодательство и международно-правовые акты» Кодексов Азербайджана (ст. 3), Беларуси (ч. 3 ст. 3), России (ч. 1 ст. 3), Узбекистана (ст. 4), Модельного СНГ (ч. 3 ст. 3) и Туркменистана (ч. 2 ст. 1). Объединяет все пять указанных Кодексов признание данных гарантий элементом общепризнанных норм и принципов международного права.

Дополнительно стоит отметить, что только в КИН Азербайджана, в УИК Беларуси и России отведено доминирующее положение в системе регулирования данной сферы. В остальных странах ПСП формально при-

знается приоритет международно-правовых актов в сфере защиты от мер, приравненных к пытке.

Третьим направлением сравнительно-правового исследования определено место гарантий защиты осужденных к лишению свободы от пыток, другого жестокого или унижающего достоинство обращения в общей системе прав осужденных, закрепленных в законодательстве об исполнении наказаний стран ПСП. Следует отметить, что данные нормы всегда являются факультативными и, как правило, дополняют элементы других критериев данного исследования, что нередко приводит к определенному дублированию разных статей в законодательствах. Соответственно, их закрепление в правовом статусе осужденных присутствует не во всех УИЗ стран ПСП. Так, рассматриваемые положения отсутствуют в УИК Армении, Беларуси, Узбекистана, КИН Латвии, Азербайджана и Законе Эстонии.

Среди семи законодательств об исполнении наказаний, содержащих подобные нормы, особое место занимает УИК Кыргызской Республики, в котором право осужденных на достойное обращение первоначально обозначено в перечне основных прав осужденных (ч. 1 ст. 16), а затем в отдельно выделенной ст. 18 раскрывается содержание этого права. Часть 1 данной статьи определяет запрет мер, приравненных к пытке (формулировка нами уже рассматривалась).

В остальных шести Кодексах указанный запрет включен в число основных прав осужденных. Однако необходимо специально подчеркнуть, что в них обозначенное право не выделяется в отдельную часть статьи, а объединено с другими правами осужденного. Эта позиция, в свою очередь, подразделяется еще на две подгруппы. Чаще всего объединение исследуемого запрета проведено с правами, первично производными от термина «достоинство», т.е. этим производным определена доминирующая роль в сложносоставном праве (первая подгруппа). Этот вариант встречается в УИК Казахстана («осужденные имеют право на признание их человеческого достоинства»), УИК Украины («осужденные имеют право на гуманное отношение к ним и уважение их человеческого достоинства»), ИК Молдовы (осужденному гарантируется «право пользоваться защитой и уважением... достоинства личности»).

Вторым вариантом объединения права на защиту от пыток и приравненных к ним мер с другими правами осужденных является отведение второстепенной роли производным от термина «достоинство» в сложносоставном праве. Так, в УИК РФ и Туркменистана, КИУН Таджикистана ведущее значение среди самостоятельных элементов права, включающем в том числе и запрет пыток и приравненных к ним мер, отводится «вежливому обращению со стороны персонала». В УИК Туркменистана раскрывается еще и цель вежливого обращения – укрепление у осужденных чувства собственного достоинства и сознания своей ответственности. Данные законодательные конструкции представляются дефектом юридической техники, а именно неверной расстановкой приоритетов внутри конкретного права осужденного. В этой связи нельзя не согласиться с В.А. Уткиным, справедливо критиковав-

шим позицию авторов, полагающих незаконное и необоснованное применение мер безопасности к осужденным «невежливым обращением» [10. С. 138]. В целом считаем совершенно неуместным объединение в одном праве осужденных требования на вежливое обращение со стороны персонала учреждения и запрета жестокого или унижающего человеческого достоинство обращения или взыскания как несопоставимых по степени возможного причинения вреда в случае нарушения этих прав. Совершенно очевидно, что невежливое обращение с осужденным еще далеко не пытка или жестокое унижающее человеческое достоинство обращение. Более того, на наш взгляд, консолидация в одном праве осужденного требований «вежливости» и запрета «пытки» выглядит, мягко говоря, некорректно.

Четвертое направление исследования положений в законодательстве стран ПСП об исполнении наказаний является самым малочисленным, так как охватывает только два источника: Кодекс Грузии и УИК Казахстана, содержащие нормы о независимом контрольном механизме предупреждения мер, приравненных к пытке.

Примечательно, что кроме Грузии и Казахстана Факультативный протокол 2002 г. к Конвенции ООН против пыток ратифицировали еще шесть государств ПСП: Армения, Азербайджан, Кыргызстан, Молдова, Украина, Эстония. Однако их законодательства об исполнении наказаний не содержат упоминаний о национальных превентивных механизмах. Российской Федерацией Факультативный протокол не подписан и не ратифицирован.

Рассмотрение содержания Кодекса Грузии о заключении под стражу 2010 г. приводит к выводу, что все гарантии защиты осужденных от пыток и приравненных к ним мер (ст. 32) сведены только к возложению полномочий в этой сфере на специальную превентивную группу, порядок деятельности которой устанавливается Органическим законом Грузии от 16.05.1996 «О Народном Защитнике Грузии». Таким образом, нормы ст. 32 Кодекса Грузии являются бланкетными. Анализ полномочий народного защитника Грузии приводит нас к выводу, что он *de facto* является аналогом российского Уполномоченного по правам человека. Данное обстоятельство свидетельствует, на наш взгляд, о наличии в УИЗ Грузии только процедурных и институциональных гарантий защиты от рассматриваемых мер при отсутствии формально-юридических. Подобная ситуация, по нашему мнению, может привести к снижению эффективности защиты осужденных от пыток и приравненных к ним мер. Схожей позиции придерживается и Э. Беселия, которая также отмечала отсутствие системы эффективного расследования заявлений относительно пыток и других форм бесчеловечно обращения в Грузии [10. С. 227].

Гораздо более основательный подход применили законодатели Казахстана. В УИК этого государства присутствует целая гл. 9 «Национальный превентивный механизм» (далее – НПМ), состоящая из 10 статей (ст. 39–49). НПМ *de jure* полностью независим от органов всех ветвей власти, и незаконное вмешательство в деятельность его участников запрещено законом. Ежегодно готовится консолидированный доклад участни-

ков НПМ, который размещается на официальном сайте Уполномоченного по правам человека Республики Казахстан. Так, в период действия чрезвычайного положения в 2020 г. участниками НПМ, общественных наблюдательных комиссий и неправительственных правозащитных организаций осуществлено 1 071 посещение учреждений уголовно-исправительной системы (УИС) (за 2019 г. – 1 237) [11]. В результате принимаемых мер за 2019–2020 гг. было зарегистрировано 326 фактов подозрений в совершении противоправных действий в отношении осужденных (пыток), подтверждены – 3, к уголовной ответственности привлечены 9 сотрудников УИС, 319 дел прекращены по реабилитирующим основаниям [11]. Вместе с тем, несмотря на деятельность участников НПМ и других правозащитных организаций, Комитетом против пыток ООН неоднократно высказывались опасения по поводу соблюдения ряда направлений защиты от пыток и приравненных к ним мер в Республике Казахстан [12. С. 173–175]. Эти опасения выглядят особенно странно, учитывая результаты деятельности НПМ в Республике Казахстан, которые количественно не впечатляют. В этой связи резонно встает вопрос о целесообразности создание данного специального субъекта предупреждения пыток.

Подтверждением вышесказанного являются и показатели российской ведомственной статистики ФСИН России. Так, из 23 615 актов прокурорского реагирования, внесенных в 2021 г., ни одно напрямую не отражало факты пыток, насилия, другого жестокого или унижающего человеческого достоинство обращения или наказания с осужденными. Возможное нарушение запрета пыток и приравненных к ним мер могло быть последствием неправомерного применения физической силы и специальных средств, по фактам которого в 2021 г. было внесено 20 актов прокурорского реагирования [13. С. 76–78]. Однако численность сотрудников УИС, привлеченных к ответственности по результатам рассмотрения актов прокурорского реагирования за неправомерное применение физической силы и специальных средств в 2021 г. составило всего 4 человека (*по 20 актам!!!*) (курсив наш. – А.П.).

Вместе с тем необходимо специально подчеркнуть, что еще 2 сотрудника УИС было привлечено к ответственности «за обращение с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, унижающее человеческое достоинство». Это выглядит нелогичным, так как данное основание не фигурировало в прокурорских актах. Причем важно отметить, что из 20 664 сотрудников УИС, привлеченных к ответственности по результатам рассмотрения актов прокурорского реагирования в 2021 г., ни один не был привлечен к уголовной ответственности (368 – к административной и 20 296 – к дисциплинарной) [13. С. 79–80]. Соответственно, и за «обращение с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, унижающее человеческое достоинство» последовала скорее всего дисциплинарная ответственность, что вызывает еще больше вопросов. Аналогичная ситуация отмечалась и в 2020 г.: из 22 755 внесенных актов прокурорского реагирования ни один нап्रा-

мую не отражал факты пыток и приравненных к ним мер, а из 18 678 сотрудников УИС, привлеченных к ответственности (к уголовной также 0), всего 3 человека «за обращение с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, унижающее человеческое достоинство» [14. С. 59–63].

Подводя итог, приходим к следующим общим выводам. Система формально-юридических и процедурных гарантий запрета пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения с осужденными к лишению свободы в законодательстве об исполнении наказаний стран СНГ представляется в целом достаточной. Опыт государств, создавших национальные превентивные механизмы (институциональные гарантии), а также практика КПП ООН свидетельствуют, во-первых, о том, что сам по себе факт создания НПМ еще не гарантирует эффективного механизма предупреждения пыток и приравненных к ним мер в конкретном государстве, что было отмечено выше на примере Грузии и Казахстана, а во-вторых, о низкой продуктивности уже созданных НПМ.

Гарантии защиты осужденных от пыток и приравненных к ним мер, закрепленные в УИЗ стран СНГ, основываются на положениях Модельного УИК СНГ и, несмотря на отдельные терминологические различия, во многом схожи. В немалой степени это обусловлено и тем, что нормы ч. 3 ст. 3 Модельного УИК СНГ являются самыми лаконичными, так как содержат наименьший, по сравнению с национальными Кодексами, набор признаков пыток и приравненных к ним мер. В частности, из рассматриваемых признаков Модельный УИК СНГ ограничился лишь «другими бесчеловечными или унижающими видами обращения» с осужденными, а из терминологии данной сферы в нем присутствуют только термин «пытки». Таким образом, данный Кодекс, по нашему мнению, выступает в качестве «идеального скелета», на который национальные законодатели «прикрепляют» подходящие им элементы (термины и признаки) сферы пыток и приравненных к ним мер.

Исключением из этого подхода является ИК Республики Молдова, структура которого концептуально отличается от иного законодательства об исполнении наказаний стран СНГ, что отмечала и О.В. Демидова [5. С. 139]. В целом структура книги второй «Исполнение решений уголовного характера» Исполнительного кодекса Республики Молдова и особенно конструкция основного правоприменительного документа в данной сфере – Устава отбывания наказания осужденными (утв. Постановлением Правительства Республики Молдова от 26.05.2006 № 583), максимально, по сравнению с УИК и КИН остальных стран СНГ, приближена к структуре Европейских пенитенциарных правил 2006 г., на что нами также указывалось [15. С. 96–97]. Специфика этих документов, естественно, отразилась и на построении пенитенциарной системы данного государства. В этой связи мы не можем согласиться с П.В. Тепляшиным, включающим пенитенциарную систему Молдовы в славянский тип европейских пенитенциарных систем [16. С. 94].

Вполне предсказуемо и то, что законы об исполнении наказаний стран ПСП, не входящих в СНГ (Грузия, Латвия, Эстония), кардинально отличаются от первых даже по названиям, не говоря уже о терминологии и внутренней структуре.

Закрепление в законодательстве позитивных гарантий (необходимости совершения активных действий) представляется более действенным вариантом защиты осужденных от пыток и приравненных к ним мер. Такие действия подразумевают, по нашему мнению, более широкий спектр способов реагирования, включая и предупредительные механизмы защиты от рассматриваемых мер. При пассивном законодательном запрете мер, приравненных к пытке (негативные гарантии), защитные механизмы, на наш взгляд, предусмотрены преимущественно с момента начала посягательства на физическую и психическую неприкосновенность осужденного.

Определение гарантий защиты от пыток и приравненных к ним мер в качестве целей, задач и принципов, а в ряде Кодексов еще и как основного права осужденного, в национальных УИЗ представляется избыточным, размывающим содержание этих мер, и несколько демонстративным. В отдельной работе, посвященной принципам УИЗ стран ПСП, нами уже отмечалось, что подобная ситуация обусловлена дефектами юридической техники формирования структур Общих частей ряда Кодексов об исполнении наказаний рассматриваемых государств [17. С. 63]. Также преувеличением значения данных мер полагаем их выделение в отдельную статью нормативных правовых актов. Крайне неудачным и даже некорректным представляется объединение в сложносоставном праве осужденного на запрет пыток и приравненных к ним мер «вежливого обращения со стороны персонала» и права, формулировка которого производна от термина «достоинство», с отведением ведущей роли первому элементу. Наиболее удачным вариантом закрепления рассматриваемых гарантий в Кодексах нам видится их расположение в качестве элементов принципа гуманизма.

Далее обозначим специальные выводы, относящиеся к российскому законодательству. Прежде всего, необходимо отметить определенное несоответствие формулировок положений международных стандартов обращения с осужденными и национальных нормативных правовых актов в сфере запрета пыток и приравненных к ним мер. Думается, что это несоответствие потенциально может приводить к проблемам трактовки обозначенных мер, в том числе и судебными органами.

Существующая в России система формально-юридических и процедурных гарантий защиты осужденных от пыток, насилия и другого жестокого или унижающего человеческого достоинство обращения с осужденными достаточно эффективна, что подтверждается и приведенными ранее данными ведомственной российской статистики. Неукоснительное соблюдение этих гарантий позволяет в полном объеме обеспечить соответствующие права осужденных. В этом контексте Ю.А. Реент абсолютно верно утверждает, что «в настоящее время в России сложилась весьма громоздкая си-

стема контроля за обеспечением прав осужденных, включающая в себя как государственные, так и общественные элементы, обладающие исчерпывающими контрольными полномочиями». Далее данный автор приходит к верному, по нашему мнению, заключению об отсутствии необходимости создания в России национального превентивного механизма [18. С. 376].

Дополнительно стоит подчеркнуть, что уже в упоминаемой Концепции развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 г. также не предусмотрено создание НПИМ. В ней лишь указано (раздел XXI), что расширение и укрепление международного сотрудничества предусматривает «создание условий содержания осужденных и лиц, содержащихся под стражей, с учетом международных стандартов, в том числе стандартов Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (далее – ЕКПП), решений Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), а также требований Европейских пенитенциарных правил (далее – ЕПП)», а также «формирование национальных правовых механизмов предотвращения нарушений и восстановление нарушенных прав осужденных, подозреваемых и обвиняемых, гарантированных в силу международных обязательств Российской Федерации».

В силу недавних событий необходимо специально подчеркнуть, что 15 марта 2022 г. Российская Федерация покинула Совет Европы и с 16 сентября 2022 г. перестанет быть стороной Европейской конвенции по защите прав человека. В этой связи полагаем необходимым внесение изменений в Концепцию развития УИС на период до 2030 г. для приведения ее положений в соответствие с действующим законодательством.

Вместе с тем выход России из Совета Европы не должен, по нашему мнению, означать автоматическое игнорирование положений европейских актов, не противоречащих Конституции РФ. Этот тезис прослеживается и в заявлениях высших должностных лиц государства. Так, по словам спикера Совета Федерации В. Матвиенко, Россия и после выхода из Совета Европы продолжит выполнять те конвенции, которые считает полезными для себя [19]. Более того, по ее же словам, положение о создании Суда СНГ по правам человека, призванного заменить ЕСПЧ, уже находится в разработке [20].

Вместе с тем необходимо дополнительно отметить, что в Концепции вопросы защиты осужденных от пыток, насилия и другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения не остались без внимания и были включены в раздел V «Совершенствование и гуманизация уголовно-исполнительной политики». Так, в целях повышения эффективности обеспечения прав в отношении лиц, лишенных свободы, предусмотрено развитие и систематизация законодательства Российской Федерации в сфере пресечения фактов применения к ним сотрудниками УИС недозволённых методов воздействия, бесчеловечного, жестокого, унижающего человеческое достоинство обращения.

Как положительный момент отметим закрепление в УИК РФ (ч. 1 ст. 3) позитивных гарантии защиты

осужденных от пыток и приравненных к ним мер. Также важным представляется и определение в УИК РФ в качестве основного звена правовой системы нашего государства Конституции РФ и приоритета конституционных норм над международно-правовыми, в том числе в сфере соблюдения защиты от пыток и приравненных к ним мер. На перспективу, при совершенствовании УИК РФ, предлагаем не включать положения о «строгом соблюдении гарантий защиты от пыток, насилия и другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения с осужденными» в ст. 3 «Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации и международно-правовые акты». Наличие запрета мер, приравненных к пытке в данной статье, по нашему мнению, косвенно демонстрирует инородность этого комплекса норм для российского законодательства, что явно не соответствует действительности.

Далее предлагаем объединить в ч. 3 ст. 12 УИК РФ право на защиту от пыток и приравненных к ним мер с запретом медицинских, научных или иных опытов на осужденных, вернув, таким образом, посыл, заложенный в ч. 2 ст. 21 Конституции РФ. Кроме того, данное изменение позволит устранить двойственную трактовку «невежливого обращения со стороны персонала» и ее соотношение с жестоким или унижающим человеческое достоинство обращением или взысканием, присутствующее в действующей редакции ч. 2 ст. 12 УИК РФ.

Как уже отмечалось, наиболее оптимальным вариантом расположения норм, регламентирующих запрет от пыток и приравненных к ним мер, представляется их размещение в качестве элемента принципа гуманизма и составной части права на обеспечение достоинства личности осужденных. В действующем УИК РФ раскрытие содержания принципов законодательства не предусмотрено, однако в ст. 8 УК РФ императив принципа гуманизма обозначен. И если нормы ч. 1 ст. 8 УК РФ (уголовное законодательство обеспечивает безопасность человека) к предмету нашего исследования имеет опосредованное отношение, то положения ч. 2 этой статьи напрямую относятся к данной работе: «Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства». Вместе с тем, несмотря на верховенство норм материального права, содержащихся в УК РФ, над процессуальными нормами об исполнении наказаний, по нашему мнению, принципы уголовного законодательства автоматически не распространяются на уголовно-исполнительное. И некоторое «дублирование» здесь вполне уместно, что наглядно свидетельствует о взаимосвязи уголовно-исполнительной политики с уголовно-правовой, на что резонно указывал А.В. Шеслер [21. С. 12]. В качестве примера обозначенного подхода можно привести ситуацию со значительным совпадением целей наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ) с целями УИЗ (ч. 1 ст. 1 УИК РФ). Следует также отметить, что отдельные ученые уже пошли по рассматриваемому пути. Так, в комментарии к ст. 8 УИК РФ А.В. Бриллиантов

включил запрет пыток и приравненных к ним мер в содержание данного принципа УИЗ [22].

Высказанные нами предложения совпадают и с подходом авторов проекта Общей части нового УИК РФ (далее – Проект). Так, в ч. 1 ст. 10 Проекта строгое соблюдение гарантий защиты от пыток и приравненных к ним мер определено как ведущий элемент

принципа гуманизма [23. С. 38]. Далее в рассматриваемом Проекте запрет пыток и приравненных к ним мер, а также необходимость защиты от них и неприемлемость их оправдания никакими обстоятельствами дополнительно включены в содержание права на обеспечение достоинства личности осужденных (ч. 2 ст. 36) [23. С. 51].

Список источников

1. Хуторская Н.Б. Проблемы создания национального превентивного механизма в России // Петербургские пенитенциарные конференции : материалы конф. (17–18 мая 2021 г.). СПб. : Университет ФСИН России, 2021. Т. 1. 416 с.
2. Ростовщиков И.В., Гончаренко В.Д. О современном правовом понимании пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2011. № 2 (15). С. 18–27.
3. Павленко А.А. Запрет медицинских опытов на заключенных как гарантия их личной неприкосновенности // Вестник Кузбасского института. 2021. № 1 (46). С. 54–62.
4. Уткин В.А. Некоторые проблемы конституционных оснований публично-правовой ответственности (статья вторая) // Вестник Томского ИПКР ФСИН России. 2022. № 1 (11). С. 102–107.
5. Демидова О.В. Особенности уголовно-исполнительного законодательства государств – участников Содружества Независимых Государств // Совершенствование норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (21–23 нояб. 2017 г.) : в 8 т. Т. 2. Рязань : Академия ФСИН России, 2017. С. 138–141.
6. Скаков А.Б., Савушкин С.М. Сравнительно-правовой анализ дифференциации осужденных к лишению свободы // Вестник Кузбасского института. 2018. № 3 (36). С. 48–55.
7. Сиряков А.Н. Режим особых условий в исправительных учреждениях Содружества Независимых Государств // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2018. № 1 (41). С. 56–61.
8. Потапов А.М. Об отдельных элементах механизма исполнения наказания в виде лишения свободы в ряде государств – членов Содружества Независимых государств // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 3. С. 51–55.
9. Уткин В.А. Пенитенциарные права осужденных // Вестник Кузбасского института. 2020. № 2 (43). С. 134–141.
10. Беселия Э. Концептуальные подходы по предотвращению пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания в Грузии // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2013. № 1-2 (29-30). С. 224–233.
11. Уполномоченный по правам человека в Республике Казахстан. URL: <https://clk.ru/atezn> (дата обращения: 07.03.2022).
12. Балтабаев К.Ж., Дрокин Ю.Н. Проблемы уголовно-исполнительного законодательства Республики Казахстан и его применения // Уголовно-исполнительное право. 2020. Т. 15 (1–4), № 2. С. 173–176.
13. Отчет о состоянии законности и соблюдении прав человека в уголовно-исполнительной системе (УИС-ТО-СЗПЧ) // Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы январь – декабрь 2021 г. : информационно-аналитический сборник. Тверь, 2022. 434 с.
14. Отчет о состоянии законности и соблюдении прав человека в уголовно-исполнительной системе (УИС-ТО-СЗПЧ) // Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы январь – декабрь 2020 г. : информационно-аналитический сборник. Тверь, 2021. 416 с.
15. Павленко А.А. Международные стандарты деятельности медицинского персонала пенитенциарных учреждений и их реализация в России и странах СНГ / под ред. В.А. Уткина. Томск : Томский ИПКР ФСИН России, 2018. 143 с.
16. Тепляшин П.В. Славянский тип европейских пенитенциарных систем // Вестник Кузбасского института. 2017. № 3 (32). С. 92–105.
17. Павленко А.А. Система принципов уголовно-исполнительного законодательства стран постсоветского пространства: истоки формирования и тенденции развития // Вестник Кузбасского института. 2022. № 1 (50). С. 53–67.
18. Реент Ю.А. К проблеме международного контроля за обеспечением прав осужденных к лишению свободы в Российской Федерации // Человек: преступление и наказание. 2020. Т. 28, № 3. С. 371–378.
19. Россия продолжит выполнять те конвенции Совета Европы, которые считает полезными для себя. URL: <https://ria.ru/20220329/matvienko-1780672727.html> (дата обращения: 07.04.2022).
20. Матвиенко рассказала о новом суде по правам человека. URL: <https://pravo.ru/news/240073/> (дата обращения: 09.04.2022).
21. Шеслер А.В. Уголовно-правовая политика : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Новокузнецк : Кузбасский институт ФСИН России, 2018. 78 с.
22. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный). 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. А.В. Бриллиантова. Проспект, 2016 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.04.2022).
23. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: результаты теоретического моделирования / под ред. В.И. Селиверстова. М. : Юриспруденция, 2016. 80 с.

References

1. Khutorskaya, N.B. (2021) [Problems of creating a national preventive mechanism in Russia]. *Peterburgskie penitentsiarnye konferentsii* [Petersburg Penitentiary Conferences]. Conference Proceedings. 17–18 May 2021. Vol. 1. St. Petersburg: University of the Federal Penitentiary Service of Russia, (In Russian).
2. Rostovshchikov, I.V. & Goncharenko, V.D. (2011) O sovremennom pravovom ponimanii pytok i drugikh zhestokikh, beschelovechnykh ili unizhayushchikh dostoinstvo vidov obrashcheniya i nakazaniya [On the modern legal understanding of torture

- and other cruel, inhuman or degrading types of treatment and punishment]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya*. 2 (15). pp. 18–27.
3. Pavlenko, A.A. (2021) Zapret meditsinskih opytov na zaklyuchennykh kak garantiya ikh lichnoy neprikosновенности [The prohibition of medical experiments on prisoners as a guarantee of their personal integrity]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 1 (46). pp. 54–62.
 4. Utkin, V.A. (2022) Nekotorye problemy konstitutsionnykh osnovaniy publichno-pravovoy otvetstvennosti (stat'ya vtoraya) [Some problems of constitutional grounds for public liability (Article Two)]. *Vestnik Tomskogo IPKR FSIN Rossii*. 1 (11). pp. 102–107.
 5. Demidova, O.V. (2017) [Peculiarities of penitentiary legislation of the CIS member states]. *Sovershenstvovanie norm ugovnogo i ugovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva* [Improvement of the norms of criminal and penitentiary legislation]. 21–23 November 2017. In 8 vols. Vol. 2. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. pp. 138–141. (In Russian).
 6. Skakov, A.B. & Savushkin, S.M. (2018) Sravnitel'no-pravovoy analiz differentsiatsii osuzhdennykh k lisheniyu svobody [Comparative legal analysis of the differentiation of those sentenced to imprisonment]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 3 (36). pp. 48–55.
 7. Siryakov, A.N. (2018) Rezhim osobykh usloviy v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv [Regime of special conditions in correctional facilities of the Commonwealth of Independent States]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*. 1 (41). pp. 56–61.
 8. Potapov, A.M. (2020) Ob otdel'nykh elementakh mekhanizma ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody v ryade gosudarstv – chlenov Sodruzhestva Nezavisimyykh gosudarstv [On individual elements of the mechanism for the execution of punishment in the form of imprisonment in a number of CIS member states]. *Vedomosti ugovno-ispolnitel'noy sistemy*. 3. pp. 51–55.
 9. Utkin, V.A. (2020) Penitentsiarnye prava osuzhdennykh [Penitentiary rights of convicts]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 2(43). pp. 134–141.
 10. Beseliya, E. (2013) Kontseptual'nye podkhody po predotvrashcheniyu pytok i drugih zhestokikh, beschelovechnykh ili unizhayushchikh dostoinstvo vidov obrashcheniya i nakazaniya v Gruzii [Conceptual approaches to the prevention of torture and other cruel, inhuman or degrading treatment and punishment in Georgia]. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva Respubliki Kazakhstan*. 1-2 (29-30). pp. 224–233.
 11. Clck.ru. (2022) *Upolnomochennyy po pravam cheloveka v Respublike Kazakhstan* [Commissioner for Human Rights in the Republic of Kazakhstan]. [Online] Available from: <https://clck.ru/atezn> (Accessed: 07.03.2022).
 12. Baltabaev, K.Zh. & Drokin, Yu.N. (2020) Problemy ugovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva Respubliki Kazakhstan i ego primeneniya [Problems of the penal laws of the Republic of Kazakhstan and their application]. *Ugovno-ispolnitel'noe pravo*. 15 (1–4):2. pp. 173–176.
 13. FKU NIIIT FSIN Rossii. (2022) Otchet o sostoyanii zakonnosti i soblyudenii prav cheloveka v ugovno-ispolnitel'noy sisteme (UIS-TO-SZPCh) [Report on the state of legality and observance of human rights in the penitentiary system]. In: *Osnovnye pokazateli deyatelnosti ugovno-ispolnitel'noy sistemy yanvar' – dekabr' 2021 g.: informatsionno-analiticheskiy sbornik* [Key performance indicators of the penitentiary system January–December 2021: information and analytical collection]. Tver: FKU NIIIT FSIN Rossii.
 14. FKU NIIIT FSIN Rossii. (2021) Otchet o sostoyanii zakonnosti i soblyudenii prav cheloveka v ugovno-ispolnitel'noy sisteme (UIS-TO-SZPCh) [Report on the state of legality and observance of human rights in the penitentiary system]. In: *Osnovnye pokazateli deyatelnosti ugovno-ispolnitel'noy sistemy yanvar' – dekabr' 2020 g.: informatsionno-analiticheskiy sbornik* [Key performance indicators of the penitentiary system January–December 2020: information and analytical collection]. Tver: FKU NIIIT FSIN Rossii.
 15. Pavlenko, A.A. (2018) *Mezhdunarodnye standarty deyatelnosti meditsinskogo personala penitentsiarnykh uchrezhdeniy i ikh realizatsiya v Rossii i stranakh SNG* [International standards for the activities of medical personnel of penitentiary institutions and their implementation in Russia and the CIS countries]. Tomsk: FKU DPO Tomskiy IPKR FSIN Rossii.
 16. Teplyashin, P.V. (2017) Slavyanskiy tip evropeyskikh penitentsiarnykh sistem [Slavic type of European penitentiary systems]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 3 (32). pp. 92–105.
 17. Pavlenko, A.A. (2022) Sistema printsipov ugovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva stran postsovetского prostranstva: istoki formirovaniya i tendentsii razvitiya [The system of principles of the penal legislation of the countries of the post-Soviet space: the origins of formation and development trends]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 1 (50). pp. 53–67.
 18. Reent, Yu.A. (2020) K probleme mezhdunarodnogo kontrolya za obespecheniem prav osuzhdennykh k lisheniyu svobody v Rossiyskoy Federatsii [On the problem of international control over ensuring the rights of convicts in the Russian Federation]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. 28 (3). pp. 371–378.
 19. RIA. (2022) *Rossiya prodolzhit vypolnyat' te konventsii Soveta Evropy, kotorye schitaet poleznymi dlya sebya* [Russia will continue to comply with those conventions of the Council of Europe that it considers useful for itself]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20220329/matvienko-1780672727.html> (Accessed: 07.04.2022).
 20. Pravo.ru. (2022) *Matvienko rasskazala o novom sude po pravam cheloveka* [Matviyenko spoke about the new human rights court]. [Online] Available from: <https://pravo.ru/news/240073/> (Accessed: 09.04.2022).
 21. Shesler, A.V. (2018) *Ugovno-pravovaya politika: ucheb. posobie* [Criminal law policy: textbook]. 2nd ed. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
 22. Brilliantov, A.V. (ed.) (2016) *Kommentariy k Ugovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateyny)* [Commentary to the Penal Code of the Russian Federation (by articles)]. 3rd ed. Moscow: Consultant Plus. (Accessed: 09.04.2022).
 23. Seliverstov, V.I. (ed.) (2016) *Obshchaya chast' novogo Ugovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: rezul'taty teoreticheskogo modelirovaniya* [The general part of the new Penal Code of the Russian Federation: results of theoretical modeling]. Moscow: Yurisprudentsiya.

Информация об авторе:

Павленко А.А. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы и правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России (Томск, Россия). E-mail: a.pav@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Pavlenko, Docent, Cand. Sci. (Law), associate professor of the Department of Execution of Sentences Not Related to Imprisonment and Legal Support for the Activities of the Penitentiary System of Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia (Tomsk, Russia). E-mail: a.pav@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.11.2022;
одобрена после рецензирования 30.11.2022; принята к публикации 12.12.2022.*

*The article was submitted 11.11.2022;
approved after reviewing 30.11.2022; accepted for publication 12.12.2022.*

Научная статья
УДК 347.97

doi: 10.17223/23088451/20/21

ПРИНЦИП СПРАВЕДЛИВОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ АВСТРИИ, ЛИХТЕНШТЕЙНА И ШВЕЙЦАРИИ

Александр Анатольевич Трефилов

Высшая школа экономики, Москва, Россия, trefilovaa1989@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены философские начала принципа справедливости на основе произведений Вольтера, Руссо, Монтескье, Марата, Мелье и других просветителей XVIII столетия. Проанализировано понятие «справедливость» в немецком языке, для обозначения которого в зависимости от контекста обычно используются три различные лексические единицы: «die Gerechtigkeit», «die Fairness», «die Billigkeit». Обосновано отсутствие какого-либо одного универсального термина, который обозначал бы справедливость во всех трех рассматриваемых правовых системах. Изучены подходы к пониманию справедливости в немецкоязычных толковых словарях, а также высказывания Екатерины II, Готфрида Лейбница, Рудольфа Хагелштанге и других мыслителей и общественных деятелей об этом принципе. Рассмотрена реализация принципа справедливости в современном уголовном судопроизводстве Австрии, Лихтенштейна и Швейцарии на основе Уголовно-процессуальных кодексов данных государств.

Ключевые слова: справедливость, философия эпохи Просвещения, уголовное судопроизводство, принципы уголовного процесса, справедливое судебное разбирательство, право обвиняемого на справедливое судебное разбирательство

Для цитирования: Трефилов А.А. Принцип справедливости в уголовном процессе Австрии, Лихтенштейна и Швейцарии // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 130–139. doi: 10.17223/23088451/20/21

Original article
doi: 10.17223/23088451/20/21

THE PRINCIPLE OF JUSTICE IN THE CRIMINAL PROCEDURE OF AUSTRIA, LIECHTENSTEIN, AND SWITZERLAND

Aleksandr A. Trefilov

Higher School of Economics, Moscow, Russia, trefilovaa1989@gmail.com

Abstract. The category of justice, increasingly used in various sources of criminal procedure law at the international and national levels, reflects the gradual convergence of law and morality, their harmonization. Legal proceeding cannot be fair if it does not comply with the basic categories of ethics. The philosophical basis of the principle of justice in the criminal procedure in Austria, Liechtenstein, Switzerland, and other states of continental Europe is works of 18th-century educators who studied the content of this category, its relationship with related concepts, the relationship of justice and equality of all before the law and the court – the most important modern principles of criminal procedure law. In German, the most common language in Austria, Switzerland, and Liechtenstein, there is no single concept for justice. There are such terms as *die Gerechtigkeit*, *die Fairness*, *die Billigkeit*. Only the last term of the three denotes justice, and it was used by developers of Austria's, Switzerland's, and Liechtenstein's criminal procedure codes. In the legal doctrine of Austria and Switzerland, justice is regarded as a principle of legal proceeding, predetermining all its other elements. Justice also determines the system of rights and obligations of the accused, the victim, and other participants. Each of them has the right to fair treatment by law enforcement agencies. The 1975 Criminal Procedure Code of Austria and the 2007 Criminal Procedure Code of Switzerland enshrine the principle of justice directly as an independent element of the criminal procedure, which reflects the high theorization of these codes, the convergence of doctrine and legislation. The Liechtenstein legislator, on the contrary, considers it unnecessary. Particular attention is paid to compliance with the principle of fairness of the verdict – the final act of justice. If the verdict, even if it corresponds to the law, is unfair, then criminal proceedings as a whole will automatically be unfair, which should entail the cancellation of such a verdict.

Keywords: justice, philosophy of Age of Enlightenment, criminal justice, principles of criminal procedure, fair trial, right of the accused to fair trial

For citation: Trefilov, A.A. (2022) The principle of justice in the criminal procedure of Austria, Liechtenstein, and Switzerland. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 20. pp. 130–139. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/20/21

Принцип справедливости является одним из древнейших в юриспруденции. По словам римского юриста Ульпиана (170–228), «справедливость – это твердая и постоянная воля к тому, чтобы каждому воздать его право». Вспомним и о том, что «*jus est ars boni et aequi*» (право – это искусство добра и *справедливости*), что «соображения *справедливости* не позволяют осуждать кого-либо, не выслушав его дело» (здесь и далее курсив наш. – А.Т.) [1. С. 143], что «всякий раз, когда к тому побуждает *справедливость*, необходимо произвести допрос, в этом нет сомнения» [2. С. 573].

Данный принцип судопроизводства гораздо теснее всех остальных связан с философией, религией, моралью, со всеми сферами общественной жизни. В этой связи его рассмотрение не может быть односторонним и узконаправленным. В целях обеспечения комплексного характера исследования мы последовательно рассмотрим три основных вопроса:

1) философская основа принципа справедливости в трудах просветителей XVIII столетия – совершенно очевидно, что он возник в юриспруденции не на пустом месте, а в наиболее общих чертах был теоретически разработан мыслителями прошлого;

2) слово «справедливость» в немецком языке – при рассмотрении соответствующего правового принципа в германских правовых порядках мы никуда не можем уйти от лексических единиц, с помощью которых он обозначается в законодательстве («*die Gerechtigkeit*», «*die Fairness*», «*die Billigkeit*»);

3) нормативное содержание принципа справедливости в уголовном процессе Австрии, Лихтенштейна и Швейцарии, а также право лица на справедливое судебное разбирательство, его реализацию на различных стадиях судопроизводства.

I. Философская основа принципа справедливости в трудах просветителей XVIII столетия

Жан-Жак Руссо (1712–1775), франкоязычный философ и мыслитель, родившийся и выросший в Женевской республике, рассуждает о том, что некоторым народам органически присущ рассматриваемый принцип: «...чувство *справедливости* у швейцарцев, как и у корсиканцев, заложено в крови» [3. С. 269]. Вместе с тем можно поинтересоваться у мыслителя, а существует ли этносы, у которых оно отсутствует? Пожалуй, у каждого народа религия, мораль, юриспруденция в процессе диалога культур словно конкурируют за то, чтобы считаться наиболее *справедливыми* по сравнению с теми, которые приняты у других народов. Вместе с тем высказывание Руссо в определенной степени объясняет, почему в уголовном процессе Швейцарии принцип *справедливости* рассматривается как самостоятельное начало судопроизводства (ст. 3 УПК 2007 г.) и его содержание даже расширено по сравнению с тем, которое изложено в ст. 6 ЕКПЧ 1950 г.

Руссо в контексте принципа справедливости рассуждает о том, какие социальные ценности (блага) должен защищать адвокат в уголовном судопроизводстве. Он дает совет молодому юристу Луазо де Молео-

ну: «Я предсказал ему, что если он будет строг в выборе своих дел и станет защищать *только справедливость и добродетель*, то его гений, возвышенный этим великим чувством, сравнится с гениями великих ораторов» [4. С. 579]. Таким образом, Руссо советует адвокатам не осуществлять защиту и представительство людей, которые злонамеренно преследуют аморальные или противоправные цели, и помогать только тем, кто действительно руководствуется в своем поведении требованиями общепринятых социальных норм. С одной стороны, мыслитель прав, ибо будет *несправедливостью* защищать *несправедливость*, с другой – право на юридическую помощь имеет каждый, и в случае участия в уголовном судопроизводстве защитника по назначению вполне возможен конфликт нравственных ценностей адвоката (справедливость, добродетель и др.) и его профессиональных обязанностей.

Руссо также рассуждает о справедливости в контексте принципа состязательности. Об этом мыслитель пишет в работе «Эмиль, или О воспитании»: «Раз каждый утверждает, что только он прав, то чтобы выбрать среди стольких сторон, нужно выслушать всех, иначе поступим *несправедливо*» [5. С. 446]. Автор в данном случае полемизирует с античными стоиками, рассуждавшими так: «В случае противоречивого суждения бесполезно выслушивать обе стороны, так как или первый доказал свои слова, или не доказал; если доказал, то все решено и противоположная сторона должна быть осуждена, если не доказал, значит, он не прав и ему нужно отказать в иске». Высказывание Руссо представляется верным и применительно уголовному судопроизводству, ибо, как говорили еще римские юристы, *audiatur et altera pars* (пусть будет выслушана и другая сторона). Таким образом, по мнению данного философа, не может быть справедливым такой уголовный процесс, в котором нет состязательности (как минимум при рассмотрении дела в суде первой инстанции).

Руссо затрагивает вопрос о соотношении таких категорий, как «истина» и «справедливость». Он пишет: «Будем всегда правдивы, к чему бы это не привело. Сама *справедливость* заключается в соответствии с действительностью; обман – всегда *несправедлив*» [6. С. 453]. Таким образом, данные понятия тесно взаимосвязаны между собой. Можно провести аналогию с уголовным процессом: если обстоятельства дела, установленные в приговоре, не соответствуют действительности (истине), то итоговый акт правосудия не может быть справедливым.

Шарль Луи Монтескье (1689–1755), французский философ, неоднократно посещавший Швейцарию, попытался сформулировать определение понятия *справедливость* в контексте присущих ей признаков. Он писал: «*Справедливость* – это соотношение между вещами; оно всегда одно и то же, какое бы существо его не рассматривало» [7. С. 342]. Как мы видим, мыслитель выделяет два аспекта в данном понятии: 1) *справедливость* существует не сама по себе, а всегда представляет собой определенное отношение одного социального явления к другому; 2) она имеет объективный характер, т.е. не зависит от воли, мышления и сознания

познающего субъекта; при такой формулировке справедливость лежит вне времени и не зависит от конкретно-исторических условий; иначе говоря, если я субъективно считаю *справедливым* что-либо объективно *несправедливое*, оно от этого не станет *справедливым* (и, соответственно, наоборот).

По мнению Монтескье, «самая жестокая тирания та, которая выступает под сенью законности, *под флагом справедливости*». Как мы видим, автор, во-первых, противопоставляет естественное и позитивное право; во-вторых, обращает внимание на возможные риски, связанные с попыткой прикрыть неправомерные действия государственных органов и его должностных лиц отсылками к указанному выше абстрактному принципу.

Кроме того, в работах Монтескье можно обнаружить следующий догмат: «Мы не должны быть свободны от ига *справедливости*». Таким образом, мыслитель налагает на людей нравственную обязанность учитывать в своей деятельности основные требования, относящиеся к данной категории, и запрещает от них отклоняться. При этом подобное «иго» (выражение использовано им образно) необходимо самому обществу и оказывает на него благотворное влияние.

Также философ пытается ответить на вопрос, почему люди игнорируют в своем поведении данный принцип. По мнению Монтескье, «люди будут совершать *несправедливости*, потому что они извлекают из этого выгоду и потому что собственное благополучие предпочитают благополучию других». Как мы видим, философ объясняет негативное отклоняющееся поведение в указанной выше форме преимущественно корыстными целями граждан и их личным эгоизмом.

Рассуждая о судьях и иных должностных лицах, Монтескье отмечал: «Государство не может быть *несправедливым*, не имея в своем распоряжении рук, посредством которых эти *несправедливости* могли бы совершаться» [8. С. 446]. По мнению философа, граждане имеют дело с отдельными государственными служащими, а не с государством в целом. Следовательно, от поведения каждого из них зависит, может ли отдельно взятый правопорядок считаться справедливым. Затронутый Монтескье вопрос важен в контексте юридической и политической ответственности должностных лиц за их действия, нарушающие справедливость.

Вольтер (1694–1778), французский философ и просветитель, долгое время живший в Женеве, рассматривал в качестве препятствия на пути к построению справедливой судебной системы торговлю государственными должностями. В повести «Мир, каков он есть» Вольтер пишет: «Купившие право судить несомненно торгуют своими приговорами. Я вижу здесь только бездны *несправедливостей*» [9. С. 446]. При этом «право отправлять правосудие у нас покупается точно так же, как участок земли». В тот период указанное явление во Франции было нередким. Вольтер возражает своему оппоненту, который полагал: «Вы знаете, что наши молодые офицеры дерутся превосходно, хотя они и купили свои должности. Может быть, вы убедитесь, что и наши молодые судьи судят неплохо, хотя они и

заплатили за право судить». Данное негативное явление находит описание также в повести Вольтера «Жанно и Колен». Отец семейства «горько пожалел о том, что мальчика не научили латыни, ибо тогда он купил бы ему важную должность в судебном ведомстве» [10. С. 353]. По мнению данного мыслителя, даже если постановленный приговор формально отвечает требованиям, установленным законом, он тем не менее не будет *справедливым*, если рассматривавший дело судья купил свою должность у чиновника, который его назначил. К этому уместно добавить слова Шарля Луи Монтескье: «Платон не терпел такой продажи. Это то же самое, говорил он, как если бы кого-либо приняли на корабль кормчим или матросом за его деньги».

Жан-Поль Марат (1743–1793), французский революционер, родившийся и выросший в швейцарском кантоне Невшатель, считал, что социальная *несправедливость* является центральной причиной преступности. В 1790 г. уже после начала Великой французской буржуазной революции он, направив на конкурс, объявленный Экономическим обществом Берна, работу «План уголовного законодательства», в которой показал неразрывную связь преступности с условиями жизни общества, состоящего из «презренных рабов и повелевающих господ» [11. С. 20]. По мнению Марата, именно отсутствие у бедняков достаточных средств к существованию и утрата ими веры в *справедливость* являются основной причиной совершения уголовно наказуемых деяний. Таким образом, мыслитель и революционер показывает тесную взаимосвязь преступности и социальных условий, в которых она развивается и неизбежно воспроизводит сама себя.

Жан Мелье (1664–1729), который в «Завещании» повествует о себе как о католическом священнике с атеистическими и коммунистическими убеждениями, эмоционально описывает то, что в течение жизни он наблюдал вокруг себя при исполнении профессиональных обязанностей: «Я видел – и это можно еще и теперь наблюдать на каждом шагу – как множество несчастных людей подвергается без всякой вины и основания преследованиям и *несправедливому* угнетению» [12. С. 71]. Далее мыслитель описывает ужасы французской уголовной юстиции начала XVIII в., особенно аресты и казни людей из-за их свободомыслия и религиозных убеждений. Как мы видим, творчество Жана Мелье, как и практически вся философия эпохи Просвещения, буквально пропитано отвращением: 1) к юстиции, не признающей право на защиту; 2) к нарушению естественных и неотчуждаемых прав человека органами уголовного судопроизводства; 3) к незаконному уголовному преследованию невиновных лиц на основе *религиозных* норм вопреки *правовым* и моральным.

В настоящий период времени принцип справедливости не потерял значения в европейской философской мысли. Далее будет показано, что его содержание достаточно подробно рассматривают авторы авторитетного толкового словаря *Gabler Wirtschaftslexikon*, известной энциклопедии *Enzyklopädie der Wertvorstellungen*. Весьма обстоятельно он проанализирован также в юридическом словаре доктора права, профессора Карла Крайфельдса.

Научные труды этих и других философов подготовили благоприятную почву для становления, развития и нормативного закрепления принципа справедливости в уголовном судопроизводстве, а также оказали заметное влияние на развитие процессуальной науки в XIX столетии и в дальнейший период.

II. Понятие «справедливость» в немецком языке

Разговор о принципе справедливости в германских правовых порядках не будет полным, если обойти стороной само слово «справедливость» в немецком языке. Данной лексической единицей оперируют как юристы, так и философы, поэтому необходим системный подход.

В немецком языке существует несколько слов, которые обозначают это понятие, но наиболее близким к русскому аналогу является «*die Gerechtigkeit*». Данное слово имеет исконно немецкое происхождение, и латинская основа в нем отсутствует. Обозначаемое им понятие многозначно. Согласно электронному словарю *Multitran*, оно имеет следующие основные значения: 1) справедливость; 2) законность; 3) праведность; 4) правосудие; 5) право; 6) привилегия; 7) правда; 8) правосудность; 9) управа; 10) сервитут; 11) Фемида (<https://www.multitran.com>).

Заметим: перевод «справедливость» поставлен на первое место. Как мы видим, «*Gerechtigkeit*» обозначает достаточно широкий перечень категорий, которые можно разделить на две группы: юридические и философские (морально-этические). Само это слово изначально зародилось вне пределов юриспруденции и лишь впоследствии было принято на вооружение правоведов. Как бы то ни было, оно отражает идею тесной связи права и морали, ибо в немецком языке, как и в русском, слово «*Recht*» (право) образовано от «*Gerechtigkeit*» (справедливость). В этой связи даже с филологической (смысловой) точки зрения объективно не может быть *правовым* то, что является *несправедливым*.

Категорию «*Gerechtigkeit*» Уголовно-процессуальные кодексы (УПК) Швейцарии, Австрии и Лихтенштейна не используют. Исключение составляет только образованное от него прилагательное *gerecht* (справедливый), которое можно обнаружить лишь в п. «с» ч. 2 ст. 3 швейцарского УПК: «das Gebot, alle Verfahrensbeteiligten gleich und *gerecht* zu behandeln» (требование, состоящее в том, что со всеми участниками процесса необходимо обращаться, исходя из их равноправия и *справедливости*).

Другое слово, обозначающее в немецком языке справедливость, – «*die Fairness*». Оно представляет собой англицизм и имеет явно выраженное британское происхождение. В немецком языке это слово также многозначно и, согласно электронному словарю *Multitran*, может переводиться следующим образом: 1) безупречное поведение; 2) корректное поведение; 3) порядочность; 4) благородство; 5) корректность; 6) справедливость (<https://www.multitran.com>).

Обращает внимание то, что, во-первых, перевод «справедливость» поставлен на последнее место из перечисленных выше; во-вторых, вместе с тем именно

оно обычно используется в уголовно-процессуальном законодательстве.

УПК Швейцарии и Лихтенштейна не использует данную категорию, однако мы неоднократно встречаем ее в УПК Австрии. Параграф 5 напрямую закрепляет принцип справедливого судебного разбирательства («*Grundsatz des fairen Verfahrens*»). Кроме того, в данном кодексе несколько раз встречается речевой оборот «für die Gewährleistung eines *fairen Verfahrens* erforderlich» («для обеспечения справедливого судебного разбирательства») и близкие к нему выражения (§ 56, 281–345).

Третье слово, обозначающее в немецком языке справедливость, – «*die Billigkeit*». Оно также представляет собой англицизм и имеет в немецком языке широкий перечень значений, которые приводит электронный словарь *Multitran*: 1) дешевизна; 2) примитивность; 3) уместность; 4) справедливость; 5) правомерность. Как мы видим, эти слова мало сочетаются друг с другом по своему смыслу, охватывая экономическую, философскую и в последнем случае юридическую лексику; перевод «справедливость» расположился ближе к концу списка.

«*Die Billigkeit*» – единственный из терминов, обозначающих справедливость, который использован разработчиками всех трех рассматриваемых Уголовно-процессуальных кодексов. УПК Швейцарии в § 404 предусматривает возможность отмены *несправедливых* решений («*unbillige Entscheidungen*»). В силу ст. 419, даже если подсудимый оправдан на него могут быть возложены судебные издержки, если это с учетом всех обстоятельств представляется *справедливым* («*wenn dies nach den gesamten Umständen billig erscheint*»). Например, возложение на оправданное лицо судебных издержек возможно, если оно своими противоправными действиями вызвало начало уголовного судопроизводства (самооговор) или затягивало его ход. УПК Лихтенштейна в § 22с в главе об альтернативах уголовному преследованию предусматривает возможность предоставления подозреваемому отсрочки от уплаты денежной суммы сроком до 6 месяцев, если требовать с него всю сумму одновременно было бы слишком *несправедливо* («*sofern dies den Verdächtigen unbillig hart träfe...*»). Этот же речевой оборот использован также в § 200, 205 УПК Австрии.

Далее посмотрим, какое определение справедливости предлагают немецкие толковые словари:

1. Согласно статье в немецкоязычной Википедии, «понятие справедливость (на греческом – *δίκαιοσύνη*, на латыни – *iustitia*, на английском и французском – *justice*) со времен античной философии обозначает в своей основе человеческую добродетель. Справедливость, согласно этому классическому мнению, является эталоном индивидуального поведения личности. Основное условие для признания поведения человека справедливым заключается в том, что к равному он относится одинаково, а к неравному – дифференцировано. Причем в этом базовом определении остается открытым, каковы критерии равного или неравного отношения к чему-либо. Как мы видим, авторы такого

определения, во-первых, подчеркивают, что справедливость – одна из универсальных человеческих добродетелей, во-вторых, в определенной степени отождествляют ее с равенством (по сути, мы видим *уравнительно-распределительное* понимание справедливости). Также автор статьи в немецкоязычной Википедии подчеркивает оценочность данной категории, которую трудно раз и навсегда определить с помощью какой-либо однозначной дефиниции.

2. Согласно авторитетному толковому словарю *Gabler Wirtschaftslexikon*, «справедливость регулирует отношения людей с другими людьми, поэтому она касается их взаимодействий и всегда содержит момент равенства; центральный вопрос заключается в том, как определяется *ius suum*, то есть *его право*». В данной трактовке справедливость, во-первых, представляет собой универсальный регулятор человеческих отношений (социальная норма), с другой – она тесно связана с общеправовым принципом равенства всех перед законом и судом (возможность двух и более людей одинаковым образом осуществлять субъективные права).

3. Согласно еще одному авторитетному толковому словарю *Enzyklopädie der Wertvorstellungen*, «справедливость – это оптимальное состояние социального взаимодействия, при котором всегда устанавливается справедливый баланс всех интересов, вознаграждений и возможностей. Чувство (осознание) справедливости отдельного человека или группы людей сопровождается определенными нормами и ценностями». Таким образом, авторы данного определения обращают внимание на то, что справедливость отражает определенный социальный *комплаенс* и, во-вторых, представляет собой психологическую эмоцию человека, его чувство (отсюда выражение «чувство несправедливости») и настроение.

4. Согласно толковому юридическому словарю доктора права, профессора Карла Крайфельдса (наиболее известное в Германии издание такого рода), «справедливость в объективном смысле – это идеал совершенного правопорядка в рамках определенной правовой системы», «справедливость в субъективном смысле – это принадлежащее отдельному лицу право, вследствие чего можно говорить об объективной справедливости» [13. С. 496–497]. Такое определение, на первый взгляд, может показаться российскому читателю непривычным. По всей видимости, немецкий ученый имеет в виду, что справедливость, с одной стороны, означает конечную цель, к которой стремится государство при построении своей системы права, а с другой – наиболее полное равноправие граждан, позволяющее говорить о построении справедливого общества, где каждый имеет столько же прав и свобод, сколько и любой другой человек (в последнем случае имеется в виду, скорее, право лица претендовать на справедливость в отношении себя). При этом справедливость в объективном и в субъективном смысле не может существовать друг без друга.

Добавлю, что многие немецкие философы, ученые и общественные деятели обогатили данный язык своими

лаконичными, но меткими высказываниями о справедливости. Коренная немка София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская, более известная как Екатерина II (1729–1796), в «Наказе Уложенной комиссии» утверждала, что «всякое наказание есть *несправедливое*, как скоро оно не надобное»; «судьи и правительства не могут *по справедливости* наложить наказание, законами точно неопределенное». По утверждению Готфрида Лейбница (1646–1716), «справедливость есть не что иное, как милосердие мудрого». По словам писателя Рудольфа Хагелштанге (1912–1984), «даже праведник становится *несправедливым*, когда он превращается в самоуверенного человека». Данные высказывания, несомненно, обогащают речь человека и могут быть использованы им в самых разных жизненных ситуациях (например, в судебном заседании по уголовному делу).

III. Реализация принципа справедливости в уголовном процессе зарубежных стран

По справедливому мнению Л.В. Головки, «в каком-то смысле можно сказать, что речь идет о центральном принципе правосудия. Осознание этого происходит повсеместно – как на международном, так и на национальном уровнях» [14. С. 139]. Можно сказать, что в настоящее время данная тема находится на вершине своей популярности (как говорят, она в тренде). При этом рассматриваемый принцип «с одной стороны, совершенно непонятен, с другой – абсолютно очевиден» [15. С. 304].

Как бы то ни было, в большинстве современных правопорядков начало справедливости, относящееся к судопроизводству в целом, обычно рассматривается сквозь призму по меньшей мере трех институтов уголовно-процессуального права:

1) *принципы уголовного процесса*: справедливость, будучи одним из них, предопределяет их систему в целом;

2) *статус подозреваемого, обвиняемого, подсудимого*: данный участник имеет право требовать справедливого судебного разбирательства в отношении себя, особенно учитывая, что весь уголовный процесс развивается непосредственно вокруг него;

3) *статус потерпевшего*: не может быть справедливым уголовный процесс, не позволяющий данному участнику в полной мере воспользоваться своими правами для защиты собственных законных интересов и получить возмещение за причиненный ему вред.

Кроме того, реализация данного принципа объективно обуславливает повышение доверия общества к суду, а его нарушение – к его снижению.

Если граждане на уровне обывденного правосознания считают правосудие справедливым, то они будут обращаться в компетентные органы за судебной защитой. В обратном случае граждане либо начнут решать свои проблемы самостоятельно, в том числе незаконными средствами, либо проявят бездействие и их нарушенные права не будут восстановлены и надлежащим образом защищены.

Австрия

УПК Австрии 1975 г. в ч. 3 § 5 содержит прямую отсылку к Европейской конвенции по защите прав человека (ЕКПЧ) и основных свобод 1950 г., которая устанавливает принцип справедливости. Согласно ч. 1 ст. 6 ЕКПЧ, каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на *справедливое* и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Австрия ратифицировала данную Конвенцию в 1958 г. (BGBl. № 210/1958), после чего данный акт стал обязательным для всех органов уголовного судопроизводства и УПК был дополнен указанной выше бланкетной нормой (изначально она отсутствовала в Кодексе). Повторять в УПК дословный текст ст. 6 ЕКПЧ австрийский законодатель счел излишним.

В Австрии в качестве составной части принципа справедливости рассматривается запрет провокации преступления. Согласно ч. 3 § 5 УПК, недопустимо побуждать лицо к совершению уголовно наказуемых действий способом, противоречащим *принципу справедливого судебного разбирательства*, или к признанию вины с помощью законспирированных агентов [16. С. 32]. Считается, что правоохранительные органы должны бороться с преступностью, а не воспроизводить ее. Такой подход в полной мере соответствует практике Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), который негативно оценивает факты провокации преступлений с целью искусственного создания доказательств вины лица: Постановление ЕСПЧ по делу «Малинина против Литвы» от 24 июня 2008 года; Постановление ЕСПЧ по делу «Тейксейра де Кастро против Португалии» от 15 июня 1992 г.; Постановление ЕСПЧ по делу «Еремцов и другие против России» от 27.11.2014 и др.

Поскольку п. «а» ч. 3 ст. 6 ЕКПЧ наделяет обвиняемого правом быть незамедлительно и подробно уведомленным *на понятном ему языке* о характере и основании предъявленного ему обвинения и рассматривает это право как элемент справедливого судебного разбирательства, УПК Австрии уделяет большое значение реализации данной нормы. При этом соответствующие положения кодекса содержат прямую отсылку к принципу справедливости уголовного процесса:

1) согласно ч. 1 § 56 УПК, если это необходимо для обеспечения права на защиту *и на справедливое разбирательство*, обвиняемый имеет право на письменный перевод основных документов, который должен быть выполнен в течение установленного срока;

2) согласно ч. 1 § 56 УПК, если выполнение устного перевода на язык обвиняемого не может быть произведено по месту допроса в течение разумного времени, то возможен перевод с использованием технических средств передачи слов и изображений, если для обеспечения *справедливого разбирательства* не требуется личное присутствие переводчика;

3) согласно ч. 5 § 56 УПК, письменный перевод может быть заменен устным переводом или, если обвиня-

емый представлен защитником, устным обобщением, если такой устный перевод или устное обобщение не противоречат *справедливому разбирательству*;

4) согласно § 281 и § 345 УПК, одним из оснований для обжалования приговора является его недействительность, под которой понимается среди прочего его несоответствие *принципу справедливости уголовного судопроизводства* по смыслу ст. 6 ЕКПЧ.

Интересно, что в первом, втором и третьем случае первоначальная редакция УПК Австрии не содержала отсылку к справедливому судебному разбирательству, однако по мере интернационализации и конституционализации уголовного процесса законодатель счел необходимым отразить в соответствующих нормах международные стандарты.

В качестве самостоятельного требования к приговору справедливость в УПК Австрии напрямую не устанавливается. Вместе с тем если ЕКПЧ предусматривает, что все уголовное судопроизводство должно быть справедливым, то вполне логично распространение данного начала и на приговор. Кроме того, в УК Австрии все санкции являются относительно определенными, т.е. предполагают нижний и верхний предел, в связи с чем суд назначает виновному *справедливое* наказание на основе смягчающих и отягчающих вину обстоятельств. Таким образом, необходимо сочетание материально-правовой и процессуально-правовой справедливости, которые дополняют друг друга.

При этом в австрийской уголовно-правовой доктрине в контексте принципа справедливости отмечается следующее положение, заслуживающее внимания российского читателя: «Тяжелейшей задачей суда является назначение меры наказания, потому что не поддается рациональному и доступному обоснованию, какой вид и какая мера наказания будут справедливыми в отдельно взятом случае. Лишение свободы и штраф в большинстве случаев вообще не соизмеримы (*inkommensurabel*) с совершенным лицом деянием... Даже при конструировании санкций уголовно-правовых норм законодателем точная привязка деяний к мерам ответственности за их совершение практически всегда будет иррациональна (*irracionales*)» [16. С. 59]. По сути, автор задает вопрос: какая может быть соразмерность между убийством и определенным количеством лет лишения свободы? На чем основан такой расчет? Где формула, где алгоритм? Почему в Австрии данное преступление наказывается лишением свободы до 10 лет, а, например, не до 12? Справедливо ли с точки зрения интересов всего человечества то, что в разных правовых порядках нижний и верхний предел санкции за совершение убийства различаются? Задача облегчается, если за незаконное лишение свободы суд назначает законное лишение свободы, а за принудительное изъятие денег – денежный штраф. Вместе с тем в отношении большинства преступных деяний, например изнасилования, такая соразмерность была бы невозможна, иначе мы вернемся к ветхозаветному талиону.

Таким образом, по мнению данного ученого, реализация принципа *справедливости* является непростой задачей, за достижение которой одинаково ответствен-

ны и законодатель, и правоприменитель. При этом не будем забывать не потерявшую актуальность мысль И.Ф. Фойницкого (на примере Англии) о том, что хороший уголовный процесс может «подправить» плохое уголовное право, но не наоборот [17. С. 2–4, 26–59].

Лихтенштейн

По сравнению с Австрией и Швейцарией, в УПК Лихтенштейна 1987 г. принцип справедливости разработан наименьшим образом. Хотя данный кодекс по своему содержанию и по своей структуре достаточно близок к австрийскому, в него не перешли раскрытые выше положения о справедливом судебном разбирательстве. Прямая отсылка к ЕКПЧ в нем также отсутствует, однако княжество ратифицировало данную Конвенцию и она имеет юридическую силу на его территории.

Напрямую категория справедливость упоминается в УПК Лихтенштейна только один раз. Согласно ст. 310, «при определении размера гонорара суд не связан определенной суммой, а должен принять во внимание усилия, приложенные представителем, и в дальнейшем – имущественное положение представляемого лица в контексте *со справедливостью*». Таким образом, справедливость рассматривается в качестве ориентира, который суд принимает во внимание при определении размера вознаграждения за оказанные в уголовном судопроизводстве юридические услуги.

УПК Лихтенштейна, как и австрийский кодекс, закрепляет запрет провокации преступлений (§ 2а). Данная норма появилась в кодексе лишь в 2010 г. Однако текст закона не позволяет сделать вывод о том, что она рассматривается законодателем как составная часть содержания принципа справедливости.

В отмененном УПК Лихтенштейна 1913 г. данное положение излагалось более развернуто: «Органам безопасности, а также всем государственным служащим и сотрудникам учреждений под угрозой сурового наказания (*strengster Ahndung*) запрещается действовать с целью получения оснований для подозрения или изобличения подозреваемых таким образом, чтобы они побуждались к совершению, продолжению или окончанию уголовно наказуемого деяния или посредством определенных лиц склонялись к признанию, которое затем должно быть сообщено суду» (§ 9). В новый УПК оно изначально не перешло, однако впоследствии Кодекс был дополнен приведенным выше параграфом 2а.

Предъявляется ли к приговору требование справедливости? Согласно ч. 2 ст. 95 Конституции 1921 г., судьи обосновывают свои решения и приговоры. Аналогичное положение предусматривалось еще в § 37 отмененной Конституции 1862 г. («*Sämmtliche Gerichte haben ihren Entscheidungen und Urtheilen Gründe beizufügen*»). Что касается законности и справедливости приговоров по уголовным делам, то УПК Лихтенштейна напрямую их не упоминает, но в данном правовом порядке, признающем приоритет международного права, они рассматриваются как общеправовые принципы, в том числе с учетом положений ЕКПЧ 1950 г.

(ст. 6 и др.). Логика аналогична той, которой придерживается УПК Австрии.

Швейцария

Сохранившаяся фреска 1583 г. в бывшем здании Верховного суда Швейцарии в городе Викосопрано (немецкоязычный кантон Граубюнден) гласит: «Справедливость – наивысшая из всех добродетелей» («*Gerechtigkeit ist die höchste aller Tugenden*»). Таким образом, принцип справедливого судебного разбирательства укоренился в данном правовом порядке задолго до принятия ЕКПЧ 1950 г.

УПК 2007 г. напрямую закрепляет двуединый принцип, озаглавленный «Уважение человеческого достоинства и требование справедливости» («*Achtung der Menschenwürde und Fairnessgebot*»). Согласно ст. 3 УПК, органы уголовного судопроизводства на всех стадиях процесса уважают достоинство затрагиваемых лиц и обращают внимание, в частности:

- 1) на основные положения веры и религии;
- 2) требование, состоящее в том, что со всеми участниками процесса необходимо обращаться, *исходя из их равноправия и справедливости*, и предоставлять им право на судебные слушания;
- 3) запрет при собирании доказательств применять методы, унижающие человеческое достоинство.

В ранее действовавших кантональных законодательствах принцип уважения человеческого достоинства был закреплен в качестве самостоятельного, в частности, в УПК Санкт-Галлена (мы рассматриваем УПК только немецкоязычных кантонов Швейцарии, коих в общей сложности 21). В данном контексте весьма необычно выглядит ст. 1 данного Кодекса, согласно которой на протяжении всего производства *обвиняемый рассматривается в качестве человека* (сравните с оригиналом: «*Im ganzen Verfahren ist der Beschuldigte als Mensch zu achten*»). Имеется ввиду, что необходимо с уважением относиться к его человеческому достоинству.

Некоторые кантональные процессуальные кодексы закрепляли именно принцип справедливости, не желая его соединять с принципом уважения человеческого достоинства и другими началами уголовного процесса. Согласно ст. 4 УПК Фрибура («*Faires Verfahren*»), производство должно осуществляться *по справедливости*; государственные органы, в частности, следуют таким началам, как:

- а) презумпция невиновности;
- б) запрет повторного уголовного преследования;
- в) свободная оценка доказательств;
- г) требование, состоящее в предоставлении каждому права на заслушивание перед судом (права на судебные слушания);
- д) равенство возможностей сторон;
- е) соразмерность и субсидиарность;
- ж) основные положения веры и религии;
- з) требование ускорения.

Данный подход представляет в компаративном отношении значительный интерес. Фрибургский законодатель предлагает рассматривать большинство основ-

ных положений уголовного процесса в качестве составных элементов принципа справедливости. Вместе с тем он отделяет от него законность, независимость, следственную максиму, имеющие самостоятельное значение наряду с ним.

Добавим и то, что швейцарский принцип уважения человеческого достоинства и требование справедливости по своему содержанию близки к уважению чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ). При этом в рассматриваемом правовом порядке специально не выделяется принцип неприкосновенности личности и охрана прав и свобод человека и гражданина. Необходимость соблюдения данных начал в Швейцарии подразумевается, и законодатель не считал необходимым специально закреплять их.

В Постановлении ЕСПЧ по делу Наит-Лимана против Швейцарии от 15 марта 2018 г. суд указал, что, хотя ЕКПЧ 1950 г. напрямую не говорит о праве на доступ к правосудию, тем не менее, оно входит в содержание права на справедливое судебное разбирательство. Это вполне логично, так как если правоохранительные органы необоснованно откажутся от открытия уголовного судопроизводства, то потерпевший не сможет реализовать свои права и добиться справедливости.

Авторы Цюрихского комментария к УПК Швейцарии обращают внимание на то, что принцип справедливого судебного разбирательства касается не только обвиняемого, но и всех участников уголовного процесса, являющихся частными лицами: заявителя, потерпевшего, жертвы преступления и др. [18. С. 20]. По их мнению, остальные принципы и субъективные права, перечисленные в ст. 6 ЕКПЧ, в той или иной степени непосредственно направлены на реализацию *fair trials*.

Авторы Базельского комментария к УПК Швейцарии утверждают, что гарантии справедливого судебного разбирательства адресуются прежде всего государству. Оно обязано создать такие условия, при которых рассмотрение уголовного дела будет наиболее справедливым [19. С. 35]. При этом, поскольку УПК Швейцарии однозначно запрещает злоупотребление правом (ст. 3 ч. 2 п. «b»), частные лица обязаны по меньшей мере не препятствовать органам уголовного судопроизводства в достижении этой задачи при производстве по делу.

В швейцарской доктрине обращается внимание на тесную связь справедливого судебного разбирательства и разумных сроков судопроизводства. Показательно, что профессор Патрик Гуидон завершает статью с длинным названием «Уголовно-процессуальный кодекс Швейцарии. Основные идеи, новеллы и возможные практические последствия: взгляд из кантона Санкт-Галлен» в журнале *Jusletter* словами немецкого политика Манфреда Роммеля (1928–2013): «*Это суеверие юриста, что справедливости тем больше, чем дольше длится процесс*» [20. С. 8]. Таким образом, Патрик Гуидон обращает внимание на то, что чрезмерная продолжительность уголовного процесса, обусловленная объективными (множество проверочных инстанций) и субъективными (поведение обвиняемого и

других участников процесса) обстоятельствами, скорее препятствует, нежели способствует реализации принципа справедливого судебного разбирательства.

Рассматриваемый принцип очень важен в контексте итогового акта правосудия. С опорой на доктрину и законодательство поставим вопрос: должен ли в Швейцарии приговор быть справедливым? Да, так как, во-первых, справедливость является одним из принципов уголовного судопроизводства (ст. 3 УПК) и, во-вторых, Уголовный кодекс этой страны, в отличие от соседней Германии, не предусматривает абсолютно определенных санкций (в таком случае можно было бы говорить лишь о законности и обоснованности приговора), следовательно, он выносится с учетом смягчающих и отягчающих обстоятельств и назначаемое наказание должно быть соразмерно вине лица. В данном случае справедливость достигается за счет наиболее правильного с этической и юридической точки зрения использования судебного усмотрения с учетом индивидуальных обстоятельств дела.

К сказанному остается добавить, что в Швейцарии принцип справедливости уголовного судопроизводства находит отражение и в массовой (экранной) культуре. Обращает на себя внимание транслируемая в дневное время на федеральном телеканале «SAT 1» передача «*Im Namen der Gerechtigkeit – Wir kämpfen für Sie*» («*Во имя справедливости мы боремся за Вас*»), связанная с постановочным расследованием и рассмотрением уголовного дела. Складывается впечатление, что авторы сценариев в целях повышения доверия граждан к правоохранительным органам стремились убедить телезрителей, что уголовный процесс Швейцарии отвечает требованиям справедливости.

В заключение приведу краткие выводы по теме проведенного исследования:

1) категория «справедливость», все шире используемая в различных источниках уголовно-процессуального права на международном и национальном уровне, отражает постепенное сближение права и морали, их гармонизацию. Судопроизводство не может быть справедливым, если оно не соответствует основным категориям этики;

2) философской основой принципа справедливости в уголовном судопроизводстве Австрии, Лихтенштейна, Швейцарии и других государств континентальной Европы являются труды просветителей XVIII столетия, которые исследовали содержание данной категории, ее соотношение со смежными понятиями, взаимосвязь справедливости и равенства всех перед законом и судом – важнейшими современными принципами уголовно-процессуального права;

3) в немецком языке – наиболее распространенном в Австрии, Швейцарии и Лихтенштейне, отсутствует единое понятие, обозначающее справедливость. Встречаются такие термины, как «*die Gerechtigkeit*», «*die Fairness*», «*die Billigkeit*». Последний из них – единственный из терминов, обозначающих справедливость, который использован разработчиками всех трех рассматриваемых Уголовно-процессуальных кодексов;

4) в правовой доктрине Австрии и Швейцарии справедливость рассматривается как принцип судопроизводства, предопределяющий все его остальные начала. Также он обуславливает систему прав и обязанностей обвиняемого, потерпевшего и других участников. Каждый из них имеет право на справедливое обращение с собой со стороны правоохранительных органов. При этом в УПК Австрии 1975 г. и УПК Швейцарии 2007 г. *принцип справедливости* напрямую закреплён в качестве *самостоятельного начала* уголовного процесса, что отражает высокую

теоретизацию данного Кодекса, сближение доктрины и законодательства. Лихтенштейнский законодатель, напротив, считал это излишним.

В-пятых, в рассмотренных правовых системах особое внимание уделяется соответствию принципу справедливости *приговора* – итогового акта правосудия. Если приговор, пусть и соответствующий закону, будет несправедлив, то тогда автоматически будет несправедливо и уголовное судопроизводство в целом, что должно повлечь за собой отмену такого приговора.

Список источников

1. *Дигесты Юстиниана*. Том VII (полутом 2) / под ред. Л.Л. Кофанова. М. : Статут, 2005. 615 с.
2. *Дигесты Юстиниана*. Том II / под ред. Л.Л. Кофанова. М. : Статут, 2008. 622 с.
3. *Проект Конституции для Корсики* // Жан-Жак Руссо. Трактаты. М. : Наука, 1969. 704 с.
4. *Руссо Ж.-Ж. Исповедь* // Собрание сочинений Жан-Жака Руссо. Т. 3. М. : АСТ, 2018. 382 с.
5. *Эмиль, или О воспитании* // Собрание сочинений Жан-Жака Руссо. Т. 2. М. : Книжный клуб Книгоvek, 2018. 2128 с.
6. *Прогулки одинокого мечтателя* // Жан-Жак Руссо. Избранные сочинения. Т. 3. М. : Просвещение, 1961. 728 с.
7. *Монтескье Ш.Л. Персидские письма* // Французские просветители XVIII века о религии. М., 1960. 315 с.
8. *Монтескье Ш.Л. О духе законов*. М. : RUGRAM, 2018. 800 с.
9. *Вольтер*. Мир, какой он есть // Малое собрание сочинений. СПб. : Азбука, 2019. 608 с.
10. *Вольтер*. Жанно и Колен // Малое собрание сочинений. СПб. : Азбука, 2019. 608 с.
11. *Криминология* : учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. М. : Вольтерс, 2004. 629 с.
12. *Мелье Ж. Завещание* // Французские просветители XVIII века о религии. М., 1960. 485 с.
13. *Creifelds C. Rechtswörterbuch*. München, 2011. 38 S.
14. *Судостроительство и правоохранительные органы* : учебник / под ред. Л.В. Головки. М. : Городец, 2020. 749 с.
15. *Курс уголовного судопроизводства* / под ред. Л.В. Головки. М. : Статут, 2018. 408 с.
16. *Seiler S. Strafprozessrecht*. Wien, 2008. 168 p.
17. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб. : Альфа, 1912. 607 с.
18. *Wohlers W. Art. 3* // Donatsch A., Hansjakob T., Lieber V. Kommentar zur Schweizerischen Strafprozessordnung (StPO). Zürich, 2010. 322 S.
19. *Thommen M. Art. 3* // Niggli M., Heer M., Wiprächtiger H. Schweizerischen Strafprozessordnung. Jugendstrafprozessordnung. Basel, 2010. 198 S.
20. *Guidon P.* Die Schweizerische Strafprozessordnung. Leitgedanken, Neuerungen und mögliche praktische Auswirkungen aus st.gallischer Sicht // Jusletter. 15. September. 2008. 143 S.

References

1. Kofanov, L.L. (ed.) (2005) *Digesty Yustiniana* [The Digest of Justinian]. Vol. VII(2). Moscow: Statut.
2. Kofanov, L.L. (ed.) (2008) *Digesty Yustiniana* [The Digest of Justinian]. Vol. II. Moscow: Statut.
3. Rousseau, J.-J. (1969) *Proekt Konstitutsii dlya Korsiki* [Constitutional Project for Corsica]. In: *Traktaty* [Treatises]. Translated from French. Moscow: Nauka.
4. Rousseau, J.-J. (2018) *Ispoved'* [Confession]. In: *Sobranie sochineniy Zhan-Zhaka Russo* [Collected Works of Jean-Jacques Rousseau]. Translated from French. Vol. 3. Moscow: AST.
5. Rousseau, J.-J. (2018) *Emil', ili o vospitanii* [Emile, or On education]. In: *Sobranie sochineniy Zhan-Zhaka Russo* [Collected Works of Jean-Jacques Rousseau]. Translated from French. Vol. 2. Moscow: Knizhnyy klub Knigovek.
6. Rousseau, J.-J. (1961) *Progulki odinokogo mechtatelya* [The Reveries of the Solitary Walker]. In: *Izbrannye sochineniya* [Selected writings]. Translated from French. Vol. 3. Moscow: Prosveshchenie.
7. Montesquieu, C.L. (1960) *Persidskie pis'ma* [Persian Letters]. In: *Frantsuzskie prosvetiteli XVIII veka o religii* [French Enlighteners of the 18th century about religion]. Translated from French. Moscow: Gospolitizdat.
8. Montesquieu, C.L. (2018) *O dukhe zakonov* [The spirit of the laws]. Translated from French. Moscow: RUGRAM.
9. Voltaire. (2019) *Mir, kakoy on est'* [The world as it is]. In: *Maloe sobranie sochineniy* [Small collected works]. Translated from French. St. Petersburg: Azbuka.
10. Voltaire. (2019) *Zhanno i Kolen* [Jeannot and Colin]. In: *Maloe sobranie sochineniy* [Small collected works]. Translated from French. St. Petersburg: Azbuka.
11. Kuznetsova, N.F. & Lunev, V.V. (eds) (2004) *Kriminologiya: uchebnik* [Criminology: textbook]. Moscow: Vol'ters.
12. Mellier, J. (1960) *Zaveshchanie* [Testament]. Translated from French. In: *Frantsuzskie prosvetiteli XVIII veka o religii* [French Enlighteners of the 18th century about religion]. Moscow: Gospolitizdat.
13. Creifelds, C. (2011) *Rechtswörterbuch*. München.
14. Golovko, L.V. (ed.) (2020) *Sudoustroystvo i pravookhranitel'nye organy: uchebnik* [Judiciary and law enforcement agencies: textbook]. Moscow: Gorodets.
15. Golovko, L.V. (ed.) (2018) *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva* [A course of criminal procedure]. Moscow: Statut.
16. Seiler, S. (2008) *Strafprozessrecht*. Wien.
17. Foynitskiy, I.Ya. (1912) *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva* [A course of criminal procedure]. St. Petersburg: Al'fa.

18. Wolfgang Wohlers. (2010) Art. 3. In: Donatsch, A., Hansjakob, T. & Lieber, V. *Kommentar zur Schweizerischen Strafprozessordnung* (StPO). Zürich.
19. Thommen, M. (2010) Art. 3. In: Niggli, M., Heer, M. & Wiprächtiger, H. *Schweizerischen Strafprozessordnung. Jugendstraftprozessordnung*. Basel.
20. Guidon, P. (2008) Die Schweizerische Strafprozessordnung. Leitgedanken, Neuerungen und mögliche praktische Auswirkungen aus st.gallischer Sicht. *Jusletter*. 15. September.

Информация об авторе:

Трефилов А.А. – кандидат юридических наук, доцент факультета права Высшей школы экономики (Москва, Россия). E-mail: trefilovaa1989@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Trefilov, Cand. Sci. (Law), associate professor, Faculty of Law, Higher School of Economics (Moscow, Russia). E-mail: trefilovaa1989@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.11.2022;
одобрена после рецензирования 30.11.2022; принята к публикации 12.12.2022.*

*The article was submitted 16.11.2022;
approved after reviewing 30.11.2022; accepted for publication 12.12.2022.*

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Рецензия
УДК 343.815+94 (47)

doi: 10.17223/23088451/20/22

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
В 30-е гг. XX в. И ОБЪЕКТИВНОСТЬ ОЦЕНКИ ИХ РЕШЕНИЯ

Станислав Иванович Кузьмин^{1, 2}, Евгения Сергеевна Чуканова³

^{1, 3} Московский областной филиал Московского университета МВД РФ имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

² Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия

^{1, 2} crim.just@mail.ru

³ Evgeniya.rybina@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы, связанные с коллективизацией, с введением паспортного режима в стране; выселение отдельных категорий граждан на Урал, в Сибирь, в республики Средней Азии, репрессии 1937–1938 гг. Обосновывается целесообразность и необходимость принятых решений.

Ключевые слова: индустриализация, коллективизация, необходимость, выселение, категории граждан

Для цитирования: Кузьмин С.И., Чуканова Е.С. Некоторые проблемы государственного строительства в 30-е гг. XX в. и объективность оценки их решения // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 140–146. doi: 10.17223/23088451/20/22

Original article
doi: 10.17223/23088451/20/22

SOME PROBLEMS OF STATE-BUILDING IN THE 1930S AND OBJECTIVENESS OF THE EVALUATION
OF THEIR SOLUTIONS

Stanislav I. Kuzmin^{1, 2}, Evgeniya S. Chukanova³

^{1, 3} Moscow Regional Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

² Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

^{1, 2} crim.just@mail.ru

³ Evgeniya.rybina@mail.ru

Abstract. After the capitulation of fascist Germany in 1945, the surviving fascist generals justified their defeat. Not only Russian frosts were to blame, but also an acute shortage of intelligence information about the USSR. What, or rather who, prevented the intelligence of fascist Germany from getting the maximum information about the future enemy? Here, the defeat of the fifth column and the eviction of the unreliable population from the border areas of Western Ukraine and Western Belarus, as well as from the Baltic Republics, played an important role. Were such measures necessary to increase the country's defense capability? Yes, they were needed. The condemnation of these repressive measures, starting from the Khrushchev era, does not in the least contribute to the search for historical truth and only makes a split in the public consciousness. Imagine that representatives of the ruling classes and members of counter-revolutionary parties and anti-Soviet nationalist organizations, along with their relatives, remained in the territory subsequently occupied by German troops, what would this lead to? The representatives of the previously ruling class and their families, who were taken deep into the territory of the Soviet Union, although they found themselves in difficult conditions at the place of resettlement, did not experience the horrors of war and occupation, and now they are the foundation on which anti-Russian activities are based. Previously, they fought against Soviet power, and now, when it is no longer there, they continue to fight against modern Russia. What thoughts are prompted by the events that took place on the territory of the USSR in the 1930s? The Revolution and the criminal redistribution of state power and property cannot lead to anything good. The division of society into classes, into the rich and the poor, gives rise to the desire to redistribute both property and power in a certain part of the citizens, and this leads to confrontation and civil war. Therefore, the only way that remains is the building of a classless society in the process of the evolutionary development of the state.

Keywords: industrialization, collectivization, necessity, eviction, categories of citizens

For citation: Kuzmin, S.I. & Chukanova, E.S. (2022) Some problems of state-building in the 1930s and objectiveness of the evaluation of their solutions. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 20. pp. 140–146. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/20/22

В начале 1928 г. намечалась ускоренная индустриализация страны и планировалось строительство таких крупнейших промышленных предприятий, как Кузнецкий и Магнитогорский металлургические комбинаты, Горьковский и Московский автозаводы, Волгоградский и Челябинский тракторные заводы, Пермский авиамоторный завод, Сибсельмаш и Уралмаш, Казанский авиационный завод. Всего за несколько лет в СССР ударными темпами было построено более 500 заводов, которые являлись градообразующими предприятиями. Требовалось значительное количество трудовых ресурсов для освоения природных богатств страны и их использования в интересах индустриализации. Само собой возникал вопрос, связанный с продовольственным обеспечением населения растущих городов и вновь возникающих рабочих поселков. Нужно было искать выход из складывающегося положения. Неизбежный отток населения из сельской местности на строящиеся объекты повлек бы за собой снижение объемов производства сельскохозяйственной продукции. Не допустить этого можно было только за счет планового производства. Мелкие производители сельскохозяйственной продукции не могли обеспечить решение этой проблемы. Руководству страны пришлось бы применять весьма жесткие и непопулярные меры против крестьян, как это имело место в начале 1920-х гг. в Тамбовской области, на Украине, в Сибири.

Строительство промышленных объектов в стране требовало наращивания опережающими темпами мощностей металлургической промышленности. Металлургические заводы Урала испытывали растущие потребности в древесине, но по сложившейся практике ее заготовкой занимались в зимний период крестьяне по договорам с лесозаготовительными конторами. После окончания сельскохозяйственных работ крестьяне на своих лошадях и со своим инструментом отправлялись на лесозаготовки. Количество прибывших на эти работы невозможно было регулировать, что порождало немалые проблемы из-за невозможности обеспечить металлургические заводы необходимым количеством древесины [1. Л. 28].

Современные исследователи процесса коллективизации в стране, озабоченные разоблачением и осуждением сталинского режима, преднамеренно «забывают» о том, во имя чего свершалась Октябрьская революция 1917 г. Одной из ее основных задач являлась ликвидация эксплуатации человека человеком, которая недопустима при построении социалистического общества. Новая экономическая политика 1920-х гг., являясь вынужденной мерой в тот период времени, повлекла за собой восстановление собственников в городской и сельской местности, использующих для своего обогащения труд наемных работников, т.е. происходила реставрация капиталистических отношений.

Коллективизация, перевод сельского хозяйства на плановые основы были неотделимы от раскулачивания, т.е. изоляции наиболее экономически активной и политически опасной части сельскохозяйственных производителей от основной массы крестьянства. Сам процесс проведения коллективизации, его этапы и последствия

исследованы в многочисленных научных изданиях советских, современных российских и зарубежных ученых. Нами не ставится задача проведения более углубленного исследования на основании массы новых фактов, связанных с открытием архивных фондов в постсоветский период. Для нас представляет интерес получение ответа на вопрос: нужна ли была коллективизация сельского хозяйства? Да, она была нужна с политической и экономической точек зрения. Во-первых, гасились очаги напряженности, существовавшие вследствие противоречий между бедняками и середняками, с одной стороны, и кулаками – с другой. В прошлое уходила (до современной реставрации) эксплуатация человека человеком среди сельского населения. Это понимали и сами кулаки. Об этом свидетельствует их групповое заявление в докладной записке о выселении кулаков из Украинской ССР: «Все трудные необходимо пережить. Мы высылаемся как действительные кулаки-эксплуататоры, т.е. классовые враги и, находясь насылке, в процессе своей работы мы должны искупить вину перед советской властью, свое прошлое, тогда через некоторое время советская власть примет нас в свои ряды» [2. С. 112]. В этой же записке акцентировалось внимание на том, что положительное отношение к выселению повсеместно, на протяжении всего хода выселения, сопровождалось высокой активностью колхозников, бедняков и частично середняков, направленной на оказание всемерной помощи мероприятиям по очистке села от кулацкого элемента. Выселение кулачества из районов сплошной коллективизации проводилось с 20 марта по 25 апреля и с 10 мая по 15 сентября. Всего в 1930–1931 гг. было перевезено 240 757 семей (1 158 936 человек) [3. С. 774].

Начавшаяся в 1929 г. коллективизация в сельском хозяйстве встретила ожесточенное сопротивление колхозному движению, принявшее форму поджогов и террористических актов против активистов, проводивших партийную линию коллективизации сельского хозяйства. Решать эту проблему оказалось невозможно без принятия мер, способных сломить сопротивление противников данного процесса. В связи с этим возникла не только необходимость проведения массовых арестов, но и такой формы репрессий, как выселение кулаков и тех, кто их поддерживал, в отдаленные районы страны, богатые природными ресурсами, которые предстояло освоить в интересах решения задачи индустриализации страны.

С начала 1930-х гг. в стране принимались меры по ликвидации кулачества. Порядок решения этой задачи определялся приказом ОГПУ № 44/21 «О мероприятиях по ликвидации кулачества как класса» от 2 февраля 1930 г. При этом указывалось на необходимость заручиться поддержкой батрацко-бедняцких и середняцких масс.

Операция по ликвидации кулачества была достаточно продумана, о чем свидетельствует постановка в качестве первоочередной задачи – нанесение удара по активу с целью дезорганизовать и обезвредить все кулачество. Перед органами ставилась задача решительно и немедленно ликвидировать все действующие контр-

революционные казаческо-белогвардейские и бандитские кадры и особенно созданные ими и оформленные контрреволюционные организации, группировки, банды и наиболее злостных, махровых одиночек. Успешное решение этой проблемы позволило приступить к массовому выселению из районов сплошной коллективизации и пограничной полосы богатых кулаков из числа бывших помещиков, полупомещиков, а также церковников и сектантов с их семьями в отдаленные районы СССР: Северный край, Сибирь, Урал и Казахстан. Это обстоятельство имело для них позитивное значение в период Великой Отечественной войны.

Проводившаяся в стране индустриализация повлекла за собой значительный рост городского населения, в том числе в поселках городского типа. Снабжение населения сельскохозяйственной продукцией можно было обеспечить только на плановой основе. Решить эту задачу было под силу за счет развития колхозов и совхозов. В тех социально-политических условиях это был реальный путь, и он доказал свою жизнеспособность во время Великой Отечественной войны и в трудные послевоенные годы. При сохранении прежнего уклада жизни на селе вряд ли было возможно успешно провести индустриализацию и обеспечить население страны продуктами сельского хозяйства в условиях большого оттока жителей сельской местности в города.

Рассматривая проблему коллективизации и ссылки, необходимо осознать, что в тех исторических условиях это была одна из мер, направленных на укрепление и упрочение советской власти. Без использования труда ссыльных и заключенных было бы невозможно поставить на службу всему обществу огромные природные ресурсы отдаленных и неосвоенных районов страны. Не был бы реализован намеченный план индустриализации, а советская промышленность и экономика вряд ли позволили бы одержать победу в войне с фашистской Германией.

Раскулачивание позволило исключить эксплуатацию человека человеком, т.е. то, во имя чего совершалась революция. Человек становился наемным рабочим в интересах всего общества, а не отдельной личности. Не стоит забывать и о том, что среди кулаков было достаточно много бывших помещиков, офицеров белой армии, политических противников советской власти (эсеров, анархистов и др.), участников различных бандформирований и т.п. Нет сомнения в том – и жизнь впоследствии это подтвердила, что, являясь врагами советской власти, во время войны с фашистской Германией они, не будучи выселенными, оказали бы неоценимую услугу немецкому командованию на оккупированных территориях.

В декабре 1932 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов». В первую очередь паспортизации подлежало население Москвы, Ленинграда, Харькова, Киева, Одессы, Минска, Ростова-на-Дону и Владикавказа. Постановлением предусматривалось: «В целях лучшего учета населения городов, рабочих поселков и но-

востроек и разгрузки этих населенных мест от лиц, не связанных с производством и работой в учреждениях или школах и не занятых общественно полезным трудом (за исключением инвалидов и пенсионеров), а также в целях очистки этих населенных мест от укрывающихся кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов». В соответствии с постановлением Совнаркома Союза в нережимных областях паспорта выдавались всем без исключения гражданам, а в режимных местностях паспорта не выдавались уголовному и социально чуждому элементу, которые подлежали немедленному удалению из этих местностей.

Учитывая большое политическое значение установления правительством паспортного режима, а также в целях продолжения исправительно-трудового воздействия и дифференцированного подхода к освобождаемым из лагерей, ОГПУ издало циркуляр № 124 от 19 декабря 1933 г. «О порядке освобождения из исправительно-трудовых лагерей ОГПУ в связи с установлением паспортного режима». Циркуляр запрещал в удостоверениях, выдаваемых освобождающимся из лагерей, указывать на право свободного проживания по всему Союзу. Не выдавались удостоверения на право проживать в Москве и в 100-километровой зоне вокруг нее, в Ленинграде и 100-километровой зоне, в Харькове и 50-километровой зоне. Имеющим семьи в пограничной зоне удостоверения выдавались только осужденным за бытовые и служебные преступления.

Допускалась выдача удостоверений на возможное получение паспорта в режимной зоне, кроме 100-километровой погранзоны, в исключительных случаях для особо отличившихся ударников, на деле доказавших отказ от преступного прошлого, активно принимавших участие в культурной и общественной жизни лагеря, перевыполнявших трудовые задания при условии наличия в режимной зоне родных, занятых общественно полезным трудом и могущих предоставить жилищные условия. В результате паспортизации было проведено массовое выселение неблагонадежного элемента из Москвы и Ленинграда [4. Л. 132].

Индустриализация требовала максимального вовлечения граждан страны в трудовую деятельность, но было немало тех, кто уклонялся от работы на общество и жил за счет нетрудовых доходов. В ходе проведения кампании по борьбе со спекуляцией к 1 ноября 1935 г. по Союзу ССР было изъято 265 720 «социально вредных элементов»; из них рассмотрено тройками УНКВД – 84 903, заключено в исправительно-трудовые лагеря – 65 274, приняты другие меры социальной защиты по отношению к 64 483, переданы в суды Народного комиссариата юстиции и другие органы – 97 920, освобождено – 13 630 человек.

Эта мера положительно сказалась на состоянии преступности в стране. По итогам работы органов правопорядка отмечалось, что по сравнению с 1934 г., в 1935 г. число вооруженных грабежей снизилось на 45%, невооруженных грабежей на 46%, квалифицированных краж на 32%, конокрадства на 55% [5. С. 259].

Принятая Конституция СССР от 5 декабря 1936 г. была рассчитана на построение социалистического

общества, в котором не было места для социально вредного и социально опасного элемента, т.е. лиц, ведущих паразитический и преступный образ жизни, не желающих добровольно вносить свой вклад в строительство социализма, укрепление обороноспособности страны и улучшение материального благосостояния общества. Поэтому уже 1 января 1939 г. в лагерях, не считая колоний, содержалось 279 526 чел., которых следовало приучить к труду [6. С. 65].

В 1937–1938 гг. НКВД провел ряд операций по репрессированию подданных тех стран, которые в этот период являлись враждебными (Германия, Польша, Прибалтийские страны, Румыния, Япония), так называемых харбинцев (бывших служащих Китайской Восточной железной дороги и резмигрантов из Маньчжоу-го), перебежчиков – нарушителей государственной границы СССР, жен изменников Родины, бывших кулаков, бежавших из мест поселения, уголовников и других антисоветских элементов.

Из событий, имевших место в Испании во время гражданской войны, руководство страны пришло к выводу о необходимости ликвидации так называемой пятой колонны в стране, которая сыграла решающую роль в поражении республиканцев. После революции в России прошло всего 20 лет, вполне понятно, что было немало граждан, затаивших обиду на советскую власть. Часть из них входила в состав антисоветских организаций и политических партий. О том, какую опасность они представляли, свидетельствуют события, имеющие место в современных Украине и Белоруссии.

Политбюро ЦК ВКП(б) поставило перед НКВД СССР задачу очистить оборонную промышленность, железнодорожный, водный и воздушный транспорт, электросиловые хозяйства всех промышленных предприятий, газовых и нефтеперегонных заводов, армию и флот от иностранных граждан. О том, что эти меры были необходимы, свидетельствует содержание текста оперативного приказа НКВД СССР № 00435 «Об операции по репрессированию германских подданных, подозреваемых в шпионаже против СССР» от 25 июля 1937 г. В нем говорилось о том, что агентурными и следственными материалами последнего времени доказано, что Германский генеральный штаб и гестапо в широких масштабах организуют шпионскую и диверсионную работу на важнейших и, в первую очередь, оборонных предприятиях промышленности, используя для этой цели осевшие там кадры германских подданных.

Красная армия 17 сентября 1939 г. вступила в Польшу вовсе не под предлогом «помощи братьям украинцам и белорусам» в условиях «распада польского государства», как это утверждается в первом томе Истории сталинского ГУЛАГа на с. 75, а для возвращения в состав СССР территорий, захваченных Польшей в ходе польско-советской войны 1920 г. Восточные области Польши были не оккупированы Красной армией и на законных основаниях возвращены как Белорусской, так и Украинской республикам. В результате на территории этих республик социалистического уклад жизни дополнился капиталистическим укладом, что могло обернуться гражданской войной. Для

предотвращения этого у советского правительства не было иного пути, как проведение коллективизации на этих территориях и нейтрализации противников советской власти, к которым относились помещики, кулаки, промышленники, фабриканты, сотрудники правоохранительных органов, госслужащие, торговцы, уголовные преступники и др.

После восстановления суверенитета СССР на территории отторгнутой Польшей в 1920 г. Западной Белоруссии и Западной Украины возникла проблема, связанная с так называемыми осадниками. Это были военнослужащие поляки, которых польское правительство с начала 1920-х гг. насаждало вдоль границы советской Белоруссии и Украины. Они наделялись землей в количестве до 25 гектаров, получали сельхозинвентарь. Поставленные в хорошие материальные условия, осадники являлись опорой польского правительства и его разведывательных органов. В силу своего имущественного положения они были врагами советской власти, поэтому следовало найти пути их нейтрализации.

На состоявшемся 4 декабря 1939 г. заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение утвердить предложения НКВД СССР о выселении всех проживающих в Западной Белоруссии и Западной Украине осадников вместе с семьями (13 434 семейства) [7. Л. 1–2] на территорию 21 обкрайисполкома [8. Л. 163–165]. Всего было расселено 139 596 осадников.

В условиях надвигающейся войны следовало принимать меры по очищению территорий, воссоединенных с СССР, от противников советской власти. На основании инструкции НКВД/НКГБ от 24 апреля 1941 г. [9. Л. 284–288] ссылке в отдаленные районы СССР на срок от 5 до 8 лет подлежали все совершеннолетние члены семьи лиц, находившихся на нелегальном положении и скрывающихся от органов власти и расстрелянных участников контрреволюционных организаций украинских, белорусских и польских националистов, совместно с ними проживавшие или находившиеся на их иждивении.

В преддверии войны усилилась активность контрреволюционных организаций украинских националистов (ОУН) в западных областях УССР, выразившаяся в вооруженных налетах оуновцев на сельсоветы и колхозы, убийствах сельских активистов. Требовалось принимать решительные меры для снятия напряженности и исключения назревших конфликтов между противниками установления советских порядков и теми, кто выступал за советизацию на Западной Украине.

Для борьбы с бандгруппами отдельные подразделения войск НКВД Украины расквартировывались в наиболее пораженных бандитизмом районах западных областей УССР. Кроме того, НКГБ и НКВД Украины в помощь местным органам направили оперативных работников в эти районы для быстрого выявления, преследования и изъятия участников бандгрупп. Эти меры были предприняты на основании постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 1299-526 сс «Об изъятии контрреволюционных организаций в западных областях УССР» от 14 мая 1941 г. На органы НКГБ и НКВД возлагалась обязанность продолжить изъятие участников контрреволюционных оуновских организаций. При

этом предписывалось арестовывать и направлять в ссылку на поселение в отдаленные районы Советского Союза сроком на 20 лет с конфискацией имущества:

а) членов семей участников контрреволюционных украинских и польских националистических организаций, главы которых перешли на нелегальное положение и скрывались от органов власти;

б) членов семей участников контрреволюционных националистических организаций, главы которых осуждены к высшей мере наказания (ВМН).

В указанном постановлении поручалось НКВД и НКГБ СССР, а также секретарю ЦК Белоруссии П.К. Пономаренко обсудить вопрос о проведении аналогичных мер в Западной Белоруссии.

На территориях вошедших в состав СССР Литовской, Латвийской, Молдавской, Эстонской ССР, а также западных областей УССР и БССР имелось значительное количество бывших членов различных контрреволюционных националистических партий, полицейских, жандармов, помещиков, фабрикантов, крупных чиновников бывшего государственного аппарата и других лиц, ведущих подрывную антисоветскую работу и используемых иностранными разведками в шпионских целях.

Фактически на указанных территориях был установлен прямо противоположный прежнему политический и экономический строй, и граждане Западной Белоруссии, Западной Украины, Молдавии, Литвы, Латвии и Эстонии были обязаны ему подчиняться. Неизбежно возникает вопрос: как должны были поступать власти с теми, кто не подчинялся новому порядку? Нужны были меры, способные не допустить перерастания межклассовых противоречий в этих регионах в гражданскую войну. Наилучшим вариантом решения проблемы являлось переселение отдельных групп граждан на малозаселенные территории СССР. Сделано это было за месяц и даже за неделю до начала Великой Отечественной войны.

Направлению в исправительно-трудовые лагеря на срок от 5 до 8 лет с последующей ссылкой на поселение в отдаленных местностях Советского Союза сроком на 20 лет подлежали следующие категории лиц:

а) активные члены контрреволюционных партий и участники антисоветских националистических белогвардейских организаций;

б) бывшие охранники, жандармы, руководящий состав бывших полицейских и тюремщиков, а также рядовые полицейские и тюремщики, на которых имелись компрометирующие их материалы;

в) бывшие крупные помещики, фабриканты и крупные чиновники бывшего государственного аппарата;

г) бывшие офицеры польской, литовской, латвийской, эстонской и белой армии, на которых имелись компрометирующие материалы;

д) уголовный элемент, продолжающий заниматься преступной деятельностью.

Направлению в ссылку на поселение в отдаленные районы Советского Союза сроком на 20 лет с конфискацией имущества подлежали следующие лица:

а) члены семей указанных в пунктах «а», «б», «в», «г» категорий лиц, совместно с ними проживавшие или находившиеся на их иждивении к моменту ареста;

б) члены семей участников контрреволюционных националистических организаций, главы которых перешли на нелегальное положение и скрывались от органов власти;

в) члены семей участников контрреволюционных националистических организаций, главы которых осуждены к ВМН;

г) лица, прибывшие из Германии в порядке репатриации, а также немцы, записавшиеся на репатриацию в Германию и отказавшиеся выехать, в отношении которых имелись материалы об их антисоветской деятельности и подозрительных связях с иноразведками.

В докладной записке наркома государственной безопасности СССР В.Н. Меркулова И.В. Сталину, В.М. Молотову, Л.П. Берии об окончательных итогах операции по аресту и выселению антисоветского элемента из Литовской, Латвийской и Эстонской ССР от 17 июня 1941 г. указано, что по трем республикам арестовано 14 467 чел. и выселено 25 651 чел.

В том числе по категориям:

а) активных членов контрреволюционных националистических организаций:

– арестовано – 5 420 чел.;

– выселено членов их семей – 11 038 чел.;

б) бывших охранников, жандармов, полицейских тюремщиков:

– арестовано – 1 603 чел.;

– выселено членов их семей – 3 240 чел.;

в) бывших крупных помещиков, фабрикантов и чиновников бывшего госаппарата Литвы, Латвии и Эстонии:

– арестовано – 3 236 чел.;

– выселено членов их семей – 7 124 чел.;

г) бывших офицеров польской, латвийской, литовской, эстонской и белой армии, из служивших в территориальных корпусах и на которых имелись компрометирующие материалы:

– арестовано – 643 чел.;

– выселено членов их семей – 1 649 чел.;

д) членов семей участников контрреволюционных организаций, осужденных к ВМН, выселено членов их семей – 465 чел.;

е) лиц, прибывших из Германии в порядке репатриации, а также немцев, записавшихся на репатриацию и по различным причинам не уехавших в Германию, в отношении которых имелся компрометирующий материал:

– арестовано – 56 чел.;

– выселено – 105 чел.;

ж) беженцев из бывшей Польши, отказавшихся принять советское гражданство:

– арестовано – 337 чел.;

– выселено – 1 330 чел.;

з) уголовного элемента арестовано – 2 162 чел.;

и) проституток, зарегистрированных в бывших полицейских органах Литвы, Латвии и Эстонии, продолжающих заниматься своим ремеслом, выселено – 760 чел.;

ж) бывших офицеров литовской, латвийской и эстонской армий, служивших в территориальных корпусах Красной армии, на которых имелся компрометирующий материал, арестовано – 833 чел., в том числе:

- по Литве – 285 чел.;
- по Латвии – 424 чел.;
- по Эстонии – 124 чел.

В адрес И.В. Сталина, В.М. Молотова и Л.П. Берии заместитель наркома госбезопасности СССР Б.З. Кобулов 13 июня 1941 г. направил докладную записку по изъятию антисоветского элемента в Молдавской ССР, Черновицкой и Измаильской областях УССР. Приведенные в записке сведения по выселению и аресту были неточны, так как в большинстве сельсоветов Молдавской ССР, а также Черновицкой и Измаильской областей отсутствовала телефонно-телеграфная связь. На следующий день, т.е. 14 июня, Б.З. Кобулов доложил уточненные сведения. Всего с этих территорий было выселено 24 360 чел. и арестовано 5 479 чел. По разным причинам из Молдавской ССР не было выселено 667 чел. и не арестовано 516 чел. [10. С. 165–166].

Контингент ссыльнопоселенцев состоял из фабрикантов-заводчиков, помещиков-кулаков, духовенства, крупных торговцев и домовладельцев, жандармов и офицеров, проституток, уголовного элемента и пр. [11. Л. 15–16]. По состоянию на 15 сентября 1941 г. они были высланы из Литовской, Латвийской, Эстонской, Молдавской республик и западных областей УССР и БССР в количестве 8 716 чел. и расселены в семи республиках, краях и областях.

Во второй половине 1930-х гг. в связи с ростом международной напряженности давали о себе знать враждебные действия со стороны Польши, Германии, Прибалтики, Румынии, Японии и ряда других стран. Первоначально были приняты меры по выселению из приграничных местностей «подозрительных» граждан соответствующих национальностей и советских граждан, связанных с иностранцами семейными или иными отношениями. Затем были проведены специальные операции: польская, немецкая, харбинская, финская, литовская, латвийская, эстонская, румынская. Проведение операций было направлено на очищение общества от потенциально опасных кадров «пятой колонны», осуществлявших связь с тайными службами перечисленных стран.

Очищение от потенциальных и реальных шпионов, диверсантов, террористов, лиц иностранного происхождения осуществлялось в НКВД, Красной армии, на железнодорожном и водном транспорте, в гражданском воздушном флоте, на военных заводах, в оборонных

цехах всех других заводов, в электросиловом хозяйстве всех промпредприятий, на газовых и нефтяных заводах, в химической промышленности и т.д., без всякого сомнения, способствовало укреплению обороноспособности страны.

После капитуляции фашистской Германии в 1945 г. уцелевшие фашистские генералы оправдывались в своем поражении. Виноватыми оказались не только русские морозы, но и острая нехватка разведывательной информации об СССР. Что, а точнее кто помешал разведке фашистской Германии получить максимум сведений о будущем противнике? Здесь важную роль сыграли разгром пятой колонны и выселение неблагодарного населения с приграничных территорий Западной Украины и Западной Белоруссии, а также из Прибалтийских республик.

Нужны ли были такие меры для повышения обороноспособности страны? Да, они были нужны. Осуждение этих репрессивных мер, начиная с хрущевских времен, несколько не способствует поиску исторической правды и только вносит раскол в общественное сознание. Если бы представители господствующих классов и участники контрреволюционных партий и антисоветских националистических организаций вместе со своими родственниками остались бы на территории, впоследствии оккупированной немецкими войсками, к чему бы это привело?

Вывезенные вглубь территории Советского Союза представители ранее господствовавшего класса и их семьи хотя и оказались в тяжких условиях по месту расселения, но они не переживали ужасов войны и оккупации и теперь являют собой фундамент, на котором базируется антироссийская деятельность. Раньше они боролись против советской власти, а теперь, когда ее уже нет, продолжают бороться с современной Россией.

На какие же мысли наталкивают события, имевшие место на территории СССР в 1930-х гг.? Революция и криминальный передел государственной власти и собственности ни к чему хорошему привести не могут. Деление общества на классы, на богатых и бедных, у определенной части граждан порождает стремление перераспределить и собственность, и власть, а это приводит к противостоянию и гражданской войне. Поэтому остается единственный путь – построение бесклассового общества в процессе эволюционного развития государства.

Список источников

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 4042. Оп. 3. Д. 52. URL: <https://statearchive.ru/> (дата обращения: 15.09.2022).
2. Докладная записка председателя ГПУ УССР В.А. Балицкого председателю ОГПУ В.Р. Менжинскому, заместителю председателя ОГПУ Г.Г. Ягоде, начальнику СОУ ОГПУ Е.Г. Евдокимову об итогах выселения кулаков из УССР от 12 июля 1931 г. // История сталинского ГУЛАГа. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2004. С. 110–115.
3. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 3, кн. 1: 1930–1931 гг. 861 с.
4. Приказ ОГПУ № 009 от 5 января 1933 г. о проведении операции по очистке г. Москвы от контрреволюционных, уголовных и других элементов // Центральный архив ФСБ РФ. Коллекция. 132 л.
5. Органы и войска МВД России. М.: МВД России, 1996. 464 с.
6. История сталинского ГУЛАГа. Т. 4. М.: РОССПЭН, 2004. 625 с.
7. Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 30. Д. 199. Л. 7.
8. Постановление СНК СССР № 2122 сс «О спецпереселенцах-осадниках» от 29 декабря 1939 г.: на Наркомторг СССР возлагалась обязанность выделить Наркомлесу СССР дополнительно продовольственные и промтоварные фонды на 21 000 семей спецпереселенцев-осадников // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 510. Л. 163–165.

9. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 1. Л. 284–288.
10. Пассат В.И. Трудные страницы истории Молдовы: 1940–1950. М., 1994. С. 165–166.
11. ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 87. Л. 15–16.

References

1. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 4042. List 3. File 52. [Online] Available from: <https://statearchive.ru/> (Accessed: 15.09.2022).
2. Balitskiy, V.A. (2004) Dokladnaya zapiska predsedatelya GPU USSR V.A. Balitskogo predsedatelyu OGPU V.R. Menzhinskomu, zamestitelyu predsedatelya OGPU G.G. Yagode, nachal'niku SOU OGPU E.G. Evdokimovu ob itogakh vyseleniya kulakov iz USSR ot 12 iyulya 1931 g. [Memorandum of V.A. Balitsky, chairman of the GPU of the Ukrainian SSR, to V.R. Menzhinsky, chairman of the OGPU; G.G. Yagoda, deputy chairman of the OGPU; E.G. Evdokimov, head of the SOU OGPU, on the results of the eviction of kulaks from the Ukrainian SSR on July 12, 1931]. In: Vert, N. & Mironenko, S.V. (eds) *Istoriya stalinskogo GULAGa* [History of Stalin's Gulag]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN. pp. 110–115.
3. Berelovich, A. & Danilov, V. (eds) (2003) *Sovetskaya derevnya glazami VchK-OGPU-NKVD* [Soviet village through the eyes of the Cheka-OGPU-NKVD]. Vol. 3, Book 1: 1930–1931. Moscow: ROSSPEN.
4. Central Archive of the Federal Security Service of Russia (TsA FSB RF). Collection. *Order of the OGPU No. 009 of January 5, 1933, on the operation to cleanse Moscow from counter-revolutionary, criminal and other elements*. (In Russian).
5. Vorontsov, V.I. & Golovnev, L.P. (eds) (1996) *Organy i voyska MVD Rossii* [Bodies and troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Moscow: Ministry of Internal Affairs of Russia.
6. Vert, N. & Mironenko, S.V. (eds) (2004) *Istoriya stalinskogo GULAGa* [History of Stalin's Gulag]. Vol. 4. Moscow: ROSSPEN.
7. Archive of the President of the Russian Federation (APRF). Fund 3. List 30. File 199. 7 p.
8. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 1. File 510. Pages 163–165. *Decree of the Council of People's Commissars of the USSR No. 2122 ss "On special settlers-siegemens" of December 29, 1939*. (In Russian).
9. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9401. List 2. File 1. Pages 284–288.
10. Passat, V.I. (1994) *Trudnye stranitsy istorii Moldovy: 1940–1950* [Difficult pages of the history of Moldova: 1940–1950]. Moscow: Terra. pp. 165–166.
11. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9479. List 1. File 87. Pages 15–16.

Информация об авторах:

Кузьмин С.И. – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД РФ имени В.Я. Кикотя (Москва, Россия). E-mail: crim.just@mail.ru

Чуканова Е.С. – заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент (Москва, Россия). E-mail: Evgeniya.rybina@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.I. Kuzmin, Professor, Dr. Sci. (Law), chief researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russia); professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Moscow Regional Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russia). E-mail: crim.just@mail.ru

E.S. Chukanova, Docent, Cand. Sci. (Law), deputy head of the Department of Criminal Law and Criminology, Moscow Regional Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russia). E-mail: Evgeniya.rybina@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.11.2022;
одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 12.12.2022.*

*The article was submitted 10.11.2022;
approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 12.12.2022.*